

Николай Митрофанович Беляев, февраль 1907 г.

ДНЕВНИК
ПОСЛУШНИКА
НИКОЛАЯ БЕЛЯЕВА
(ПРЕПОДОБНОГО
ОПТИНСКОГО СТАРЦА
НИКОНА)

Введенский ставропигиальный мужской
монастырь Оптиная Пустынь

2010

УДК 271.22-283
ББК 86.372
Д54

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

ISBN 978-5-86594-164-4

© Введенский ставропигиальный
мужской монастырь Оптиная
Пустынь, 2010

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

В настоящем издании полный текст Дневника публикуется впервые, — во всех известных нам публикациях сделаны существенные сокращения.

В процессе подготовки рукописи были исследованы все ранее известные машинописные и рукописные варианты Дневника, а также и один из самых первых списков — рукописная тетрадь, находившаяся в частных руках; проведена большая текстологическая работа — сведены воедино все варианты текста и выбраны наиболее точные из них. Незначительные редакторские уточнения приведены в квадратных скобках.

Обращаем внимание читателей на то, что Дневник сопровождается комментариями, которые составлены из воспоминаний Ивана Беляева, брата о. Никона; они помещены в конце книги.

В подстрочных примечаниях приводятся краткие биографические сведения о лицах, упоминаемых в Дневнике; более подробно освещаются исторические события и факты; в ряде случаев дается разъяснение некоторых спорных вопросов церковной и общественной жизни.

Текст записей, сделанных о. Никоном позднее, приводится в подстрочных примечаниях с пометой об авторской принадлежности.

Надеемся, что настоящее издание заинтересует широкий круг читателей и поможет им найти ответы на многие вопросы духовной жизни, возникающие в наше непростое время.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды зимой 1907 года в Оптинский Скит вошли два юноши — братья Николай и Иван Беляевы, приехавшие из Москвы. Они направились за благословением к скитоначальнику старцу Варсонофию, имея желание послужить Господу в иноческом чине.

Один из них, Николай, веселый и жизнерадостный, своей чистой душой, горящей любовью к Богу, сразу привлек к себе внимание скитоначальника. Старец Варсонофий как бы провидел духовными очами, что в этом юноше он найдет себе в будущем достойного преемника.

Действительно, вскоре Николай, будущий иеромонах Никон, стал ближайшим, любимым учеником и сотаинником Старца. А впоследствии, несмотря на свою молодость, иеромонах Никон и сам стал старцем, наставником чад Божиих.

Поступив в Оптину Пустынь, Николай Беляев в течение трех лет (с 1907 по 1910 год) вел, по благословению старца Варсонофия, духовный дневник, который мы и предлагаем нашему читателю. Дневник особенно интересен тем, что, помимо искреннего, живого описания жизни Скита, он приоткрывает нам духовную жизнь великого Оптинского старца Варсонофия, ибо послушник Николай подробно, с любовью, записывал в Дневник все его беседы и наставления.

Дневник показывает, как постепенно происходит духовное возрастание молодого послушника, истинно преданного ученика Старца, и помогает понять, сколь велико значение духовного старческого руководства в деле спасения человека.

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

1907 год

28—29 января

Теперь я в первый раз намереваюсь серьезно и осмысленно говорить. Я как бы только теперь понял всю необходимость, всю святость, все величие этих двух Таинств: покаяния и приобщения Тела и Крови Христовых. Все пророки, апостолы и Сам Христос Спаситель и Его Предтеча — Иоанн Креститель — все они начинали свою проповедь словом: *Покайтесь* ¹.

Тяжело, когда совесть нечиста, когда сознаешь себя виновным. Нам прямо необходимо покаяться, сознаться в своих грехах. Если высказать все, что нас тяготит, то нам становится уже как-то легче. А здесь наше исповедание своих грехов принимает Сам Господь наш Иисус Христос. Он милостив, Он любит нас, Он имеет власть простить нам наши грехи, Он разрешит нас от ужасного бремени греховного, успокоит нашу совесть и подкрепит нас. Вот что нам дает это Таинство — но только в том случае, если мы искренно сознаем себя виновными, искренно каемся в своих грехах и надеемся на Божию милость, ибо Он принимает всякого грешника, самого ужасного, буквально утопающего в грехах, — будь только он смирен сердцем, сознай свою виновность и приди ко Христу с покаянием не показным, а искренним. Вот если мы будем смотреть на покаяние так, то, приступая к нему, мы сможем осознать все величие этого Таинства и потому приготовить себя надлежащим образом.

¹ См.: Мф. 3, 1—2; Мк. 1, 15.

Приготовление к Таинству покаяния должно состоять в самоуглублении, посте и молитве. Для того, чтобы сознать все свое недостоинство пред Богом, увидеть все свои грехи, увидеть всю грязь и низость своей жизни, необходимо углубиться в самого себя и разобратить все свои поступки.

Пост необходим для нас при этом как умерщвление плоти, для того, чтобы оторваться от плоти и всего земного и мыслить о Боге, о Небесном.

Справедлива пословица: «Чем больше ешь, тем больше хочется». Если мы только утолим голод и жажду и займемся делом или станем молиться, нас еда не будет отрывать от нашего занятия. Это я сам на себе испытал. Тогда как-то чувствуется, что сущность жизни не в еде, не в чем-либо земном, а в высшем, духовном мире человека; не в утолении страстей, а в стремлении к Свету, истине, Богу.

Стремление познать истину есть первый признак духовной жизни человека, без этого человек духовно умирает. Если же мы угождаем плоти, то ее потребности растут неимоверно быстро, так что подавляют всякое духовное движение души. Нас не интересуют тогда высшие духовные вопросы, весь наш интерес сосредоточивается исключительно на земном: на удовлетворении страстей и похотей плоти. Жалок тогда человек, хотя очень часто и не сознает этого. Напротив того, человек постящийся, так сказать, отрезвляется, совершенствуется нравственно. Конечно, пост, если не сопровождается молитвой и духовной работой, не имеет почти никакой цены.

Пост не есть цель, а средство, пособие, облегчающее нам молитву и духовное совершенствование. Молитва, если только искренна, имеет великую силу. Сам Иисус Христос о силе молитвы, произносящейся с верою, говорит: *Все, что просите от Отца во имя Мое, даст вам*², и *если с верою скажете горе сей: «иди и ввергнись в море», будет вам*³. Поэтому мы, не будучи в состоянии сделать что-

² Ин. 15, 16.

³ Ср.: Мф. 21, 21.

В рукописи Дневника послушника Николая часть цитат из Священного Писания приведена с указанием источника цитаты, а часть — по памяти, вероятно, по недостатку времени на поиски конкретных мест в Библии. Мы не

либо доброе, должны прибегать к молитве как единственному спасительному средству в нашей немощи.

Знаю по себе: хочу и не могу. Хочу делать добро, а делаю зло ⁴. Я даже не могу отличить белого от черного, зла от добра. Жалкое, ужасное состояние, в котором только и может помочь молитва, молитва покаяния.

Да, я вижу единый исход из моего положения — это покаяние и приобщение Святых Таин. Прежде должен очистить себя покаянием, а затем принять в себя Тело и Кровь Христовы. Великое Таинство — покаяние, но еще больше величия и святости являет приобщение. Здесь я принимаю в себя Самого Иисуса Христа, Его Пречистое Тело, Его Кровь, Его Божество. Я соединяюсь с Ним самым тесным образом. *Ядый Мою Плоть и пий Мой Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем* ⁵, — говорит Сам Спаситель. Всю важность, всю необходимость этого Таинства для нас мы видим из слов Спасителя, что только вкушающий плоти Его живет, а тот, кто не вкушает, не имеет в себе жизни ⁶. Да, велико и необходимо для нас это святое Таинство, но и страшно.

Как я, недостойный и грешный, подойду к Святой Чаше? Ведь я не жизнь, а осуждение найду в ней. Ибо всякий вкушающий недостойно, «суд себе яст и пьет» ⁷. Да, страшно!

Поэтому я должен всю эту неделю, начиная с понедельника, ходить в церковь и дома молиться и, углубившись в себя и сознав свое недостойнство, приступить к Таинству покаяния с искренним желанием исправить и переменить свою жизнь. Затем, все-таки, будучи очищен, я со смирением и уже не с таким страхом приступаю к принятию Тела и Крови Христовой. Это, несомненно, поможет моему желанию стать человеком и, может быть, хоть немного, да откроет глаза.

исправляли те цитаты, в которых церковно-славянский текст местами заменен русским или слегка нарушен порядок слов, сохранив особенности авторского написания, так как подобное цитирование не искажает смысла Священных текстов.

⁴ Ср.: Рим. 7, 15.

⁵ Ин. 6, 56.

⁶ Ср.: Ин. 6, 53.

⁷ Из молитв ко св. Причащению свт. Василия Великого.

Я не имею в себе жизни. Теперь это мне вполне понятно: я ни разу не говел, не исповедовался, не приобщался⁸. Ни разу, это ужасно. Что толку, что я каждый год ходил говеть? Какой смысл в таком говении? Еще в прошлом году я, пожалуй, молился, когда приступал к Чаше, но этого далеко недостаточно.

Помню, как жалко было расстаться с миром, с плотскими наслаждениями, да я и не хотел вовсе с ними расставаться. А это разве покаяние? Нет, тут только одна форма, внешняя сторона. Так не должно быть.

Теперь я решил исправиться, хочу переменить жизнь и, кажется, хочу искренно. Если так, то для меня теперь имеет смысл говеть, ибо я намерен говеть по-настоящему, как следует. Я даже надеюсь, что это послужит основанием к моей дальнейшей жизни и деятельности.

Я хотел еще в Рождественский пост говеть, но прозевал, да тогда мои теперешние мысли едва нарождались. Завтра (впрочем, это будет сегодня) я, если даст Бог, пойду к батюшке. Поговорю, авось разъяснит хоть немного, да как человек уже пожилой и, по-видимому верующий, может быть, даст добрый совет.

29—30 января

Вчера я высказал мысль, что главный признак духовной жизни есть стремление к познанию истины. Мне вдруг подумалось: а может быть, это не так? Я подумал и вижу, что сказал вчера правду.

В древности Сократ, ученейший философ, умирая, сказал: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Да, истина непостижима. В то время как приближаешься к ней, кажется, что удаляешься. По крайней мере, видишь ее все выше и выше над собой. Все слабее и ничтожнее кажется нам наш ум в сравнении с ней. Все это так. Но Сократ жил до Рождества Христова, и ему истина, возвещенная Христом, была неизвестна. Для нас же она открыта. Да, нам указано, где ее искать: она — во Христе Иисусе. Но все-таки она непо-

⁸ По-видимому, он имел в виду осознанное покаянное говение и причастие, поскольку из дальнейших слов преп. Никона видно, что он говел и приступал к Чаше ежегодно.

стижима, мы можем только более или менее приблизиться к ней; она открывается нам по мере того, как мы стремимся к ней, сама же по себе истина никогда не откроется, если человек того не захочет.

И путь к познанию истины труден, очень труден, особенно для меня и всех подобных мне грешников. Путь этот труден, но только сначала, потом он становится более приятным. Этот путь к познанию истины есть добродетель, любовь и жизнь по совести при вере в Бога. Трудно попасть на этот путь, ибо он требует самоотвержения, готовности на все, что бы там ни представилось. Смиранный человек может пойти по этому пути, а гордый не сможет. Вот этот-то путь к познанию истины и есть духовная жизнь человека, и человек, не идущий этим путем, мертв духовно.

У священника не был, потому что была всенощная. Говеть я начал. Был у обедни в Казанском соборе. Очень удобно, обедня там приблизительно в 10 часов. Служат порядочно. Очень хорошо вынимают просфоры. Завтра тоже надо к обедне. Молиться надо, и молиться как можно больше и усерднее.

3 июня

Я несколько раз собирался написать то, что пишу теперь. Именно: когда мы с Ваней⁹ были в Оптиной Пустыни и хотели

⁹ Брат преп. Никона, Иван Митрофанович Беляев (1890—1969). Уже на склоне лет им были написаны воспоминания о брате и о том времени, когда они были послушниками в Скиту Оптиной Пустыни. Вот их начало: «По настойчивой просьбе бывших духовных детей моего покойного брата, преемника великих Оптиных старцев, иеромонаха о. Никона, я решил, с Божией помощью и за молитвы святых Отцов и всех молящихся о мне, написать хотя бы краткие воспоминания о детских и юных годах о. Никона и о событиях в семье нашей, а равно и о прочих обстоятельствах нашей жизни тех лет... Правда, есть события, совершенно как бы выпавшие из моих воспоминаний. Это я обнаруживал не один раз, в частности, в беседах с единственным ныне оставшимся в живых младшим братом моим Митрофаном Митрофановичем, носившим в семье нашей имя „Митра“, так же, как я носил всегда имя „Иванушка“. И поныне в беседах с братом мы друг друга не иначе называем, как этими именами. Так или иначе, но записать есть что, несмотря на пробелы... Будет наиболее целесообразным писать не как самостоятельные записи, а как комментарии к Дневнику.

поступать в число братии^{[1]*}, обстоятельства подошли так, что нам необходимо стало опять возвратиться в семью. Все монахи, которые постарше, советовали пожить еще в миру, а о. Архимандрит¹⁰ прямо не хотел принять. Тогда мы решили ехать домой, но...

Батюшка¹¹ приказал нам зайти к нему проститься. Приходим. Он дал нам общие правила молитвы и жизни, но сначала благословил иконами. Его слово при благословении особенно запомнилось мне: «Благословляю Вас, Николай Митрофанович, на радость родных и знакомых, и на пользу души Вашей». При этом он благословил меня маленькою иконою Божией Матери «Споручница грешных». Не знаю почему, но это я даже решил записать.

Н. Беляев

Сие и попытаемся сделать повнимательнее и поаккуратнее. Записи будут хронологически непоследовательны, а так, как те или иные события отмечались в Дневнике».

* Знаком [] помечены комментарии из воспоминаний Ивана Беляева, расположенные в конце издания, на с. 404.

¹⁰ Архимандрит Ксенофонт (Клюкин, 1845–1914), настоятель Оптиной Пустыни. С 1900 г. — благочинный монастырей Калужской епархии.

¹¹ Старец Варсонофий — преподобный старец Оптинский, схиархимандрит Варсонофий (Плиханков, 1845–1913), в миру был военным в чине полковника. Духовный отец преп. Никона. Поступил в Оптину в 1891 г. по благословению преп. Амвросия. Ученик преп. Анатолия (Зерцалова). В 1912 г. был назначен настоятелем подмосковного Старо-Голутвина монастыря с возведением в сан архимандрита, где и скончался. Причислен к лику местночтимых святых в 1996 г., всероссийских — в 2000 г. См.: Житие Оптинского старца Варсонофия. Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1995.

1908 год. Оптиная Пустынь

... Да будет воля Твоя, Господи, [быть] истинным иноком до конца дней моих.

Когда мы уезжали прошлый год отсюда, Батюшка благословил нас иконами. Об этом я написал еще летом. Теперь я только перепишу, что написано, а снова все подробности писать не буду.

10 января

Прошлый год мы приехали сюда 24 февраля, а из Москвы выехали 23 февраля. Приехали сюда часа в четыре, была суббота. В воскресенье начиналась масленица. Прожили в миру 8 месяцев, причем время от времени мы наведывались в Оптину^[2].

Когда мы были здесь последний раз от 5 декабря до 9 декабря, то выехали из Москвы 4 декабря, в день св. Варвары великомученицы, а возвратились 10 декабря в понедельник. Сразу с вокзала мы отправились в часовню Иверской Божией Матери, оттуда — к владыке Трифону¹², а потом уже домой^[3].

Когда мы были здесь 7 декабря в день святителя Амвросия, в день, когда бывает именинником старец о. Амвросий¹³, Батюшка

¹² Трифон (Туркестанов, 1861—1934), митрополит Дмитровский, викарий Московской епархии. Постриженник Оптиной Пустыни. См.: *Лазарева Н.* Митрополит Трифон (Туркестанов): Биографический очерк. М., МАРТИС, 1997.

¹³ Преподобный Оптинский старец, иеросхимонах Амвросий (Гренков, 1812—1891). Духовный сын старцев Льва и Макария, был духовником братии и богомольцев, приезжавших к нему со всех концов России. Основатель Шамординского монастыря, продолжатель книгоиздательского дела Оптиной Пустыни. Причислен к лику святых в 1988 г. См.: *Агапит (Беловидов), схимархим.* Житие преподобного Амвросия старца Оптинского. Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1999.

решил нас принять. В этот день за обедней Евангелие, Апостол и запричастное пение псалмов говорили об отречении от мира.

«Про вас это говорится», — сказал о. Варсонофий и решил принять. Он нас благословил ехать домой, устраивать свои дела.

Когда все было готово, мы получили благословение владыки Трифона. «Вы восходите на крест, поэтому я даю вам в благословение крестики. Помогай вам Бог», — и благословил нас крестиками.

Затем мы получили благословение и от мамы^{14, [4]}. Она благословила нас иконами Покрова Пресвятой Богородицы. Мы отправились из Москвы 22-го и прибыли в Оптину 23-го декабря, а утром 24-го перебрались в свои кельи. Здесь мы отслужили молебен, окропили кельи святой водой. Таким образом, мы поступили в Скит накануне Рождества Христова.

В прошлом году, когда я начал стремиться к жизни во Христе, я не читал никаких книг, а только Евангелие, которое и читал месяца два, а еще — «Путь ко спасению» епископа Феофана¹⁵.

2-го февраля 1907 г. я первый раз хотел сознательно исповедоваться и причаститься Святых Христовых Таин, что и исполнил. Насколько это было искренно, я не знаю, знаю только, что было такое желание. Таким образом, начало мое было положено в день Сретения Господня. Помогите мне, Господи, довести до конца то, что я начал.

Батюшка, видимо, ко мне расположен, даже очень добр и нежен. Несколько раз он утешал меня своими беседами и наставлениями. Спаси его, Господи. Всего записать нет возможности, да я и не запомнил всего, а отдельные краткие наставления я запомнил.

¹⁴ Вера Лаврентьевна Беляева (1853—1926). Единственная из семьи Беляевых, сохранившая в тридцатые годы веру в Бога (ее муж и их родители также скончались в вере). Приехавший проводить в последний путь свою мать преп. Никон с печалью увидел полное оскудение веры у своих братьев и сестер.

¹⁵ *Святитель Феофан Затворник*. Путь ко спасению: краткий очерк аскетики. Заключительная часть трилогии «Начертание христианского нравоучения».

«Делайте все сами, что можете, старайтесь не пользоваться чужими услугами. В своей келлии ничего съестного не держите, а всегда аккуратно ходите к трапезе, ибо Господь благословляет скудную пищу и делает ее вкусною. Заметьте: бывали случаи, что те монахи и послушники, которые не трапезовали со всеми, а брали пищу к себе, хворали и даже умирали.

К утрени ходите обязательно и всегда до начала, первым старайтесь прийти. Утренняя — одно из самых трудных установлений монастырской жизни, зато и имеет великую силу. Утренняя, по словам древних отцов, важнее обедни. За обедней Иисус Христос приносит нам Себя в жертву, а за утреней мы себя приносим Ему в жертву. Это понуждение, эта борьба с плотью и имеет такое значение.

За пятисотницу держитесь как за столп, в ней великая сила. Почему? Это — тайна, это закон монашеской духовной жизни.

Пейте чай у себя в келлии, к другим не ходите, хотя будут звать, — отказывайтесь. А в келлии у себя чаю пейте по три чашки ^[5]. За трапезой кушайте досыта, но не до пресыщения. Пост и воздержание, необходимые впоследствии, для вас совсем не обязательны».

11 января

Вчера вечером я быстро был оторван от дневника и пошел с Иванушкой к Батюшке. Беседа шла очень долго, с 8 до 11 с половиной часов. Батюшка много говорил хорошего, но где же все упомянуть. Буду опять писать так же кратко и отрывочно.

«Краеугольный камень иноческого жития есть смирение. Смирение и послушание. Можно приобрести различные добродетели, особенно в телесном отношении, но если есть гордость — все пропало. — Подобно тому, как погибают, делаются ничем 500-рублевые кредитные билеты, брошенные в огонь: пока они вне огня, они имеют огромную стоимость, ценность, но лишь только попали в огонь — превращаются в пепел, ничего не стоящий.

Или еще: человек с великими добродетелями, но гордый, подобен огромному кораблю, нагруженному всякими драгоценностями, но не входящему в пристань, а гибнущему среди моря. Так, с одной стороны, велик и гибелен порок — гордость, а с другой — так

спасительно смирение. *На кого воззрю? Только на кроткого и смиренного, трепещущаго словес Моих*¹⁶, — говорит Господь.

Иночество есть великое безбрежное море, исчерпать или переплыть его невозможно. Это не так понятно человеку, [только] вступающему на этот путь, — практика нужна. Перед вами огромная завеса, и она начинается с нижнего уголка чуть-чуть приподниматься. Вся мудрость земная, которая, правда, имеет некоторый смысл и цель, главным образом для доставления удобств в земной плотской жизни, — по сравнению с иночеством есть ничто. Или, лучше сказать, — копейка по сравнению с миллиардом рублей.

Один известный мне человек, высоко образованный, получивший европейское образование, был и в Московском Университете, и в Лондоне, и в Париже. Поступив в монастырь, он пишет своему мирскому другу, товарищу по учению, что он до сих пор ничего не понимал. Так дивно глубок смысл иночества; а назначение инока еще выше. Св. ап. Павел говорит, что в будущей жизни будут различной степени блаженства: *Ина слава Солнцу, и ина слава Луне, и ина слава звездам: звезда бо от звезды разнствует во славе*¹⁷. Этих степеней миллиарды, говоря по человеческому разумению, неисчислимо количество, и инокам принадлежит первая. А схимонахи, конечно, достойно своего звания живущие, будут в числе Серафимов. Вот как велико назначение инока. Поэтому как должны вы благодарить Бога, что Он привел вас сюда, в Скит!

Ни на минуту не подумайте, что вы сами пришли сюда: *Никтоже может прийти ко Мне, аще не Отец пославый Мя привлечет его*¹⁸. От Бога нам дана свобода, а с вашей стороны было лишь свободное произволение. Вы только не противились, когда Он, взяв вас за руку, повел сюда. Господь спасает нас, а не мы спасаемся: Он, Милосердный, спасает нас при нашем на то желании.

Итак, благодарите Бога. Вы сами видите, как много людей погибает в миру, сами поразмыслите теперь, за что Господь оказал вам такую милость, что привел вас сюда, в монастырь, в наш

¹⁶ Ср.: Ис. 66, 2.

¹⁷ 1 Кор. 15, 41.

¹⁸ Ин. 6, 44.

укромный тихий Скит. Да, только при помощи Божией можно проходить этот тесный, скорбный путь.

Вот идет инок своим путем по тропинке, ведущей среди обрывов и скал, идет и приходит к обрыву по острым камням. Подходит к самому краю, и далее нет дороги. Под ногами обрыв, пропасть в две версты, впереди за обрывом скала в версту. Налево, направо, кругом — все скалы и обрывы. Кажется, что более уже нельзя и шагу ступить. Возвращаться назад тоже опасно, да и обвалы уже были после того, как он прошел. Один исход: прыгать на скалу за пропастью на выдающийся на ней камень. Страшно, да и камень, быть может, обрушится — что тогда делать? И вот Господь говорит: «Не бойся, будь тверд. Я помогу». И посылает Ангела Своего. Ангел берет за руку трепещущего инока: „Ну, с Божией помощью“. — „Страшно!..“ — „Не бойся, надейся, верь, что одолеешь препятствие“. Весь трепещущий инок через бездну и, благодарение Богу, невредимо стоит на камне. — „Да, это вовсе не так страшно! Теперь я больше бояться не буду“. И так далее, все ближе и ближе к Престолу Славы Царя Небесного. Вот каков путь инока. И с Божией помощью его проходят многие легко, *ибо это Его благо, и время легко есть*¹⁹.

На первый взгляд кажется, что есть какое-то противоречие: с одной стороны, этот путь исполнения заповедей Господних есть легкий и благой, а с другой — он тесный и прискорбный. Да, он тесен и прискорбен — для тех, кто вступает на него с принуждением, без внутреннего расположения или же из-за каких-то иных целей, кроме спасения души. Для таких он тяжел. А для тех, которые становятся в ряд иноков с чистым желанием и намерением служить Господу Богу *в духе и истине*²⁰, он легок. Правда, бывают скорби, но это — облачка на чистом лучезарном небе.

Вот и Вы, Николай Митрофанович, поживите здесь, если только Господь сподобит Вас такой милости, два-три года, и увидите, какое блаженство — иноческое житие. Вы, может быть, уже заметили, как быстро летит здесь время. Пройдут годы, может быть, десятки лет, а Вам будет казаться, что Вы поступили только вчера.

¹⁹ Ср.: Мф. 11, 30.

²⁰ Ср.: Ин. 4, 23–24.

Я спросил однажды у одного инока, живущего в монастыре 50 лет:

— Долгим ли показалось Вам время, прожитое в монастыре?

— Нет, — отвечал он, — мне кажется, что я здесь 50 дней, а не 50 лет. Да и не 50 дней, а 50 минут.

Да, очень быстро летит время в монастыре... Живите здесь еще. Бог даст, соберемся на беседу, только запомните то, что я говорю вам, и старайтесь жить по-монашески. Никого никогда в свою келлию не пускайте без молитвы; пусть сначала пришедший произнесет молитву, и тогда только впустите его. Выходя и входя в свою келлию, кладите четыре уставных поклона с молитвами, а вообще всегда навывайте молитве Иисусовой. Если кого-либо встречаете из братьев — всегда кланяйтесь первым, у иеромонаха берите благословение. Смиряться, смиряться, смиряться.

Теперь читайте книги, пока нет послушания обыденного, потом некогда будет читать. Хотеться будет почитать, да не будет на то времени, жалеть будете, что мало читали, когда была на то возможность. От чтения книг окрепнет ваше произволение. Евангелие все тайнами повито. Одному оно, положим, открывается на одну сотую сантиметра, другому — на тысячу верст. Одному много, другому мало. И этого малого — одной сотой доли — ему достаточно для жизни. В жизни нашей действуют вера, надежда и любовь²¹. Сии три для нас необходимы. Без них наше спасение невозможно.

В Евангелии обладателем веры является апостол Петр. *Ты еси Христос, Сын Бога Живаго*²², — исповедует он, когда все, за исключением апостолов, считали Христа человеком; но и из апостолов он является представителем веры. Любвию обладает более других апостол и евангелист Иоанн Богослов. Представителем надежды является Иаков. Поэтому-то Христос, когда хотел показать Свою славу, преобразился именно пред этими учениками.

Я вот все стараюсь разъяснить и показать вам, что такое иночество. Краеугольный камень иночества есть смирение, как я уже сказал».

²¹ См.: 1 Кор. 13, 13.

²² Мф. 16, 16.

Между прочим Батюшка рассказал нам здесь про одного монаха, который обладал не только смирением, но и другими добродетелями: терпением и непрестанною молитвою, произносимою в сердце. Один монах, видя огненный столп от крыши трапезы, пришел в трапезу и увидел сего монаха всего в огне, стоящего на коленях и молящегося. Этого монаха, о. Феодота, знает и помнит один скитский монах.

«В Глинской пустыни недавно был рясофорный послушник о. Феодот. Он прежде был солдатом, и за его высокий рост и крепкое телосложение заставили его, когда он поступил в монастырь, носить дрова и воду в кухню. Так он до конца жизни и оставался на этом послушании. Был у всех в презрении, спал где придется, — когда на полу, когда на дровах. Никто не обращал на него внимания. Так он дожил лет до 70-ти.

Однажды о. архимандрит Илиодор, человек доброй жизни, придя от обедни, сел у раскрытого окна в ожидании самовара. Прислонившись к спинке стула, он впал в тонкий сон и видит чудный сад, какой-то неземной. И воздух не такой, и растения, и деревья, и плоды на них не такие, как на земле. Одним словом, сад неизреченной красоты. И вот среди сада о. Илиодор видит о. Феодота.

— Это ты, о. Феодот?

— Я, батюшка.

— Как, ты здесь?

— Да, это мне дано.

— А что это?

— Это рай.

— А можешь ты мне дать этих плодов?

— Могу.

Тут о. Илиодор увидел в раю своего отца и, бросив данные ему плоды, побежал к отцу.

В это время на дворе раздался крик. От этого крика о. Илиодор проснулся, и все исчезло. А на дворе он видит, что за о. Феодотом бежит повар и бьет его палкой по спине. Отец Илиодор остановил истязание о. Феодота, запретив повару бить его. Затем, позвав к себе в келлию о. Феодота, о. Илиодор спросил его, где он был.

— На кухне, — был ответ. — Я не так дрова положил, ну а повар меня и побил; да что? — Мне этого мало, я сам виноват. Да мне и больно не было, я надулся, ну палка и отскакивала от меня, мне и не больно.

— Нет, о. Феодот, скажи мне, где ты сейчас был?

— Да на кухне.

— Встань, о. Феодот, перед образами на колени, и я встану. Я твой духовный отец, скажи мне, где ты сейчас был?

— Ну, если так, то обещаюсь тебе перед Богом, что никому не скажешь этого до моей смерти... — Тот обещался.

— В раю, да и тебя там видел.

Тут о. Илиодор понял, что он видел не простой сон, а действительно сподобился видеть рай.

— А что, о. Феодот, могли бы очутиться при мне те плоды, которые ты мне дал?

— Конечно, но, значит, так судил Бог...

Смирение, терпение и непрестанная умная молитва — вот чем обладал о. Феодот. Это такая молитва, о которой мы и понятия не имеем. Заметьте, что все святые, которые удостоились видеть рай, изображали его как неописуемой и неизреченной красоты сад. Оказалось, что о. Феодот был гораздо выше о. Илиодора, хотя первый был послушник, а последний — архимандрит. Но не то важно, какое исполнять послушание, а то, как его исполнять: со смирением, терпением и молитвой».

Всего не упомяну. Окончил о. Варсонофий тем, что вспомнил своего старца о. Анатолия²³, которого можно было заслушаться, когда он говорил. Батюшка всегда с великим благоговением вспоминает своего Старца-наставника.

²³ Преподобный Оптинский старец иеросхимонах Анатолий (Зерцалов; 1824—1894). В начале монашеской жизни ученик преп. Макария, затем — преп. Амвросия; скитоначальник (с 1874 г.), духовник Шамординской обители, духовный отец преп. Варсонофия — великий делатель умной молитвы. Преп. Амвросий говорил о нем: «Ему такая дана молитва и благодать, какая единому из тысяч дается». Причислен к лику местночтимых святых в 1996 г., всероссийских — в 2000 г. См.: Житие и поучения Оптинского старца Анатолия (Зерцалова). Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1994.

«Слабеть начал я, — сказал наконец Батюшка, — слабеть. Чувствую, что недолго мне осталось жить. Одного прошу у Бога, чтобы встали вы на ноги, окрепли. Ну, помолимся». Он стал молиться о нас обоих, мы тоже молились. Затем он благословил нас, и мы ушли. Великий святой Старец.

Придя в свою келлию, я помолился о том, чтобы Милосердный Господь продлил дни жизни Батюшки о. Варсонофия и нас его наставлениями поставил на ноги и укрепил, как об этом молился и сам Батюшка. Спаси его, Господи, и помилуй! Я первый раз вижу такого человека. Никогда я не слышал таких бесед, как у Батюшки. Помню, прошлый год мы беседовали с Батюшкой, — с каким вниманием и сладостью слушал я тогда Батюшку. В тот день я понял не умом, а сердцем значение и высоту монашества. Я, пожалуй, и не ответил бы на вопрос о том, что же Батюшка сказал о монашестве? Теперь я почти совсем ничего не помню из того, что Батюшка тогда говорил. Но я чувствовал и понимал сердцем, глубоким внутренним сознанием то, что говорил Батюшка, и как-то радостно, хорошо было мне тогда. Да и этот год недавно такая беседа была, что Батюшка сам признался, что он, пожалуй, никогда ни с кем так не беседовал. Если будет возможность, запишу и то, что вспомню из той беседы.

12 января

Сегодня суббота, и писать не могу. Начинаю исполнять послушание. Вчера писал для Батюшки письма, а сегодня получил от о. Архимандрита новое послушание. Переиздается 1-й том сборника писем о. Амвросия, и мне назначается работа по этому делу, а именно писать, вернее сказать, составлять и писать краткое содержание каждой статьи. Послушание изрядное, много отнимает времени. Пока чувствую себя хорошо. Слава Богу, терпящему грехи мои!

13 января

Сегодня ходил к обедне и к вечерне, остальное время читал жизнеописание старца о. Макария²⁴. Вот был человек! Хоть бы не-

²⁴ Преподобный Оптинский старец иеросхимонах Макарий (Иванов; 1788—1860). В 1810 г. поступил в Площанскую Богородицкую пустынь,

много мне, грешному, походить на него. Докончил все жизнеописание, и теперь читать не придется, вероятно, довольно долго. Батюшка благословил завтра, еще жив буду, начинать послушание, а все остальное чтение оставить. Сегодня у меня времени целый час, постараюсь припомнить что-либо из Батюшкиных бесед.

«Послушание паче поста и молитвы, — говорил Батюшка, — не смущайтесь, если придется опаздывать или даже пропускать вовсе церковную службу.

Открывайте все свои помыслы, особенно те, которые долго Вас не будут оставлять.

Постепенно нужно проходить иноческое житие, это наука из наук. Как всякую науку необходимо проходить, изучать под руководством более или менее опытного в сей науке человека, так и здесь необходимо держаться своего старца. Но „единого достоин вопрошати“, ибо может произойти духовное разделение.

Всякий человек начинает учение с азбуки, заучивая постепенно букву за буквой. Вот и Вы подошли к первой букве. Первая буква в азбуке „а“. По-славянски она произносится „азъ“. Что же это значит? „Азъ“ значит „я“, то есть Вам теперь предстоит рассмотреть самого себя, свое собственное „я“. Всмотритесь, и Вы увидите в себе все пороки, страсти, которых вовсе в себе не предполагали. Вы увидите и гордость — мать всех пороков, и уныние, и леность, а там, вглядываясь со вниманием, увидите и осуждение, и гнев, и сребролюбие, и зависть, и злобу. Скажете: да неужели я злой? Вот уж не думал! А злоба есть. А там, глядишь, встанет исполин — блуд... Все пороки, все страсти во мне есть. Господи, какой я грешный! Нет надежды на спасение, я не могу бороться, нет сил.

Но что же я отчаиваюсь? Христос приходил призвать не праведных, но грешных на покаяние²⁵. Господи, немогущ есмь

с 1841 г. — скитоначальник. Под его руководством Оптиной было начато дело книгоиздательства: издано несколько древних святоотеческих рукописей и предприняты новые переводы на русский язык святоотеческих творений. Причислен к лику местночтимых святых в 1996 г., всероссийских — в 2000 г. См.: *Леонид (Кавелин), архимандрит. Житие Оптинского старца Макария. Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1995.*

²⁵ Ср.: Мф. 9, 13; Мк. 2, 17; Лк. 5, 32.

„азъ“, помощи! На Тебя вся надежда, Господи! Я вижу теперь, что я сам по себе ничего не могу. Тут Вы, познав свою немощь, выучив первую букву, обращаетесь за помощью к Богу, переходите ко второй букве „буки“. Это древнеславянское слово, значащее „Бог“. Собственно не „буки“, а „Букъ“. Здесь вы, сознавая свою немощь, будете надеяться на Бога, жить по Божію велению, по заповедям.

Будете падать, спотыкаться, но ничего, не надо терять надежды на Бога. Упали, так не лежите, надо вставать скорее и опять в путь, и так дальше и дальше. Вы больше и больше будете смиряться, видя свою немощь. Вот это вторая буква. Затем идут буквы „веди“, „глаголь“, „добро“. И так, по мере того, как будете преуспевать в богоугодной жизни, Вы будете подходить к третьей букве „веди“, то есть постепенно начнете ведать истину. Ваш разум будет мало-помалу проясняться, очищаться. А затем — „глаголь“, „добро“, то есть *от избытка сердца начнут уста глаголати*²⁶. Так вот, видите, что не все сразу делается, а постепенно»²⁷.

14 января

Сегодня целый день прошел за послушанием: все читал, да писал письма о. Амвросия. Просмотрел 23 страницы, не знаю, хорошо ли? Удивительно, времени совсем не замечаешь. Так распределены здесь все часы, так одно идет за другим, что не успеешь обернуться, как уже к вечерне, к трапезе, на правило и к Батюшке на благословение; а придешь в келлию, еще и пятисотницу надо справлять. Так незаметно и идет день за днем.

Сейчас я прочел все, что написал до сих пор. Батюшкины беседы очень кратки и нескладны вышли у меня. Но смысл везде верен. Невозможно написать все то, что Батюшка говорил: одно позабудешь, а другое, если и припомнишь, не можешь написать всё по глубине и обширности предмета. Ну, да и так хорошо — лучше мало, чем ничего.

²⁶ Мф. 12, 34; Лк. 6, 45.

²⁷ Это краткая выдержка из чудной беседы Батюшки, про которую он сказал, что такой беседы у него еще никогда не было. [Примечание послушника Николая Беляева от 14 января 1910 г.]

15 января

Проспали мы все сегодня. Правду Батюшка говорил, что если лег хоть на минуту после того, как прозвонил будильник, — обязательно проспал. «Это бесы нам говорят, чтобы мы еще полежали самую чуточку; как ляжем — моментально засыпаем». Вот мы сегодня и проспали на целый час. И удивительно, что обыкновенно в положенные для сна часы я во сне ничего не вижу. А сколько дурри мне приснилось в этот час! Уж сколько раз, — и в Москве, и здесь, я решал тотчас же вставать, а все-таки нет-нет да и ляжешь.

Опять сегодня исполнял послушание для Батюшки. Надо было кое-что переписать.

Здесь я стал гораздо больше бояться всего — и бесов, которых прежде нисколько не боялся, а года полтора назад, не знаю, верили в их существование. Вероятно, верил, только очень хладнокровно. В своей кельи я, кажется, ничего не боюсь, но стоит только выйти из кельи, даже с огнем, охватывает меня страх. Прежде я любил побыть наедине в темноте, помечтать, отдохнуть, а теперь боюсь. Правда, со мною были уже не раз бесовские искушения. Не мог я их себе даже отчасти представить, а что будет впереди, то одному Богу известно. Слава Богу за все.

Надо записать, что Батюшка говорил о Евангелии и вере.

«Без веры во что-либо нельзя ничего сделать. Посмотрите, почему какой-либо человек, ну хоть ваш брат, желает стать врачом? Потому что он верит в медицину. Каждый из ученых верит в свою науку. И так везде, во всем. Точно так же для христианской жизни необходимо верить в Бога, Христа, Евангелие.

Мы не можем верить, говорят иные, нет на то доказательств; иное дело наука, там все доказано. Хорошо, но прежде чем отвергать что-либо, надо исследовать предмет, испытать. Наша вера зиждется на Евангелии, — вот и испытайте, что это за учение. Св. Иоанн Богослов прямо говорит, что надо *испытывать дух*²⁸. Но надо испытывать на практике. Пожить надо по Евангельскому учению и узнать на деле, правда ли, что *блажени нищии духом, блажени кротцыи*²⁹ и т. д. Если Вы не испытали этого, то не можете и опровер-

²⁸ Ср.: 1 Ин. 4, 1.

²⁹ Ср.: Мф. 5, 3, 5.

гать, не можете утверждать, что Евангелие — ерунда. А многие так говорят. Но на Страшном Суде сих людей спросят: „Что, читали ли вы Евангелие?“ И получится обязательно три ответа: первый — „нет“, второй — „кое-как“, и третий — „да, читали конечно, только не поняли“. Да, обязательно получатся эти три ответа».

Лампа гаснет, не могу больше писать.

16 января

Писать не могу, вся скитская братия ходила в монастырь на бдение. Завтра память преп. Антония Великого. Также и память игумена о. Антония³⁰.

Особенного ничего не было в этот день.

17 января

Была обедня. В субботу храмовый праздник преп. Макария Египетского³¹. Ходил в монастырь по послушанию, и оказалось, что моя работа нисколько не нужна. Письмоводитель о. Ераст³² не так понял дело. Надо только составить заглавия и переписать их в книгу. Причем очень много заглавий уже есть, надо только их короче выразить — цель исключительно практическая.

³⁰ Преподобный Оптинский старец схиигумен Антоний (Путилов; 1795—1865), младший брат преп. Моисея. Начало подвигов полагал в Рославльских лесах, затем вместе с братом по приглашению митрополита Филарета (Амфитеатрова) перешел в Оптину Пустынь для строительства там Скита, начальником которого и был назначен в 1825 г. В 1834—1853 гг. — настоятель Малоярославецкого Николаевского монастыря, откуда был уволен на покой в Оптину Пустынь. Причислен к лику местночтимых святых в 1996 г., всероссийских — в 2000 г. См.: Жизнеописание игумена Антония. Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1992.

³¹ Скитский храм св. Иоанна Предтечи имел придел, освященный в честь преп. Макария Египетского.

³² Монах Ераст (Вытропский, в мантии Еразм, 1826—1913). Проходил послушание письмоводителя и, как сказано в Летописи Скита, «...своим знанием гражданских законов оказывал обители большую услугу». Отцу Ерасту принадлежит пространное «Историческое описание Оптиной Пустыни» (1902) и краткая «История Оптиной Пустыни» (1906). Был одним из главных официальных историков и агиографов Оптиной Пустыни конца XIX — начала XX в.

15 января я очень сразу оборвал дневник — керосина не было. Продолжу еще немного самый конец.

«На первый ответ можно прямо сказать, что они сами виноваты, никто не запрещал читать, напротив, просили даже читать, теперь самих себя вините. На второй ответ почти то же можно ответить. Вот третий ответ более интересен. Эти как бы даже заслуживают извинения. Не могли понять Евангелия, то есть поверить. Но эти также безответны: вам был дан ключ разумения — испытывайте дух. Почему вы не хотели испытать? Значит, сами и виноваты. Таким образом, и эти безответны».

Что значит «испытать», я уже написал 15 января. И сегодня много писать некогда. Время летит.

19 января, утром

Вчера вечером забыл написать, была всенощная, немного устал и забыл. Начал переработку своего послушания.

Батюшка очень слаб, сегодня обедню, мне думается, еле дослужил, по лицу видно, да и ходил так, что того и гляди упадет. На общий сладкий чай уже не пошел.

Еще напишу, еще жив буду, вечером: скоро к трапезе, да и печка топится, некогда.

Вечером

Сегодня всенощное бдение, я и позабыл, что завтра воскресенье. Уже одиннадцать часов; с полчаса седьмого в церкви, четыре часа на ногах — и не устаю, только у меня очень живот распирает от постной пищи, а от стояния еще больше. Это все так отягощает стояние.

Батюшки не было и обоих его келейников тоже; уж не заболел ли? Ведь и за трапезой не был. Да будет воля Господня! Прочел 85 страниц жизнеописания старца о. Льва³³. Мне очень понравилось. Если Бог даст, дочитаю книгу.

³³ Преподобный Оптинский старец иеросхимонах Лев (Наголкин; 1768—1841). Основатель старчества в Оптиной Пустыни. Его духовными наставниками были иером. Василий (Кишкин) и схимонах Феодор Молдавский — ученики преп. Паисия (Величковского). В Оптиной Пустыни с 1829 г.; был ду-

20 января

Батюшка болен, но стало уже немного лучше, а то он не мог без помощи двигаться. Что Бог даст завтра? А то мне нет-нет да и вспомнятся его слова, что ему жить недолго.

Я припоминал его наставления и вспомнил, что он говорил.

«Если плохо живешь, то тебя никто и не трогает, а если начинаешь жить хорошо, — сразу скорби, искушения и оскорбления», — этим он хотел мне сказать, что необходимо переносить смиренно оскорбления, наносимые другими, и вообще скорби.

«Монахи, вообще вся наша братия, тоже люди, а раз люди, то есть обязательно свои страсти, пороки: один — гордый, другой — злой, третий — блудник, и так далее. Все эти люди пришли сюда, в больницу, лечиться, кто от чего, — и вылечиваются с помощью Божией. Я это говорю потому, что Вы будете видеть пороки братии, но надо стараться не осуждать — это у нас девиз. Все люди немощны, у всех есть страсти; мы же должны прощать».

Потом я припоминаю, что Батюшка говорил о современных людях, как они смотрят на все поверхностно:

— Голод в такой-то губернии.

— Отчего это голод? — спрашивают одни, другие отвечают:

— Очень понятно: весна была холодная, потом началась засуха.

— Да, да, верно.

— А кроме того, в нескольких местах были поджоги, много хлеба пожгли.

— Ну вот, теперь совсем ясно, отчего голод. Конечно, так!

Так, да не так. Отчего же все это случилось, отчего произошли все эти обстоятельства? Просто так? Нет! Просто так ничто не делается. Это — наказание Божие за грехи, дабы образумились, покаяться люди во грехах своих. А теперь ведь, пожалуй, засмеют за такие слова. Правда, есть люди, которые так думают,

ховником обители и многочисленных богомольцев, в особенности простонародья. Причислен к лику местночтимых святых в 1996 г., всероссийских — в 2000 г. См.: Житие Оптинского старца иеромонаха Леониды, в схиме Льва. Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1994.

а есть и такие, которые смеяться будут над этим. Эти люди подобны сидящим перед часами и рассуждающим так. Один говорит:

— Что такое часы?

— Да вот видишь стрелку?

— Да, ну что же, что вижу?

— Ну вот: стрелка вертится, как день пройдет, она обойдет два раза кругом.

— Что же из этого?

— Как что же? Есть маятник, он качается по закону тяготения к земле, и часы идут, стрелка вертится.

— Какая же цель?

— Ну вот, какая цель!.. Я думаю, всем понятно, что часы должны ходить, если будет качаться маятник. Все понятно!

И его никогда не убедишь, что есть разумная цель часов, а именно определение времени для того, чтобы знать, который час, или сколько времени прошло от известного часа. Вот так и эти люди рассуждают, смотря только на внешность».

Пока будет. Надо еще пятисотницу справить.

21 января

Батюшка все еще болен. Говорят, ему днем стало опять хуже. Я ходил в монастырь по послушанию и видел, как от Батюшки выходил фельдшер из монастырской больницы. Братию благословлял Батюшка заочно. У него сейчас, говорят, сидит о. Феодосий, иеромонах из монастыря. Что Господь даст дальше?

А как без Старца тяжело, не знаешь, делать или нет то или другое. В погибель ведет своя воля: все святые Отцы так говорят. Без благословения как-то не хочется ничего делать, не хочется приступать к какому-либо делу. Путь послушания самый верный и самый скорый.

Я замечаю, что если в чем-либо не слушаешься Старца, желая сделать лучше, или по лености, то выходит хуже и самому труднее. Вот хоть насчет вставания. Трудно и неприятно только одну минуту. Да мне теперь вовсе и не трудно вставать с тех пор, как я стал делать по приказанию Батюшки. По-видимому, так всегда и во всем.

22 января

Мне приходила мысль в голову: а что если бы Батюшка позвал меня к себе побеседовать, когда он болен? И действительно, Батюшка меня позвал сегодня к себе на утренний чай, в 7, а ушел я от него часов в 10. Причину сего Батюшка сказал мне после беседы: «Я Вас для того позвал, что я как-то приуныл. Хотел позвать о. Кукшу³⁴, да он, вероятно, еще спит. Я Вас и позвал».

Очевидно, что Батюшка ко мне расположен, если позвал для такой цели, хотя я этого не стою. Мне думается, что Батюшка по своей доброте ложного обо мне мнения, потому и расположен так, или, может быть, Батюшка видит мою слабость и хочет поддержать меня, ободрить своими беседами. Попробую передать то, что запомнил из беседы.

Кажется, Батюшка начал с того, что спросил, как мое послушание, и затем сказал: «Вероятно, было у Вас или у Ваших родных, или даже у предков какое-либо доброе дело по отношению к св. Иоанну Крестителю, если он принял Вас сюда к себе. Не помните?» Я отвечаю, что нет.

«А со мною вот что было. В Казани я как-то раз захотел говеть Великим Постом и весь Пост пропустил, осталось только три дня. Ну, хоть три дня, да поговорить. Иду и думаю: где же поговорить? У полкового священника мне не хотелось. Где же? И вот смотрю — монастырь, бедный, грязный, наполовину развалившийся. Послушники какие-то отчаянные. Зайду.

- Это какой монастырь?
- Ивановский. Во имя Иоанна Крестителя.
- Хорошо, можно здесь исповедаться?
- Пожалуйста.

Так я там и говел. А потом стал туда часто и к службе ходить. Стою иной раз, а помысл мне и говорит: «Смотри, какая бедная, грязная лампадка. Купи новую, получше». Купил я, и приятно было как-то мне смотреть на нее. Потом устроил кивот на большую икону. И так я полюбил все в монастыре. Воистину: *где будет со-*

³⁴ Монах Кукша, впоследствии иеромонах († 1923). В Скит поступил в 1885 г., а начало полагал в Глинской пустыни, еще мальчиком. Нес послушания портного, уставщика и клиросное.

*кровище ваше, там будет и сердце ваше*³⁵. А сколько радости испытывал я после исповеди и приобщения Св. Христовых Таин! Вот за какие пустяки св. Иоанн Креститель сподобил меня принять в свой Скит.

Когда я зашел в Казани в тот монастырь в первый раз, я спросил между прочим:

— Кто здесь настоятель?

— Игумен Варсонофий.

Только потом я увидел, что это значило: я в этом бедном, грязном, запущенном монастыре увидел образ своего душевного внутреннего состояния.

Через много лет, когда я принял управление Скитом, меня спросили: „Как Вы будете содержать Скит?“ Я отвечал, что и не думаю об этом и не дерзаю, — хозяин не я, я только приказчик Иоанна Крестителя. И вот, слава Богу, уже два года содержится при мне Скит, недостатка никакого нет».

Потом коснулись немного науки и настоящего времени. Батюшка говорил, что наука не только не препятствует, а даже способствует духовному, религиозному развитию.

«Об этом говорят таким же образом свт. Василий Великий, св. апостол Павел и другие. Наукой злоупотребляют, это правда. Но возьмите брак, — это Таинство. Если брак совершен в церкви и если он честен, то плохого ничего нет. Свт. Николай Чудотворец, свт. Василий Великий были плодом таких честных браков хороших честных людей. А можно обольстить и растлить девицу, что теперь очень часто бывает. Теперь это бывает часто. Сначала развратят ум новыми учениями Маркса, нигилизма и тому подобными, а потом и сердце, и нравственность. Злоупотреблять всем можно.

Раздражение и осуждение — это такие страсти, с которыми приходится бороться всю жизнь. Когда я поступил сюда при о. Анатолии, я ему говорил, что хотелось бы мне жить поединеннее.

— В затворе?

— Да, — отвечаю я.

— Что же, и в баню ходить не будете?

— Конечно.

³⁵ Мф. 6, 21.

— Да, вот я про то-то и говорю, что в баню ходить не будете.

— Вы, Батюшка, — говорю я, — что-то под „баней“ разумеете иное?

— Да, пустыня, затвор не очищают нас. Я в пустыне со своими страстями могу жить и не грешить по видимому. Нам нельзя там познать всю немощь свою, свои пороки, раздражение, осуждение, злобу и др. А здесь нас чистят; как начнут «шпиговать», только держись, — мы и будем познавать свои немощи и смиряться. Здесь без Вашей просьбы начнут Вас чистить. Когда только поступаешь, все кажутся ангелами, а потом начнешь видеть пороки, и чем дальше, тем больше; с этим надо бороться.

Духа надо держаться. Дух животворит, буква умерщвляет³⁶. Если видеть в монашестве одну форму, то жить не только тяжело, но ужасно. Держитесь духа. Смотрите, в семинариях духовных и академиях какое неверие, нигилизм, мертвечина, а все потому, что только одна зубрежка, без чувства и смысла. Революция в России произошла из семинарии. Семинаристу странно, непонятно пойти в церковь одному, стать в сторонке, поплакать, умилиться, — ему это дико. С гимназистом такая вещь возможна, но не с семинаристом. Буква убивает».

Я просил одеться в послушническую одежду. Батюшка согласен, но надо по договору внести в монастырь 500 рублей. Написал домой письмо, просил денег. Ведь скоро 2-е февраля, а этот день для нас знаменателен.

«Вообще постарайтесь еще при моей жизни утвердиться здесь. А то, что будет после меня, неизвестно. Я молю Бога, чтобы мне протянуть еще полгода или год, чтобы Вас укрепить». Мы помолились. Батюшка меня благословил.

Меня иногда смущали мысли, что монашество уклонилось от своего идеала. Я это высказал. «Да, да, уклонилось. Однако диаволу и это не очень нравится, коли он так восстает против современного монашества. Этим монашеством держится весь мир. Когда монашества не будет, то настанет Страшный Суд», — здесь Батюшка привел какой-то текст в подтверждение своих слов, но я забыл его.

³⁶ См.: 2 Кор. 3, 6.

Затем Батюшка дал мне три просфоры: мне, Иванушке и брату Ивану³⁷. «Мир Вам», — и отпустил меня.

23 января

Сегодня после утрени в 7 часов утра был общий молебен о здравии братии всего Скита, и особенно о болящих. Удивительно много сразу заболело, начиная с Батюшки и кончая послушниками. Что это значит? Вероятно, наказание Божие для нашего вразумления. Батюшка еще братию на благословение не принимает. Так особенного ничего не было.

Вот я хотел записать: трапеза была вкусная. Такая простая пища, как пустые щи с постным маслом и гречневая каша, кажется вкуснее всякой пищи, которую я ел в Москве дома. Я помню, прошлый год на Пасху, когда мы уезжали отсюда, мне думалось: «Вот какими вкусными мне покажутся куличи да пасхи». И что же? Здешний творог со сметаной, солью и черным хлебом я ем с большим удовольствием. Я сам даже удивляюсь. Здешняя сравнительно скудная пища вкуснее гораздо московской, домашней. Это, на мой взгляд, прямо Господь услаждает здесь пищу. Пока пища меня нисколько не тяготит, а даже напротив, хотя и распирает живот после вечерней трапезы. Слава Богу за все.

О, если бы я мог действительно сказать это искренно, почувствованно, от всего сердца!

24 января

Сегодня всенощное бдение, завтра память свт. Григория Богослова и празднование иконе Божией Матери «Утоли моя печали». За бдением сразу было заметно, что многих не было. Удивительно, что у всех различные болезни. У меня начал болеть живот, да прошел очень скоро. Покамест Господь терпит мои грехи.

Особенного за этот день ничего не было.

³⁷ Иван Галанов, живший в одном корпусе с братьями Николаем и Иваном Беляевыми. Через несколько лет, будучи рясофорным иноком, умер от туберкулеза.

25 января

Завтра день Ангела о. Архимандрита. Поэтому сегодня бдение. За бдением такое искушение было, что все, вернее, почти все смеялись. Очень чудно читал о. Никита Иванович ^[6]. Одно время я весь трясся от смеха; хотя и крестился, и творил молитву Иисусову, не мог унять. А в сущности, ничего смешного нет, ведь не смеялся же я, когда вчера он читал. Я очень соскучился по Батюшке. Хоть одно благословение принять — и то много значит. Теперь я сам вижу, что без старца очень трудно жить.

26 января

Сегодня бдение воскресное. Я пел, хотя петь у Батюшки не брал благословения, и потому вначале было неприятно. Я сказал регенту о. Арсению ^[7] об этом, он меня успокоил.

С послушанием относительно писем о. Амвросия я покончил, быть может, надо будет еще кое-что проверить, но это пустяки.

Ходил к Батюшке, но он меня не принял.

27 января

Получил повестку о присылке мне и Иванушке денег, 600 рублей. Если Бог даст, завтра их получу и распоряжусь, как должно, с благословения Батюшки. Батюшка все еще не принимает. Я даже как-то приуныл, сомнения начинают бороться, при Батюшке ментально бы их разогнал, — но да будет воля Господня.

Я сегодня как-то очень ясно почувствовал, что действительно Бог меня привел сюда в Скит, а не я сам пришел сюда. Мне даже показалось, что у меня и произволения не было на то.

Приходят к нам нищие, не знаю, как с ними быть? Не давать? Не могу прогнать, а давать — так скоро нечего будет давать, ибо денег немного у нас. Не люблю я присутствия денег, хотя особенно ими и не тягочусь. Да будет воля Господня. Надо покоряться.

28 января

Получил деньги. 500 рублей отдал о. Архимандриту за себя и за Иванушку, а 100 рублей в Скит, тоже за нас обоих. Отдал, и слава Богу.

Сегодня два раза был у Батюшки: утром и в два с половиной часа — оба раза по делу, для духовной беседы он еще очень слаб. Батюшка просил помолиться за него, да воздвигнет его Господь от одра болезни.

Первый раз я был по делу послушания, по изданию писем о. Амвросия. Я сдал работу о. Ерасту^[8], а он опять что-то не так задумал. Я не за то беспокоюсь, что моя работа пропадет даром или почти даром, а что успеха в общем деле не будет и выйдет еще хуже, что мне во всяком случае неприятно. Но я сделал, что меня просили, исполнил послушание, а там — да будет воля Господня. Во второй раз я был с Иванушкой из-за денег.

Батюшка благословил одеваться в послушническую одежду. Когда были у о. Архимандрита, он благословил придти завтра в 9 часов к нему за квитанцией (о получении денег), а затем даст записку в рухольную для выдачи нам одежды. Бог даст, оденемся к Сретению Господню.

По благословению Батюшки мы дали деньги на украшение Казанского собора, весною предполагается его ремонт. Батюшка говорит, что мы даем деньги не ему, а св. Иоанну Крестителю, и что каждая копейка зачтется нам тогда, когда все вещественное потеряет свою цену.

Слава Богу и благодарение — Батюшке, по-видимому, лучше. Дай Бог, чтобы совсем оправился. Сейчас Батюшка благословил доканчивать читать жизнеописание о. Моисея³⁸ и о. Антония³⁹, а

³⁸ Преподобный Оптинский старец схиархимандрит Моисей (Путилов; 1782—1862) — настоятель Оптиной Пустыни. При нем было введено и упрочилось старчество, расцвела книгоиздательская деятельность Оптиной. Начало монашеской жизни полагал в Саровской обители, затем подвизался в Белобережской пустыни, Свенском монастыре и в Рославльских лесах. С 1821 г. — в Оптиной Пустыни; принимал деятельное участие в устройении Иоанно-Предтеченского Скита, основанного по благословению свт. Филарета (Амфитеатрова). До 1825 г. исполнял послушание скитона начальника, с 1826 г. — настоятель монастыря. Причислен к лику местночтимых святых в 1996 г., всероссийских — в 2000 г. См.: Житие преподобного схиархимандрита Моисея (Путилова). Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1992.

³⁹ См. примеч. 30.

когда оденемся, если Бог даст, то первым делом — Авву Дорофея⁴⁰.

Получил я, тоже вместе с паспортом, письмо из дома от мамы, она ничего, кажется, хорошо себя чувствует. Спаси ее, Господи!

29 января

Этот день для меня и Иванушки знаменательный: нас одели в послушническую одежду. Подробнее обо всем запишу, если Бог даст, завтра. Устал немного, только что от бдения: завтра память трех святителей Христовых. А сегодня память св. Игнатия Богоносца, — вот в какой день Господь сподобил нас причислить к избранному стаду! Слава Богу и благодарение.

30 января

Итак, вчера утром 29 января, в день памяти св. Игнатия Богоносца, мы в 8 часов 30 минут утра пришли к Батюшке за благословением идти одеваться и, получив благословение, в 9 часов пошли за благословением к о. Архимандриту. Получив от него благословение, мы отправились на могилки к Старцам. Взяв от них благословение и помолившись, мы пошли в рухольную. Примерив и с молитвою надев одежду, мы опять пошли за благословением на могилки к Старцам и к о. Архимандриту. Встретили о. Феодосия и взяли у него благословение.

Затем пришли в Скит, положили в воротах по три земных поклона, пошли к Батюшке. Здесь нас приветствовали келейники и случившиеся из братии. Наконец, пришли к Батюшке, положили земной поклон перед иконами, затем в ноги до земли поклонились Батюшке. Батюшка благословил, поцеловал, кажется (хорошо не помню), и начал молиться. Батюшка молился вслух, и я кое-что запомнил: «Благодарю Тебя, Господи, *яко утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем*⁴¹. Благодарю Тебя, Господи, что Ты привел сюда сих Николая и Иоанна». Потом молил-

⁴⁰ Преподобный Авва Дорофей. Душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка. Изд. Оптиной Пустыни, 1900.

⁴¹ Мф. 11, 25; Лк. 10, 21.

ся о том, чтобы Господь сподобил нас проходить сей путь иноческой жизни и достигнуть цели. Дал нам четки и сказал:

«Вот вам оружие, нещадно бейте им невидимых врагов. Прежде всего имейте всегда страх Божий, без него вы ничего не достигнете. Теперь для вас начинается новая жизнь. Хотя вы и жили в Скиту, да все было не то. Теперь везде разговор идет у бесов: „Были почти наши, теперь пришли сюда спасаться, — как это можно?“ и т. п. Но не бойтесь. Считаю долгом сказать вам про себя.

Еще в Казани, когда я решил окончательно все бросить и подал прошение об увольнении, я отдавал одному сослуживцу прощальный последний визит перед самым отъездом. Еду на извозчике мимо одной церкви в честь Пресвятой Троицы, на стене была икона Спасителя во весь рост, с распростертыми руками. Обыкновенно я всегда благоговейно перекрещусь и более ничего, прохожу мимо. На этот раз я ехал задумавшись и опустив голову. Поднимаю голову и вдруг вижу эту самую икону, и мне будто кто-то прямо сказал в сердце: „Теперь ты Мой“. Христос, казалось, прямо говорил мне: *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы*⁴². Никогда такого впечатления не было от этой иконы, как тогда. Я умилился, слезы выступили на глазах. Извозчик давно проехал, а перед моими глазами все стоит эта икона. Это так мне врезалось в память на всю жизнь. Я это считаю долгом сообщить вам».

Затем Батюшка дал нам обоим три книжки: «Кончина праведника» — письмо Клавдии Прокулы, жены Пилата, «Митерикон: собрание наставлений Аввы Исаии всечестной инокине Феодоре» епископа Феофана и «О внешнем благоприличии и поведении новоначальных послушников» епископа Игнатия (Брянчанинова) (эта книга у Иванушки, не помню хорошо заглавия)⁴³. «Вот вам обоим вместе, ибо вы должны быть едино».

Затем Батюшка спросил уже о практической стороне дела в рухольной и у о. Архимандрита. Но мы ничего не переговорили

⁴² Мф. 11, 28.

⁴³ *Святитель Игнатий (Брянчанинов), еп. Ставропольский. Правила наружного поведения для новоначальных иноков* // Сочинения еп. Игнатия Брянчанинова. В 5 т. Т. 5. Приношение современному монашеству. СПб.: Изд. Тузова, 1905. С. 7—28.

с о. Архимандритом: у него скоропостижно скончался келейник о. Иоанн. Это я сказал Батюшке. Батюшка быстро переспросил: «Что, что?» Я повторил.

«Да, как верно предчувствие. Уж какой я старец, а все-таки и через меня бывают откровения. У меня вчера был этот о. Иоанн. Мне как духовному отцу все известно про него. Последнее время на него прямо напал бес и довел до того, что он решил уходить в мир. Пришел ко мне и говорит:

— Благословите уходить. — Я ему отвечаю:

— Разве я могу благословить на такое дело? Представь себе, что ты едешь на пароходе ночью. На море буря, пароход летит на всех парах. И вот ты говоришь мне: „Благословите броситься в эту бездну и темь...“ — вот то же и теперь.

— Да это, Батюшка, не то.

— Да, не то, это еще хуже. Сам посуди: с твоим здоровьем ты долго не проживешь, — что было, то прошло. Оставайся здесь.

И вот видите, что случилось. Это всегда так. Бесы видят, что человеку недолго жить, вот они и стараются его вытащить из монастыря, надеясь его там перед смертью погубить и тем столкнуть в бездну. Одно нарушение обета уже губительно.

Был здесь один случай, что какой-то сын миллионера поступил в Скит. Прежде жил он очень разгульно, вскоре ему надоела монашеская жизнь, и он ушел. И какую жизнь влачит этот несчастный теперь? Ходит в цилиндре с тросточкой по Невскому проспекту — и более ничего. Но о. Иоанн, слава Богу, умер на кресте. Верую, что спасен».

Мы помолились о его упокоении. Батюшка читал молитвы, а мы слушали и молились. «Ну, теперь идите на трапезу. Благодарите Бога, что сподобились такой милости от Него. Сегодня знаменательный день — память св. Игнатия Богоносца. Мир вам».

Забежав в свои келлии, мы отправились на трапезу, где нас поздравила вся братия. Брат Иван, наш сокелийник, поздравил нас еще в нашем в корпусе, в прихожей. И о. Нектарий⁴⁴ после трапе-

⁴⁴ Преподобный Оптинский старец иеросхимонах Нектарий (Тихонов; 1853–1928). В Оптиной Пустыни с 1873 г. Прожил 25 лет в келлии при скит-

зы, когда мы выходили, сказал мне: «Желаю вам проходить этот путь со смирением, терпением и благодарением», — и убежал. Мне нравится о. Нектарий, только он больно чудной.

Всенощную уже стояли в послушническом одеянии. Сейчас нас призывал Батюшка. Подарил нам по балахону и банку варенья — по праздникам утешаться. Спаси его, Господи! Рассказал нам о своем посещении двух блаженных: Иванушки и Аннушки.

Сегодня не могу больше писать.

31 января

Вчера написал и сегодня опустил два письма: домой и епископу Трифону, сообщая о случившемся. Были сегодня у батюшки о. Иосифа⁴⁵ за благословением. Батюшка о. Варсонофий еще не принимает братию, хотя ему, по-видимому, гораздо лучше. Вчера Батюшка рассказал нам о двух блаженных. Сначала про Аннушку.

«Когда я вошел, она быстро начала раздеваться, начала снимать даже рубашку; я отвернулся. Она говорит: „Дай мне тот зеленый кафтан“. Я подал ей кафтан, висевший на стене. Надев его, она стала говорить: „Видишь, какая я стала красивая, видишь?“ Для меня это было совершенно непонятно. А это значило, что мне надо было обновить свою душу. Наконец я спросил у нее: „Чем же у меня все кончится?“ Она взяла и завернулась с головой в кафтан и так села. Я вышел от нее, когда она была все еще в таком положении. Я ничего не понял и спросил об этом (у кого, я забыл, что Батюшка сказал). Мне сказали, что это означает монашество. А тогда я еще и не думал идти в монастырь. Сначала я боялся идти к ней,

ском храме, в полузатворе, занимаясь молитвой, чтением духовных книг, научной и художественной литературы. В 1912 г. избран старцем. После закрытия Оптиной жил в с. Холмищи Брянской области, где и преставился. Причислен к лику местночтимых святых в 1996 г., всероссийских — в 2000 г. См.: Житие Оптинского старца Нектария. Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1996.

⁴⁵ Преподобный Оптинский старец иеросхимонах Иосиф (Литовкин; 1837—1911). В Оптиной Пустыни с 1861 г.; в течение тридцати лет был келейником преп. Амвросия. В 1894—1907 гг. — скитоначальник. Причислен к лику местночтимых святых в 1996 г., всероссийских — в 2000 г. См.: Житие Оптинского старца Иосифа. Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1993.

думая, что, может быть, это прелесть бесовская. Но меня уверили духовные люди, что это действительно истинно блаженная душа. Когда я был у нее, она лежала на своей кровати из трех тесинок, покрытых войлоком, уже 40 лет: у нее был паралич ног. Была она круглая сирота, а за ней ходила какая-то старушка. Бедна до последней степени, но зато чиста была вся обстановка ее комнатки».

Когда Батюшка рассказывал это, я довольно ясно представлял себе картину, как Аннушка вся завернулась в кафтан. Она мне в моем представлении показалась похожей на схимника с куколем, лица не видно, довольно худая и согнутая. Может быть, что Батюшка и сподобится принять схиму.

Затем Батюшка рассказал про Иванушку: «Домашние считали его за дурачка, но народ любил и уважал его. Однажды он прибежал на сенокос. Его спрашивают: „Что тебе надо, Иванушка?“ А он тут же побежал по направлению к реке Жиздре. В этом самом месте был крутой обрыв и одно из самых глубоких мест реки. Смотрят — пропал. Все думали, что он утонул. Что делать? А он, пройдя под водою до другого берега, вышел из воды, поклонился всем и ушел. Летом его отпускали, а зимой привязывали за ногу (кажется, так Батюшка сказал).

Я был тогда еще военным, хотя не в форме. Вхожу, а Иванушка говорит:

— Батюшка пришел. — Ему говорят:

— Это не батюшка, — думая, что он ошибся. А Иванушка опять:

— Батюшка пришел. — Потом велел мне взять плетку и хлестать „кошчонку“⁴⁶. — Видишь, она за тобою бегаёт? Ну-ка ее так, хорошенько ее, так!

Я хлестал по воздуху, ничего не понимая. А он продолжал:

— А, убежала! Что? Ах она кошчонка!

Тогда было часа три пополудни, начиналась [вечерняя] заря. Я стал с ним прощаться. Он обратился к окну прямо на Оптину Пустынь, на зарю, и стал смотреть. Что он видел, не знаю. Он, конечно, мне этого не сказал. Но видно было, что он видит дивное видение. Так я и ушел от него».

⁴⁶ Кошку.

Я многое выпустил, ибо уже забыл; что вспомнил, то и написал.

Мы было уже совсем ушли, я воротился и спросил:

— Не написать ли что-либо от Вас маме?

— А как же, как же! Я ее, матушку вашу, всюю душой (или всем сердцем, хорошо не помню) люблю. Как же, она принесла в жертву две души, благословила вас. Спаси ее, Господи! Поблагодарите ее за жертву на Скит и на монастырь. Напишите ей, что я преисполнен к ней самых хороших чувств, желал бы ее видеть. Может быть, она придет к нам сюда летом, еще жив буду. Спаси ее, Господи. — И я ушел.

1 февраля

Всенощное бдение — писать не могу.

2 февраля

Всенощная, завтра Неделя о мытаре и фарисее. Писать не могу.

3 февраля

Слава и благодарение Богу! Батюшка опять начал принимать. Сегодня в первый раз после его болезни вся братия была на благословении. Если Бог даст, завтра пойду к Батюшке за новым послушанием; а сегодня я помогал в трапезной: носил дрова, разметал у крыльца снег, топил печь, перетирал посуду, подметал трапезную. Так я помогать буду, вероятно, по праздникам всегда, когда много работы. Эту неделю у нас можно пить молоко. В миру я очень редко пил молоко, хотя оно бывало у нас каждый день, даже в посты. А здесь с удовольствием выпиваю с чаем свою порцию — стакана полтора-два, а иногда и меньше.

1-го числа был у Батюшки за благословением на бдение в монастырь: у нас своего нет под Сретение, и вообще под большие праздники.

Батюшка позвал меня на минуточку и сказал, чтобы я деньги брал с собою; а то, бывало, во время всенощной забирались в келлии и обкрадывали, что можно взять, особенно деньги. Сделав такое предостережение, Батюшка поднял меня с колен и по-

садил рядом с собою. Когда я сел, Батюшка вспомнил своего старца о. Анатолия и начал мне говорить про него, что он был очень слаб, но когда ему бывало получше, он говорил иногда целый час. Его можно было заслушаться. Дар слова у него был необыкновенный.

«Вот сидит на этом самом месте батюшка о. Анатолий в балахончике, весь облитый лунным светом, а я около него на коленях и слушаю. И думал ли я тогда, что и сам я когда-либо так же, как и он, буду сидеть здесь в балахончике... Проговорит иногда батюшка так час и устанет:

— Ну, брат Павел (так прежде звали о. Варсонофия), устал... — возьмется за горло, — кхе... кхе... кхе... да... устал... будет.

— Спаси Вас, Господи, Батюшка, простите, что задержал, — скажу я, — спаси Вас, Господи, за это утешение».

Батюшка это довольно часто рассказывает. Я думаю: нет ли здесь какой-либо цели в этих словах, намерения? А может быть, это просто так, из-за великой любви к своему Старцу, ибо батюшка о. Варсофоний очень уважает и чтит его память, называет его великим Старцем. «Только два года был я под руководством, и великая для меня потеря была в его смерти. После его смерти началась для меня совершенно иная жизнь...» Я хорошо не помню, но как будто один раз из его слов выходило, что он много потерпел скорбей после смерти о. Анатолия.

Вообще, Батюшка к нам обоим относится очень хорошо и заботливо; сегодня дал Иванушке небольшой кусочек сыра, ему кто-то его давно прислал, вероятно, на Рождество. Спаси его, Господи. Теперь, может быть, Бог даст, удастся побеседовать, а то без Батюшки в голову всякая дрянь лезет.

4 февраля

Исполнял послушание: проверял проскомидийные записки и переписывал одну ведомость начисто. Купил шарфы для себя и для Иванушки. Завтра, если Бог даст, то опять пойду к Батюшке по послушанию, а если можно будет, то постараюсь побеседовать, разрешить, по крайней мере, некоторые сомнения.

Сегодня начал читать на правиле, читал я вечерние молитвы. Теперь, вероятно, буду всегда или часто читать и на правиле, и в церкви.

5 февраля

Сейчас был у Батюшки по послушанию и попросил у него позволения придти к нему вечером. Батюшка благословил придти в 8 часов.

Когда я был уже в дверях, Батюшка начал говорить про смирение:

«И о. Макарий, и о. Амвросий, и о. Моисей, и все наши старцы всегда говорили: смиряться, смиряться! Подобно тому как Иоанн Богослов под конец своей жизни только и говорил: *Чадца, любите друг друга*⁴⁷, так и наши старцы твердили: смиряться. Эти две добродетели — любовь и смирение — как бы обуславливают одна другую, равно как теплота и свет. Как огонь невозможно вообразить себе без теплоты и света, так и здесь. Я помню, архимандрит о. Исаакий⁴⁸ идет, бывало:

— Ну что, брат Павел? Как?

— Слава Богу, Вашими святыми молитвами.

— Да, надо смиряться. Смирение — высота!

Примешь от него благословение, и он пойдет дальше. Вот и я Вам говорю: смиряться. Мир Вам». И я ушел.

Я это записал, чтобы не забыть потом. Пора к трапезе.

6 февраля

Сейчас был у Батюшки, удалось побеседовать минут 20—25. Чтобы не забыть, постараюсь записать. Когда я пришел, Батюшка благословил меня, и я стал на колени около дивана, на который сел Батюшка.

— Сомнения, Батюшка, и помыслы у меня.

— Да, сомнения, все равно как блудные помыслы и хулы, надо презирать, не обращать внимания на них. Презирайте их, и враг-дьявол не выдержит, уйдет от Вас, ибо он горд, не вынесет презрения. А

⁴⁷ Ср.: 1 Ин. 4, 7.

⁴⁸ Преподобный Оптинский старец схиархимандрит Исаакий (Антимонов; 1810—1894), настоятель Оптиной Пустыни с 1862 г. Многопопечительный строитель; мудрый настоятель, много потрудившийся для благоустройства монастыря. Причислен к лику местночтимых святых в 1996 г., всероссийских — в 2000 г. См.: Житие Оптинского старца схиархимандрита Исаакия (Антимонова). Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1995.

если будете входить с ними в разговоры, ибо все блудные помыслы, хулы и сомнения — не ваши, то он закидает вас, завалит и убьет. Верующий человек, любящий Бога, не может хулить, а тем не менее замечает в себе две нити: и любит, и хулит. Очевидно, что есть еще какая-то злая сила, навязывающая сомнения. Заметьте, ведь это — серафимский ум. Поэтому нисколько не удивительно, что он может возбудить, поднять сомнения, да еще какие... Не обращайтесь на них внимания.

Сколько было искренно верующих людей, которые сильно пострадали от того, что принимали эти сомнения, рассматривали, рассуждали. Возьмите наших писателей: Белинского, — какая разница у него в первой и во второй половине его жизни. Лермонтов — тоже был сильный ум, Тургенев и другие... Пирогов, хотя этот ⁴⁹ его под конец совсем раздавил, как червяка...

Поэтому надо презирать эти сомнения, хулы и помыслы блудные, тогда они вам нисколько не повредят, особенно, если будете еще открывать их старцу-наставнику. Но открывать их надо не подробно, иначе можно повредить и себе, и старцу. Особенно блудные помыслы: засыпать скорее, закрыть надо навозом (кажется, так сказал Батюшка) эту смердящую яму, а не копать в ней. Ну, теперь что же у вас есть? Какие сомнения, помыслы?

— Да вот, Батюшка, из братии у одного я вижу то, у другого — другое...

— Ну вот, это диавол всегда так. Он иногда нам представляет взгляд брата совсем другим, не таким, какой он на самом деле. Тебе кажется, что брат посмотрел на тебя злобно, оскорбительно для тебя, а на самом деле этого вовсе нет. Так диавол может представить нам что-либо другое.

Вот какой был здесь случай. Был здесь один иеромонах о. Венедикт ⁵⁰ и еще монах о. Арсений ⁵¹, монах хорошей жизни. Он поч-

⁴⁹ То есть враг.

⁵⁰ Иеромонах Венедикт (Дьяконов, 1848—1915). Из вдовых священников, в 1884 г. определен в Оптину Пустынь, пострижен в монашество в 1887 г. В 1903 г. назначен настоятелем Боровского Пафнутиева монастыря; архимандрит, благочинный всех монастырей Калужской епархии.

⁵¹ Монах Арсений (Леонов, 1832—1898). Поступил в Оптину Пустынь в 1860 г., в монашество пострижен в 1873 г. Исполнял разные послушания в Скиту, с 1892 г. по болезни послушаний не проходил.

ти не выходил из келлии вследствие своей болезни, вел особую жизнь. Один раз идет о. Венедикт к себе в келлию, а у крыльца о. Анатолия⁵² видит: стоит о. Арсений. Взгляд у него какой-то злобный, враждебный, под благословение не подходит. Отец Венедикт посмотрел на него и прошел мимо с великим удивлением.

Идет он и только что начал заворачивать за церковь, а ему навстречу с совершенно противоположной стороны идет о. Арсений. Лицо у него веселое, подходит под благословение. Отец Венедикт, еще больше удивляясь, спрашивает:

— Где ты был?

— У отца Тимона.

— Как? Я тебя сейчас видел около крыльца батюшки о. Анатолия.

— Это тебе померещилось. Сам видишь, откуда я иду.

Тогда о. Венедикт пошел за разрешением сего к батюшке о. Анатолию. «Ну что же здесь удивительного? А еще иеромонах, и этого не знаешь? Это был, конечно, бес в образе о. Арсения», — сказал о. Анатолий.

Да, бывают такие случаи, о них в миру и понятия не имеют, а здесь они бывают и не подлежат сомнению. Еще что?

— Да вот, — говорю я, — про Вас, Батюшка, разные мысли, особенно, когда Вы были больны. Даже такие мысли были, что, когда Вы умрете, я буду свободен...

— Да, да! Вот это его первое дело — посеять в послушнике недоверие к старцу, разделить их. Вот какие мысли! Это его дело! К кому же, как не к старцу, поселять недоверие. Да он может даже представить старца блуд творящим. Поэтому авва Дорофей и говорит: «Не верь тому, если даже увидишь старца блуд творящим»⁵³.

— Вот еще, Батюшка, — говорю я, — мысли о том, что когда я поеду в солдаты, то пойду в гости к тому-то да к тому-то.

⁵² Преп. Анатолия (Зерцалова), см. примеч. 23.

⁵³ *Иоанн Лествичник*. Лествица. Слово 4, 112: «Если бы даже увидел, что он [наставник] блуд творит, не оставляй его...» Также: *Симеон Новый Божослов*. Двенадцать слов. М., 1869. «Никогда и ни в чем не желай быть противником воспринявшему тебя от пострижения, хотя и увидишь его творящим блуд...».

— Да что тогда опять будет посвободнее, а то о. Варсонофий здесь связал меня. Да?

— Да, Батюшка.

— Это он всегда так. Вы здесь наденьте броню, латы ⁵⁴, потом и идите в солдаты. В латах там, хотя и будет он в вас пускать стрелы, от вас стрелы будут отскакивать. Как авва Дорофей говорит: «Ту стрелу, которую в тебя бросил диавол, не только не прими в себя, а возьми ее и пусти в него» ⁵⁵.

И уходят от нас в солдаты, служат там два, три, четыре года и возвращаются, хотя помятые в борьбе, хотя раненые, но живые, и снова начинают у нас жить в Скиту. А что я не нравлюсь диаволу, то это я знаю и не от одного Вас; особенно же оттуда, с женского крыльца. Это я Вам говорю как чаду духовному, к которому я особенно расположен. Придет там какая-либо женщина, подойдет к самому крыльцу и уйдет обратно, под действием подобных мыслей: что о. Варсонофий болен, что ему некогда, вероятно, народу много, да и нашла к кому идти, и т. п. А потом оказывается, что это чистая душа, — я сказал бы так, если кого можно было назвать чистым. Так и уйдет; дойдет до монастыря, а там новая мысль: зачем ушла? Подумает, подумает, да и решит завтра придти. На следующий день начнет собираться ко мне, а ей мысли: куда? зачем? он не принимает, и т. п. Все-таки решится идти. Подходит к крыльцу, а ее словно силой какой отталкивает от него. Наконец пересилит себя, войдет на крыльцо. Входит и видит народ. «Не уйти ли? Народу много, да одни бабы, стану я сидеть с ними». У нее все-таки хватает мужества остаться. Сидит, как в огне, и все думает: не уйти ли? Наконец выхожу я и говорю ей, сам не зная почему: «А теперь пойдемте ко мне». Она поражена: «Батюшка, Вы прозорливый».

⁵⁴ Ср.: Еф. 6, 14—17 (о всеоружии духовном).

⁵⁵ *Авва Дорофей*. Душеполезные поучения... Поучение 10, о том, что должно проходить путь Божий разумно и внимательно: «Искоряющий страсть подобен тому, кто, будучи осыпая стрелами врага своего, сокрушает их или возвращает в сердца врагов... И так постараемся и мы, братия, если не можем возвращать оружие их в сердца их, то по крайней мере не принимать стрел и не вонзать их в сердца наши; но облечемся в броню, чтобы не быть уязвленными от них».

Да нисколько, я ничего и не знал об этой борьбе, а просто мне возвестилось позвать ее, я и позвал. Потом начинается исповедь, и открываются ее грехи; все равно что змеи, сидящие в воде под камнями, они не выползают оттуда, а кусают [того], кто подойдет. Так и она свои грехи, сидящие у нее в глубине сердечной, не исповедовала никогда или из-за стыда, или страха. Мне возмещается так, что невольно называю ей ее грехи, и она кается в них. «Я была у монастырского духовника о. Саввы⁵⁶ и не сказала, духу не хватило, и Вам бы не сказала, если бы Вы сами мне не назвали их». А вовсе их и не знал я, мне просто было откровение сказать, — я и сказал.

Здесь, по-видимому, Батюшка хотел сказать про силу старца вообще. Я как-то не умею передавать вполне так, как была беседа. У меня как-то неясно, нескладно, отрывочно.

— Ну, еще что? — спросил Батюшка.

— Горд я очень, Батюшка, тщеславен.

— Да кто же не горд? Макарий Великий говорит, что у всякого, даже у святого, есть что-то гордое⁵⁷. Вот как глубока в нас эта зараза! Не горды только Ангелы, они чисты, да еще те, которые переходят отсюда туда, на небо. А то у всех есть гордость. Ну, будет, а остальное потом, понемногу будем разъяснять.

И я ушел, там кое-кто уже дожидался, неудобно было задерживать, а то, вероятно, еще поговорили бы. Вот все, что сейчас вспомнил.

Напишу еще то, что Батюшка истинный старец, потому что нисколько не сердится, не раздражается и относится ко мне с такою же любовью после того, как я уже несколько раз говорил ему свои недостойные мысли о нем.

7 февраля

Возил с работником дрова для отопления наших келлий. Сам вместе с работником накладывал, складывал и укладывал.

⁵⁶ Иеросхимонах Савва (Кудрявцев, 1849—1908). Исполнял клиросное послушание, впоследствии был одним из трех духовников Оптиной Пустыни.

⁵⁷ Макарий Великий. Наставления о христианской жизни. «И в чистой природе есть возможность превозношения» (беседа 7, глава 4).

Когда я пошел к Батюшке на благословение вместе со всей братией, я захватил книжку «Луг духовный»⁵⁸. Батюшка давал читать. Издание сей книги в настоящем виде принадлежит протоиерею Михаилу Ивановичу Хитрову. Я его совершенно не знаю, хотя он был писатель. Батюшка сказал, что он плакал, когда получил в 1899 г. известие о смерти о. Михаила: «Он много обещал, но, значит, так угодно было Богу».

Потом Батюшка сказал:

— Вот уже сколько раз мне помысл говорит, чтобы я спросил Вас, не было ли у Вас в жизни случая, из ряда вон выходящего?

— Да, был случай, — говорю я, сам не зная почему вспомнив, действительно, один случай, бывший в далеком детстве.

— Обдумайте его и потом расскажите мне.

— Да он очень простой.

— Совсем не простой, а из ряда вон выходящий.

— Я хочу сказать, что его обдумывать нечего, он очень несложен.

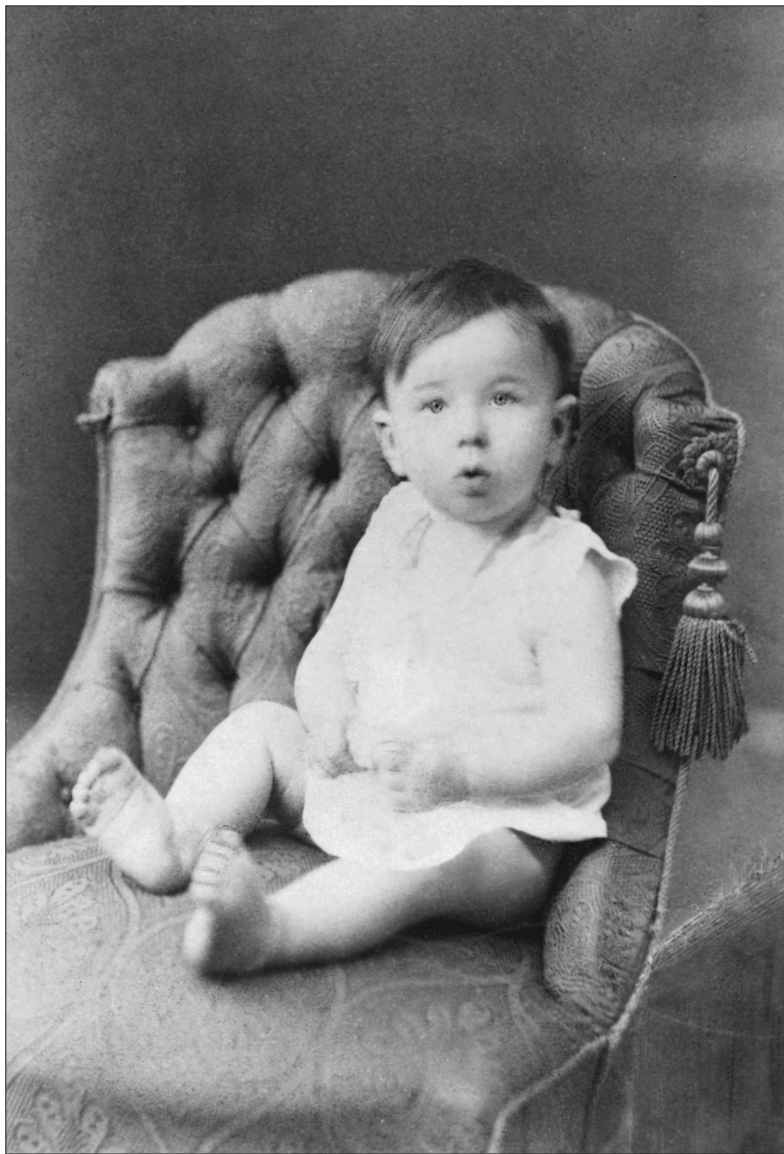
— Ну, хорошо.

— Когда мне было лет пять, — начал я, — у меня была болезнь — ложный круп (кажется, так она называется), горловая болезнь. Я был уже бездыханен, посинел и даже похолодел. Папа думал уже, что я умер, и говорил, чтобы мама оставила меня и больше не терла мазью, что уже бесполезно. Но мама, не теряя надежды, все терла и молилась свт. Николаю Чудотворцу о моей жизни. И совершилось чудо: я начал дышать, и потом всегда был довольно крепкого здоровья^[9].

— Конечно, это из ряда вон выходящий случай. Собственно, не случай, ибо все происходит с нами целесообразно, мы только так говорим. Да, Вы прямо свыше предназначены для иноческой жизни. Вам была дарована жизнь. Ваша мама молилась, и свт. Николай Чудотворец молился за вас, а Господь как Всеведущий, знал, что Вы поступите в монастырь, и дал Вам жизнь. И верьте, что до конца жизни пребудете монахом. Так об этом напишите Вашей маме толкование сего случая.

Я хотел после этого уходить, но потом спросил про Иисусову молитву: нельзя ли читать ее сокращенно? Батюшка не позволил,

⁵⁸ Преподобный Иоанн Моск. Луг духовный. Троице-Сергиева Лавра, 1915.

Николай Беяев в младенчестве

Няня семьи Беляевых Акси́нья Карповна с братьями Беляевыми.
Справа — Иван Беляев. 10 августа 1899 года

говоря, что так всю ее целиком заповедали читать наши Старцы, и ударение делать на последнем слове, «грешнаго»: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго». Я говорю:

— У меня так не выходит.

— Потом научитесь, — сказал Батюшка и велел идти вместе с Иванушкой, так что мне пришлось его поджидать.

Вот я сейчас пишу о разговоре с Батюшкой и думаю, что ведь совсем забыл тот случай из моей жизни, даже ни разу не вспомнил здесь о нем. И вдруг, сам не знаю почему, назвал прямо его. И только теперь начинаю смотреть на него иначе. Он мне начинает казаться не простым, обыкновенным происшествием, а прежде я его считал почти простым, вернее, я о нем никогда не думал и не обращал на него внимания. Правда, я чувствую и чувствовал прежде уважение к святителю Николаю более, чем к каким-либо другим святым. Надо написать маме; спрошу, если Бог даст, у Батюшки, как написать, этим я еще лучше проверю написанное мною сегодня толкование.

8 февраля

Когда мы были на благословении, Батюшка сказал на мой вопрос о письме к маме: «Так и напишите, что этим ясно указывалось на Ваше иноческое предназначение».

Значит, я понял верно. Еще раньше этого, как только я вошел, Батюшка спросил:

— Как внутреннее устройство? Имеете ли на устах имя Иисусово? — Я говорю:

— Стараюсь иметь, но очень часто забываю.

— В том-то все и дело, чтобы всегда иметь память о Боге. Для этого и молитва Иисусова. Но не удивляйтесь, что все забываете, надо только стараться. Ведь не сразу вы в университет пошли, а сначала азбуку выучили, — так? Как авва Дорофей говорит, что он смотрел на книги как на зверя, а потом очень даже пристрастился к чтению книг⁵⁹. Сначала читал, вероятно, не духовные, а светские книги, а потом перешел на духовные. Да, так всегда бывает...

⁵⁹ *Авва Дорофей*. Душеполезные поучения... Поучение 10. О том, что должно проходить путь Божий разумно и внимательно. См. примеч. 40.

Был схимонах Клеопа в Соловецком монастыре. Он сорок лет провел в уединении на одном необитаемом острове, куда из монастыря привозили ему пищу и ездил духовник. Потом он изъявил желание возвратиться в монастырь. Никто не знал, как он подвизался, какие ужасы претерпевал от бесовской силы, в чем состоял его подвиг. Когда он возвратился, о. Архимандрит при духовнике его спросил: «В чем главным образом заключалась твоя деятельность и много ли ты преуспел, скажи нам — мне и твоему духовному отцу». Он отвечал, что в Иисусовой молитве, все акафисты, все службы, все-все заменял он Иисусовой молитвой. «И начинаю понимать, чуть-чуть разбирать начальные буквы этого алфавита». Вот какая глубина! А какое действие Иисусова молитва имеет, о том мы и понятия не имеем. Так что Вам нечего удивляться. Это приобретается годами и не сразу. В один день это невозможно приобрести; хотя и бывают исключения, но общее правило таково.

9 февраля

Всенощная, писать не могу.

10 февраля

Приближается Пост... За всенощной слышатся уже предвестники Поста, покаянные стихи с их умирительным напевом: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче...», «На реках Вавилонских...» и др. Сегодня Неделя о блудном сыне. Какая глубокая эта притча! Какой смысл!

Получил письмо из Москвы от Васи Васильева^[10]. Просит помолиться Богу за его детей. Почти все больны. Просил и старцев помолиться за них. У него, по-видимому, на наши, — собственно, не на наши, а на молитвы старцев, — есть твердая надежда. Все письмо есть только одна просьба. «Все зависит от воли Божией. Ваши и святые молитвы старцев ближе к Богу; отслужите молебен и выньте просфору, и я надеюсь, что Бог не оставит Своею милостью» — вот конец его письма. Надо помолиться, а Батюшке и пономарю я уже дал записки. Да помилует их Господь!

Сегодня Батюшка очень ласково принял меня. На его вопрос: «Как Вам?..» — я ответил:

— Слава Богу, хорошо, спокойствие духа.

— Да, и я два года наслаждался миром душевным, а потом, а потом... Какие ужасы были у меня, я Вам не буду рассказывать. Прежде всего помыслы напали, но я, видя зарю, старался скорее пробежать эту темную улицу. Когда не стало батюшки о. Анатолия, лишился я опоры...

По всему видно, что Батюшка много претерпел.

Все не удается побеседовать. А так припоминаются мне Батюшкины некоторые наставления, и я их буду стараться записывать. Вот мне припомнилось, Батюшка не один раз говорил: «Первым Вашим делом, как только просыпаетесь, пусть будет крестное знамение, а первыми словами — слова молитвы Иисусовой». Может быть, я уже это и записал где, только не помню.

Мне дано теперь очень спешное послушание — переписка писем о. Амвросия для издания их вновь с дополнениями и поправками.

Я спросил Батюшку, посещать ли мне церковные и обще-келейные службы. (По будням обыкновенно у нас службы церковной нет, она совершается у нас только в субботу и в воскресенье, и в праздники. А так служба у нас «на правиле». Вся братия сходится в определенную для этого келлию и вычитывают там положенное дневное молитвенное правило в определенное время.) «Обязательно, обязательно, — ответил он, — хотя послушание выше поста и молитвы, но это понимать надо с рассуждением. Пройдет лет семь — тогда дело другое, а теперь обязательно. Монашеское дело прежде всего, а главное всего — молитва».

11 февраля

Сейчас на благословении удалось побеседовать минут пять. Я говорю:

— Вот, Батюшка, часто у меня бывает тщеславный помысл о принятии монашества.

— Да Вы и так приняли монашество.

— Да, но у меня нет пострижения в мантию.

Точно я не помню, как сказал Батюшка, но смысл был тот, что это, то есть пострижение, — не самое главное. Я говорю дальше:

— Вот даже приходят помыслы об иеромонашестве.

— Да, — отвечает Батюшка, — а завтра помысл скажет: уходи вон отсюда. Всегда так: то в огонь, то в воду, то в огонь, то в воду, — старается закрутить, сбить с толку.

— А что, Батюшка, всегда ли нужно перебирать с молитвой четки?

— Обязательно. Всегда имейте четки при себе. За службой в церкви и на правиле они должны быть в руках. Если даже будут смотреть, ибо смотрят, не смущайтесь, перебирайте, творя молитву Иисусову. За обедней внимайте тому, что поется и читается, а молитву оставьте. Вот за всенощной можете в ход пустить четки, когда не слышите, что читают. (Я понял так, что до службы всегда надо творить молитву по четкам, а за службой не всегда.) За послушанием, конечно, невозможно перебирать. Тогда в уме без четок должна быть всегда молитва. Когда в кельи пишете, читаете, то четки должны быть за поясом. Когда же так сидите, то творите молитву по четкам. При разговоре можете говорить про себя: «Господи, помилуй». А можно даже и молитву Иисусову...

Вообще, я понял так, что когда только можно, всегда [нужно] творить молитву Иисусову по четкам, а если нельзя, то без четок. Спрошу еще об этом у Батюшки, если Бог даст.

Сегодня был я у Батюшки еще утром и просил вынуть просфору за больных Васиных детей. Отец Никита Иванович как раз пришел брать благословение в монастырь, ему Батюшка дал мою записку подать в церковь.

Потом Батюшка дал мне чистого китайского чая и дал наставление, что чай надо пить недолго, не больше двадцати минут. Не смеяться и не разговаривать особенно, а если говорить, то что-либо назидательное.

После этого Батюшка спросил меня, не прикладывался ли я у него к частице Животворящего Креста? Я ответил, что нет. Тогда Батюшка достал серебряный ковчежец в виде креста, и мы, положив по два поклона земных, приложились к ковчегу. Затем Батюшка раскрыл его, и я приложился к самой частице. Затем еще положили земной поклон. Сегодня Батюшка и утром, и вечером был очень ласков. Спаси его, Господи.

12 февраля

Сегодня Батюшка благословил нас обоим читать Псалтирь о здравии и о упокоении в скитской церкви ^[11]. Я могу записать 12 имен для поминовения по праву, принадлежащему всем послушникам.

Сейчас Батюшка рассказал мне, что у него была дочь генерала Черняева, известного по турецкой войне.

«Очень образованная девица, еще молодая. Я с ней с удовольствием побеседовал. Люблю я с такими беседовать: это чистосердечная, искренне ищущая Бога душа. Потом она писала, что того, что она испытала здесь в Оптиной, она никогда не испытывала. И не ожидала, и даже не предполагала того, что можно подобное испытать. Это ей непонятно, а конечно, благодать Божия действовала. Сейчас она мне прислала икону Казанской Божией Матери. Ну вот, смотрите: почему именно Казанскую икону, а не другую икону? Я ведь сам казанский. Заметьте, сегодня 12 февраля. Почему она прислала именно в этот день? Прежде я получил тоже 12 февраля икону на благословение из Лавры преп. Сергия... Совпадение... А что дальше — не вижу, близорук, не вижу...»

Что хотел Батюшка этим сказать, не знаю. Я понимаю так, что всегда и во всем есть некое сцепление обстоятельств, это ясно. А цель этого сцепления нам неизвестна.

Пора справлять пятисотницу, уже поздно.

13 февраля

Сегодня я в первый раз читал Псалтирь в церкви, и даже два раза, ибо все на работе, кто должен читать. Первый раз я читал 15 кафизму (105-й псалом — первый в этой кафизме): *Исповедайся Господеву яко Благ, яко в век милость Его...*

Я сейчас был у Батюшки, только что пришел от него. Побеседовать не пришлось, а только говорили о чтении Псалтири. При чем Батюшка спросил меня, какой первый псалом, какая кафизма, что я и записал сейчас.

Вчера Батюшка сказал, что с именем св. митрополита Алексия у него много связано, а вчера была ему память. Батюшка указывал мне на это обстоятельство, а я забыл вчера записать.

14 февраля

Сейчас от Батюшки. Батюшка мне сказал, что необходимо смиряться. Без смирения никакая добродетель и вообще ничто не принесет никакой пользы.

У Батюшки всегда много бывает народа. «Я получаю известия каждый день, мне и газет не надо. Что делается в белокаменной Москве! Какие ужасы! Даже то, что Вы мне тогда, помните, рассказывали, тускнеет. Какой ужасный разврат...» (Какой разврат, какие ужасы, мне Батюшка не сказал).

А потом рассказал про одного иеромонаха (имя его я забыл), какой видел он сон. Вспомнив об ужасах в миру, Батюшка благодарил Бога за то, что Он извел нас оттуда. Затем, позвав брата Кирилла⁶⁰, начал рассказывать. А что рассказал, запишу завтра, если Бог даст.

15 февраля

Итак, начну писать. [Батюшка сказал, что] этот сон тот иеромонах сам рассказывал Батюшке так:

«Вижу я, будто я в каком-то городе иду по улице. Иду, а какие-то люди мне по дороге бросают бревна, поленья, вообще строят разные баррикады. Но я перелезаю через них. Хотя эти люди ме-

⁶⁰ Отец Кирилл (Зленко, † 1931). Один из келейников и духовных чад преп. Варсонофия. В Оптиной с 20 лет. В 1908 г. был взят на военную службу, откуда вернулся уже только в Голутвин монастырь, где тогда настоятельствовал старец Варсонофий. Вместе с гробом Старца вернулся в Оптину в 1913 г. Находясь в Калужской тюрьме, получал помощь от духовных чад преп. Никона. В 1929 г. был сослан в Туркестан, где обострился его туберкулез, которым он заболел, еще будучи оптинским послушником. 15 января 1928 г. о. Кирилл писал на Соловки о. Никону из Калужской тюрьмы: «Незадолго перед отходом в вечность наш отец и наставник батюшка Варсонофий мне сказал: „Через 10 лет тебя постигнут скорби!“ Слова эти не отозвались особенно в сердце моем, но в нем я их тогда сложил. Исполнилось 10 лет со дня смерти Старца, и предсказание его начало сбываться: в 23 г.— выгнан из монастыря, в 25 и 26 — известные вам мои визиты в Калужскую губернию, и наконец 27 г. — далекая ссылка...» После Туркестана переселился в Белев Тульской обл., поближе к Оптиной, откуда также был выслан и поселился в г. Козлове (ныне Мичуринск) Тамбовской обл., где и преставился ко Господу.

шают мне идти, всячески преграждая путь, но не могут схватить, поймать меня, какая-то сила не позволяет им этого. Так я прошел через баррикады несколько улиц. Эти люди начинают еще более препятствовать; я бегу, боясь, что они меня схватят. Перелез через последние баррикады и очутился на берегу какой-то огромной реки. Вижу пристань и в ней пароход. Я бегу на этот пароход, и только что вбежал, как пароход тронулся. Смотрю на берег, там стоят эти люди, махают руками, кричат, ругаются. А на пароходе все ко мне видимо расположены, есть иноки, есть и мирские люди. И так мы едем по этой огромной реке, проехали верст шесть, вообще так, что уже город начал скрываться от нас.

Вдруг мне говорят: „Обернись“. Я обертываюсь и вижу, что на месте города огромный пожар, дым подымается столбами, огромное пламя, ужасное зарево. Я говорю: „Слава Тебе, Господи, что я убежал от мира“. Затем мы подъезжаем к какой-то чудной земле. Все блага природы. Чудный город, огромные здания, но особенно хороши сады. Нас встречают. Бегут навстречу какие-то люди, и все в белых одеждах. С парохода начинают сходить, и я пошел было; но меня обратно на пароход отослали, говорят, что рано, что меня надо еще опять на корабль. „Куда же меня опять повезут?“ Тогда мне говорят: „Еще раньше тебя должны придти сюда трое, а ты придешь сюда четвертым“. И называют имена троих из братий. Пароход двинулся... и я проснулся. Слезы у меня на глазах. Крещусь. Рассказал об этом Архимандриту и еще кое-кому. Говорят, что раньше меня должны умереть трое названных братий, а я умру четвертым».

«Потом, — [продолжил Батюшка], — он был переведен в другую обитель, и через месяца три сообщают, что первый брат умер. Теперь я не знаю, живы ли двое других, и даже жив ли он сам, — летом был жив. Вот так, а мы не знаем, какой наш номер».

Здесь пришел батюшкин келейник о. Никита^[12], чтобы читать вечернее правило. Батюшка благословил меня, дал лимон к чаю, и я ушел.

Я теперь читаю Псалтирь от 6 до 8 часов, так что опаздываю к Батюшке на общее благословение и даже не бываю на вечернем правиле. Вот я и спрашиваю у Батюшки:

— Как мне быть: вычитывать все, что там читается, или нет? — Батюшка сказал:

— Нет, не надо всего, а только вечерние молитвы и пятисотницу. Вообще Псалтирь заменяет правило; даже когда всенощная бывает в монастыре, то чтец уже не ходит ко всенощной. Это послушание, а послушание выше поста и молитвы. Положим, что Вы в 7 часов утра читаете у себя в келлии часы 3-й и 6-й, только что начали, как вдруг к Вам приходят и говорят: «Поди, помоги нам бревна перетаскивать». Вы закрываете книгу, по которой только что приготовились читать, и идете на послушание. Время, положенное на чтение часов, проходит, и Вы, возвратившись, уже не читаете, а ставите самовар и пьете чай. Потом после обеда Вы встали на келейное правило, а Вам говорят: «Иди читать Псалтирь». И Вы опять закрываете книгу и идете читать Псалтирь, и уже более не вычитываете келейное правило.

16 февраля

Писать не могу — всенощная. С завтрашнего дня начинается масленица. Вот уже скоро год, как мы в первый раз приехали в Оптину. Прошлый год эту всенощную мы стояли в монастыре, едва отдохнув с дороги, ибо мы приехали часа в 4 пополудни. Слава Богу за то, что Он нас вселил здесь в тишине и благодарении.

18 февраля

Вчера не мог писать, было очень поздно. После чтения Псалтири я пошел на благословение. Батюшка сам начал говорить и спрашивать меня. Всенощную и обедню Батюшка благословил меня петь за недостатком басов. Вот Батюшка и спрашивает меня, как пел, как горло. Я говорю:

— Ничего; вообще у меня горло не особенно здоровое, я не могу долго петь.

Батюшка словно прозрел это:

— Да, да, вот я говорю: Вам надо окрепнуть, надо осмотреться, сейчас нельзя Вам петь, а вот разве когда не будет хватать басов.

Потом Батюшка взял меня за руку, подвел к дивану, сел сам. Хотел и я сесть, но Батюшка сказал, чтобы я стал на колени у дивана:

— Иное дело беседа, тогда можно сидеть; а теперь станьте здесь. — Я стал. Батюшка, погладив меня по лбу и груди, спросил:

— Как здесь? Как здесь? Ничего? — Я говорю:

— Ничего. Конечно, приходят помыслы...

— Без этого нельзя, ум не может быть без мыслей, как человек не может не дышать. Это его потребность. Но о чем думать? Иной представляет себе блудные картины, услаждается этой живописью. А Вы пришли сюда искать Бога, и все ищут Бога. Найти Бога — это цель монашеской жизни.

Потом Батюшка сказал, что можно и жить в монастыре, да не быть монахом, ничего не достигнуть; смысл был такой, а как Батюшка сказал, я забыл.

— Все ищут Бога. Вот и художники в области поэзии, живописи, особенно музыки — все желают найти Бога. Да не так ищут. Как искать Бога? — Соблюдением заповедей, особенно смирением, поступить в монастырь. А они не хотят соблюдать заповеди, особенно не хотят смиряться, хотят пройти как-либо переулками, поближе, покороче. О целомудрии они весьма смутного понятия. Вот, например, Байрон... Или Рафаэль, — развратнее его трудно найти, а писал Мадонну. Знаете стихотворение Пушкина «Пророк»⁶¹? Там он говорит: «В пустыне мрачной я влачилсЯ». Пустыня — это жизнь; он это понимал, что жизнь — пустыня. «ВлачилсЯ» — да, прямо-таки ползал всем телом. Далее: «И шестокрылый Серафим на перепутьи мне явился». Здесь он, может быть, имел в виду себя? Не знаю, явился ли ему он или нет. Затем Пушкин рисует картину посвящения ветхозаветного пророка. Кажется, говорится так, что он постиг и «Херувимов горнее стремленье»⁶², и гад морских подводный ход». Ангелы чисты, они только «горняя мудрствуют». А в нас есть и «гад морских подводный ход». Эти два течения идут в нас параллельно. Но должно стараться только «горняя мудрствовать». Это не сразу достигается, а только ход гад морских будет все тише, и можно достигнуть того, что будет только одно горнее стремление, а те гады нырнут в бездну и исчезнут. Да, этого мож-

⁶¹ Пушкин А. С. Пророк. 1826. Поэт весьма свободно пересказывает призвание Исайи на пророческое служение. См.: Ис. 6, 6—7.

⁶² «...и горний Ангелов полет...»

но достигнуть. Вот я Вам и говорю: смиряйтесь и смиряйтесь. Помози вам, Господи.

Я и говорю:

— Батюшка, сегодня для нас день все-таки знаменательный. Прошлый год мы были у Вас в это воскресенье перед масленицей.

— А о чем мы беседовали?

— Да вот тоже об искании Бога. Вы спросили: «Зачем Вы приехали?» Я говорю: «Искать истины в Боге».

— Да, вот, право, как вышло: ровно через год беседовали об одном и том же.

Дольше Батюшка не мог говорить, он благословил меня, но я все же спросил его о страшной рассеянности во время богослужения.

— Да, эта рассеянность у всех, даже у старых. Но все-таки эта ваша рассеянная молитва запишется там (Батюшка указал на небо). Мир Вам.

Батюшка прижал мою голову к своей груди и поцеловал. Спаси его, Господи! Очень утешает он меня, недостойного его любви. Я очень ленюсь исполнять его наставления, вообще живу нерадиво. Вчера почти весь день спал после чая до самой вечерни. Ничего не прочел. Батюшка все покрывает своею любовью, какие гадости ему про себя ни скажешь.

Сколько раз Батюшка говорил, что надо встать до службы, даже до звона, говоря: «Колокольный звон изображает глас Архангела. „Блажен, егоже обрящет бдяща”⁶³. Надо встать заранее, приготовиться, умыться. Необходимо умыть руки, лицо — как хотите; главным образом надо руки содержать в чистоте. Как Вы, например, за обедней возьмете грязными руками антидор? Неудобно. Затем, приготовившись, ожидать звона или будильщика, и тотчас же идти. А к обедне даже идите до звона, как только прочтете утренние молитвы».

Я же, окаянный, очень ленюсь вставать и вообще ленюсь исполнять Батюшкины наставления. Скоро Великий пост, святая Четыредесятница, надо исправляться, по Батюшкиным молитвам и с Божией помощью. Если Батюшка благословит, Бог даст, напишу

⁶³ Тропарь, глас 8: «Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща...»

Оптинский старец Варсонофий - 7 февраля 1913 г.
(Фотография подарена Александре Лаврентьевне Швецовой,
сестре матери иеромонаха Никона Беляева)

Послушники братья Николай и Иван Беляевы

правила жизни и обыденного поведения для памяти, по наставлениям Батюшки и святых Отцов.

20 февраля

Сегодня у нас престольный праздник летнего храма, память свт. Льва Катанского⁶⁴.

Удалось быть у Батюшки, хотя беседовать не пришлось, а решил только некоторые вопросы как практической, так и духовной жизни. Батюшка благословил сходить в рухольную и за Следованной Псалтирью. Благословил записывать места из книги, которые особенно поразят, для *памяти* (это слово сказал Батюшка) и *кратко*. Благословил когда и побеседовать с братом Иваном, только не празднословить, а говорить о духовном. Прошлый раз Батюшка сказал мне, что необходимо смиряться: «Не говорите, что, мол, я того-то не делаю, что делают другие, а вот что делаю. Нет, считайте себя хуже всех и ниже всех».

23 февраля

Завтра ровно год, как мы первый раз приехали в Оптину. Завтра Прощеное воскресенье, а там и Великий пост. Это время все некогда писать, думаю только записать одну беседу с Батюшкой, бывшую совершенно неожиданно для меня 21-го числа. Я кончил читать Псалтирь в 9.30 часов вечера и прямо побежал к Батюшке, думаю получить хоть одно благословение на сон. Батюшка принял меня; у него только что был брат <...>⁶⁵, с ним тоже была беседа. Отпустив келейника спать, Батюшка сел на диван и начал говорить о бывшем у него только что брате:

«Вот он жалуется, что у него много сомнений и недоумений, что он многого не понимает, совсем забросал меня вопросами:

— А это как? А это почему? А это?.. А это?.. — Я говорю:

— Простите, не могу; я-то уж все равно, а келейник у меня сегодня с 4-х часов утра встал, все время на ногах.

Ушел. Вот говорит:

⁶⁴ Престол второго скитского храма освящен в честь свт. Льва Катанского и преп. Иоанна Рыльского.

⁶⁵ В тексте пропуск.

— Другие хвалят авву Дорофея, а я не понимаю в нем ничего. — Потому скорбит.

— Неужели ничего не понимаете? Вероятно, что-нибудь да понимаете. Вот благодать Божия одному отпускает десять пудов, другому — два пуда, а третьему, хоть Вам, — один золотник. И за это благодарите, и это хорошо. Старец батюшка о. Макарий говорил: „Когда я был послушником, мне казалось, что я понимаю авву Дорофея, а теперь, когда читаю, многого не понимаю“. Если о. Макарий — ангельский ум — не понимал эту книгу, то что же удивительного, что Вы не понимаете. Недаром эта книга прошла 12 веков, и все ее читают, и не только у нас, но и на Западе, в тамошних монастырях. Она составляет основу для монашеской жизни. Вот какая глубина этой книги, ибо она написана от Духа Святого.

— Почему же я сегодня не утешен Вами?

— Не знаю. Но ведь это скорбь, а за скорбь надо благодарить Бога, ибо Промысл Божий лучше знает, что нам полезнее.

Он искренно ищет спасения, да хочет все сразу понять умом, хочет без практики постигнуть одним умом, приобрести голословные знания. Когда я поступал, у меня тоже была эта замашка. Придешь к батюшке о. Анатолию и начнешь его спрашивать: как да что? А батюшка: „Э-э, да это, брат, не с того конца!“ Поговорит, скажет кое-что, а потом: „Идите, идите!“ — „Да как же это, Батюшка, да вот...“ — „Нет, брат Павел, смиряйтесь, смиряться надо! Идите, идите теперь!“ Вот только теперь, через семнадцать лет, начинаю я понимать эти его слова. Ложный путь, если мы будем стараться постигнуть все одним умом, будем обращать внимание на разные сомнения да вопросы, стараясь сразу уяснить себе их, — враг закидает тогда совсем, забудет. На самом деле сам он⁶⁶ говорит, что, когда он идет с правила, сомнения начинают утихать, и по мере того как подходит к моей келлии, утихают они все более и более, и когда войдет ко мне, не знает, что спросить. Очевидно, что вся эта буря поднимается от врага по его наветам.

Чем более живет монах в монастыре, тем более узнает, тем большему научается. Это происходит постепенно. Конечно, Бог может сразу обогатить нищего. Бывали случаи, что сразу просвещал-

⁶⁶ То есть тот брат.

ся ум свыше. Возьмите в пример земного царя. Ведь он может, встретив нищего, дать ему несколько тысяч или даже десятков тысяч рублей, — и нищий стал богат, хотя до сих пор самый большой капитал его был 40 копеек. Так же и Господь может просветить разум человека... Одно дело — ум, другое — рассуждение. Рассуждение есть дар Божий, как и все вообще у нас есть дар Божий. Но рассуждение выше других даров и приобретается не сразу. Человек может быть очень умным, но совершенно нерассудительным, может удовлетворять самым низменным скотским потребностям, иметь любовниц и даже совершенно не признавать Бога. Есть люди плотские, которые только и живут для чрева, для блуда. Есть люди душевные — эти повыше плотских. И наконец, есть люди духовные.

Разница между душевными людьми и духовными громадная. Ибо, как говорит Апостол, *душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием*⁶⁷. Он может познать всякую человеческую мудрость, всякую философию, одним словом, но духовного рассуждения не иметь».

Здесь я напомнил Батюшке слова Апостола:

— *Слово бо крестное погибающим убо юродство есть, а спасаемым нам сила Божия есть*⁶⁸.

— Да-да, для них это юродство, а для нас, спасаемых, сила Божия. И заметьте, сказано: *спасаемым*, а не «спасенным», и погибающим, а не «погибшим». Иной и не заметит этой разницы сразу, а потом вдруг заметит через некоторое время. Все мы спасаемся, но неизвестно еще, спасемся ли. Также сказано: *погибающим*, ибо они могут обратиться, хотя и стоят на наклонной плоскости, скользя вниз.

Батюшка здесь ли или в каком другом месте сказал: «Вот я и говорю: надо смиряться».

Было уже поздно, поэтому я спросил:

— А как же, Батюшка, пятисотница?

— Да уж сегодня придется оставить.

— А всегда, — я говорю, — когда я просижу позже 9 часов, справлять пятисотницу?

⁶⁷ 1 Кор. 2, 14.

⁶⁸ 1 Кор. 1, 18.

— Если по уважительной причине, — например, срочное послушание, — тогда ложитесь спать, а потом надо мне сказать на другой день, а если особенного дела нет, то, как 9 часов, оставляйте все и начинайте справлять. Вообще это время от 9 до 10 часов положено на пятисотницу, чтобы к утрени встать уже бодрым (смысл был такой).

Потом я сказал, что у меня бывают тоже помыслы.

— Какие же, скажите.

— Да вот, — говорю я, — часто приходят такие мысли, что, когда я поеду в солдаты, сделаю то-то да то-то. Например, зайду к такому-то в гости, там напоят чаем с хлебом (ведь здесь мы пьем чай без хлеба) и тому подобное. Сегодня, например, положительно всю вечерню были такие мысли: когда я поеду в солдаты, я там захвораю и буду лежать в лазарете, потом буду для больных читать молитвенные правила и тому подобное, всякая ерунда. Или бывают тщеславные помыслы о пострижении в мантию с разными подробностями...

— Да, очень важно, что Вы мне сказали об этом. Вот Промысл Божий! Господь знал, что Вам нужно было это мне высказать, поэтому и привел Вас теперь ко мне (я уже написал, что Батюшка принял меня очень неожиданно). Враг Вас еще водит с целью отвлечь Ваши мысли от монастыря, бросает то в огонь, то в воду. То выманивает из монастыря под предлогом военной службы, то сбивает тщеславием. Не поддавайтесь. Не входите в разговор с ним, а отвечайте: почему ты знаешь? как ты можешь знать? А на помыслы о военщине отвечайте: а может быть, я умру до тех пор? Вообще презирайте его, и он оставит вас, ибо он горд.

— Я отвечу, Батюшка, да это будет не прочувствованно.

— Пусть будет, а Вы все-таки ответьте.

— Теперь я, Батюшка, стал больше замечать немощи братии, — говорю я.

— Да это его первое дело — указывать на немощи братии; погодите, еще и на большие немощи будет указывать. А что у монахов есть немощи, это нисколько не удивительно: монахи — люди. У всех в миру есть страсти. Когда человек приходит в монастырь, то он не сразу становится бесстрастным. Нет, все его страсти и не-

мощи остаются при нем; только в миру он не боролся, а здесь, хотя и побеждается страстью, но борется.

Было уже около 11 часов. Батюшка устал.

— Вот каждый день совершается чудо милосердия Божия на мне грешном: почти 70-летний старик, и вот, слава Богу, хватает сил на день. Когда я заболел, я думал, что уже более не встану, но встал, отмолили меня. Обо мне во многих местах молились, особенно по женским монастырям; отмолили.

Потом Батюшка начал говорить о старчестве.

— Догорает теперь старчество. Везде уже нет старчества, у нас в Оптиной догорают огарочки. Враг ни на что так не восстанет, как на старческое окормление: им разрушаются все его сети. Везде он старался его погасить и погасил. Есть монахи исправно живущие, но об откровении помыслов, о старчестве они ничего не знают. Поэтому без старчества во многих монастырях осталась одна только форма монашеского жития, одна внешность. Иисусову молитву теперь редко кто творит, а что за монашество без Иисусовой молитвы? При Екатерине II враг воздвиг гонение на старчество. Екатерина II прямо закрывала монастыри; старцы и ученики бежали, кто на Афон, кто в западные православные государства. Один из них, Паисий (Величковский)⁶⁹, бежал на Афон... (Здесь я не упомянул, как он очутился, кажется, на западе, в Молдавии). Ученики его опять насадили старчество у нас и в других обителях после того, как позволено было им снова возвратить-

⁶⁹ Преподобный старец схиархимандрит Паисий (Величковский, 1722–1794). Родоначальник и предшественник Оптиного старчества, делатель Иисусовой молитвы, переводчик с греческого на славянский святоотеческих творений (Добротолюбия, сочинений Исаака Сирина, Феодора Студита и др.). Первоначально подвизался в украинских и молдавских монастырях, на Афоне, затем — в молдовлахийском монастыре Драгомирне, а потом в Секульском и Нямецком монастырях. Ввел в них правила общежития и строгий устав. Через учеников и последователей преп. Паисия старчество в XIX в. широко распространилось по всей России. Причислен к лику святых в 1988 г. См.: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Изд. Свято-Введенской Оптиной Пустыни, 2001. А также: Жизнеописание отечественных подвижников благочестия XVII–XIX веков. Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1993–1999. Кн. 3. Ноябрь.

ся в Россию. И старчество процветало. А теперь везде угасло, забыто.

Враг начинает с невинных вещей, завлекает в грехи. Подымет головную боль, да и скажет, что надо пройтись, — голова и пройдет; ибо душа наша может слышать слова бесов. Пойдет из келлии по Скиту, подойдет к воротам: почему не выйти? Выйдет. Смотрит: лужайка, скамейка. Почему не посидеть, здесь очень хорошо. Сядет, понравится ему здесь. И на следующий день выйдет, и каждый день начнет ходить. Выходит, садится там однажды, и вдруг подходит девочка, начинает заговаривать с ним, он отвечает. Познакомились. Вот и идет к себе в келлию и думает: что же это я делаю? Опомнися, идет к старцу и кается. Старец говорит: «Да, это нехорошо, больше не ходи туда; если встретишь где-либо, не кланяйся». Тот слушается старца, и весь злой план диавола рушится. А план был таков, чтобы свести их вместе, чтобы она забеременела и родила, принудила его выйти из монастыря и жениться. А там в миру завертит его совсем, заведет любовников, а он будет ревновать. Наконец, застанет жену с любовником и сгоряча убьет его и себя. Вот и пропали, погибли бы три души. А старец все разрушил. Поэтому-то враг и ненавидит старчество, ненавидит место откровения помыслов, самый голос, которым это говорится.

— Да, Батюшка, — говорю я, — когда хочу только записать то, что Вам сказать, как мне уже становится легче, я это замечал.

— Да, Вы только пишете, а он уже бежит.

Сейчас всенощная, что вспомню — потом, Бог даст, напишу, а сейчас полежу минут 15, устал, сегодня спал четыре с половиной часа всего. А всенощная эта первая будет во втором году со дня приезда в Оптину в первый раз. Прошлый год мы в это время выезжали из Москвы, и я прощался с нею навсегда, но Бог судил иначе. А теперь мы в Оптиной, в Скиту. Слава Богу!

24 февраля

Пока есть время, запишу, что припомню.

Батюшка, когда говорил о старчестве, упомянул о Французской революции. Я не помню точно, как и что он говорил, но она была у него в связи с историей старчества. «Враг воздвиг эту Французскую революцию, имея в виду не только Францию, а глав-

ным образом, православную Россию...» — далее ничего не помню, но помню, что какое-то отношение она имела к старчеству. Припоминаю, что Батюшка говорил о Вольтере, Дидро и других, распространявших тогда свои учения. Эти учения проникли и в Россию. Известно, что императрица Екатерина была в переписке с Западом, увлекаясь этими учениями, и под влиянием их начала притеснение монастырей и гонение на старчество. Кажется, так.

Потом я сказал Батюшке, что мне здесь действительно очень хорошо, покойно, скорбей никаких нет, и если бывают какие-либо соблазны от братии или мысли, то они быстро проходят и особенно не тревожат меня. Я иной раз даже думаю, уж не равнодушие ли это ко всему. Не помню как, но Батюшка сказал, чтобы я не обращал особенного внимания на эту мысль о равнодушии. На самом деле, думаю, это меня, недостойного, утешает Господь, желая показать мне, дать мне предвкусить сладости иночества. Ибо, как вижу и слышу, все только ищут покоя духа, ясности, светлости; ибо меня сейчас ничто не смущает, и лучшего не желаю. Правда, иной раз мелькнет какая-либо мысль покоя, но быстро исчезает.

А Батюшка иной раз очень утешит беседой, — например, этой беседой я очень утешен, или конфеткой, или лимончиком. На днях, когда я пришел к Батюшке просить разрешения сходить в баню, он дал два маленьких обломочка конфетки для меня и Иванушки. «У нас здесь все по-детски», — сказал Батюшка. Я улыбнулся и с удовольствием принял этот пустяк, на который в миру, если не побрезговал, то не обратил бы внимания. И сам Батюшка тоже улыбнулся, и какая милая, добрая, детская улыбка! Спаси его, Господи!

25 февраля

Ныне первый день Великого поста. Хорошо здесь встречают и проводят это святое время. Великое утешение — великопостная служба. Поют далеко не артистически, но в общем все как-то хорошо.

Для подкрепления сил — скудная холодная пища, однако вполне достаточная для поддержания бодрости. Вместо чая пьем или кипяток, или завариваем мятку с медом один раз в день. Вообще, при собственном на то желании, можно жить здесь очень хорошо. Побольше надо следить за собой, а не за другими. И когда

будешь замечать чужие немощи и гордиться перед другими мысленно, надо отвечать помыслу бесовскому: я хуже всех, — как говорил мне Батюшка. И хотя не прочувствованно, а все-таки сказать.

Батюшка мне также говорил, что враг всегда особенно нападает с одной стороны, напирая на какую-либо одну страсть. Например, вовлекая в чревоугодие, он не будет в то же время смущать сребролюбием, ибо этим может разрушить свою работу, — пожалуй, станет человек скупиться и для угождения чреву. Или, завлекая в сети сребролюбия, он не станет еще напирать на блуд, ибо опять может разрушить свою работу.

Я замечал: с тех пор как я сказал Батюшке про свои помыслы о военщине и о пострижении в мантию, они меня пока не беспокоят; и помню, Батюшка сказал, что они меня оставят, даст Бог. И действительно, оставили; другие всякие приходят в голову, а этих нет, по батюшкиным молитвам.

Я замечаю, что, пожалуй, мне этот год легче стоять службы и вставать, чем прошлый год, хотя и прошлый год мне было хорошо. Слава Богу! Слава Богу!

Во время последней беседы с Батюшкой я ему рассказал еще один случай, бывший со мною: когда я гостил в имении у одних своих знакомых, меня один молодой человек пригласил на охоту. Я пошел, хотя не умел стрелять, да и не пришлось, ибо мы стали потом собирать грибы, оставив охоту. Вот идем мы рядом, и ему показалось, что рябчик ли сидит или заяц, я теперь не помню, — он взвел курок: оказалось, что ничего нет; он стал спускать курок и сказал мне, чтобы я сорвал гриб, который рос как раз у того куста, где мы стояли. Я нагнулся и сорвал. Когда я нагибался, он спустил курок очень неосторожно, так что он щелкнул. Должен был произойти выстрел, почему его не было — это одному Богу известно, но если бы он произошел, то я едва ли бы жив остался, ибо дуло ружья было направлено мне в спину на расстоянии двух шагов. Когда и как это случилось, я не знал, но об этом тогда же сказал мой товарищ.

Когда я это рассказал Батюшке, он перекрестился и сказал: «Слава Богу, это Ангел-хранитель удержал. Не помните число, когда это было?» Я ответил: «Нет». Было это в 1905 году, в августе,

приблизительно числа 20-го. Об этом случае я тогда же и забыл, не обратив внимания, а здесь его опять вспомнил.

Теперь я прямо удивляюсь, как Господь меня хранил всегда, сколько было случаев, когда жизнь моя бывала в опасности, когда лазил или по крышам, или по деревьям, или по столбам, или в опасных играх и забавах^[13].

2 марта

Вот уже прошла первая неделя святого Великого поста, и с Божией помощью я, слава Богу, легко и даже с утешением духовным провел ее. Чем меньше ешь, тем меньше хочется, — теперь я это испытал на самом деле. И заметил, что больше, чем обыкновенно, слушал службу, и более она мне нравилась. Теперь я начинаю понимать смысл поста: и телу, и душе становится как-то хорошо. Вообще, я замечаю, что мне здесь все начинает больше и больше нравиться.

Как понравилась мне вчера всенощная, особенно первая часть ее, вечерня, как хорошо слушал я стихиры на «Господи, воззвах»! Как приятно было мне стоять за шестопсалмием в этом мирном полумраке.

Сейчас я читал Псалтирь, по окончании, идя сюда в келлию, как хорошо чувствовал я себя... После молитвы на душе мирно, тихо, как и все кругом: и эта чудная ночь, луна, чистое небо и яркие звезды, тишина, снег блестит, кругом вековые ели... Хорошо! Слава Богу, что Он, Милосердный, вселил меня грешного сюда, под покров Божией Матери и Пророка Своего Крестителя Иоанна. Здесь мне везде хорошо, а в келлии своей, когда я один, мне кажется лучше всего.

Из келлии я никуда не выхожу без дела, обыкновенно выхожу только в церковь, на правило, на послушание, в трапезу, — более никуда. Если случаются какие дела, то иду, а если возможно, откладываю иногда; а в монастырь прямо не люблю ходить: шумно, людно очень там. За ограду Скита выхожу обыкновенно только за водой на Амвросиев колодезь. Вообще, утешает меня Господь, и не в тягость мне теперешняя жизнь скитского послушника. Я ничего лучшего не желаю: ни еды, ни службы, — посему я узнаю, что мне здесь очень хорошо.

3 марта

Сегодня ночью, вернее, уже утром, после утрени, часа в 4, когда я лег, по обыкновению, спать, со мной делалось что-то бесовское. Состояние, в котором я находился и телом и душой, невозможно описать. В этом роде со мной уже не один раз бывали случаи, и я помню, Батюшка на мой вопрос о них сказал, что это, конечно, дьявольское, и потом прибавил: «Может быть, больше этого испытаете, а может быть, ничего не испытаете». (Что-то в этом роде, я теперь хорошо не помню, ибо это уже давно сравнительно было, я еще ходил в мирском костюме.) И до сих пор с того времени ничего со мной не было. В таких наваждениях бывает мне страшно, и я все время творю Иисусову молитву. Да будет воля Господня!..

5 марта

Вчера вечером я окончил читать Псалтирь в 8 часов и пошел к Батюшке на благословение после всех, и неожиданно для меня опять удалось мне побеседовать с Батюшкой. Когда я вошел, Батюшка сказал, чтобы я сел на стул под часами и побезмолвствовал, а сам ушел. Через некоторое время, довольно скоро, Батюшка пришел и начал занавешивать окна. В окна прямо из-за деревьев светила луна. Уже три-четыре ночи подряд были такие же красивые, как я описывал прежде. Батюшка указал мне на это:

— Видите, какая красота?

— Да, Батюшка. А вот когда теперь я иду к себе в келлию после Псалтири, мне все это нравится: и луна, и снег, — а когда приду к себе в келлию, мне там еще лучше.

— Конечно, в келлии лучше.

(Я не помню хорошо, а кажется, Батюшка прибавил: «А на душе еще лучше...» — или что-то в этом роде).

Потом Батюшка начал рассказывать про одного нашего монастырского монаха, о. Феодула:

«Живет на кухне монах, совсем простой, может быть, даже неграмотный. Никто о нем ничего не знает. Даже о. Архимандрит не знал, чего он достиг душой. Ну, а мне как духовному отцу известно все. Он постоянно молчал и проходил Иисусову молитву. Все видели, что четки постоянно при нем и всегда в движении, но никто не предполагал, что делается у него внутри. Устную молит-

ву он до того усвоил, что начал уже подходить к внутренней. Редко мне приходилось с ним беседовать, но когда это случалось, то это доставляло мне великое утешение.

Заболев он и лег в больницу, а я, когда на первой неделе исповедовал братию монастырскую в больнице, зашел к нему поговорить. Спрашиваю, не хочет ли он чего.

— Нет, Батюшка, ничего. — Потом я его опять спросил, не хочет ли он чего.

— Ничего... Да вот разве, Батюшка, кисленького чего-нибудь.

— Хорошо, — говорю я.

На следующий день принес ему два яблока да два апельсина. И как он был рад! Как мало нужно для монаха! Не то что в миру, там дадут миллион — мало, давай другой, — все хотят забрать. А здесь та-кой пустяк, и сколько доставляет радости. Потом я его как-то спросил:

— Как тебе?

— Да скучно здесь, Батюшка, жить.

— А где же весело? — спрашиваю я.

— Вот там, — указывая на небо, сказал он.

— Да, там весело, если только примут. А ты готов?

— То-то и дело, что не готов. Я грешник, хуже всех.

На следующий день прихожу и спрашиваю:

— Не надо ли тебе чего?

— Нет, Батюшка, ничего. Единоho желаю: *разрешиться, и со Христом быти...*⁷⁰ Помолитесь обо мне, Батюшка. Далекий, незнаемый путь предлежит мне. Благословите, Батюшка, идти.

— Бог благословит, иди. Когда будешь предстоять Престолу Господню, помяни меня, своего духовного отца.

— Хорошо, помяну, аще буду.

— Ну, уж конечно, аще будешь.

Сегодня прибегает послушник и говорит, что о. Феодул скончался. Я верую, что пошел он в райские селения. Вот как здесь умирают и как в миру. Предавшись сатане, с раздробленным черепом, с проклятием на устах идут они на дно адово. И вот на Страшном Суде узнается, кто был разумнее: профессора, художники, ученые или такие простецы, как о. Феодул».

⁷⁰ Флп. 1, 23.

Потом Батюшка посадил меня вместе с собой на диван и, обняв, сказал: «С первого же раза я расположился к Вам, и верую, что сохранится это расположение на все время, которое мне осталось жить. Живите здесь, одно только мешает — военная служба... Ну и это, Бог даст, ничего. Оставайтесь здесь монахом до конца своей жизни. А основание монашеской жизни — смирение. Есть смирение — все есть, а нет смирения — ничего нет. Можно даже без всяких дел одним смирением спастись».

Здесь пришел келейник о. Никита, приготовил Батюшке, что нужно в келлии, взял у Батюшки благословение на сон, простился со мной и ушел. А Батюшка продолжал:

— Это время, когда я был болен, я уже не думал, что встану. Но за меня стали молиться, и мне дана отсрочка. Есть одна блаженная, она видела сон: как будто она подходит к Скиту и видит, что меня через Святые ворота выводят из Скита какие-то муж и жена. «Я, — говорит, — их спрашиваю: „Куда же вы выводите Батюшку?“ — „В монастырь“. — „Зачем же вы его в монастырь? Ведь в монастырь из Скита только когда кто умрет выносят, а Батюшка в Скиту нужен. Оставьте его“. — „Никак нельзя“. Тогда я начинаю со слезами просить: „Да оставьте вы его, пожалуйста!..“ Тогда муж тот и жена стали советоваться и решили, что можно оставить, и увели опять через Святые врата в Скит». Это она рассказала Нилусу, а он мне. Ему она рассказала, когда я еще был здоровехонек, за несколько времени до болезни, и говорила, что из этого она заключает, что со мной должно что-нибудь случиться.

Видит Господь, что всех люблю, что всех хотел бы заключить в свое сердце, и не тесно там⁷¹; но что поделаешь, — не хотят некоторые, сами не идут. Да я их и не виню, все это дело диавола, они не виноваты. И против о. Иосифа ничего не имею, Бог с ним. Правда, были на меня гонения, да Господу вот как угодно было сделать... Что Вы теперь читаете?

— Да вот, Батюшка, кончил Авву Дорофея, благословите начать Петра Дамаскина⁷².

⁷¹ Ср.: 2 Кор. 6, 11—12.

⁷² *Петр Дамаскин, сщмч.* Творения. М.: Скит, 1993.

— Хорошо, начинайте. В этой книге есть непонятные таинственные места. Там увидите, как святые начинали познавать смысл видимой природы. Им дела нет до видимого механизма вещей, а смысл их они понимают. Подобно тому, как мы пользуемся часами, и нам никакого дела нет до устройства механизма. Или еще: мы пробуем яблоко, ощущаем приятный вкус и не заботимся о том, какой его химический состав...

Вот бегают блаженный по улицам города Устюга⁷³, вбегает в церковь, становится на колени перед иконой Божией Матери и начинает молиться: «Божия Матерь, спаси нас! Спаси нас!» Потом обращается к народу и кричит, чтобы они покались, чтобы не делали таких-то и таких-то беззаконий, «а то вас Боженька камушками побьет». Его начинают бить: что он, сумасшедший, кричит здесь? Прогнать его! Ибо всех пророков побивали камнями. Но вот приходит время, — и что же? Однажды видят все жители, что на их город надвигается страшная черная туча. Храмы наполняются молящимися, ибо делается что-то необыкновенное, туча кажется какой-то очень страшной, заволакивает половину неба. Блаженный вбегает опять в церковь: «Ну, что я вам говорил, теперь сами видите. Молитесь, молитесь!..» И сам молится — и туча разрезается. Наконец все прошло, небо опять чисто. Жители выходят за город и видят, что на огромном пространстве лежат раскаленные черные камни. Это были аэролиты⁷⁴, но тогда об этом ничего не знали. Конечно, если бы эти аэролиты упали на город, то всех бы и побили. Эти аэролиты и теперь еще лежат; ученые исследовали их и нашли, что это аэролиты. Но как они могли так упасть в одно место, этого они сказать не могли и не могут. А этому блаженному, значит, было известно, что они упадут, если он предсказывал это. Почему именно на этот город — неизвестно, может быть, и были какие-либо ужасные грехи, но случилось сие, да явятся дела Божии...

Слышали, был писатель Баратынский, поэт? Он поклонялся германскому поэту Гете, не знаю, поклонялся ли Христу. Когда Гете умер, он на его смерть написал стихотворение (Батюшка прочел наизусть это стихотворение, оно мне оказалось знакомым, но на-

⁷³ Имеется в виду блаж. Прокопий Устюжский, † 8/21 июля 1303 г.

⁷⁴ Метеориты.

изусть я не знаю его). В нем говорится, что Гете был великий гений, ум, понимал всю природу, и журчанье ручья, и шелест травы, и все, все... Едва ли это было так. Это у Баратынского просто художественная гипербола. Но откинем Гете и возьмем одно стихотворение. На него написал критику Белинский и сказал, что «таков идеал человека».

Да, он правду сказал, ибо святые действительно начинают познавать смысл видимой природы. Вы понимаете меня?

— Да, Батюшка, я понимаю так, как говорится в псалме: *Всякое дыхание да хвалит Господа*⁷⁵.

— Да, да, конечно, не самое творение хвалит Господа: как, например, снег будет хвалить? Но он сам собою доказывает славу и премудрость Создавшего его. Также огонь, ветер, град не сами хвалят Бога, а только показывают собою славу, силу и премудрость Господа. А сознательно прославляющим Бога является уже человек, который, познавая Божие творение, прославляет Бога. В этом смысле и сказано: *всякое дыхание да хвалит Господа*.

Я говорю Батюшке:

— А вот некоторые поэты писали подобное, например, Лермонтов: «Когда волнуется желтеющая нива...»⁷⁶

— Да, это стихотворение Вы хорошо напомнили... Да, в таком смысле даже всякое творение говорит. Что птицы имеют свой язык, это даже признают некоторые ученые. Поет соловей, — конечно, славит Бога.

Если Бог даст, завтра...

6 марта

Пока есть время, спешу записать все, что припомню. Я остановился на том, что птицы и звери имеют свой язык, свои знаки для разговора.

⁷⁵ Пс. 150, 6.

⁷⁶ Стихотворение написано в 1837 г. Заключительная строфа:

Тогда смирятся души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога!..

«У одного Патриарха, человека святой жизни, был диакон, который постоянно над ним издевался. Святой все терпел. Однажды, когда Патриарх сидел за столом со многими приехавшими и собравшимися к нему гостями, диакон по обыкновению начал перед всеми смеяться над ним. Все удивлялись дерзости диакона и еще более — терпению Патриарха. Вдруг на подоконник сел ворон и стал каркать. Диакон, смеясь, спрашивает:

— А ну скажите-ка, Ваше Святейшество, что это ворон каркает?

— Он каркает, что сатана сейчас исхитит из тебя твою душу. — Едва проговорил это Святой, как диакон упал замертво и почернел.

Видите, значит, он понимал, что говорит ворон, или, может быть, это был сам сатана в образе ворона и каркал. Только Святой понимал это ясно, понимал этот язык. Вот, подобно сему, святым может быть ясным и все другое из сей видимой нами природы. Когда Вы будете читать книгу преп. Петра Дамаскина, Вы там увидите, что я говорю».

Батюшка также напоминал о книге одного архимандрита, жившего в Боровске: «Там он в тишине писал с собственного опыта об Иисусовой молитве нечто вроде дневника. Тогда в Боровске было не то, что теперь; хотя и теперь там Оптинский архимандрит⁷⁷, но уже с братией все равно ничего не сделаешь. Книгу эту надо читать уже преуспевшим, а для новоначальных она совершенно непонятна, как логарифмы непонятны ученику приготовительного класса. Все слова понятны, а общий смысл невозможно уловить. Эту книгу печатать нельзя, она и у меня в рукописи. Прежде ее и не пропустили бы в печать, а теперь, пожалуй, напечатают, да никто читать не станет: сочтут или глупостью, или ересью.

Теперь такими вопросами не интересуются. Все изменилось. Брака не признают, повсюду разврат. Я как духовный отец много узнаю на исповеди; конечно, говорить этого не могу, у меня на губах двадцать пять замков. Ужасы открывают мне. И сами говорят, что не знали, что делали. Например, в 1905 году шли на баррикады, думая, что идут за правое дело, как им сказали. Да, они хоте-

⁷⁷ Архимандрит Венедикт, бывший прежде насельником Оптиной Пустыни. См. примеч. 50.

ли сделать то же, что сделали во Франции во время ужасной французской революции. Везде подготавливали — и в Москве, и в Петербурге, к тому, чтобы учредить новое правительство временное и заставить всех присягать, как и было во Франции. Тогда тех, кто не отрекался от старого правительства и Христа, всех казнили всенародно на площади. Изобрели гильотину для более быстрого совершения казни и казнили два миллиона человек. Как Господь их судить будет, не знаю: вера неправая, хотя все-таки — христиане и умерли мученически за Христа. Потом выпустили всех арестантов, то есть предоставили полную свободу всякому беззаконию. Потом первым делом осквернили храм. Внесли в собор на роскошном троне парижскую красавицу, внесли в алтарь и нагую посадили ее на престол. Затем, надругавшись достаточно над святыней, снова посадили эту красавицу на трон, накинули на нее одежду и на руках понесли по всем улицам по городу, заставляя всех поклоняться ей. Вот то же им хотелось устроить и в России. И уже почти все было готово, но Господь не допустил. В это время в Москву приехал Дубасов и принял надлежащие меры...

Теперь повсюду ненавидят христианство. Оно есть ярмо для них, мешающее им жить вольно, свободно творить грех. Еще Гете один раз выразился про христианство так: „Только две вещи ненавижу я: клопов и христианство“. Смотрите, какая насмешка, какое кощунство! Когда он умирал, то закричал: „Свету больше! Свету больше!“ Страшные слова. Значит, на него уже надвигалась адская тьма. Вот так и теперь ненавидят христианство и по смерти идут на дно адово; а здесь, в тиши, спасаются, как например, о. Феодул».

Про него с самого начала Батюшка сказал: «У него лицо было всегда такое, как в Евангелии сказано про Иисуса Христа, что *лице Его бе грядущее во Иерусалим*⁷⁸, такое восковое; он уже не думал ни о чем мирском, потерял всякое пристрастие к миру. Это выражение я еще замечал у художников. Например, на одном вечере Майков⁷⁹ и Полонский⁸⁰ читали свои произведения, и у Майкова

⁷⁸ Лк. 9, 53.

⁷⁹ Аполлон Майков (1821—1897), русский поэт. Из рода Майковых происходил преп. Нил Сорский.

⁸⁰ Яков Полонский (1819—1898), русский поэт.

было оно чуть заметно, чуть-чуть мелькало во время его сильного воодушевления. Но вся полнота принадлежит, конечно, инокам... Да, *его лице бе грядущее во Иерусалим...*»

Когда Батюшка напомнил мне про смирение, он рассказал следующее.

«Одна женщина, еще молодая, как-то попала на необитаемый остров. Во время ли кораблекрушения, или еще как, только она там провела одна, никого не видя, лет 40. Конечно, одно утешение — в молитве; и она начала подвизаться в посте, бдении и молитве, налагала на себя различные подвиги. Потом как-то к острову пристал корабль, ее взяли и посадили на него. Когда ее привезли на твердую землю, она для проверки своих подвигов отправилась к одному великому святому подвижнику и говорит:

— Пробыла 40 лет одна, и так, и так подвизалась, скажи, отче, много ли преуспела и что приобрела?

Старец же ее спрашивает:

— А что, принимаешь ли ты хуления, яко благословения?

— Ни, отче.

— Иди, ничтоже имаши!

Вот видите, чем испытывается преуспевание. Поэтому я говорю: есть смирение — все есть, а нет смирения — ничего нет. Можно даже, говорят некоторые, спастись одним смирением без всяких трудов»⁸¹.

Когда мы так беседовали, пробили часы 9 часов вечера. Мы, как всегда, перекрестились. Батюшка остановился, потом говорит:

— Так они уже бить больше не будут.

— Как? — говорю я.

— 9 часов вечера 4 марта 1908 года, и так они больше бить не будут. Правда, завтра утром они будут бить, и опять вечером, но так уже не будут, ибо это время уже ушло, и каждый звук маятника отнимает у нас время и приближает к смерти...

Потом продолжалась беседа далее; я не помню, о чем мы в то время говорили.

⁸¹ См. слова преп. Иоанна Пророка у преп. Дорофея: *Авва Дорофей*. Душеполезные поучения и послания.... 7-е изд. Калуга, Введенская Оптиная Пустынь, 1895. Поучение II. С. 44.

Потом я сказал Батюшке про дьявольское наваждение и напомнил ему его слова, сказанные им мне раньше.

7 марта

На это ⁸² Батюшка сказал: «Вот и увидели большее, и чем больше будете стараться жить по-монашески, тем более будете испытывать». Я припоминаю, что во время сего наваждения, когда мне стало страшно, я порывисто начал творить Иисусову молитву, и на первом же слове, лишь я произнес: «Господи...» — сразу все прекратилось, хотя, может быть, и на время, теперь уже не помню. Когда я сказал и об этом, Батюшка прибавил: «Да, и познали силу молитвы...»

Под самый конец беседы я сказал Батюшке про псалом, который я читал первым в церкви (105-й). Батюшка достал Псалтирь и велел читать его, я отыскал и начал; когда я прочел строк 10—15, Батюшка велел начать снова, я начал, и когда дочитал почти до того же места, Батюшка закрыл Псалтирь и сказал: «Бог даст, придет время, уясните себе смысл этого псалма», — что-то вроде этого.

Потом, теперь я не помню про кого — не то про св. Петра Дамаскина, не то про о. Феодула, — Батюшка сказал: *Пою Богу моему, дондеже есмь* ⁸³. Более этого ничего не припоминаю.

Было уже 11 часов, и Батюшка сказал мне, чтобы я читал вечерние молитвы, ибо и я их еще не читал и не слышал на правиле. Когда я окончил все молитвы, Батюшка начал читать наизусть некоторые молитвы, из которых я кое-какие припоминаю. Например, Богородицу Батюшка читал раз 12—15, я не считал точно, и из них пять раз прочел я. Потом псалом *Живый в помощи Вышняго* ⁸⁴. Батюшка спросил меня, знаю ли я наизусть этот псалом. Я ответил, что нет. «Я всем советую его знать наизусть, — кажется, так сказал Батюшка, — ибо он избавляет от великих опасностей и имеет великую силу».

⁸² Продолжение беседы от 4 марта. См. запись от 5 марта.

⁸³ Пс. 145, 2. Выражение это любил произносить преп. Оптинский старец Лев.

⁸⁴ Пс. 90.

Затем прочел несколько тропарей, например, «Правило веры...» свт. Николаю Чудотворцу. Поминал святых, память которых праздновалась, и еще очень многих святых. После всего благословил меня, и я ушел.

Кстати, уже запишу еще кое-что из наставлений, бывших на исповеди.

«Когда у Вас бывают какие-либо мечтания, то Вы сами им не противоречьте и не отгоняйте, а просто возьмите, да в них „каменем“; а камень есть Имя Христово⁸⁵, Иисусова молитва. Не гордитесь, не тщеславьтесь ни сами в себе, ни перед другими. Сказано: *не труби перед собой* и перед другими⁸⁶, а считайте себя хуже всех и свыкайтесь с мыслью, что Вы приговорены к адским мучениям, что Вы достойны их и что избавиться от них можете только по милости Божией. Это нелегко, и только святые достигают того, что считают себя достойными адских мучений, и худшими всех считают самих себя».

Сегодня праздник иконе Божией Матери «Споручница грешных». И у меня в келлии праздник: ведь Батюшка благословил меня иконой Божией Матери как раз «Споручница грешных».

Я еще припомнил, что Батюшка говорил о совершенствовании человеков и духов:

«Бога познавать могут люди по мере того, как будут совершенствоваться еще здесь на земле, но главным образом в будущей жизни. На небе все бесплотные блаженные духи все время совершенствуются, подражая низшие высшим (Батюшка перечислил чины, но я не запомнил их). Самые высшие духи — это Серафимы, но и они не видят Бога таким, какой Он есть на самом деле, хотя каждое мгновение с огромной быстротой идет их совершенствование, и они подражают Богу, насколько им возможно. А Серафимам уже подражают Херувимы, и так далее, и наконец, человек подражает Ангелам. И так, друг другу подражая, все стремятся к совершенству, познавая Бога, но никогда ни познать, ни увидеть Его не будут в состоянии, ибо Господь Бог есть существо беспредельное, а все остальные существа, как сотворенные Богом, — ограничены.

⁸⁵ Ср.: 1 Кор. 10, 4.

⁸⁶ См.: Мф. 6, 2.

Была одна попытка не только сравняться с Богом, но даже стать выше Его, и окончилась тем, что сей серафим стал ниже всех и приобрел сразу все отрицательные качества за свою гордость и дерзость. И вот, чем больше здесь живешь, тем все более и более уверяешься, что Господь смотрит только *на кроткого и смиренного*⁸⁷. И потому так и ненавидит гордость, что это есть диавольская, сатанинская черта. Если Господь захочет вам, например, возвестить что-либо, то Он Свою волю возвещает Серафимам, а они Херувимам, и так далее⁸⁸. И уже Ангел-хранитель возвещает Вам. Так, например, Ангел-хранитель сказал Вам, чтобы Вы ехали в Оптину и остались там, а на то, конечно, была воля Божия».

— Да, — говорю я, — у меня спросил один монах: «Как у Вас началось желание поступить в монастырь?» А я и не знаю, как. Помню, что чаще стал ходить в церковь, читать Евангелие, и подобное сему. А как именно явилось это желание, совершенно не могу сказать.

— Да, в Вас было всеяно семя, а как семя растет в земле, никто не знает и не может сказать...

Еще припоминаю, что Батюшка говорил, что человек должен исполнять заповедь: *будьте святы, яко Аз свят есмь*⁸⁹.

10 марта

Начал читать Петра Дамаскина. Мне нравится эта книга. Это серьезная и глубокая книга, и читать ее быстро не могу. Я сказал об этом Батюшке, и он подтвердил мои слова, сказав, что эта книга глубже Аввы Дорофея. «Еще бы, авва Дорофей — это азбука монашеской жизни, хотя, читая ее, можно открывать все новое и новое, и для каждого она является сообразной его состоянию. Она имеет берег, и от берега можно ходить сначала по колени, потом глубже и глубже. А иной — сразу в глубину».

Запишу еще Батюшкины наставления.

⁸⁷ См.: Ис. 66, 2.

⁸⁸ Здесь преп. Варсонофий вкратце излагает основные мысли учения сщмч. Дионисия Ареопагита, часто, к сожалению, отвергаемого современным богословием, — например, протопр. Иоанном Мейендорфом и другими.

⁸⁹ Ср.: 1 Пет. 1, 16; Лев. 19, 2.

«Есть маленький секрет, чтобы легко вставать к утрени и не просыпаться: не осуждать тех, кто просыпается и опаздывает. Если не будете осуждать других, и Вам будет легко...

К обеду вставать за час до начала; я думаю, Вам полчаса достаточно, чтобы умыться, одеться и прочесть утренние молитвы, а затем, не дожидаясь звона, идти в церковь. Посидите, а как зазвонят, начинайте читать синодики ^[14].

За всенощной теперь привыкайте не выходить, а то потом трудно будет; так и брату скажите».

Вчера умер келейник о. Иосифа о. Пахомий ⁹⁰. Это уже второй с тех пор, как мы поступили сюда, а с прошлого года умерло человек шесть, [считая] с этим. Вот вчера Батюшка по этому поводу опять говорил: «В Оптиной верный признак того, что человек скоро умрет, если он просится поехать к родным или вообще желает уехать из Оптиной».

Ходили в монастырь отпевать о. Пахомия ^[15], немного устал, пришлось быть на ногах с 7 до 2-х часов, включая сюда трапезу и утреню (в 12 часов), но в общем ничего, хорошо и бодро себя чувствую. Вообще мне хорошо, и тем лучше, чем я более стараюсь исполнять наставления Батюшки.

14 марта

Времени писать совершенно нет. А со вчерашнего дня мне дано очень много работы по библиотеке.

Эти дни как-то на благословении Батюшка кое-что говорил. На мой вопрос о страхе, который находит на меня иногда в темноте и вообще, Батюшка сказал, что это, конечно, вражье: «Отгоняйте его псаломским словом, как учили Старцы: *от страха вражия изми душу мою* ⁹¹. Спите шесть часов, и три из них должно быть непрерывного сна, так нужно для монаха (то есть три часа непрерывного сна); а если проспите и семь часов — ничего, не смущайтесь, а то враг будет говорить: „А! что? Проспал, проспал!..“

⁹⁰ Монах Пахомий (Сабадаш, 1869—1908), был пострижен незадолго до смерти. Под влиянием различных искушений неоднократно собирался оставить Скит и перейти в другую обитель. Умер от тифа.

⁹¹ Пс. 63, 2.

Когда послушник уезжает из монастыря в солдаты, враг всячески старается закрутить, столкнуть его в пропасть, первым делом подсунуть девчонку...

Книги читайте, но не входите в тонкости, не вдавайтесь в анализ, а молитесь Богу, да просветит Ваш ум. Мне так сказал батюшка о. Анатолий, и на мой вопрос: „Почему так?“ — отвечал: „Запутался!“ Вот так и я говорю Вам. Когда я оделся в подрясник и пришел к батюшке о. Анатолию, он мне сказал: „Ну, брат Павел!..“ И какой музыкой раздались эти слова в моих ушах! Я, вылезший из вонючего болота-мира, весь в грязи, тине, и я — „брат“! Меня называет этот великий Старец своим братом! Вот и я называю Вас „брат Николай“, а Николай Митрофанович остался там, за воротами...

Когда мне дали келлию и я в ней поселился, у меня была самая простая обстановка: кровать из трех тесинок, покрытых войлоком, свернутым вдвое, табуретка, простой некрашенный стол, простые разножки с холстом⁹², немного белья, иконы... И мне было гораздо лучше, чем теперь. У монаха вся радость состоит в смирении, смирении и смирении... и простоте».

Нашего сокелейника брата Ивана перевели от нас к о. Иосифу в келейники. Откровенно говоря, я доволен и за него, и за нас: ему там будет легче, а мы без него будем впадать в празднословие меньше, ибо трое всегда празднословят более, чем двое. Сегодня Батюшка на благословении сказал:

— Вот вы остались двое, а третий кто? — Я говорю:

— Никто.

— Как никто? Третий — Бог!

Мы с ним жили хорошо, мирно, и он нами, по-видимому, доволен остался. Что Бог даст дальше?

17 марта

Вчерашнего дня уже началась Крестопоклонная неделя. А я и не заметил поста. Он незаметен: то одно, то другое — и уже вечер. Свободного времени очень мало, так что почти все время теперь, с начала поста, прохожу послушание помощника библиотекаря, а в библиотеке сейчас очень много дела.

⁹² Легкий складной аналой.

Вот как Господь подкрепляет меня, недостойного: совершенно не тягочусь постом и даже лучшей пищи не желаю; бывают помыслы о прежнем, да это так, мимолетно, даже не беспокоит. Вот иное дело — вообще мирские воспоминания и картины — эти беспокоят, особенно за службой, хотя самая служба мне начинает более нравиться, и я менее тягочусь ею (собственно церковной). Стараюсь слушать службу, хотя это далеко не всегда удастся, обыкновенно бываю очень рассеян за службой.

Прежде я ругал монахов, а теперь, когда сам живу в монастыре, вижу, как трудно быть истинным монахом. И живу я как в миру, ничуть не изменился: все страсти, все пороки, грехи, остался таким же развращенным, страстным человеком, — только живу в келлии, в Скиту, а не в миру. И не стал сразу ангелом, чего я требовал прежде от всякого монаха без разбора, молодой ли он или старый, и сколько живет в монастыре, и не желая ничего принимать в соображение. Теперь я начинаю понимать, что практическое знание собственно только и имеет смысл. Очень легко разглагольствовать и очень трудно «дело делать».

Батюшка сказал: «Читайте теперь, читайте, пока еще есть время; помяните мое слово, что придет время, когда уже некогда будет читать». Я говорю, что и теперь времени нет для чтения. «Ну хорошо, всю неделю работайте, а субботу и воскресенье на чтение употребляйте. Субботу хоть с послеобеденного времени на чтение, а после повечерия можно еще часок почитать».

Батюшка сказал, что о келейном правиле сами должны спрашивать. А правило вот какое: главу из Евангелия, начиная от ев. Матфея, две главы из Апостола, начиная с Деяний и кончая Посланиями (Апокалипсис на келейном правиле не читается⁹³); две кафизмы, помянник и пятисотницу.

— Пятисотницу-то я исполняю, а вот как Псалтирь читать, можно ли поминать родных?

⁹³ В Каноннике изд. отд. Моск. Патр., 1994, с. 585, указывается, что в Оптиной Апокалипсис на правиле тоже читался. Здесь, видимо, указание Старца лично Николаю Беляеву.

— Можно, поминайте.

Я помню, уже давно Батюшка говорил, несколько месяцев назад, что правило надо читать после обеда, и что нам не следует привыкать отдыхать после обеда.

Затем Батюшка сказал: «Если придется пропустить что-либо из правила, не смущайтесь и на следующий день не исполняйте вдвое пропущенное, только надо мне сказать. А то некоторые так рассуждают: сегодня пятисотницу не буду исполнять, а завтра две справлю... Так не надо, ибо впадете в неоплатные долги, а пропустили, так пропустили, делать нечего».

Батюшка еще говорил, что необходимо вычитывать только утренние молитвы. В случае если, например, проспал утреню или часы, то вместо этого нужно только у себя прочесть утренние молитвы. А в случае, если застанешь утренние молитвы, но не с самого начала, то ничего, хорошо, что кончик слышал.

Беседа коснулась существования колдунов. Батюшка вполне утверждает их существование. Он даже сказал, что где-то здесь недалеко есть злейший колдун. А что вообще самые злые колдуны — из евреев. Еще коснулись того, что если явится, например, ко мне Ангел, то что мне делать? «Ни в каком случае не доверять, а перекреститься и счесть себя недостойным видеть Ангела, и Господу будет угодно это смирение, хотя бы это был настоящий Ангел, а не сатана в образе Ангела».

Потом под самый конец Батюшка встал перед образами, и мы стали молиться; вдруг Батюшка опять сказал, что, вероятно, было какое-либо доброе дело у нас или у наших родителей, что мы сподобились такой благодати.

— Не было ли у вашего отца ^[16]?

— Я хорошо, Батюшка, не помню его, мне всего 13 лет было, когда он умер. А вот, кажется (это было на самом деле), папа спас из огня во время пожара одну девочку.

— А, вот что! Спаси, Господи, душу раба Твоего Митрофана! (Батюшка перекрестился). Значит, Вам нужно было это сказать именно сегодня. А когда он умер и когда его день Ангела? Вы в эти дни должны его помянуть, молиться за него.

Батюшка прибавил, что папа видит, что мы за него плохо молимся, и просит у Бога, чтобы Он напомнил нам о долге молитвы

за отца, и Господь вот именно этим разговором с Батюшкой напомнил нам об этом.

— А вот, Батюшка, если будут заставлять читать в церкви, как быть? Ибо Вы еще не благословили.

— Отказываться не надо, если заставляют, Бог благословит. Веруйте, что на пользу будет Вам то, что исполняете за послушание. По вере Вашей и я говорю то, что для Вас потребно. Вот приходят ко мне с верой, и я сам удивляюсь, откуда что берется, вспоминается прочитанное и слышанное, и говорю на пользу по вере вопрошающих. А бывает так, что приходят просто из любопытства, или вообще когда не имеют цели для пользы душевной. И тогда я положительно ничего не могу сказать, говорю: молись, и более ничего.

27 марта

Вчера я первый раз читал в церкви. Пришлось читать воскресную <...>⁹⁴ и повечерие с канонем Ангелу-хранителю. Когда я пришел к Батюшке на благословение, Батюшка начал говорить, что ужасы теперь делаются в миру, повсюду страшное разложение... антихрист открыто идет в мир.

«Я, пожалуй, уже не доживу, а Вы, верую, доживете до страшных времен, но все-таки спасетесь, хотя и доживете, спасетесь в тихом пристанище. Благо тем молодым людям, которые отошли от мира, а то он совершенно затянет. Про мир что и говорить... этот дух плотоугодия вторгается и в святые обители. Поступают в монастырь для того, чтобы поскорее получить рясофор, мантию, священнический сан, да должность какую-либо, или поближе к ящику стать и, конечно, не смотрят на него, а знакомятся с содержанием, совершенно забывая, что это святотатство, что они крадут у Бога; ради куска идут в монастырь, а не ради Иисуса. И при всем при этом желают славы, чтобы их почитали святыми. Ищут славы, от которой прежде не знали, куда убежать».

За обедней Батюшка сказал мне, чтобы я зашел к нему и взял книгу Игнатия Брянчанинова: «Мне некогда читать, а Вы дочитайте это».

⁹⁴ В тексте пропуск.

Когда я пришел, Батюшка дал книгу. Я спросил:

— А Петра Дамаскина теперь оставить?

— Конечно! Этот перерыв ничего не значит; стало быть, так надо, надо Вам это прочитать. Так батюшка о. Анатолий, — при-
дешь, а он благословит что-либо читать, а прежнее оставить. Зна-
чит, так надо.

Потом опять вечером я сказал Батюшке, что последние два дня в особенности приходят мне в голову воспоминания, припоми-
нается, что было за год, за два; вот за всенощной и обедней никак
не мог слушать службы, неизвестно, где была мысль, но что ниче-
го не слышал, так что без всякого чувства ушел от службы. Очень
неприятно.

— Этим Вы не смущайтесь, а укоряйте себя за холодность.

— Да, вот еще, Батюшка: во время чтения, когда Вы дали мне
Игнатия Брянчанинова, часа в 3, и до вечерни (в 5 часов) я успел
прочсть страниц 10 — одна мысль за другой; одну отгонишь мо-
литвой, — другая, эту отгонишь, — третья. Очень трудно сосредото-
читься, не то чтобы одна мысль все время, так сказать, «клевала»
меня, а все разные; даже такие мысли, что, может быть, у Игнатия
Брянчанинова неправда написана, ибо я считал, что он и епископ
Феофан говорят об этом различно.

— Это брань. Враг видит, какую книгу Вы хотите читать, и
старается воспрепятствовать сему, ибо видит, что читать-то Вы хо-
тите за послушание. Поверьте, все, что за послушание с благосло-
вением, — хорошо. А епископ Игнатий и епископ Феофан говорят
не различно; епископ Феофан, так сказать, поправляет епископа
Игнатия, поясняет те места, где есть неясности. А епископ Игна-
тий имел с бесами дело лично, только он об этом не говорит, как,
например, и Серафим Саровский не имел обыкновения рассказы-
вать. Поэтому эта книга написана с опыта личного.

Вот, например, епископ Игнатий жил не совсем в затворе, как
преп. Серафим Саровский, у него было два келейника. Они ему са-
мовар ставили, прибирали в келлии. Однажды приходит келейник
к нему в келлию и не узнает:

— Что это с Вами, Владыко святой?

— Молчи. Ничего, быть может, зарастет. — А у него борода
повыдрана, на полу разбросаны волосы.

— Кто же это, Владыко, выдрал у Вас?..
— Кому нужно это? Бес!
— И больно Вам было?
— Очень!
— Как же это было?
— Да так, возьмет за волос, да и выдерет: ты, мол, такое-то тогда-то доброе дело сделал... И так полбороды мне и вытащил.

Вообще епископ Игнатий не говорил про себя, что с ним было, а выражался иногда так, что «в общежитии борются с бесами как с голубями, а в затворе — как с тиграми»...

Я забыл, когда Батюшка говорил про ужасы в миру, он в то же время прибавил: «И среди других находятся такие чистые души! Господи, Господи! Истинно *свет во тьме светит, и тьма его не объят*»⁹⁵.

1 апреля

Вот уже почти прошел пост, а я его совершенно не заметил.

Идут уже приготовления к празднику. Вчера и сегодня чистили церковную утварь, мыли полы в церкви. Меня тоже Батюшка назначил на это послушание. «Это великое послушание», — сказал он.

Вчера произошла некая неприятность. Я, прежде всего, продавил окно — хоть не совсем, только трещина. Затем, когда мы, я и о. Иван⁹⁶, стали разбирать паникадило, оно упало, в чем, собственно, ни он, ни я не виноваты; оно привешивается на блоке, блок забыли привязать, когда опускали, оно быстро поднялось к потолку и оттуда упало, но попортилось мало, разбилось только несколько стекляшек-висюлек. Я даже не особенно огорчился, когда это произошло, а о. Иван испугался очень. Пошли каяться к Батюшке. Отец Иван прежде всего сказал расстроенным голосом: «Несчастье, Батюшка!»

Батюшка, которого вчера целый день расстраивали, строго сказал: «У нас в Скиту нет несчастий, все — счастье; никогда не

⁹⁵ Ин. 1, 5.

⁹⁶ Рясофорный инок Иоанн (Иван Алексеевич Дмитриев), нес послушания портного в ризнице и пономаря. Впоследствии архимандрит Иоанникий, преподобномученик.

смея так говорить. Что случилось?» Отец Иван не мог объяснить, в чем дело, и Батюшка сказал, чтобы мы уходили, и прислал в церковь келейника узнать пообстоятельнее, в чем дело. Все это повлияло на меня неприятно, и я еще разбил розетку с подсвечника. Потом за работой я забыл обо всем, а по окончании опять вспомнил. Надо было идти на благословение к Батюшке и сказать обо всех крушениях; я боялся и расстроить Батюшку еще больше, и боялся выговора. Я возложил все на волю Божию, помолился и пошел.

Я входил к Батюшке с примесью в чувстве чего-то неприятного, это единственный раз за все время. А вышел от Батюшки в очень приятном настроении, ибо все неприятные чувства, которые на меня навел бес, изобличились и исчезли от моей откровенности (конечно, сравнительной; хотя я ничего не хотел утаить, а все-таки потом подумалось, что хорошо было бы, если бы я и то-то сказал, это забывчивость ненамеренная) и <...>⁹⁷ Батюшкины советы и наставления. Об этом напишу, если буду жив и в состоянии буду писать, в другое время.

6 апреля

Вот уже прошел Великий пост. Сегодня Церковь празднует Вход Господень в Иерусалим, а завтра уже начинается святая Страстная седмица. Получил от Батюшки благословение готовиться. Время летит, его совершенно здесь не замечаешь, только эти дни чувствовалась некоторая усталость под конец дня от уборки и в своей келлии, и по послушанию. Завтра службы продолжительные, я их в прошлом году все-таки выстаивал, хотя и с некоторою борьбой с усталостью. Как поможет мне, еще жив буду, теперь Господь?..

7 апреля

Господь помог мне в этот день. Я выстоял все службы, исполнил келейное правило кроме пятисотницы, которую думаю сейчас справлять, и не особенно устал, а часы и вечерню выстоял легче, чем прошлый год, так мне кажется. Пришлось стоять от 7 часов

⁹⁷ В тексте пропуск.

до 11 с половиной почти не садясь. Присели только за паремиями минут на пять. Я заметил, Евангелие от Марка читалось один час 25 минут (может быть, 20, а не 25 минут, не помню хорошо, только замечал по часам). В 11 с половиной часов кончилось Евангелие от Марка, после него было поучение и вечерня. Еще, значит, час или полтора часа. В келлию пришел четверть 2-го после трапезы.

Сегодня я читаю «сутки»^[17]. Начало, как положено, с вечерни; еще жив буду, то буду читать утреню завтра и потом часы. Сутки я читаю первый раз, и Господь привел меня читать их на Страстной Святой неделе. Слава Богу.

Теперь буду писать, еще жив буду и будет время, в новой книге.

1908 год, 7 апреля. Понедельник Страстной седмицы.
Скит Оптиной Пустыни. Послушник Николай Беяев

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

1908 год (продолжение)

16 апреля

Время летит... Уже прошла половина Светлой седмицы, сегодня среда. Хорошо здесь. Нет сильного подъема чувств, как бывало в миру, а ровно и тихо на душе. Я это время даже забыл как бы, что есть мир со своей мнимой радостью и наслаждениями, даже забыл о родных, хотя молюсь за них всех каждый день.

Я вполне удовлетворяюсь здешнею жизнью. Не говорю, что я удовлетворяюсь своею жизнью, своим поведением, — нет, я говорю про колею, устой сей жизни. В миру я даже более в свое время был доволен своею жизнью, не замечая и не чувствуя своих грехов и проступков против Бога и ближнего, а здесь я начинаю чувствовать некоторые свои грехи. Здесь совесть более обличает, и я стараюсь очищать ее по мере возможности у Старца искренним откровением помыслов и поступков. Говорю «искренним» потому, что говорю Батюшке все от себя, никто меня к тому не принуждает; хотя есть все-таки у меня желание оправдаться, но я в этом самом каюсь Батюшке.

Я познал, кажется, силу и необходимость откровения, ибо сам на себе чувствую то великое облегчение, то успокоение и умиротворение совести, которое бывает после откровения. Проступок, который все время помнишь, и он тебя беспокоит, почти забываешь, когда скажешь о нем Батюшке. Поэтому я решил всегда быть откровенным с Батюшкой и всячески хранить свою совесть...

К празднику Батюшка благословил купить куличик и пасху, и вообще подобного утешения. Я и купил кулич, полфунта баранок,

два фунта сухарей, творогу, и еще прежде были карамели, — вот и все, что я купил. Все это так бедно сравнительно с домашним московским угощением, но я вполне довольствуюсь этим и не вспоминаю о прежних московских лакомствах и угощениях. Я более ничего не желаю. А что касается службы, то она более утешает, чем в миру, даже утренняя, которую я прежде стоял и думал, как бы поскорее до келлии добраться и в постель, — теперь нравится, в особенности теперешняя пасхальная, и я не устаю и не дремлю по Божией милости. Вот я и думаю: вовсе не тот счастлив, кто имеет много и многим наслаждается, а тот, кто большего не желает, чем то, что имеет, и удовлетворяется тем, что у него есть.

Наступает весна, все оживает; днем бывает тепло. Птички пищат, поют, прыгают, вся природа хороша; я заметил, что с прошлого года я стал более любить природу, немного чувствовать ее красоту. Прежде я любил ее почти только в одном воображении, в мечтах. Сижу я все время у себя в келлии, и никого и ничего мне не надо. Пишу и читаю — и мне хорошо.

Сегодня за трапезой читал один манатейный монах ^[18], — он мне казался всегда довольно странным, грубым, даже холодным, — и вот сегодня он читал очень хорошо, с чувством, с выражением, по обыкновению, и вдруг заплакал от умиления. Он, по-видимому, очень сдерживал себя и продолжал читать далее. Вот как легко обмануться в человеке; поэтому никогда нельзя осуждать кого-либо, особенно по наружному поведению и виду. Удивительная эта страсть, и как трудно с ней бороться: и не хочешь осуждать, а все-таки осуждаешь.

19 апреля

Вчера получил телеграмму от епископа Трифона. Поздравляет с праздником. Вот ее текст: «Да благословит Вас Воскресший Спаситель. Епископ Трифон». Коротко, но утешительно для нас, то есть для меня и Иванушки. Это единственная полученная нами весть из Москвы или еще откуда-либо к Празднику, — и благодарение Богу. Я сказал об этом Батюшке.

Ему это, по-видимому, приятно было слышать. «Спаси его, Господи, за Вас! — сказал Батюшка. — Великое дело — архипастырское благословение. Сам епископ может быть и грешным, как все

люди, но его благословение и молитвы имеют великую силу. Как диавол ни восставал против Вашего поступления в монастырь, какие препятствия ни строил, чтобы опять столкнуть Вас в то вонючее болото, — все одолели его святые молитвы».

Я помню, в Москве как-то раз пришли мы вместе или я один, — хорошо не помню, — к Владыке. Он всегда принимал нас очень хорошо, так же и на этот раз. Мы переговорили, о чем было нужно, и вдруг Владыка говорит: «Эти дни я все что-то вспоминал Вас и, признаться, даже молился за Вас. С вами ничего не случилось особенного?» Теперь я уже хорошо не помню, только я ответил, что, кажется, ничего. А все может быть, что что-либо и было, если и не около нас и не в чувствительном мире, то в другом каком-либо месте: или моем мысленном мире, или даже среди бесов, — только мы были ограждены святительскими молитвами и ничего особенного не почувствовали.

Однако возвращусь к вчерашнему. Я говорил Батюшке о телеграмме на его крыльце после вечерни. Батюшка сказал, чтобы я зашел к нему на минуточку, мы вместе вошли. Положив поклоны, Батюшка взял со стола восковое с украшениями яичко и, подавая его мне, сказал: «Я хотел дать Вам яичко». Я взял и поблагодарил Батюшку. Затем он спросил, не играю ли я на каком-либо музыкальном инструменте. Я ответил:

— Нет, пробовал немного, да ничего не вышло.

— А брат Иван?

— Да.

— Так Вам, значит, предстоит играть в душе, по слову: *Пою Богу моему, дондеже есмь*⁹⁸. Эта чудная гармония замечается немного у Пифагора, но он был язычник, у него могли быть только чуть заметные намеки. Из его сочинений почти до нас ничего не дошло, маленькие отрывочки. А полнота этой гармонии — у пророка и псалмопевца Давида в его псалмах... Это пение — достояние иночества...

Более не помню, кажется, ничего не сказал Батюшка дальше.

Я сам сказал Батюшке, что вспоминаю теперь всякие вещи, случаи, слова, поступки, игры, бывшие несколько лет [назад], даже

⁹⁸ Пс. 145, 2.

лет за 5—10, с малейшими подробностями иногда. На это Батюшка только сказал: «Да», — и больше не помню. Прежде на то же самое мне Батюшка сказал, что это брань. Действительно, только Иисусовой молитвой и можно отогнать их, да и то иной раз не скоро и не особенно легко. Читать иногда почти совершенно не дают.

Кроме того, теперь еще эта скоромная молочная пища ослабляет как-то после поста, спать хочется во время чтения. Читаю я теперь опять Петра Дамаскина, иногда, когда понимаю, замечательные вещи, мысли попадают мне, как-то открывает он глаза на дело, так просто и ясно покажется все и в то же время премудро.

22 апреля

Сегодня получил письмо от мамы, очень короткое. Поздравляет, благословляет и сообщает, что в Москве было страшное наводнение, так что во многих храмах на Светлую заутреню не было службы. Мало что я слышу здесь о мире, а что доходит до меня, то почти одни ужасы, и как-то доволен бываешь, что Господь вывел нас из мира, удалил нас от этих ужасов.

Завтра память св. великомученика Георгия и Царский день, в монастыре бдение; скитяне пошли на бдение, а я читаю Псалтирь с 6 до 8 часов, и потому Батюшка благословил мне не ходить. Значит, у меня будет свободное времечко, и я напишу кое-что.

Работал вчера и сегодня в саду, сгребали и носили листья для удобрения к крыжовнику.

Батюшка благословил читать 2-й том Игнатия Брянчанинова.

Батюшка назначил мне [вместе] с о. Кукшей^[19] послушание: составить чин всех служб церковных, которые отличаются от обыкновенных, например: Вынос Креста⁹⁹, службы Страстной седмицы и т. п. Это для того, что за неимением таковых во время самой службы происходят замедления, замешательства и даже пропуски, во избежание их и желательно иметь особую книжечку с чином каждой службы.

Надо записать про келейное правило. Все читать на славянском языке, а порядок чтения такой: сначала две кафизмы со всеми молитвами и поклонами, затем две главы из Апостола, главу

⁹⁹ Видимо, речь идет о чине Крестопоклонной недели.

Евангелия и Помянник. Это все я по благословению Батюшки справляю после трапезы до чая. Остается пятисотница на вечер от 9—10 часов, после благословения перед сном.

Как-то раз Батюшка сказал мне:

— Я Вам после Пасхи дам лошадку, сами съездите в Козельск (купить, что требуется для меня).

— Что Вы, Батюшка, да я с трудом в монастырь из Скита выхожу.

— Значит, из Вас выйдет хороший монах, — сказал Батюшка и, кажется, приложил мне ко лбу свою руку.

Тогда я подумал: что за странность? К чему Батюшка благословляет ехать, когда я вовсе не просился? А потом подумал, что это Батюшка сказал, желая испытать меня.

Как-то на 6-й неделе поста, чуть ли не в среду, заходил к нам в келлии Батюшка^[20]. Иванушка поставил самоварчик, попили чаю, говорили более о практической надобности. Батюшка благословил помыть и почистить келлии к празднику, да и чтобы было в келлии чисто и прибрано всегда... «Вот Георгий, Задонский затворник, — у него все было самое простое, но нигде ни пылинки».

Затем, во избежание «угрызений» сахара, которые иногда случаются с Иванушкой (да и я нет-нет да и пососу кусочек сахару), Батюшка благословил купить конфет. «Это не грех, только надо меру знать, а то некоторые, когда поступают, чуть ли не по весу пищу едят, а потом в излишество впадают; так лучше укорять себя и иметь конфетки, зная меру».

Затем коснулись немного смысла одного псалма по вопросу Иванушки, а потом Батюшка сказал вообще про все книги Ветхого Завета, что их текст поврежден¹⁰⁰. Случилось это таким образом.

«По Воскресении Христовом апостолы указывали на пророчества, которые исполнились на Иисусе Христе, евреям, доказывая им истину их собственными книгами. Тогда евреи дерзнули вычеркивать и изменять те места, которые относились ко

¹⁰⁰ Имеется в виду, что искажен текст Библии на современном русском языке. Переводу 70 толковников в точности соответствует Библия на церковнославянском языке.

Христу и Его Воскресению. Таким образом они повредили все книги. Но Господу было угодно сохранить текст книг непреложным для всех последующих верующих. За несколько сот лет до Рождества Христова царь Птоломей пожелал перевести Библию евреев на греческий язык, как общеупотребительный в то время. Это, конечно, было промыслительно. Для этой цели он вызвал ученейших людей, знавших хорошо оба языка (и греческий, и еврейский), и поручил им перевод Библии. Они переводили каждый в отдельности и потом все сверили. Так образовался перевод 70-ти толковников на греческий язык, и в нем мы имеем истинный текст Библии. Это вы затронули очень важный вопрос».

Началось это с того, что мы стали просматривать псалом на русском языке, сделанный с греческого, и еще какой-то, тоже русский, перевод ¹⁰¹.

Еще Батюшка сказал, что теперь евреи для русских евреев печатают и продают именно искаженный текст, а также и Псалтирь. Распространяются теперь эти книги книгоношами, и потому можно, так сказать, «налететь» на такую историю, что, конечно, нежелательно ¹⁰².

Книгу Игнатия Брянчанинова том 3-й ¹⁰³ я давно уже окончил. Теперь читаю опять Петра Дамаскина и, если Бог даст, начну Игнатия Брянчанинова том 2-й. Том 3-й мне очень понравился. Как-то я Батюшке сказал, что, несмотря на то, что вообще мне книга понравилась, есть в ней некоторые места, в которых я чувствовал некоторое сомнение, например, мытарства, или еще: Престол на небе, чины Ангелов, рай и тому подобное.

«Все это, — отвечал Батюшка, — надо духовно понимать; это только намек на самую действительность, а некоторые, не понимая, что здесь все в высшем духовном смысле сказано, соблазняются. Например, на небе пред Престолом Бога завеса, которая раздвинулась, когда подошла к ней блаженная Феодора... Конечно, это надо

¹⁰¹ Видимо, с еврейского. Синодальный перевод Псалтири сделан с масоретского еврейского (т. е. испорченного) текста.

¹⁰² В наше время это особенно актуально.

¹⁰³ *Игнатий (Брянчанинов), свт. Сочинения: В 7 т. Т. 3. Слово о смерти.*

понимать в духовном смысле. Подобно тому как говорят, что у евреев было на глазах покрывало, — ведь это не значит, что действительно над всеми евреями было некое вещественное покрывало. Или еще говорится про Серафимов, что они закрывают лица крыльями. Какие же могут быть у них крылья? Это значит, что они не могут видеть всей славы Божией...»

24 апреля

Послушание — составление чина служб — пока или совсем отставлено от меня, по каким причинам, не знаю. Вероятно, о. Кукуша сказал Батюшке, что он один сможет это дело сделать, как говорил мне. А я теперь главным образом работаю на послушании в саду. Видимо, Господь подкрепляет меня, грешного. На самом деле: не привыкший к физическому труду, хотя и обладаю некоторой физической силой и выносливостью, сегодня я работал почти целый день.

Встал в 6 с половиной часов утра, убрал келлию, молился (часы) до 8 часов, затем поставили самовар, и к получасу 9-го я уже был на работе. Работали без отдыха до трапезы, то есть до 11 часов. После трапезы я справлял, по обыкновению, правило с 12 до 1.30, после чего — чай до 2-х часов и сразу на работу, и до 5.30 работали с отдыхом одним минут в 15. Потом я умылся, переоделся и пошел читать Псалтирь (к вечерне не ходил) и до 8 часов вечера читал; из этого времени на трапезу минут 15—20, и теперь я в келлии. Уже полчаса 9-го, мне еще читать вечерние молитвы и пятисотницу справлять, и я чувствую в себе достаточно для этого сил. Почти весь день на ногах; 11 с половиной часов на ногах за работой и на молитве, и почти 2 часа, немного более, на отдых в сидячем положении за трапезой, чаем и на работе, которая не из особенно легких: копали и возили на себе навоз для удобрения. И еще на ногах за молитвой пробуду, аще сие Богу угодно, часа полтора. И, слава и благодарение Богу, не устал. Аппетит хороший чрезвычайно после работы, трапеза еще слаще кажется, чем обыкновенно. До утренней трапезы есть очень хотелось, даже маленько ослаб, а подкрепившись, — опять ничего. Начинаю узнавать, что такое физическая работа — как работа, а не развлечение, как бывало в миру. Слава Богу за все!

27 апреля

Сегодня за обедней Батюшки не было, а на ектении диакон поминал игумена Варсонофия о здравии. Уж не заболел ли опять Батюшка? Вчера не было заметно чего-либо подобного; стоял Батюшка всю всюнощную, но не служил, следовательно, мог бы уйти, однако достоял до конца, хотя и выходил за кафизмами минут на 10 из церкви. Но да будет воля Господня!

Вечером

Батюшка, должно быть, здоров, ибо он служил позднюю обедню в монастыре. Мне не пришлось быть на благословении — читал Псалтирь. Эти часы чтения у меня, должно быть, хотят взять. Сегодня говорил отец пономарь, что он скажет, когда мне читать завтра; вероятно, от 6 до 8 часов утра, — он так говорил.

30 апреля

Завтра 1 мая, память преп. Пафнутия Боровского. Братия пойдет в монастырь на бдение, а завтра на колодец. Я не знаю хорошо, как все это будет; еще буду жив и Богу изволится, узнаю завтра. Эти дни все время с утра до вечера был на работе. А сегодня работают только до обеда.

Вчера с полчасы 9-го до 9 часов вечера оба были у Батюшки. Все время спрашивал почти я один у Батюшки о своих недоумениях и вопросах, а Иванушка только слушал. Вот я и думаю с Божией помощью записать про вчерашнее.

— Вот, Батюшка, — начал я, — Вы не раз говорили, чтобы я держался за пятисотницу. Что это значит?

— Держаться — значит аккуратно и исправно исполнять ее в положенное время. Вот и батюшка о. Амвросий так говорил одному из своих учеников, схимонаху о. Мелхиседеку, который мне передавал об этом сам: «Держись за пятисотницу как за спасительное вервие — не заблудишься». Почему так? Очевидно потому, что в ней есть некая сила. Батюшка о. Амвросий не открыл нам, какая это сила и в чем она заключается, но можем думать, что в произношении имени Господа Иисуса Христа. Другие думают, что сила в том, что пятисотница ведет свое начало от древних святых Отцов Египта и Палестины...

Вам известно, что англичане везде шляются... Один раз компания англичан, человек двадцать, услышали, что есть в Америке или в Африке, не помню, какая-то пещера, из нее слышится шум, и она, тем не менее, совершенно не исследована. Они решили исследовать ее. Взяли с собой громадной длины бечеву. Конец ее привязали у входа в пещеру, положили связку бечевы на тачку и с факелами пошли в пещеру, разматывая за собой бечеву. Так они шли, поднимаясь вверх, опускаясь вниз, а бечева все разматывалась. Пришли они вдруг на берег подземного моря, из него вынырнуло какое-то чудовище — страшное, что-то среднее между рыбой и змеей, испугавшись света, оно опять спряталось. Этим они доказали, что есть подземные моря. Так они шли по берегу, пока не вышла бечева. Когда же она вышла, они, спокойно держась за нее, вышли опять на свет. Для них эта бичева была «спасительное вервие», они не заблудились. Так и здесь пятисотница есть подобное сему «спасительное вервие».

— А вот, Батюшка, когда справляю пятисотницу, всякая глупость в голову лезет, так мысль и скользит по всему, что придет в голову.

— Когда читают всякие другие молитвы, все еще ничего; когда же начинают справлять пятисотницу, сразу нападают помыслы. Враг сразу ополчается. Вот из этого мы познаем, что пятисотница имеет великую силу, если она столь ненавистна врагу...

— А за службой, Батюшка, вовсе не надо творить Иисусову молитву?

— Если Вы слышите то, что читают или поют, то не надо творить, надо внимать читаемому, а если не слышите, то творите. Хорошо это запомните. Так батюшка о. Амвросий говорил.

— Справлять пятисотницу без балахона и подрясника, в рубашке, можно?

— Да, можно, пока Вы еще не рясофорный, а простой послушник.

— Перебирать четки без молитвы нужно или нет, ибо я слышал, что надо, а это мне кажется странным.

— Без молитвы это, конечно, бессмысленно, один процесс перебирания шариков, — и только. Другое дело, когда при разговоре с другими быстро перебирают четки с молитвой: «Господи, поми-

луй; Господи, помилуй; Господи, помилуй!..» Иногда говорят и другие молитвы по четкам, например, «Богородицу» сто раз, такая епитимия бывает. А без молитвы не надо.

— Четки всегда должно иметь при себе?

— Обязательно. За послушанием в ограде монастыря они должны быть за поясом. А когда Вы выходите за ограду монастыря — в город, например, или на сенокос, то они должны быть в кармане.

— Вот, Батюшка, авва Дорофей, преп. Петр Дамаскин, епископ Игнатий (Брянчанинов), — все говорят, что необходимо внимать себе, проверять свою жизнь за день вечером, а за ночь — утром. Так вот, благословите Вы мне так же проверять себя?

— Бог благословит! Проверяйте себя и кайтесь в согрешениях своих. Конечно, утром припоминать нужно только грубые отступления, например, проспал и опоздал к утрени, осудил за утреней кого-либо, вольно держал себя и тому подобное, ибо ночь проходит у нас во сне, а у древних отцов она проходила во бдении. Епископ Игнатий говорит: «То, что святые Отцы древних времен относят к новоначальным, может теперь относиться только к значительно преуспевшим инокам». Действительно, и Вы, может быть, скажете, что теперешнее монашество мало походит на прежнее. Проверка своей жизни приводит к познанию своих грехов; познание своих грехов приводит к познанию своей немощи и покаянию, а это приводит, в конце концов, к мысли о Боге и о смерти.

А вполне определенного здесь ничего не может быть. Поэтому достаточно будет, если мы будем вспоминать свои согрешения, проверять свою жизнь и каяться в своих согрешениях, бывших за день и за ночь: «Прости мне, Господи, что я оскорбил брата, или сделал то-то и то-то».

— Эти дни мне совершенно некогда было читать, а когда я читал последний раз, мне очень трудно было читать; самые разнообразные мысли не давали сосредоточиться, от этого даже пропадала охота читать.

— А Вы выйдите на терраску, посидите, мирный вид на Вас будет наводить молитвенное чувство. Стоит только взглянуть на нашу церковь... Помыслы отогнать не в Вашей силе, а не принять — в Вашей. Имя Иисусово отгоняет их. А иногда нарочно попускает-

ся помыслу беспокоить Вас, надо потерпеть помысел, не соглашаясь, однако, с ним...

У батюшки о. Амвросия не было особенно приближенных учеников, только вот о. Анатолий был действительно приближенным, его сотаинником, так сказать. Врагов у него не было, он всех любил, даже тех, которые его не любили, он их как бы более любил, чем других. А такие были, и сейчас есть в монастыре, которые не могут слышать про батюшку о. Амвросия. Воистину *несть пророк без чести, разве только во отечествии своем*¹⁰⁴. Преподобного о. Серафима Саровского почитала вся Россия, а в монастыре его ненавидели... Да, несть пророк без чести, токмо во отечествии своем...

4 мая

В будни я продолжаю работать в саду. Сегодня воскресенье. Хотел сейчас почитать, да не могу что-то. Думаю с Божией помощью записать кое-что.

1-го мая мне опять удалось поговорить с Батюшкой немного, но я очень был доволен. И Батюшка был очень ласков и говорил хорошо... Одним словом, я очень остался доволен этим вечером.

— Ну что, ходили на колодец?

— Да, Батюшка.

— Понравилось Вам?

— Да.

— Да, я тоже ходил 10 лет. Как бодро себя чувствуешь. Отчасти это от прогулки на свежем воздухе, а главным образом это — благодатное...

— Только сегодня немного проспал, простите, Батюшка. К обедне не опоздал, даже до начала пришел, а утренних молитв не прочитал. Конечно, я их вычитал после обедни.

— Ну, что делать. Другой раз, если так случится, то можно делать так: начните читать молитвы в келлии, а окончите их по дороге: ведь Вы знаете их на память. Утренние молитвы можно так, а вот вечерние неудобно, ибо их надо с открытой головой читать, даже клобуки снимают во время чтения их. А утренние можно.

¹⁰⁴ Ср.: Мф. 13, 57; Мк. 6, 4.

— А вот, Батюшка, если пропустишь утром или вечером проверку себя?..

— Пропустил так пропустил, что делать. Не сразу можно привыкнуть...

— А если проверяешь, то Вам потом говорить, что было, или нет?

— Цель такой проверки себя — получить навык в этом. Сначала будете пропускать, может быть, по три дня, а потом эти пробелы будут все меньше и меньше, и через 10 лет Вы уже приобретете этот навык — всегда проверять себя. А после проверки говорить мне не надо, только самое важное, только грубые отступления...

— Ну, например, проспал?

— Да, это важно.

— Или еще пустословие? И самому неприятно, что пустословишь, а всё не перестаешь.

— Да, и это очень важно. Это в Вас зачатки внимательной жизни. Когда кто пустословит, тогда он не может внимательно жить, постоянно рассеиваясь. От молчания рождается безмолвие, от безмолвия — молитва, ибо как может молиться тот, кто находится в рассеянии? Внимание себе, внимательная жизнь — цель монашества. Сказано: *внемли себе*¹⁰⁵. Молчание, без которого никак нельзя жить, есть подвиг. Ибо, когда кто молчит, то враг тотчас говорит другим: «Смотри, какой он гордец, даже говорить с тобой не хочет». А это вовсе не так. Отсюда скорби. Поэтому, если кто решается на этот подвиг, тот должен приготовиться к скорбям. Да и само оно не скоро и не легко дается.

А почему оно так высоко и необходимо, то это потому, что «молчание есть тайна будущего века»¹⁰⁶. Кто молчит, тот прямо готовится к будущей жизни. Батюшка о. Макарий это часто говорил: «Посмотрите, все святые молчали: преп. Серафим Саровский молчал, Арсений Великий молчал. Да потому он и великий, что молчал. Когда его спросили, почему он все время молчит, он отвечал: „Поверьте, братья, что я вас всех люблю, да не могу быть и с вами, и с Богом, поэтому я и убегаю от вас“¹⁰⁷. И Иоанн Лествичник

¹⁰⁵ Втор. 15, 9.

¹⁰⁶ См.: *Иоанн Лествичник*. Лествица. Слово 27, 30.

¹⁰⁷ Жития святых свт. Димитрия Ростовского, 8 мая.

говорит: «Когда я говорил даже о душеполезном, я часто раскаивался, а в том, что молчал — никогда». Батюшка о. Макарий говорил: «Был великий Арсений, и у нас в России был бы свой великий Арсений, если бы он пошел другой дорогой, это — Игнатий (Брянчанинов). Это был великий ум!»

Еще в прошлую беседу про Игнатия (Брянчанинова) Батюшка сказал:

— Вы не знаете, что было, когда хоронили епископа Игнатия?

— Нет, Батюшка.

— Ангелы доринесли ¹⁰⁸ его душу и пели: «Архиерею Божий, святителю отче Игнатие» ¹⁰⁹. Вот была ангельская песнь!..

Я помню, еще до Пасхи Батюшка говорил мне: «Есть еще один скит на Белом море, за Соловками, вроде нашего ¹¹⁰. Были бы и еще, только старчества нет в них. А у нас здесь благодать. Вот в монастыре все завалены послушаниями, но сюда к нам не хотят. Не могут жить в Скиту. То, что для нас самое приятное — сидеть в своей келлии — того они и не хотят...»

Да, поистине хорошо у нас в Скиту! Начинаю, кажется, понимать Батюшкины слова: «Как нам благодарить Тебя, Господи, что Ты оторвал нас от мира и привел сюда?» Теперь я *едино прошу от Господа: еже жити мне вся дни живота моего в дому Твоем* ¹¹¹. Я только смысл написал псаломского изречения, оно не совсем такое, не тот порядок. Иванушка сказал мне, что ему Батюшка говорил, что эти слова прямо относятся к нам, монахам. Воистину так!

Вечером

Сейчас от Батюшки. Я, кажется, ни одного слова сам не сказал, разве только на вопросы. А сам Батюшка начал говорить и рассказал следующее:

¹⁰⁸ Дориношение — торжественное сопровождение императора под склоненными копьями царской свитой, оруженосцами, телохранителями (2 Макк. 3, 28). См.: *Дьяченко Г., прот.* Словарь церковно-славянского языка.

¹⁰⁹ Имеется в виду ангельское пение тропаря Святителю, услышанное А. В. Жандр 19 мая 1867 г.: «Православия поборниче... Архиереев Богодухновенное украшение...»

¹¹⁰ Анзерский — Свято-Троицкий или Голгофский.

¹¹¹ См.: Пс. 26, 4.

«Был у меня один знакомый, который и сейчас еще жив. Это был очень образованный человек и артистически настроенный. У него были аскетические наклонности. Не раз мне приходила мысль: что бы ему поступить к нам сюда, в Скит! Я ему это говорил, когда еще не был в мантии. Говорил, что мир со своими обольщениями силен, чтобы он опасался. Он отвечал, что его идеал слишком высок, чтобы снизить его до таких низин. И вот, когда я поехал в Манчжурию, я получил известие, что он женился. Я очень опечалился этим известием. Потом, пожив годик с женой, он расстался с ней чуть ли не с проклятиями на устах... Да, не вотще сказано в Евангелии: *Имей мя отречена... жену поях...*¹¹² Сам по себе брак — великое Таинство. Сам Господь освятил его. Да вот в чем дело: в Евангелии сказано, что уготовал Господь вечерю и послал созывать званных на вечерю¹¹³. А они не пошли, говоря: *Имей мя отречена*. Почему? *Жену поях, супруг волов купих*. И сказано далее: «Разгневался царь: идите на халуги и соберите убогих»... И наполнился дом. Господь звал к Себе в генералы, в министры — они не пошли. Не хотят, так не надо! Господь, создавший Вселенную, может Себе еще кроме них найти...

Да, обыкновенных иноков много. А есть такие, которые горят особенною любовью, *поклоняются духом и истиною Господу*¹¹⁴. Это чистейшие идеалисты, без всякой примеси. Таких вот и ищет Господь, особенно зовет к Себе. Вот я и думал, что, может быть, этому моему знакомому Господь благословит быть старцем. Он мог бы быть, а теперь и не знаю, что из него выйдет...»

Сейчас не могу более писать, может быть, что и опустил, некогда думать. Если Бог даст, вспомню, в другое время напишу.

14 мая

11-го числа получил письмо из Москвы: сообщают, что 9 мая в 6 с половиной часов утра скончалась бабушка¹¹⁵, пережившая

¹¹² Лк. 14, 19—20.

¹¹³ См.: Лк. 14, 16—24.

¹¹⁴ Ср.: Ин. 4, 23—24.

¹¹⁵ Пелагия Григорьевна Беляева была матерью отца семейства, Митрофана Николаевича Беляева.

всех своих 14 детей, из которых папа был последним и схоронен уже четыре года назад. Царство ей Небесное! Не знаю, как об этом подумать: я при этом известии совсем не опечалился, хотя мысль об этом и заняла на некоторое время мой ум. Настроение обычное, жизнь вся кругом течет по-прежнему, ровно и мирно, и я вместе с общей жизнью.

Теперь очень хорошо в Скиту: все распускается, зеленеет, аромат... То, что я сейчас получаю от природы, для меня до сих пор было неизвестно. Этим может наслаждаться только человек, живущий среди природы. Здесь у нас, в Скиту, — рай земной (если так можно сказать), который мне еще дороже, главным образом, потому, что им я надеюсь приобрести рай Небесный. Утешает нас Господь — нас, живущих среди природы, нас, бежавших от мнимых удобств, суеты и зловония городской жизни... У нас на вратах, на стороне, обращенной к Скиту, к церкви, написано: *Коль возлюблена селения Твоя, Господи* ¹¹⁶, — и воистину так.

Сколько раз Батюшка говорил мне, вернее сказать, при мне: «Как нам благодарить Тебя, Господи, что Ты вселил нас здесь!» Кажется, начинают проникать мне в сознание и чувство эти слова.

Батюшка говорил мне: «Ни на минуту не подумайте, что Вы сами пришли сюда; если что-либо есть и было с Вашей стороны, то это только то, что Вы не противились». Да, это так.

Я помню обстоятельства поступления моего в Скит и мои чувства... Я вижу, чувствую, что сбылись надо мною слова, прочтенные мною у епископа Феофана («Путь ко спасению»): «Благодать, действуя в человеке, показывает ему, дает чуть-чуть ощутить сладость духовной жизни и быстро скрывается, поставляя человека на точку безразличия, где и требуется уже от самого человека произволение на новую жизнь» ¹¹⁷.

Вот то, что я был на точке безразличия при поступлении в Скит, я теперь хорошо, ясно вижу ^[21]. Почему я склонился на ино-

¹¹⁶ Пс. 83, 1.

¹¹⁷ *Святитель Феофан Затворник*. Путь ко спасению: краткий очерк аскетике. Отдел III. О том, как совершается, зреет и крепнет в нас христианская жизнь, или там же о порядке богоугодной жизни.

ческую жизнь, не знаю. Теперь я склонен думать, что меня перетянули сюда молитвы Батюшки, который очень желал, чтобы я и Иванушка поступили сюда, и молитвы епископа Трифона. Кроме этого, за нас еще молились и в миру, и здесь: в Скиту и монастыре. И в Московском Чудовом монастыре — о. Серафим, и в Бого-явленском — о. Иона с келейником о. Михаилом^[22]... Сначала нас сюда не принимали; когда же приняли, когда мы уже уговорились с Батюшкой, у меня явились мысли подождать или идти в другой какой монастырь, и другие скверные мысли (оправдались Батюшкины слова, что диавол сразу нападет), но Батюшка снова меня успокоил, и я очень спокойно решил все бросить в миру и перебраться скорее в Скит.

Не знаю, почему я все это писал; на днях мне приходили подобные мысли в голову... Скоро надо идти на молебен в монастырь.

Вчера Батюшка говорил нам про утреню, запишу самое важное из его слов: «Утренняя в Скиту у нас имеет громадную важность. На ней держится вся скитская жизнь, но она также представляет немалую трудность. А для нас, привыкших в миру поздно вставать, это одно из самых трудных положений скитской жизни. Поэтому не надо давать себе поблажек *сначала*: надо положить твердо *встать во что бы то ни стало*. „Смотрите, не просыпайте утреню, — говорил мне о. Анатолий, — *это очень опасно*: бывали случаи, что многие от этого уходили и пропадали“. Сразу надо браться за это дело, с самого начала. Вот и мне за молитвы Старцев это далось ничего...»

Более не помню, да и некогда сейчас писать.

18 мая

Сегодня приехали мама, тетя Лара и Коля^[23]. Мама прежде беспокоилась, что нам здесь трудно или плохо, а теперь, кажется, вполне успокоилась, видя нас здоровыми и благодушствующими. Это хорошо. Мама вообще хорошая, спаси ее, Господи!

Вот Коля хочет тоже поступать в монастырь, то есть бросить мирскую жизнь, желал бы поступить в наш Скит. Не знаю, что подумать об этом. Уж очень он весь расстроен; едва ли послушание какое можно ему дать. Конечно, *сила Божия в немощи совершает-*

ся¹¹⁸. Тетя Лара спрашивала в Москве монахов: они советуют, говоря, что он будет прямо «блаженным». Как и что Батюшка скажет? Мама ему понравилась. Батюшка благословил нас ходить к ним на гостиницу. Вообще я думал, что будет хуже при их приезде. Маме Оптина очень понравилась. Она будет говеть, что очень хорошо. Что Господь даст завтра?

Вот опять я это все принял довольно спокойно, немного удивился, но не опечалился и не обрадовался, и в общем настроение хорошее, как все это время.

20 мая

Завтра уже отдание Пасхи... Время летит. Я немного, кажется, привык к порядку скитской жизни, полюбил его, и отступления от него мне не нравятся. Поэтому и хождения на гостиницу к маме, тете Ларе и Коле производят не совсем хорошее впечатление. Главным образом, это происходит от пустословия и смеха, в которые я там впадаю по прежней мирской привычке. Все последнее время я старался молчать, отвечать только на вопросы.

Как-то вечером я с Батюшкой погулял по Скиту даже несколько часов (два-три). Всего не упомнишь, что говорили, да много говорили не относящегося к моей духовной жизни. В общем, мне приятно было. Батюшка действительно обходится прямо с братской простотой не только со мной, но и со всеми, что ему даже некоторые несправедливо ставят в укор, говоря, что он начальник. В древних монастырях не было начальнических отношений между аввою и учениками; так и наши Оптинские старцы делали и учили, что не должно быть натянутых отношений.

Ну, так. Я, собственно, хотел записать Батюшкины слова о молчании.

— Вот, Батюшка, — говорю я, — мне молчать очень понравилось, так что всякий разговор тяготит меня, и я стараюсь скорее уйти; я понял, что Вы благословили мне молчать.

— Да, больше молчите. А если что спросят, даже в церкви, ответьте без всякой раздражительности, не показывая угрюмого вида. Бог благословит.

¹¹⁸ Ср.: 2 Кор. 12, 9.

Теперь я уже забыл, а Батюшка что-то говорил о «Слове о молитве Иисусовой» епископа Игнатия Брянчанинова¹¹⁹. Кажется, Батюшка сказал, что тут вся монашеская жизнь изображена. Прошлый год на Пасху Батюшка давал мне книгу «О Иисусовой молитве» епископа Игнатия Брянчанинова почитать, говоря: «С внешней стороны Вы немного ознакомились с монашеской жизнью, с ее внешним строем, а вот тут Вы увидите внутренний смысл монашеской жизни», — что-то вроде этого, не помню, сказал ли слово «смысл» или нет...

Однако вон куда я удалился... а хотел сказать, что с тех пор, как приехали наши, я много времени провожу в разговоре и рассеянности, в противоположность последним дням, поэтому и за молитвой никак не могу сосредоточиться и удержать блуждающую мысль. Что делать, надо терпеть и сопротивляться рассеянности, а Батюшка благословил ходить к ним, говоря: «Да, ходите, ходите, Бог благословит».

Сейчас ко всенощной пора.

23 мая

Вечером вчера наши уехали. Мама очень осталась довольна; монастырь и служба ей очень понравились. Батюшка тоже понравился. Относительно нас она успокоилась. Уехали — и благодарение Богу. Теперь опять пойдет все своим порядком, прекратятся эти хождения в монастырь.

Мама дала немного денег: за два месяца взнос за нас, да еще на помин на Псалтири 10 рублей. Когда я отдавал Батюшке, он благодарил и сказал: «Ведь это все Иоанну Крестителю, здесь нет ничего человеческого, это Вы не какой-нибудь оброк платите, это — Ваша добровольная жертва, здесь одно Божественное. За сие Вы получите и в сей жизни, и в будущей. Кто знает, может быть, Вам в миру предстояла какая-либо болезнь, на которую Вы и потратили бы все свои деньги (я уже не говорю о страданиях), а здесь каждый рубль идет Богу».

¹¹⁹ *Свт. Игнатий, еп. Ставропольский. Слово о молитве Иисусовой // Творения... Т. II. Аскетические опыты. С. 233—313. Репр.: М.: Сретенский м-рь, 1996.*

А сейчас, вечером, я сказал Батюшке, что не успел всего правила выполнить, так как меня о. Иван позвал вытрясать ковры. «Хорошо, что зовут. Ведь это Вы для Иоанна Крестителя работали. Это Вас Иоанн Креститель зовет через о. Ивана; конечно, этого и сам о. Иван не сознает. Помози, Господи!..»

На следующей неделе предполагается переносить библиотеку в новое помещение^[24]. Поэтому садовое послушание от меня отставляется. Переписываю и излагаю в более правильной форме написанное о. Кукшей о выдающихся днях Богослужения.

Что Бог даст далее?

24 мая

Сейчас за повечерием о. Иван^[25] сказал, что Батюшка благословил мне быть помощником его, то есть помощником пономаря, ибо пономарь о. Герасим¹²⁰ уехал куда-то. Таким образом, о. Иван будет пономарем, а я — помощником. Не знаю, навсегда ли или до приезда о. Герасима^[26]. Я уже ходил за просфорами сейчас. Завтра третье обретение главы св. Иоанна Предтечи и воскресенье. Сегодня надо идти на бдение, и я, вероятно, вступлю в исполнение нового послушания.

31 мая

Завтра Троицын день, св. Пятидесятница. Еще живы будем, Бог даст, будем украшать новый храм¹²¹ березками. Господь все утешает меня, грешного. Со всяким послушанием я мирюсь, ничто меня не тяготит, все время у меня хорошее настроение.

Вот однажды я пришел к Батюшке.

— Ну что, все хорошо? — спрашивает Батюшка.

— Да, все хорошо, слава Богу.

— Да, новоначальные всегда радуются, если идут в монастырь от всего сердца. Сказано в псалме: *Работайте Господеви со страхом*,

¹²⁰ Впоследствии иером. Гамалиил.

¹²¹ Имеется в виду храм преподобных Льва Катанского и Иоанна Рыльского, построенный в 1901—1902 гг. на территории Скита монастыря Оптиная Пустынь.

*и радуйтесь Ему с трепетом*¹²². Вот такие и трудятся для Господа со страхом, боясь Его чем-либо оскорбить, и радуются, — как? С трепетом.

— Я, Батюшка, теперь начинаю как-то бояться мира. Мама говорила, что они переезжают на дачу, — и мне становится страшно, как это они не боятся жить в миру?

— Это ничего, это спасительный страх. Вы ушли от этого ужасного чудища — мира и, Бог даст, совсем отойдете от него. Один раз я видел сон. Иду я будто бы по лесу и вижу — лежит бревно. Я спокойно сажусь на него и вдруг чувствую, что бревно шевелится. Я вскочил и вижу, что это огромный змей. Скорее бежать. Выбегаю из леса, оборачиваюсь и вижу, что весь лес горит, а вокруг него, кольцом охватывая его, лежит змей. Слава Тебе, Господи, что я убежал из леса; что бы со мной было, если бы я остался в лесу!

И сон этот был для меня непонятен. Потом мне один схимник растолковал его. Лес есть мир. В миру грешат и не чувствуют, не сознают, что грешат. В миру и гордыня, и лесть, и блуд, и воровство, и все пороки. Да, и я жил так¹²³ и не думал о том. Вдруг я увидел, что если так продолжать жить, так, пожалуй, погибнешь, ибо за гробом жизнь или благая для благих, или вечная ужасная мука для грешных. Я увидел, что чудище шевелится, что опасно на нем сидеть. И вот, когда я отошел от мира и смотрю на него из монастыря, то вижу, что весь мир горит в своих страстях. Это — то «огненное запаление», про которое говорится в Великом каноне преп. Андрея Критского. Ко мне приходил один человек, уже семейный, и говорил, что он влюбился. «Я весь горю», — говорил он, и действительно, он горел...

Более я не помню, что Батюшка говорил. В это время много говорить не приходилось, припоминаю только еще то, что я сказал:

— Вот, Батюшка, я никогда не вижу и не видал снов таких.

— И хорошо, и никаким снам не доверяйте.

¹²² Пс. 2, 11.

¹²³ Конечно, не следует понимать эти слова преп. Варсонофия буквально: до монастыря он был, как сам говорит, «идеалистом в миру».

Я теперь начинаю, кажется, сознавать (одним только умом, однако), что я живу не особенно хорошо, что живу плохо. Иисусову молитву забываю, молиться ленюсь, ем лишнее, и вообще надо бы жить лучше. Но я очень беспечный человек, мало об этом думаю. Вот так я и сказал Батюшке, что, как творить молитву Иисусову, читаю, а не творю ее; постоянно горжусь, а других осуждаю. И все это я сознаю равнодушно, одним разумом, этого вовсе не чувствую.

— Что делать, хорошо, что читаете, сразу нельзя ничего сделать; я ведь говорил, что это — наука из наук, а все-таки понемножечку начинайте, хотя и не можете сразу.

Как бы я здесь ни жил, а начинаю сознавать, что *блажен муж*¹²⁴, который, пришедши сюда, и ляжет здесь на скитском кладбище.

Я теперь всегда молюсь в церкви, прикладываясь к иконам или ковчегу с мощами и Древом Господня Креста, дабы Господь сподобил меня жить вся дни живота моего во святой обители сей и быть истинным монахом. Молю Господа, да исполнит мою смиренную просьбу.

2 июня

Вчера весь почти день помогал пономарю по церкви и сегодня до обеда. Отец Иван говорит, что Батюшка назначил меня не временно, то есть до приезда о. Герасима, а вообще благословил мне такое послушание. Эти два дня служба была в новом храме. Мне Предтеченский храм больше нравится, — там уютнее и снаружи, и внутри, а в новом как-то не так.

Аще живы будем и благословит Господь, завтра будем переносить библиотеку. Теперь у меня целые дни заняты. Слава Богу, подкрепляет меня Господь; ничего, не особенно устаю.

9 июня

Уже настал Петровский пост. Вся братия готовится на первой неделе. К нам в корпус Батюшка поместил приехавшего из Казани студента академии, иеродиакона Никона. Он еще молодой человек.

¹²⁴ См.: Пс. 1, 1.

Мы с ним будем жить, Бог даст, как с братом Иваном в свое время жили. Поступает к нам в Скит еще один офицер¹²⁵, совсем молодой человек, живет пока на испытании.

Библиотеку перевезли, разбираемся в новом помещении, работы много.

Недавно возвратились из Москвы послушник и рясофорный монах, ездившие к докторам на недельку. Когда при мне брат Иван спросил брата Никиту: «Были ли Вы прежде в Москве?» — он отвечал: «Нет». И, помолчав, прибавил: «Там — ад!» Да, после скитской жизни едва ли может понравиться Москва со всею своею необходимою суетою...

Совершенно нет времени ни почитать, ни пописать.

12 июня

Сегодня Господь сподобил меня, недостойного, поисповедаться. После исповеди в заключение всего Батюшка сказал:

— Все это хорошо, то есть покаяние даже в мелких грехах, которые многие даже не считают за грехи, но надо больше всего заботиться о самом главном. Купцы, когда торгуют, заботятся, чтобы добыть как можно больше золота. Все металлы: и железо, и олово, и серебро, и медь — все они сами по себе очень ценные металлы, однако купцы заботятся более всего о золоте. Так и нам более всего должно приобретать смирение: смиряться, смиряться и смиряться. Есть смирение — все есть, нет смирения — ничего нет, хотя бы даже и чудеса мог совершить и совершал человек. Смиряться!

— Да это очень трудно, Батюшка!

— Конечно. А золото легко добывать?

Более я не помню. Завтра, еще жив буду, сподобит Господь пойти к обедне в монастырь перед причащением Святых Христовых Таин.

¹²⁵ Александр Михайлович Аваев († 1958), бывший поручик. Был в рясофоре; в 1914 его забрали на фронт, где он попал в плен. Освободившись, основал в восточной Пруссии на границе с Польшей единственный в том краю православный приход, который затем был преобразован в женский Успенский монастырь. Протоиерей, настоятель храма Покрова Божией Матери в Войново. Глубоко почитался как благодатный старец.

16 июня

Слава Богу! Сподобился я, грешный, принятия Святых Христовых Таин в субботу.

Сбываются на мне Батюшкины слова: времени у меня свободного совершенно нет ни в будни, ни в праздники, иной раз даже устанешь под конец дня. Но, благодарение Господу, ничего, хорошо себя чувствую. Кое-когда и приходится заглянуть в книгу. Я все читаю епископа Игнатия Брянчанинова. Очень утешаюсь я его сочинениями. Не знаю, как благодарить Господа и Батюшку, что имею такое сокровище. Особенно хорошо я теперь читаю у него про молитву Иисусову. Да, кажется, у него все особенно хорошо.

22 июня

С библиотекой в главном покончили, теперь будут красить пол, — и библиотека открыта.

Офицер, ныне брат Александр (Аваев), хотя еще и в мундире, а не в подряснике, поступил окончательно. Спаси его, Господи! Он помогал нам немного в библиотеке и очень скромно и смиренно держал себя. Удивительно, как сразу начинает смиряться человек, поступая в Скит; здесь какая-то особая, благоприятная для смиренной жизни атмосфера.

Молю Господа, да смирит меня, окаянного, я всегда был и сейчас есмь гордец... Гордыня с самых малых лет была неотлучным спутником моей жизни и даже доньше. Мои мечты в младенчестве, детском возрасте и юности пропитаны были гордостью, я питал в себе гордыню. Теперь я стараюсь не мечтать, отгонять мечты; но когда приходят ко мне мечты, они по-прежнему пропитаны гордыней. Да оно и понятно — от болезни не сразу исцеляются. И придя в баню, сначала я должен тщательно омыть все тело, чтобы смыть грязь и стать чистым.

Сегодня Батюшка сказал мне: *«Блажени чистии сердцем, — смиренный не может не быть чистым сердцем; да, они Бога узрят...»*¹²⁶ Батюшка часто напоминает нам о смирении, которого я не имею и, к сожалению, не хочу переносить болезнь сердца, кото-

¹²⁶ См.: Мф. 5, 8.

рая последует, и сопровождает, и предшествует всему, что смиряет естество, пропитанное гордостью...

Как-то на днях о. Никон спросил меня, как явилось у меня желание идти в монастырь, что побудило, какая была сему причина. Я ни на один из этих вопросов не мог и не могу ответить. Господь привел меня сюда ^[27]. Не знаю, следует ли вспоминать то, что связано с миром. Помню, я часто, даже в играх, которые любил, чувствовал неудовлетворенность, пустоту. Я не знал, куда мне поступить из гимназии, что выбрать, какую отрасль науки, какой сообразно с этим путь жизни. Ничто мне не нравилось так, чтобы я мог отдаться тому, что выбрал. Был у меня переворот в жизни, когда все вокруг было заражено социальными идеями в нашем юношеском кругу ^[28]. Мне эта маска, которой прикрыто дело диавола, ведущее в пагубу, сначала как бы понравилась, хотя я и не мог ее совместить с верой в Бога, в которой и о которой я ничего не размышлял и не давал отчета, имея скорее превратное понятие о вещах веры, например, о монашестве.

Я прежде совсем не давал [себе] отчета, что такое монашество, потом осуждал всех монахов вообще; потом, за несколько месяцев до приезда в Оптину в первый раз, я начал сомневаться в монашестве — богоугодно ли оно? И сомневался до последнего времени, до самого поступления в Скит, и, вероятно, даже по поступлении были сомнения. Теперь, слава Богу, все затихло, и истина доказывается моим собственным опытом, чтением книг и тем, что вижу и слышу. Как благодарить мне Господа? Какого блага сподобил меня Господь! Чем я мог заслужить это? Да, здесь исключительно милость Божия, презревшая всю мою мерзость. Действительно, как я сам мог придти в Скит, не веря в идеал монашества, не имея положительно никакого о нем понятия, осуждая монахов, живя самой самоугодливой жизнью, не желая подчинять свою волю никому из смертных, не молясь ни утром, ни вечером (правда, ходя довольно часто в церковь), читая исключительно светские книги (исключая книгу епископа Феофана перед самым отъездом в Оптину), думая даже о браке? Один ответ: Господь привел.

Прав, прав и прав был Батюшка, когда говорил мне об этом. Тогда это не так на меня подействовало, я только запомнил это и более ничего. А теперь начинаю понимать Батюшкины слова.

Возвращусь немного назад. Итак, переворот моей жизни начался, как мне кажется, с социальных идей. Кроме того, я тогда в *мечтах* (именно в *мечтах*, ибо я даже не был знаком [с той], кем несколько увлекался, идеализировал человека в мечтах ¹²⁷) был увлечен одной особой и, находясь в таком ненормальном состоянии, был на все и на всех озлоблен. Я удалялся от всех и от всего. Перестал ходить к себе в приход в церковь, а стал ходить в церковь Воскресения в Кадашах ¹²⁹.

Замечу еще раз, что *церковь* (этому я придаю огромное значение; может быть, это была одна из самых главных причин, приведших меня в обитель и к Богу, если можно так выразиться, если я имею право так сказать ¹²⁸) лет с 12—13 я *не покидал*, несмотря ни на что. Как я стоял в церкви, как я и там во время службы упивался мечтами (я жил мечтой, не имея нигде удовлетворения), — эти мысли меня мало тревожили. Я думаю, однако: не эта ли обособленность привлекла меня к беседе с Богом, к молитве, к теперешней моей жизни в Скиту? Другого ничего, кажется, особенно не было ¹³⁰. Моя жизнь вышла из колеи безразличного отношения ко всему именно в то самое время, тогда произошел переворот, который надо считать в своем начале вполне отрицательным. О, коль благ Господь, пресекающий зло или обращающий его к добрым последствиям Своим человеколюбивым Промыслом!

Кончаю, довольно. Может быть, это все пустословие, может быть, мне не следовало бы писать этого? Но помолюсь, да простит мне Господь вольная моя согрешения и невольная.

Быть может, все это не так, как я написал. Но что уже написано — то написано.

28 июня

Вчера я каялся Батюшке, что не исполнил пятисотницу вследствие усталости. «Бог простит, — сказал Батюшка, — но все-таки нужно укорить себя. Так учили наши великие старцы. При само-

¹²⁷ Это — жажда впечатлений, про которую пишет еп. Феофан в «Пути ко спасению», описывая юношу. [Прим. посл. Николая Беляева от 8 апреля 1909 г.]

¹²⁸ Это замечание вписано о. Никоном позднее, 8 апреля 1918 г.

укорении это даже приносит пользу. Авва Дорофей, Иоанн Лествичник говорят, что самоукорение есть *невидимое восхождение*. Подобно тому как человек не замечает, как он растет, как из маленького мальчика становится взрослым, — так и духовный рост человека идет совершенно незаметно для него. И этот невидимый духовный рост человека и есть самоукорение...»

Потом как-то я тоже каялся, что был на именинах у отца Арсения, то есть пил чай после обедни.

— Было пустословие? — спросил Батюшка.

— Я молчал, — отвечал я.

— Да, всегда так бывает: начнут как бы о хорошем, а кончают празднословием и осуждением; начнут за здравие, а кончат за упокой. Поэтому-то наши старцы и запрещали справлять именины или ходить когда-либо в кельи к другим пить чай.

— Когда я творю Иисусову молитву или справляю пятисотницу, я бываю очень рассеян, мысль так и перескакивает от одного к другому, она везде побывает, только не в словах молитвы.

— А все-таки уста освящаются именем Господа Иисуса Христа, — сказал Батюшка.

Как-то я встретил в Скиту рясофорного монастырского монаха о. Георгия.

— Ну, что же? Как Вы поживаете? Не скучаете ли по Москве?

— Благодарение Богу, батюшка, благодушествую.

— Да, вот и я года два не вспоминал Москвы, а теперь вспоминается, даже иной раз задумаешься. Помози Вам, Господи!

— Спаси Вас, Господи, батюшка, — отвечал я и подумал: еще жив буду, не минет и меня эта участь.

Недели две тому назад о. Иоанн (Иван Васильевич Полевой)¹²⁹ благословился у Батюшки пройтись немного по лесу и взять меня с собой. Я пошел и заметил, что о. Иоанн, глядя на сосны, небо, вообще на всю природу, вспоминал про Бога, смерть,

¹²⁹ Отец Иоанн (Иван Васильевич Полевой, 1852–1934), впоследствии иеромонах Иосиф. Проходил послушание заведующего скитской библиотекой и свечным ящиком. Иван Беяев вспоминал о нем: «Жил уединенно, тихо, солидно».

бессмертие, жизнь вечную и так далее. Ему вся природа вещает о Боге и дивных делах Его. А я, грешный, глядя на все существующее, совсем не переношусь от временного, видимого, к бесконечному, невидимому. Поговорили немного о смерти и памятовании о ней.

И я вспомнил про далекое прошлое, бывшее в моем детстве, лет тринадцать назад. Помню глубокую полночь, по крайней мере, все братья, жившие со мной в одной комнате^[31], спят. Мне лет 6—7. Не спится, я думаю о Боге, смерти и бесконечной вечности, — или благой, или полной ужасных мук. Я мыслил, конечно, совершенно по-детски. Мне не представлялось, что я по смерти наследую блаженство. Нет, моя мысль от представления о смерти моментально перелетала к вечным мукам, которые постигнут грешников и которым не будет конца. Ужас охватывал все мое существо, я весь содрогался, в трепете утыкался лицом в подушку и горько плакал. Особенно меня поражало то, что будущая жизнь не будет иметь конца. По-видимому, я тогда верил во все это, даже более, я живо представлял себе то, о чем думал, хотя и по-детски, иначе эти мысли не могли бы так действовать на меня. Кажется, я даже утешал себя, стараясь отогнать страх. Помню, даже приходили хульные мысли, например: если будут такие муки, то лучше бы было, если бы Бога не было. Ибо если Бога нет, то нет и греха, а следовательно, и мук... Нет, если даже и будут муки, то все-таки лучше, если есть Бог. Ибо если бы не было Бога, то люди друг друга заживо погрызли бы, и себя... Так мыслил я. Почему так? Не знаю. Помню, я этим успокаивался, то есть последнею мыслью. Более не помню, какие мысли приходили мне в голову, на чем я останавливался и как заснул в эту ночь. Не помню, были ли еще подобные ночи, дни и часы...

Помню еще, что мысли о Боге, смерти и нравственном долге, молитве и тому подобном приходили ко мне в возрасте 13—17 лет. Но я быстро прогонял их, как тяжелые, неприятные для меня, топил их в веселых, льстящих мне, безумных мыслях. Это бывало также по ночам. Но я их отгонял не навеки, я их отгонял с мыслию — о безумие! — что им придет своя пора, именно, в зрелом возрасте или под старость, когда мысли о другом перестанут волновать воображение... И продолжал коснеть в равнодушии. Теперь и желал бы иметь подобные мысли, да их нет...

29 июня

Я помню, что особенно сильно на меня действовала мысль о бесконечности и неизменности загробной участи. Мой ребяческий ум совершенно терялся при этой мысли. Одни слова «не будет конца»¹³⁰ приводили меня в ужас и трепет. Теперь я к подобным мыслям остаюсь совершенно равнодушен, они не производят на меня ни малейшего действия...

Теперь я начинаю бояться мира, хотя мысли о нем и лезут в голову. Про эту боязнь я говорил Батюшке, и он сказал, что она спасительна.

Припоминаю Батюшкины наставления о боязливости вообще, которая скорее гибельна, чем спасительна. Это мне Батюшка говорил, когда я с о. Иоанном, пономарем, разбил украшение с церковного паникадила.

«Бояться надо только греха, — говорил Батюшка (мира, конечно, я боюсь потому, что он всегда и всем дает повод, склоняет ко греху, он весь полон искушений, которым я не могу сопротивляться). А боязливых, сказано в Священном Писании, не любит Бог¹³¹. Монах не должен быть боязлив, труслив, а должен возлагать на Бога надежду...

Почему Бог не любит боязливых и трусливых? Потому, что они близки к унынию и отчаянию, а это — смертные грехи; боязливый и трус — на краю пропасти. Истинный монах должен быть чужд такого устройства... А сегодня (то есть в день чистки храма и всех принадлежностей) у всех что-нибудь да случилось: это дьявол мстит за чистку храма... Мир всем! Помози, Господи».

Теперь редко приходится беседовать с Батюшкой, он очень устает. Может быть, Бог даст, и удастся как-нибудь побеседовать. Слава Богу за все!

Сегодня мне отец Иоанн (Иван Васильевич) подарил книгу за хлопоты во время перенесения библиотеки: «Царский путь Креста Господня»¹³². Он говорит, что книга очень важная. Бог даст, бла-

¹³⁰ Из Символа веры.

¹³¹ Ср.: Откр. 21, 8.

¹³² «Царский путь Креста Господня, вводящий в жизнь вечную». Эта книга была написана автором—католиком. Свт. Иоанн (Максимович), митрополит

гословлюсь у Батюшки, прочту. Я как-то без благословения Батюшки ничего не могу делать.

2 июля

Весь июнь, или почти весь, шел дождь. Вчера и сегодня прекрасная погода. Июльская жара. Начался покос^[32]. Сегодня я ходил косить с 3-х часов до 10—11 часов. Благодарение Богу — не чувствую особенной усталости. Сам покос на меня неприятного впечатления не произвел, а трапезовать в монастырской трапезной мне не понравилось. Еще Бог даст, мне придется еще участвовать в покосе, то думаю поспеть к скитской трапезе в наш милый Скит, в тишину, веселящую душу. Грешный я человек, а Скит люблю. По крайней мере, мне так кажется.

5 июля

Сегодня после обедни состоялось освящение библиотеки, то есть было молебствие с водоосвящением. Мне не пришлось быть на молебствии: я готовил общий сладкий чай для братии, устроенный о. Иоанном (Полевым).

А вчера перебрался от нас из Скита в монастырь о. Анатолий¹³³. Более 20 лет прожил в Скиту, и теперь его перевели в монастырь. Там умер о. Савва, бывший духовником, как говорят, многих из братий; к нему обращались и многие мирские. И вот на его место перевели о. Анатолия^[33]. 3-го числа он простился с нами в трапезе, смиренно поклонился в землю, кажется, два раза. Да, он раб Божий. Всегда смиренный и никогда не унывающий. По крайней мере, я его иным не видел. Это единственный иеромонах, ко-

Тобольский и вся Сибирь, переработал ее в православном направлении и издал в 1709 году. В 1877 году она переиздана Оптиной Пустынью.

¹³³ Преподобный Оптинский старец, иеросхимонах Анатолий (Потапов, 1855—1922). В Оптиной Пустыни с 1885 г. Исполнял послушание келейника преп. Амвросия, затем — преп. Иосифа; уже в то время многие обращались к нему за советом. С начала 1900-х гг. начал старчествовать, окормлял преимущественно простой народ. Имел необыкновенно доброе, милующее сердце, его так и называли «утешителем». Причислен к лику местночтимых святых в 1996 г., все-российских — в 2000 г. См.: Житие Оптинского старца Анатолия (Потапова). Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1995.

торого я видел встающим на колени перед Батюшкой (я видел еще о. Нектария ставшим однажды на колени перед Батюшкой¹³⁴). Спаси его, Господи.

Не могу более писать, пришли звать на покос. День очень жаркий, пойдем ворошить сено граблями. Вот уже месяца полтора или два времени настолько мало, что иногда я даже не умывал лица, а келлию не убирал по нескольку дней.

7 июля

Завтра Казанская икона Божией Матери. Бдение и обедня в монастыре, а трапеза у нас в Скиту своя. Все ходил на покос то с граблями, то с косой. Погода благоприятная. Сегодня ходил далеко, под самый город, версты за три с половиной.

Вчера на благословении Батюшка сказал мне:

— Дьявол вам не даст сделать ни одного шагу, за каждый шаг надо бороться. Вы помните, как евреи при построении храма в одной руке держали заступ, а в другой — меч¹³⁵. Это вообще сказано про совершение добродетелей. С одной стороны, мы должны исполнять Евангельские заповеди, а с другой — отбиваться от врага мечом, борясь за каждый шаг.

— Батюшка, как же я должен отбиваться, какой это меч?

— А у нас один меч — молитва Иисусова. Сказано: «Бей этим мечом невидимых ратников, ибо нет более сильного оружия ни на небе, ни на земле»¹³⁶. Если вдуматься в эти слова внимательно, страшно подумать, что нет более сильного оружия даже на небе. *О имени Иисусове всяко колени поклонится небесных и земных и преисподних, и всяк язык исповестъ, яко Господь Иисус Христос...*¹³⁷ Какие страшные времена придут...

Да, молитва Иисусова — вот оружие, а я, окаянный, совершенно забываю про нее... Да, не так скоро дается все истинно духовное, Божие, как я думал.

¹³⁴ Уточнение вписано 18 ноября 1908 г.

¹³⁵ Ср.: Неем. 4, 18.

¹³⁶ Ср.: «...Бей супостатов именем Иисусовым; ибо нет сильнеешего оружия, ни на небе, ни на земле» // *Иоанн Лествичник. Лествица. Слово 21, 7.*

¹³⁷ Флп. 2, 10–11.

10 июля

Вчера вечером уехал от нас иеродиакон Никон, живший с нами. Ему очень понравилось здесь. «Мне не хочется уезжать отсюда», — говорил он мне. Спаси его, Господи!

Как-то на днях я читал в церкви Псалтирь. Не знаю, зачем вдруг пришел Батюшка. Я подошел под благословение. Затем Батюшка сел на скамью и посадил рядом с собой меня. Он очень устал. Ничего особенного не говорил.

«Ко мне сегодня приходил генерал. „Хотя у меня и немецкая фамилия, но я русский человек“, — сказал он мне. Да, из немцев и татар выходят хорошие русские люди, патриоты. Вероятно, есть какое-либо сходство в их крови. А из французов и поляков не может выйти русский человек. Заметьте себе это на будущее время». Не помню более.

А вечером на благословении я сказал Батюшке, что прочел одну статью о молитве Иисусовой епископа Игнатия Брянчанинова.

— Не знаю, как я жил бы без познаний, которые там почерпнул. Вот, Батюшка, не благословите ли по времени и все его сочинения прочесть?

— Да, по времени. Да, у него все на одном и том же, на молитве Иисусовой. Какая ширина! Теперь Вы видите это. А прежде, может быть, видели в монашестве, как и большинство мирских, одну редьку, квас и глубочайшее невежество. Да и понятно: «Чашу Жизни вкусите и видите, яко благ Господь»¹³⁸. Да, надо вкусить и тогда уже увидишь, какое блаженство...

Ангелы могут петь. В житии свт. Спиридона Тримифунтского или св. Тихона Амафунтского, не помню, говорится, что он один во всей церкви служил¹³⁹. Делает возглас, а ему отвечает хор чудный. Проходящие мимо удивлялись, откуда у Святителя такой хор. То же самое было, помните, я рассказывал, с одним священником: тогда в церкви кроме него был еще один поляк, который после этого и принял Православие. — Я забыл: Батюшка говорил, что они слышали не телесными ушами, а душевными. — «Я как-нибудь

¹³⁸ Из Литургии Преждеосвященных Даров.

¹³⁹ В житии свт. Спиридона Тримифунтского. См.: Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского. Кн. 4. Декабрь. Изд. Свято-Введенского монастыря Оптиной Пустыни, 1992.

вам расскажу, что рассказал мне один монах, когда я прогуливался по аллейке за прудом. Он знал, что значит это прогуливание по аллейке», — кажется, Батюшка так сказал и прибавил, что это чудесный рассказ.

19 июля

17-го числа кончился покос. Косят только на Рыбной даче рабочие и посланные кое-кто из братии. Опять я не выхожу из Скита, опять нахожусь в этой животворной тишине. В общем, я с удовольствием ходил косить, особенно когда приютишься где-нибудь в сторонке один и не пустословишь. Большею частью трапезовать приходил в Скит¹⁴⁰. Приходилось ходить и с граблями, это труднее, ибо продолжительнее и суетливее. Но слава Богу за все. Никогда я так в миру не работал и не уставал. А работа полезная, среди природы на вольном воздухе.

Батюшка благодарил нас, когда мы пришли с последнего покоса, и сказал, что он тоже в свое время ходил на покос, и всегда возвращался с приятным чувством. А я к Скиту всегда подхожу с более или менее приятным чувством. Милый Скит!

24 июля

Прошлый год весной, когда я возвратился из Оптиной в Москву, все меня расспрашивали: «Я слышал (или слышала), Вы ездили в монастырь? Ну, как? Что?..» Все были чрезвычайно удивлены, что я хочу поступить в монастырь. Помню, одна молодая дама, лет 22—24, еще только 2—3 года замужем (с мужем и вообще она живет ничего, хорошо, хотя и среднего состояния), встретив меня, предлагала подобные вопросы. Я отвечал утвердительно.

— Счастливый Вы человек, — сказала она.

— Да, слава Богу.

— Да, не все могут... Прощайте.

Мы разошлись. Так может говорить человек, который не удовлетворяется своею жизнью, то есть если он другого считает счастливее себя. А почему бы не удовлетворяться ей своим положени-

¹⁴⁰ Это не полагается. [Прим. посл. Николая Беляева от 17 сентября 1909 г.]

ем? Мало денег? Да их достаточно, чтобы вполне прилично, даже щеголевато одеваться, иметь прислугу, квартиру чистенькую в несколько комнат, быть сытой, в тепле. Чего же не хватает?.. И такая неудовлетворенность очень у многих в миру: ищут, ищут и не находят, ибо ищут, как Батюшка говорит, не там, где можно найти.

Я воссылаю мою неблагодарную благодарность Господу Богу, что я здесь, в нашем милом Скиту! Я боюсь мысли, что придется покинуть Скит, и молю Бога, да умиосердится надо мною, недостойным Его милости. Я не знаю, как живут мои товарищи по гимназии, не получаю никаких известий — и слава Богу, но что я о некоторых узнал в миру еще, — неутешительно. Двое застрелились (забыл, по какой причине), один перерезан поездом и отошел в вечность с неизвестным для меня состоянием духа, он был из красных, последний год не приобщался Святых Христовых Таин ^[34]. Еще один в тюрьме за социально-революционную деятельность. Потом один за новые идеи в неприязненных отношениях с родителем, выразившимся о своих сыновьях: «У меня нет детей». Далее, большинство неверующих или маловерующих, зараженных новыми ложными идеями. Вот состояние моих сверстников-сотоварищей! Боже! Боже! За что Ты так милостив ко мне, что Ты взял меня под покров Божией Матери и св. Иоанна Крестителя в эту животворную скитскую тишину от всех этих ужасов, которыми полон мир! Этими подобными и еще большими ужасами полна, как приходилось видеть и слышать, вся жизнь в миру. Благодарю Тебя, Господи, что я здесь, в Скиту. Я не умею и не знаю, как благодарить Тебя, помилуй мя!

31 июля

29-го июля Оптину посещал преосвященный Никон, епископ Вологодский ^[35]. Зашел и к нам в Скит в 3 часа. Был в обоих храмах, у о. Иосифа и у Батюшки, и около половины 5-го ушел в монастырь в сопровождении о. архимандрита Ксенофонта и урядника. В храме св. Предтечи Иоанна Владыка говорил нам, всем скитянам, речь. Мне понравилось, как он говорил. Говорил он о необходимости и пользе для нас скорбей:

«Если бы у нас не было скорбей, то есть различных обид и неудовольствий, если бы нас никто не трогал, если бы не было ни-

каких искушений, то как бы могли мы познать себя, свои страсти, свои грехи? Если меня никто не будет трогать, то я, понятно, не буду и раздражаться, сердиться. Если нам будет житься хорошо и покойно, без всяких скорбей, то мы возомним о себе, что мы праведники, бесстрастные, и будет расти наш внутренний фарисей, нас обymeт гордыня. Если же мы терпим скорби, обиды, то невольно познаем свои немощи, страсти. Мы и не думаем, что мы горды, что у нас есть злоба и другие страсти. Когда же нас обижают, то сразу зашевелиятся, как гады, наши страсти, подымутся из глубины нашего сердца, — и сразу увидим, что мы очень немощны, полны страстей, и невольно будем смиряться. Отсюда ясно, что мы не должны сердиться на людей, причиняющих нам скорбь, ибо они — лучшие наши благодетели, указавшие нам наши немощи, которых мы в себе не предполагали. Мы должны обойтись с ними кротко и помолиться о них. Кроткое обращение совершает чудеса, растопляет каменные сердца, приводит к пути спасения... Да отчего, собственно, у нас и есть скорби? Каждый человек несет свой крест. Под крестом разумеются скорби и невзгоды, которые встречаются человеку на его жизненном пути. Отчего образовался крест? Вот посмотрите на вещественный крест: он составляется из двух линий — одна идет снизу вверх, а другая пересекает ее. Так же образуется и наш жизненный крест: воля Божия тянет нас снизу вверх, от земли на Небо, а наша воля становится воле Божией поперек, противится ей. Отсюда скорби, ибо в нас происходит борьба и причиняет боль сердцу. И стоит нам только во время скорби, искушения сказать: «Да будет воля Твоя, Господи!» — как сразу же нам становится легче на сердце, мы успокаиваемся. Как только мы свою волю направим по воле Божией, то уже креста-то и не получается, подобно тому, как случается и с вещественным крестом, когда обе линии направлены в одну сторону...

Хорошо у вас здесь, отцы святые, помогите вам, Господи. Еще в наших святых обителях чувствуешь, что еще есть вера Христова, когда теперь сатана явно для всех вооружается на веру, на Церковь Христову... Мирские люди стараются приехать поговорить в монастырь, чтобы отдохнуть, получить совет, наставление, как бороться со страстями, немножко пожить в святой обители. Мирские духов-

ники обижаются, что к ним не идут на исповедь, они, бедные, не понимают причины этого...»

Здесь я подумал про себя: да, мирские спешат в обитель хоть на минутку, а я, грешный, здесь все время живу, и как же я счастлив! Как же и чем заслужил я это? Господи! Господи!

Всего написать не могу, да и не упомянешь. В общем, мне очень понравилось, как он говорил в церкви, у о. Иосифа и у Батюшки. После речи в церкви Владыка всех нас благословлял. Вчера вечером, говорят, он уехал.

В миру, в Москве, я о нем слышал только плохое, ибо он «черносотенец», как называют его «красносотенцы». Теперь всюду красные идеи и рационализм, *взимающийся на разум Божий*¹⁴¹, только во святых обителях тихо, истинно сказал преосвященный Никон.

Завтра начинается Успенский пост. Аще жив буду и сподобит Господь Своей милости, буду готовиться. А в миру одно время шла речь, как я слышал, об упразднении постов. Безумие, и не понимают эти люди, что исполняют злую волю диавола во вред себе и всем. Спаси, Господи, и помилуй!

1 августа

Прошлый год, когда мы приехали сюда еще мирскими поговеть, мы пошли на больницу, ибо весь пост мы ходили туда мыть посуду, иногда исполнять еще кое-какие послушания. Был Петров пост. Батюшка исповедовал на больнице монастырскую братию, а в то время как мы пришли, он отдыхал в саду. Мы подошли под благословение, Батюшка с радостью приветствовал нас.

Не помню уже, о чем мы говорили. Из всего разговора удержал я в памяти одно: «Монахи есть битые черепки... Его все бьют: и бесы, и мирские люди. От всех он постоянно терпит унижения и уничижения. Бьют его, и остаются от него одни битые черепки... А Господь возьмет его да и склеит; только это происходит не здесь, а там... (Батюшка указал рукою на небо). Вот что такое монахи...»^[36] Весь остальной разговор забыл; забыл даже, по какому поводу начал Батюшка это говорить.

¹⁴¹ См.: 2 Кор. 10, 5.

Когда мы уже приехали перед самым поступлением, однажды Батюшка рассказал нам следующий случай из своей жизни:

«Когда я решил уже все оставить и идти в монастырь, перед самым приездом моим сюда в Скит, ехал я на извозчике в Москве по Театральной (или Красной, я забыл) площади. Я был в военном мундире. Задумавшись, я оперся на шпагу руками и грудью. Вдруг кто-то выхватил у меня шпагу. Извозчик ехал быстро, на площади никого не было, да едва ли мог найтись такой смельчак. А шпаги нет. Я оставался в недоумении. Когда я приехал сюда, я рассказал обо всем о. Амвросию. „Ну, что же удивительного? Теперь вам более не нужна шпага, — сказал он, — вот вам духовный меч для борьбы с невидимыми врагами нашего спасения“. При этом он подал мне четки...»

3 августа

Вчера получил письмо от сестры-кумы; пишет, что крестница наша^[37] и ее мать очень больны. Из письма я понял так, что можно даже опасаться за жизнь. Помянули сегодня за обедней об их здравии. Батюшка благословил написать письмо, и я написал, утешил, как мог, сказал, что молюсь за них. Невольно вспоминаются слова апостола Павла, что живущие в миру брачной жизнью будут иметь *скорби по плоти*¹⁴². Вот и моя бедная кума пробыла в замужестве лет пять, не более, а сколько скорбей она понесла! В это столь короткое время она потеряла мужа и двух детей-младенцев, одну падчерицу. Каково переносить такие скорби, следующие одна за другой?! Помоги ей, Господи! Еще она, спаси ее, Господи, не теряет веры в Господа; хотя сама говорила мне, что роптала, когда умер муж.

Я перенес три смерти близких мне людей: дедушки, бабушки и папы. Более других на меня повлияла смерть дедушки — это была первая смерть, первая скорбь после счастливой детской жизни (мне было лет 11—12). Но как долго скорбеть веселому здоровому мальчику, окруженному толпой шалунов? Две следующие смерти я перенес гораздо легче, тогда уже начало меня охватывать мое *ока-*

¹⁴² 1 Кор. 7, 28.

*мененное нечувствие*¹⁴³ после детской впечатлительности и чувствительности^[38]. Поэтому я не мог войти в положение кумы, но сочувствую ей. Спаси ее, Господи!

Блажен, блажен монах, отвергший все, не знающий таких скорбей, забот, работающий Единому Господу. Тем более блажен истинный монах, ибо беспечальной земной жизнью он достигнет вечного блаженства, жизни нескончаемой.

10 августа

Сегодня я, грешный, сподобился вместе со всею братией милости Божией, принятия Святых Христовых Таин¹⁴⁴.

Сейчас к окну подошел о. Никита (Костинский) и говорит, чтобы я не писал: «Такой уж сегодня день», — а чтобы я почитал. Послушник должен слушаться. Не буду писать, ибо в этом приказании нет ничего противного наставлениям Батюшки.

12 августа

7-го числа в Оптину принесли икону Калужской Божией Матери. Ее приносят, как говорят, каждый год 8-го числа в 3.30 утра. Я будил братию, и мы пошли за иконой в монастырь. Принесли ее прямо в церковь, отслужили молебен (в новом храме), потом, приложившись к ней, понесли в Предтечев храм, затем к Батюшке, о. Иосифу и далее по келлиям^[39]. Это мне понравилось. А когда ходили вокруг монастыря с крестным ходом, было много мирских, очень суетливо. Я не знал, как в Скит попасть. Батюшка сказал, что необходимо надо быть на крестном ходу, потому только я не ушел, и рад был, когда опять вошел в скитскую ограду. Шел я обратно в Скит с о. Арсением. Как ни осуждаю я по своей гордости скитскую братию, а все же считаю ее родною, своею. На крестном ходу я чувствовал себя чужим и старался быть поближе к скитским, приятно было идти рядом с кем-либо из братии. Я все более и более начинаю любить Скит, и все в нем то, что прежде мне не нравилось, начинает нравиться. Слава Тебе, Боже!

¹⁴³ Вечерние молитвы. Молитва свт. Иоанна Златоуста 7-я, 4-е прошение.

¹⁴⁴ Видимо, это было празднование блаж. Лаврентия Калужскому.

15 августа

Вот уже прошел Успенский пост. Время никого не ждет: летит, летит...

12-го числа к нам опять поселится третий жилец, но не надолго, дней на 10. Это студент Московской Академии Виталий Степанович Ставицкий ¹⁴⁵. Он думает принять монашество.

8-го числа вечером в наш корпус зашел, гуляя по Скиту, юродивый Митенька ^{146, [40]}, который бывает у Государя Императора. Он прежде, кажется, был здесь в Скиту псаломщиком, но недолго. Он произвел на меня скорее приятное впечатление. Все некогда спросить о нем у Батюшки. Он зашел очень неожиданно. Поздоровавшись по-монашески с нами, он пошел в мою келлию и общую. Если бы с ним не было господина, сопровождавшего его, то я ничего не понял бы из его слов. Как мне объяснил этот господин, Митя говорил: «Миленькие деточки, куда вы попали». Это он повторил несколько раз. Сказал еще что-то об о. Амвросии: попали мы к о. Амвросию или еще что, я не знаю. Он побыл у нас минуты 2—3 и ушел.

Хотел я еще записать рассказ о. Иоанна (Полевого). Отец Иоанн — хороший человек. Как-то мы с ним говорили о смерти.

«Послушайте, — [начал он], — я Вам расскажу один случай; кажется, я Вам не рассказывал этого. Был у меня родственник, у него была дочь либерального образа мыслей. Он был человек крутой, но ходил в церковь каждое воскресенье, признавал Бога. Других подробностей я не могу сказать. Он заболел и был плох, но не так, что можно было ожидать его смерти так скоро. Дочь сидела на стуле среди комнаты, он лежал на диване. Вдруг дочь видит, что он начинает во что-то всматриваться все более и более, и на лице его изобразился ужас. Лицо приняло ужасное выражение, глаза вы-

¹⁴⁵ Впоследствии епископ Филипп (1884—1953). Окончил Московскую Духовную Академию, где и был пострижен. В 1916 г. хиротонисан во епископа Аляскинского. В 1917 г. вернулся в Россию и принимал участие в Российском монашеском соборе. Примкнул вначале к обновленцам, но покался перед Патриархом Тихоном. С 1928 г. — епископ Астраханский. Его неоднократно арестовывали, кафедру занимал не больше года. В 1943 г. снова назначается на Астраханскую кафедру.

¹⁴⁶ Видимо, речь идет о Мите Козельском (или «Косноязычном»).

катились... И он все с большим и большим ужасом по-прежнему всматривается... и скончался. Дочери его так стало страшно, что она выбежала с криком из комнаты и, выбежав, упала. Ее, конечно, там подняли, успокоили. Очевидно, что он видел бесов.

Потом, когда его хоронили, в одной карете ехали я, его дочь и старик доктор, человек со скептическим духом, но умный. Ему рассказала эта дама про своего отца, как он умер, и спросила:

— Что же, от боли это он так изменился сразу? Чем это объяснить?

— Нет, он что-нибудь увидел, — отвечал доктор.

В самом деле, какой от боли может быть ужас? От боли может изобразиться на лице страдание, но не ужас. Спаси нас, Господи, и помилуй! (О. Иоанн перекрестился.) Да, как ужасен переход из этой жизни в мир духов для человека, живущего плотскою, телесною жизнью!..

А вот какой случай был с моим дедушкой. Он заболел предсмертною болезнью. Вот однажды он говорит своей жене, моей бабушке:

— Аннушка, я видел бесов!

— И что же?

— Да я сказал: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!“ — они от меня и побежали...»

Эти рассказы хорошо повлияли на меня, и я решил их записать.

21 августа

Редко приходится писать, времени нет. Вспоминаются мне иногда наставления Батюшки, надо их записать.

Когда Батюшка говорил, насколько нам нужно наблюдать пост, он сказал, что надо есть досыта, только не пресыщаться: «Кушайте, сколько требуется Вам, и не смущайтесь. Измерьте свою потребность. У всякого человека своя потребность: иному нужно сорок ложек, чтобы быть сытым, другому — двадцать, а третьему — даже десять. Вот и Вы измерьте свою потребность. Удобнее всего это сделать, измерив, сколько требуется вам ложек пищи, чтобы быть сытым. А сколько другие едят, не смотрите, это их дело».

Как-то раз я сказал Батюшке, что иной раз засидишься за работой в келлии и пройдешься по ней... Батюшка сказал: «Лучше оденьтесь потеплее и посидите на крылечке или по Скиту походите, только по келлии ходить не надо».

Я уже не помню, о чем мы тогда беседовали, даже на это я тогда не обратил особенного внимания, но это не раз мне вспоминалось, я поэтому и решил записать.

Как-то тоже я пришел к Батюшке, сказал, что нужно было. Потом хотел было уже уходить, как Батюшка (спаси его, Господи!) вдруг сказал: «У меня есть до Вас дело, погодите...» Батюшка ушел к себе, через несколько минут возвратился и дал мне один фунт чая Губкина-Кузнецова в два рубля. Мы стали говорить о чае, о чайных фирмах.

Затем Батюшка сказал: «Пока, слава Богу, есть еще большие богатые фирмы русские, мы еще можем получать более или менее хорошие чаи. Но везде пробираются евреи. Везде кричат: „Высоцкий, Высоцкий!“ А какой у него чай? Он в чай подбавляет дубильной кислоты. У него чай в 2 рубля 30 копеек, — кажется, мог бы быть хорошим; так я сравнивал с нашим братским в 1 рубль 60 копеек (Губкина-Кузнецова), — наш гораздо лучше. Удивляюсь, как он может конкурировать с большими нашими русскими фирмами в Москве, Петербурге? Страшно подумать, чем нас они, евреи, будут поить, когда возьмут верх над русскими? Я уж не доживу, а Вы доживете до таких времен, попомните мои слова...»

Виталию Степановичу очень понравилось в Скиту. «Если бы можно было мне, я остался бы здесь совсем», — сказал он. Спаси его, Господи!

К нам собираются приехать опять мама да Цветковы.

Получил письмо от Яши Васильева^[41], просит прислать ему его письма, которые он писал мне. Я, по Батюшкиному благословению, исполнил его просьбу. Его письмо очень сухое, короткое, не так мог написать друг к своему другу. Господь с ним. Если он хочет порвать всякие связи со мной, я ничего не имею против. Мне только жалко его как погибающего, а он мог бы быть очень хорошим человеком. Слава Тебе, Господи, что я здесь в Скиту, а не там, в миру, где это чудище — мир — то и дело глотает души человеческие...

22 августа

Сегодня от нас уехал Виталий Степанович, остался всем очень доволен. Приехали к нам из Москвы: мама, тетя Лара и Коля. Мама привезла денег для полного взноса и уже отдала Батюшке. Спаси ее, Господи! Подробнее потом, еще сподобит Господь.

Сегодня же мы перешли первый раз в другие келлии^[42]. Я уже сижу в новой келлии, не совсем еще прибранной. Уже поздно, надо ложиться спать, я — суточный чтец, надо встать пораньше, с Божией помощью.

25 августа

Мама и тетя Лара уехали, а Коля, по батюшкиному благословению, остался на гостинице, как предусмотрено, на один месяц.

Мама, собственно, приезжала, чтобы внести деньги за нас и, по своему обещанию, на вечное поминовение за дедушку и бабушку^[43]. Мама осталась очень довольна, что очистила совесть, да и Батюшка ей очень понравился. Батюшка маме в последний раз сказал, что она опять приедет в августе, что и произошло на самом деле.

Устроиться в новой келлии окончательно все как-то не приходится.

Я попросил Батюшку благословить мою крестницу иконочкой, и Батюшка по моей просьбе благословил ее через меня иконочкой Божией Матери, кажется, Владимирской. Эту иконочку и еще кое-что, что я купил в лавке, мама повезла в Москву, где, еще Господь сподобит, передаст крестнице.

29 августа

Сегодня у нас престольный праздник, хотя и не главный¹⁴⁷, служил о. Архимандрит. Все, слава Богу, хорошо.

Несколько дней назад со мной было как-то более обыкновенного греховных происшествий, так что я как бы даже почувствовал, что я — грешный человек.

¹⁴⁷ 29 августа/11 сентября празднуется память Усекновения главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Главным же престольным праздником первого скитского храма является Собор Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, 7/20 января.

Прихожу вечером к Батюшке на благословение. Не успел я еще и слова сказать, как Батюшка сам начинает говорить:

«Все человечество можно разделить на две части: фарисеи и мытари. Первые погибают, вторые спасаются. Берегите это сознание своей греховности. Это — самое драгоценное пред Богом. Что спасло мытаря? Конечно, это сознание своей греховности: *Боже, милостив буди мне, грешнику*¹⁴⁸. Вот эта молитва, которая прошла уже почти два тысячелетия. Но смотрите: мытарь сознает себя грешным, но в то же время надеется на милость Божию. Без надежды нельзя спастись... Господь сказал: *Я пришел спасти не праведных, а грешных*¹⁴⁹. Кто здесь разумеется под праведными? Это, конечно, относится и к человекам, не сознающим своей греховности, но все-таки грешным. Но также это сказано про бесов. Ту гордыню, в которой они стоят пред Богом, мы себе даже представить не можем. Мы не можем понять, с какой ненавистью относятся они к Богу... *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать*¹⁵⁰. Почему не сказано, что Бог противится блудникам, или завистливым, или еще каким-либо, а сказано — именно гордым? Потому что бесовское это свойство. Гордый становится как бы уже сродни бесу...

Один человек говорит:

— Читаю я, читаю Псалтирь, да ничего не понимаю. Так, я полагаю, что мне гораздо лучше положить эту книгу на полку.

А Старец¹⁵¹ отвечает:

— Нет, не надо.

— Почему же? [Ведь] я ничего не понимаю.

— Да бесы понимают. Они понимают, что там про них говорится, не могут вынести и бегут. Следовательно, чтением Псалтири мы прогоняем от себя бесов».

Я уже хорошо теперь не помню, что Батюшка сказал относительно одного текста 118 псалма: *гордии законопреступоваху до земли, от закона же Твоего не уклонихся*¹⁵². Батюшка прибавил: «Зако-

¹⁴⁸ Лк. 18, 13.

¹⁴⁹ Ср.: Мф. 9, 13.

¹⁵⁰ Иак. 4, 6; 1 Пет. 5, 5.

¹⁵¹ Преп. Амвросий Оптинский.

¹⁵² Пс. 118, 51.

нопреступоваху — на мя — до зела...» Насколько я теперь помню, Батюшка относил это к Господу Иисусу Христу, но как, я забыл.

Батюшка тоже рассказал про одну девицу, приехавшую сюда с сестрой и матерью, что она одержима бесовской силой и повредила умом, хотя ее ум, сознание иногда возвращаются. Например, тогда, когда она была у Батюшки, то очень просила его, чтобы он спас ее. Батюшка говорит: «Я спасти не могу, спасает только один Бог». «Но через Вас же, Батюшка», — сказала она.

«Видите, — сказал мне Батюшка, — начинает рассуждать, а на гостинице свою мать бранит всякими скверными нецензурными словами. Такого нам шуму наделала. Ругается, кричит, стекла в окнах побила. Какая бесовская сила движет ею!..»

Сейчас вспомнилось мне, что, когда мы прощались с мамой, она, посмотрев на меня, сказала: «Мы больше не увидимся...» Что заключалось в этих словах: вопрос, утверждение? Не могу сказать. Конечно, Господь волен во всем, а подобные мысли могут быть на уме при разлуке. Спаси ее, Господи! Мама мне показалась очень смиренной.

Мама не соблюдала постов, как и все в семье у нас. Когда был жив дедушка, то тогда, насколько могу припомнить, посты соблюдались. Последнее время моего жития в миру мама говорила, что не может переносить постного, вернее, не может обходиться без молока. И это было, пожалуй, правдой. Мама бывала на целый день больна, когда не пила кофе с молоком. Прошлый раз Батюшка приказал маме соблюдать посты. Мама с ужасом, если только так можно сказать, думала об этом. А теперь, слава Богу, говорит, что ей легко.

31 августа

Сегодня был первый при нас постриг. Постригали трех монастырских ^[44], а скитских не было, скитяне ходили только на постриг. Хотя все я слышал, было плохо видно, так что самый постриг не особенно поразил меня. Трогательно было, когда их вели к Царским дверям на амвон, как они лежали ниц на земле. Больше же всего на меня повлияло то, когда после трапезы о. Архимандрит вручал их Батюшке как их наставнику и старцу. Какая страшная ответственность на них и на Батюшке!

Сейчас от меня ушел Коля. Как мне жалко его. Я даже не знаю, что мне делать. Пришел, говорит, скука его одолела, плачет, а Батюшке не говорит. Я уговаривал его сказать обо всем Батюшке. Мне думается, что он не имеет ни малейшего понятия о монашестве, да и спрашивать с него нельзя этого, поэтому он не годится в монахи. Так думаю я, грешный, по своему скудоумию. Может быть, это и не так, только он — больной, странный человек, я его понять не могу, он не совсем нормален. Спаси его, Господи.

Получил из дома письмо, но об этом потом, если можно будет, если сподобит Господь.

7 сентября

Сегодня память старца о. Макария, день его кончины. Вчера за бдением вместо обычного чтения поучений Батюшка немного сказал о Старце. Очень хорошо сказал. Между прочим Батюшка сказал, что в письмах о. Макария разъясняется, как нужно читать и понимать в настоящее время святоотеческие древние писания. И Батюшка благословил всем прочитать или жизнеописание о. Макария, «к сожалению, очень краткое, его жизнь вполне необъятна», или какой-либо том его писем к монахам. «А то мы его совсем забыли», — то есть батюшку о. Макария.

Рассказал еще Батюшка, как один купец видел видение. Он видел о. Макария и о. Льва, и о. Лев сказал: «Он (то есть о. Макарий) превзошел меня смирением»¹⁵³. Всего не могу записать, некогда.

Батюшка заповедал нам обращаться молитвенно к о. Макарию и ничего не делать самочинно, без смирения и благословения старца, «ибо ни пост, ни бдение, ни молитва не приносят пользы, если совершаются без смирения и благословения. „Постом, бдением и молитвою небесныя дарования приим“¹⁵⁴ — иным ничем нельзя получить их, другого пути нет; но к этому необходимо нужно, как основание всего, смирение. У о. Макария и было глубокое, великое смирение».

Более не могу...

¹⁵³ Имеется в виду видение, бывшее орловскому купцу И. М. Немытову. См.: *Агапит (Беловидов), схиархим.* Жизнеописание старца Макария. М.: Отчий дом, 1996. С. 308—309.

¹⁵⁴ Из тропарей угодникам Божиим и чудотворцам.

9 сентября

Сейчас Батюшка на благословении раздавал картиночки, присланные ему из Сарова. Содержание их различное, по-видимому, все из жизни преп. Серафима, других я у братии не видел. Мне Батюшка дал картиночку, изображающую явление Божией Матери преп. Серафиму.

Я прежде как-то не чувствовал особенного уважения к преп. Серафиму, [хотя,] конечно, считал его великим подвижником и святым. Однажды Батюшка дал мне прочитывать маленькую статейку (забыл уже, какого журнала) для характеристики автора этой статьи¹⁵⁵. Она заключала в себе картины из жизни преп. Серафима, начиная с его детства и до смерти, картины, написанные поэтической рукою верующего человека. «Прочтите, это даже Вам будет полезно, это Вас укрепит», — что-то вроде этого сказал Батюшка. Я прочел, мне понравилось, и с тех пор я чувствую, что стал более уважать и почитать преп. Серафима.

Сколько раз мне думалось: вот истинный монах, а ты кто такой? Так ли жил и подвизался преподобный Серафим, как ты живешь? И невольно подумаешь: какой я маленький, ничтожный, непохожий даже на монаха в сравнении с великим подвижником преп. Серафимом...

Тоже я спросил сейчас у Батюшки: ходить ли мне к вечерне, ибо у меня очень много работы. Батюшка отвечал, что надо: «Вот я всегда ходил к утрени, вечерне и молитвам вечерним, а дневное келейное правило опускал, когда много был занят послушаниями (правило: кафизмы, Апостол, Евангелие, помянник). Так и Вам советую поступать».

17 сентября

Сегодня память святых мучениц Софии, Веры, Надежды и Любви. Теперь в Москве бесятся. Праздник делают попойкой, весельем исключительно плотским. В знакомых мне семьях тоже есть именинницы, вероятно, как и прежде, идет пир. Наступает вечер, съезжаются гости, говорят друг другу комплименты, пьют, едят и к ночи уезжают, каждый в свой дом. Сколько суеты, сколько пусто-

¹⁵⁵ Возможно, Е. Поселянина (М. Погожева).

ты! О Боге, о вере редко говорят: это неинтересно, устарело, все идет вперед, а это — детские сказки. Правда, есть люди верующие и хорошие, но большинство, к сожалению, не веруют или веруют, да «по-новому».

Сколько раз мне думалось так: сижу я в храме, особенно Предтечевом и Макарьевском, — мир, тишина кругом, лампадки теплятся пред святыми иконами, бдение еще не начиналось. Тихо и чинно входят братия, молятся и молча садятся на свои места в ожидании службы. Какая мирная картина! Как хорошо здесь! А там, за оградой, — суeta, пустота, хотя все бегает, о чем-то заботятся, все заняты. Это еще ничего. А, может быть, сейчас где-нибудь происходят убийства, грабежи, ссоры, насилия, дикие оргии пьянства и разврата.

Какое забвение Бога, существования души, загробной жизни! Прежде и я находился в этом круговороте, и жил, и мог жить такой жизнью! А теперь, — как благодарить Господа, не знаю, — я здесь, в тихом Скиту... Воистину дивно, как Господь оторвал меня от этого страшного чудища — мира... Вот и представляются мне такие две картины: мир со всеми его ужасами и, как полный контраст, эта тихая церковь в полумраке с лампадочками... И спокойно, радостно на душе. Слава Тебе, Боже!

18 сентября

Говорят, Батюшка заболел. Надо узнать наверное. Последнее время Батюшка часто ходил к утрени, на правило, обыкновенно говорил поучения, и говорил хорошо. Кое-что из этих батюшкиных поучений я и думаю, при Божией помощи, записать. Да и на благословении Батюшка давал мне маленькие наставления.

«Авва Дорофей, — говорил Батюшка на правиле, — поучает нас рассматривать свою жизнь, чтобы видеть, в каком мы устроении, много ли преуспели¹⁵⁶. Это рассматривание себя, это внимание себе необходимо нужно. И кто этого не делает под предлогом неумения и незнания, тот пусть знает, что преуспевание, главным

¹⁵⁶ «Ходите путем Царским и считайте поприща». См.: *Авва Дорофей. Душеполезные поучения...* Поучение 10. О том, что должно проходить путь Божий разумно и внимательно. С. 124—127. Репр.: М., 1991.

образом, заключается в смирении. Преуспели мы в смирении — значит, идем вперед. И никто пусть не смеет отговариваться...

Оскорбил один брат другого; обиделся, рассердился обиженный брат, идет жаловаться к начальнику на своего брата, а если и не идет, то волнуется внутренне: может быть, ответить ему? Какое же тут смирение? Смолчать, перенести обиду, простить, — вот что нужно было сделать. Это и сделал бы смиренный. Или еще, например: идет брат, а навстречу ему другой. Этот брат кланяется ему, а тот в это время увидел на дереве прекрасных два яблока и, машинально взглянув на брата, снова устремил свой взор на яблоки, желая их сорвать. Поклонившийся брат обиделся: я ему кланяюсь, а он, гордец, словно не видит, посмотрел да отвернулся, разговаривать не хочет... А тот, действительно, так увлекся яблоками, что как бы даже не заметил брата, не желая и не думая обидеть его. Какое же тут смирение? Смиренный подумал бы: я не стою того, чтобы брат взглянул на меня, и нисколько не обиделся бы. А у нас, значит, мало смирения».

Второй случай Батюшка сказал мне на благословении, когда я спросил разъяснение его слов, сказанных утром на правиле.

«В каком положении тела должно проверять свою жизнь?» — спросил я. «В каком угодно, лучше же всего сидя. Выберите полчаса, сядьте и проверьте себя. Монах не может быть в одном состоянии: он или идет нравственно и духовно вперед, или назад, ни одной минуты он не стоит на одном месте, он все время находится в движении.

Сон и чрево связаны между собой. При наполненном желудке монах много спит и просыпает более положенного. Я вам говорил и говорю: кушайте досыта, но не до пресыщения. Сыты — положите ложку. А иной уже сыт, а все-таки ест да ест, глаза не сыты — это грех».

Опять на утрени Батюшка говорил, что должно иметь любовь друг к другу и удаляться празднословия. «Пророк Давид сказал: *Оскуде преподобный*. Почему же оскудел? Потому, что *умалишася истины... суетная глагола кийждо...*¹⁵⁷, потому, что не говорят о душеполезном, а повсюду празднословие, только и говорят о пустяках».

Батюшка, кажется, сказал, что настанет такое время, когда будут только о пустяках говорить. «Одному иноку было видение: сто-

¹⁵⁷ Пс. 11, 2—3.

ят несколько монахов и празднословят. И видит он, что между ними и кругом их бегают грязные кабаны. Это были бесы. Потом увидел он монахов, говорящих назидательное душу, и между ними стояли Ангелы светлые. Потщимся же, братие, не погублять своих трудов за послушаниями празднословием, а более всего потщимся стяжать смирение. Пророк Давид сказал: *Смирись и спасе мя Господь*¹⁵⁸. Для спасения достаточно одного смирения. Опять сказано в одном псалме: *Виждь смирение мое, и труд мой, и остави вся грехи моя*¹⁵⁹. Так сказал пророк Давид потому, что *истинное смирение никогда не бывает без труда*».

Я по нерадению позабыл, что именно Батюшка говорил о старцах наших и об о. Льве. Помню только следующее: «Отец Лев подвергся, по клеветам недоброжелателей, гонению (он основатель старчества в Оптиной Пустыни), и даже преосвященный Николай, увидев его окруженным толпой народа, с упреком сказал ему: „Что же ты делаешь?“ — „Пою Богу моему, дондеже есмь“¹⁶⁰. Преосвященный уразумел всю глубину этого ответа¹⁶¹. Да, батюшка о. Лев пел Богу всем строем своей жизни».

Недавно я получил письмо от одного знакомого студента Московского университета. Он был прельщен спиритизмом, потом, по милости Божией, бросил его¹⁴⁵. Господь избрал меня и Иванушку орудием в этом деле. Я уничтожил даже все вещи, употреблявшиеся при сеансах, была привезена из Успенского собора святыня, отслужен молебен. И вскоре после этого мы уехали. Я думал, он стал твердо на ноги. Но, получив письмо, вижу, что он снова в ужаснейшей прелести: он сладостно молится, видит Самого Христа, видит кресты с распятием и т. п.

¹⁵⁸ Пс. 114, 5.

¹⁵⁹ Пс. 24, 18.

¹⁶⁰ Пс. 145, 2.

¹⁶¹ Разговор этот происходил между преп. старцем Львом и преп. схииеромандритом Моисеем в то время, когда о. Льву было запрещено Калужским преосвященным Николаем открыто носить схиму и принимать мирской народ. Заступился тогда за Старца высокопреосвященный Филарет (Амфитеатров), митр. Киевский и Галицкий. Позже Калужский архиеп. ставил ответ преп. Льва в пример и назидание.

Я показал Батюшке письмо. «Страшное письмо, — сказал Батюшка, прочитав его. — Мне подумалось, что Господь Вас и от него (студента) отвел приездом Вашим в Скит. И прежде трудно было жить в миру, а теперь почти совсем невозможно: или неверие, беспечность, или прелесть, если кто старается жить по вере. Благодарите Бога, что Вы здесь. Вот он пишет: „Как Вы живете?“ Как? — Попросту. Да, будем стараться, чтобы у нас в келлии было просто. Простые бревенчатые стены, ну ничего еще, если и обои есть. А главное, позаботимся, чтобы внутренняя наша келлия была проста, чиста без всяких обоев».

Господь уродил в этот год много яблок, вся братия на послушании, надо и мне идти. Кроме того, квас варят и за картофелем поехали. Послушание — святое дело.

23 сентября

Сейчас, когда я читал в церкви Псалтирь, пришел по делам в церковь Батюшка. В ожидании пономаря Батюшка немного поговорил со мной.

«Вот сообщают, — говорил Батюшка, — что в одном монастыре, Екатерининской пустыни, недалеко от Москвы¹⁶², в 10 часов утра убили игумена¹⁶³ и его келейника и благополучно ушли. Да, по *теперешнему* времени им, пожалуй, еще награду дали бы за лов-

¹⁶² Екатерининская пустынь в Подольском уезде Московской губ. Основана царем Алексеем Михайловичем на месте явления ему в 1658 г. св. великомученицы Екатерины, возвестившей царю рождение дочери. С 1764 г. пустынь числилась заштатной; возрождением своим обязана митрополиту Московскому Платону (Левшину) и настоятелю с 1784 г. архим. Мелхиседеку. В 1918 г. была закрыта, а в 1938 г. перестроена под политическую секретную тюрьму (печально знаменитая Сухановская тюрьма, «дача пыток»). С 1992 г. началось возрождение обители. См.: Свято-Екатерининская пустынь // Монастыри св. Екатерины. М., 1998.

¹⁶³ Игумен Мартирий, настоятель Екатерининской пустыни с 1902 г., убит 13 сентября 1908 г. после утреннего богослужения в своей келлии. Убийцами были так называемые «максы» — боевики-максималисты, к чьим услугам часто прибегали социал-революционеры для пополнения партийных касс. Злодейское убийство настоятеля стало как бы роковым предвестником будущих величайших бед святой обители.

кость. Теперь как-то особенно стали нападать на монастыри. Но надо ожидать ужасов. Теперь стараются уничтожить смертную казнь. Когда это будет сделано, тогда будут призваны ко власти все деятели (прежние, — кажется, так).

Одна монахиня, уже мантейная, видела сон (или видение, я забыл). Ей явилась Божия Мать и говорила, что должно ожидать ужасов. Это было в 1899 году. Через шесть лет Она предсказывала русскую революцию, что и исполнилось. „Да и вообще, — сказала Она, — этому тленному миру недолго существовать: терпение Моего Сына и Господа истощается...“ Да, можно и этого ожидать.

Еще стоят монастыри, как некие крепости. Когда я, еще мирским, был за Сергиевой Лаврой в пещерном Черниговском монастыре, я пожил там дней шесть, готовился, исповедовался, насколько это возможно мирянину, и приобщился. После принятия Святых Таин мне было отрадно, легко на душе. Передо мною лежала Псалтирь в русском переводе, я раскрываю и читаю: *Кто введет меня в укрепленный (огражденный) город?.. (во град ограждения по-славянски)*¹⁶⁴. Тогда мне подумалось: да ведь это (то есть монастырь тот) и есть укрепленный город. Потом я посмотрел толкование, и действительно, оказалось, что это так».

Нет времени написать все подробнее, хотелось хоть как-нибудь записать.

26 сентября

Сегодня день моего рождения, мне исполнилось 20 лет.

За Николушкой приехала тетя Лара с Катей^[46]. Пришлось с ними идти на гостиницу. Они сегодня, еще будет воля Господня, уезжают. Мы у них попили чайку; без пустословия, конечно, не обошлось. Пришел я в Скит, в келлию, — и опять все тихо.

Помню, в миру, на большие праздники — Рождество Христово, Пасху и другие, а также на именины и день рождения, мне бывало скучно; не знал, что делать, а без дела, конечно, скучно. Не понимал я, что духовный праздник обязательно требует и утешения духовного, помимо утешения телесного, допустимого, конечно, в

¹⁶⁴ Пс. 59, 11.

меру, а не до забвения всего духовного ^[47]. А так почти всегда бывает в миру, но я теперь в Скиту, слава Богу...

В миру большинство, даже верующие люди, не верят в существование бесов, а здесь это — истина. Вот какой случай рассказал мне однажды Батюшка:

«Батюшка о. Амвросий показал о. Венедикту (Орлову) бесов таким образом: накрыл его мантией, потом подвел к окну и говорит:

— Видишь?

— Да, вижу, Батюшка, вижу, что идет множество арестантов — грязных, изодранных, со страшными зверскими лицами. Батюшка, откуда столько их? Идут, идут и конца нет, и кто их пустил одних в Скит? Вероятно, весь Скит оцеплен казаками?

А эти арестанты все идут, идут, расходятся направо, налево (они шли из Святых врат), за церковь.

— Ну что, видишь, о. Венедикт?

— Да, Батюшка, да что же это?

— Это бесы. Видишь, сколько должно приходиться на каждого из братии?

— Батюшка, да неужели?!

— Ну, теперь смотри. — Снова посмотрел о. Венедикт и уже ничего более не увидал, все тихо по-прежнему.

Вот видите, против скольких мы должны бороться! Но, конечно, Бог попускает борьбу сообразно силам каждого».

27 сентября

Вообще Господь помогает мне, недостойному, вставать к утрени; я просыпал утренью редко, по милости Божией. «К утрени нам благодать помогает вставать, — говорил мне Батюшка. — А вот уже после утрени, в 6 часов, мы сами должны вставать, а я просыпал иногда до 7 и даже до 8 часов».

Вот и я, грешный, за последнее время стал более просыпаться и чаще; конечно, я всегда говорю Батюшке, если не позабуду только, или не случится какое другое препятствие.

Один раз, когда я каялся Батюшке, что проспал лишнего, час ли или около этого, не помню, Батюшка сказал мне:

— Это Вас борет бес уныния. Он всех борет. Борол он и преп. Серафима Саровского, и преп. Ефрема Сирина, который со-

ставил всем известную молитву «Господи и Владыко живота моего...» Смотрите, что он поставил на первом месте: «дух праздности», и, как следствие праздности, «уныния... не даждь ми», говорит он. Это — лютый бес. На Вас он нападает сном, а на других уже наяву — унынием, тоской. На кого как может, так и нападает. Ведь Вы не можете сказать, что находитесь в праздности?

— Да, Батюшка, почти нет минуты свободной.

— Ну вот, он на Вас и нападает сном. Ничего, не скорбите...

28 сентября

Я уже писал, что живший у нас в корпусе студент Московской Академии Виталий Степанович Ставинский желает принять монашество. Он говорил о своем намерении Батюшке, и Батюшка благословил. Затем он вскоре уехал и присылает Батюшке письмо (это было в начале сентября), что 12 сентября предполагается его постриг в мантию. Батюшка рассказал мне об этом на благословении.

«Вот прислал мне Виталий Степанович письмо, — говорил Батюшка, — сообщает, что будет постриг, просит молитв в этот день за себя. „С тех пор как Вы меня благословили, — пишет он, — то радостное состояние души, тот душевный мир, который я ощутил тогда, когда выезжал из вашего Скита, продолжается еще до сих пор...“ Я тогда на его вопрос о постриге сразу сказал: „Господь благословит“. Иногда сомневаешься, не сразу решаешься сказать то или другое, а этот раз я тотчас же сказал: „Бог благословит“. У него настоящий русский прямой, открытый, рыцарский характер. Из него выйдет хороший инок и хороший епископ... Да и Ваше не уйдет. Сейчас, конечно, военная служба мешает, а там можно будет вздохнуть; да и я еще, может быть, протяну. Помози, вам, Господи».

Это Батюшка сказал, кажется, 11-го числа, а, может быть, и 10-го, вернее — 11-го.

Вечером

Сейчас с благословения пришел. Батюшка помимо других, пришедших раньше меня, позвал меня не в очередь. Я вошел. Батюшка стоял перед незавешенным окном около икон.

«Смотрите, какая картина, — начал Батюшка, указывая на луну, светящую сквозь деревья, — это осталось нам в утешение. Недаром сказал пророк Давид: *Возвеселил мя еси в творении Твоем...*¹⁶⁵ *Возвеселил мя*, — говорит он, хотя это только намек на ту дивную, недомыслимую красоту, которая была создана первоначально. Мы не знаем, какая тогда была луна, какое солнце, какой свет...

Все это изменилось по падении. Изменился и видимый, и невидимый мир. Ангелы не утратили своего первоначального состояния, они не изменились, разве только перемена в том, что они окрепли в борьбе. Дьявол после своего падения мог являться на небе среди блаженных духов, но, кроме пронырства и клеветы, он ничего там не делал. Господь все еще терпел, даже было возможно обращение его. Но когда дьявол развратил, погубил невинных Адама и Еву, тогда Господь сильно разгневался на него. И все-таки дьявол мог являться на небо¹⁶⁶. Вот уж воистину непостижимая благодать и долготерпение Божие. А когда Христос был распят на Кресте, тогда уже конец. *Се видех сатану, яко молнию, спадша с небесе*¹⁶⁷, — сказал Господь Своим ученикам. Мы не знаем, какие волнения производит дьявол среди людей — христиан, магометан, жидов, среди небесных планет и других тел. Ученые открывают, что лопнула такая-то планета, померкло такое-то солнце, и т. п. А почему — неизвестно. У дьявола еще осталась ужасная сила, *ей воистину только и может противиться смирение*».

Больше не припоминаю, а сидеть некогда, поздно.

5 октября

Как-то вечером на благословении Батюшка на исповедание мною моих немощей и прегрешений за истекший день, а может быть, еще и за прежнее время, начал мне говорить о самоукорении. Я заметил и понял из Батюшкиных наставлений вообще, что нужно укорять себя за свои немощи и смиряться, но всячески гнать от себя уныние, расслабление. Что бы ни случилось, унывать не надо, а сказать все Старцу.

¹⁶⁵ Пс. 91, 5.

¹⁶⁶ См.: Иов 1, 6; 2, 1.

¹⁶⁷ См.: Лк. 10, 18.

«Бог простит, — говорил Батюшка. — Бог простит. Укоряйте себя. Укорить себя нетрудно, а некоторые и этого не хотят. Перенести укор от брата труднее, а самому укорить себя нетрудно. Кроме того, если мы и будем укорять себя, а не будем бороться со страстями — будем есть сколько хочется, будем спать сколько хочется, то такое самоукорение незаконное, оно не принесет пользы. Если мы укоряем себя, впадая невольно в согрешения, борясь со страстями, но побеждаясь немощью, то такое самоукорение законно. В борьбе со страстями, если и побеждаемся ими, но укоряем себя, каемся, смиряемся и продолжаем бороться, мы непрестанно идем вперед. Нам осталось одно: смирение. Время суровых подвигов прошло, должно быть, невозвратно.

Вот, например, о. Вассиан¹⁶⁸ принимал на себя суровые подвиги, иногда не топил келлию, постился всю Четыредесятницу, но никаких дарований не имел. А батюшка о. Макарий и в келлии имел обыкновенную температуру, и не постился особенно, и келейников иногда распекал, когда они были виноваты, — и имел много духовных даров: и дар исцеления, и изгнания бесов, и дар прозрения... Хотя и не принимал никаких особенных подвигов. Нам и остается только — смиряться...

Иногда, когда ни к кому нельзя было обратиться за советом, я ходил в монастырь к схимонаху... (я забыл его имя). Он был духовной жизни. Один раз он мне сказал следующее относительно старчества, сам он находился под руководством о. Макария (не упомяну хорошо: кажется, под руководством о. Льва, а по смерти его — о. Макария, а может быть, и о. Амвросия, — последнее менее вероятно):

— Куда Вы сейчас пойдете от меня?

— В Скит.

¹⁶⁸ Схимонах Вассиан (Гаврилов, † 1857). Пострижен в схиму самим Калужским свт. Филаретом (Амфитеатовым). Разделил труды первооснователей Скита, собственными руками вырубая вековые сосны и расчищая место для постройки. Был неподражаемым постником и весьма усердным молитвенником, но по простоте своей поддавался вражью искушению и долгое время был противником старцев и старчества. Но так как это был грех неведения, то за труды свои о. Вассиан по милосердию Божию сподобился блаженной христианской кончины и удостоился похвальной эпитафии от преп. Моисея Оптинского.

— Как же Вы пойдете?

— Да вот, выйду из монастырских ворот, потом по дорожке лесом к скитским воротам, и через них в Скит.

— А потом куда?

— В келлию к себе.

— Хорошо, а другого пути нет?

— Кажется, нет. Разве только в другие ворота, через конный двор.

— Так. Это кратчайший путь. А можно, выйдя из монастыря, сначала пойти на Прыски, потом на Шамордино, затем, обойдя Скит кругом, подойти к нему с задней стороны, и наконец, в ворота. Вот так и в духовной жизни: есть различные пути ко спасению, а путь старческого окормления есть прямой, кратчайший. И не только ко спасению, но и к совершенству христианскому. Поэтому его диавол так и ненавидит.

Много о старчестве написано, а вот этого, самого существенного, я, кажется, нигде не читал...»

Батюшка тогда назвал по имени этого схимонаха, но я как-то забыл, даже не помню хорошо, схимонах или иеросхимонах был он. А имя ему, может быть, Игнатий ¹⁶⁹, утвердительно боюсь сказать.

14 октября

Уезжает из Скита послушник, брат Кирилл Зленко ^[48], в солдаты. Он был письмоводителем у Батюшки. А теперь, когда он уехал на родину, на его послушание назначен я. Вступил я в исполнение послушания в субботу 11 октября, но как бы еще не совсем, ибо Кирюша (его так многие зовут) был еще в Скиту; а с понедельника 13 октября я уже совсем стал исполнять это послушание. 3-го октября, в пятницу, Батюшка благословил меня на новое послушание: писание писем.

Как-то на благословении Батюшка спросил меня:

— Как Вы думаете, кому труднее всего жить в простоте?

— Гордыне, Батюшка.

¹⁶⁹ Иеросхимонах Игнатий (Посошков, 1807—1897). В числе братии с 1835 г. Духовно окормлялся у преп. Макария, затем у преп. Амвросия. Исполнял послушания ризничего и клиросное. Имел бронзовый наперсный крест.

— Нет, вообще, при всем на то желании?

— Не знаю.

— Настоятелям. Быть настоятелем чрезвычайно трудно.

А как-то прежде, уже давно, Батюшка между прочим сказал: «То время, когда я был послушником, было самое блаженное. Знал я только церковь, трапезу, послушание и свою келлию...»

Однажды, когда я каялся, что опоздал, хотя и очень немного, к утрени и обедне, Батюшка сказал: «Бог простит. Старайтесь всегда прийти в церковь до звона. Лишь раздастся первый удар, а Вы уже в церкви. Так учили наши старцы: батюшка о. Макарий, о. Амвросий, о. Анатолий, — так и я говорю Вам, так и делайте...»

Как-то пришел ко мне отец Агапит, недавно, на днях, и говорит, что батюшка о. Амвросий (он сам от него слышал) говорил, что антихрист не за горами...»

Вот когда я слышу об антихристе, настоящем тяжелом времени, об ужасах, коими полон мир, о смерти, ее возможной для всякого неожиданности и ее неизвестности, сначала как бы ужаснешься, остановится на этой мысли ум, даже как бы решишь вести себя лучше, готовиться на всякий случай, — но ненадолго. Как-то очень быстро убегает эта мысль, убегает, не оставляя никаких следов.

16 октября

Теперь, когда я начал исполнять новое послушание письмоводителя, я пью утренний чай у Батюшки ^[49]. Иногда и разговор касается духовной жизни и монашества, отходя несколько от дела. Так, например, Батюшка говорил о монашестве:

«Не все монашество заключается в подряснике да каше. Надел подрясник, стал есть кашу, и думает: я теперь стал монах. Нет, одно внешнее не принесет никакой пользы. Правда, нужно и носить монашескую одежду, и поститься, но это — не все! Лампа, пока не горит, не оправдывает своего назначения — светить. Пожалуй, ее кто-либо и толкнет, и разобьет в темноте. Чего же недостает? Огонька! Правда, необходим и фитиль, и керосин, но раз нет огня, если она не зажжена, она не приносит никому пользы. Когда же она зажжена, сразу польется свет. Так и в монашестве — одна внешность не приносит пользы, необходим внутренний огонек.

Отец Анатолий говорил, что монашество есть *сокровенный сердца человек*»¹⁷⁰.

19 октября

Сегодня у нас храмовый праздник — память преп. Иоанна Рыльского. Литургию служил о. Архимандрит.

На днях Батюшка благословил меня прочитать книгу «Жизнь и подвиги о. Александра Гефсиманского»¹⁷¹. «Это золотая книга», — сказал Батюшка.

Как-то при мне Батюшка спрашивает у брата Никиты:

— Есть нищие?

— Да.

— Это хорошо! Пока есть нищие, слава Богу, все хорошо, и жертвуют на обитель; а вот как нет нищих-то — и пожертвований нет... Я так замечал.

Я записал только смысл слов. У нас в Скиту братии запрещено подавать милостыню. Это меня несколько смущало прежде, а теперь нисколько, ибо Батюшка за всех подает.

Замечательно правильное наставление батюшки о. Амвросия: «Смущение нигде в числе добродетелей не написано, и происходит оно от того, что причина, от которой смущение рождается, — ложная»¹⁷². Это правило, так сказать, я уже несколько раз видел подтвержденным моим собственным опытом.

Однажды Батюшка, показывая мне письмо, написанное, видимо, нарочно исковерканным поддельным почерком, сказал: «Вот письмо! В нем меня обзывают самыми площадными ругательными словами. Особенно за мои собеседования в монастыре. Думаю на того, на другого... Но кто бы это ни был, во всяком случае — [мой] благодетель. Может быть, Господь за это простит мне что-либо из моих грехов».

¹⁷⁰ 1 Пет. 3, 4.

¹⁷¹ Иеросхимонах Александр (Стрыгин, † 9.02.1878), старец Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры, первоначально — духовный сын и воспитанник преподобных старцев Оптинских Льва и Антония.

¹⁷² Ср.: *Авва Дорофей*. Душеполезные поучения... Вопрос № 82: «Со смущением ничего не говори, потому что зло добра не рождает...»; «Смущение... есть дело неразумия и гордости...».

Это, вероятно, написано каким-либо монастырским монахом. Я неоднократно понимал из Батюшкиных слов, что на него, то есть на Батюшку, были гонения, что его не любили. А епископ Трифон, благословляя нас на монашество, сказал: «Вы знаете, что есть партия против отца Варсонофия. Если к вам придут такие и будут что-либо такое говорить, то вы прямо в ноги им: „Простите, мы не можем осуждать Старца“».

Я уже забыл его слова, но смысл тот, чтобы не принимать таких, осуждающих Старца, избегать их и не слушать, не обращать на них внимания.

22 октября

Сегодня в Оптиной праздник. Ведь у нас Казанский собор! И у меня в келлии праздник: владыка Трифон перед нашим первым отъездом в Оптину благословил меня иконочкой Казанской Божией Матери. Число я забыл, но, кажется, это было перед самым отъездом, то есть 22 или 23 февраля 1907 г.

Когда мама согласилась на наше решение, она вместе с нами и нашим законоучителем в гимназии о. Петром Сахаровым пришла к епископу Трифону по его приглашению^[50]. Владыка ее успокаивал: «Не беспокойтесь, они, кроме хорошего, ничего не увидят». Когда все мы вошли к Владыке в зал, в это же время вошел о. Гавриил, ныне иеродиакон Оптиной Пустыни, а тогда еще монах, постриженник Владыки. Владыка и говорит: «Архангел Гавриил всегда является провозвестником, а к вам Бог послал о. Гавриила». Я забыл точные слова Владыки и даже смысл их, но помню, что о. Гавриил был сравниваем с Архангелом Гавриилом, и относилось это к нам, к настоящему обстоятельству.

Вот это я на днях рассказал Батюшке. Батюшка сказал:

— Вы тогда уже стали монахом. Владыка, как человек веселого характера, может быть, сказал это шутя, но слова архиерея имеют силу. А когда Вы приехали сюда в Скит?

— 23-го декабря, выехали из Москвы 22-го декабря.

— Так. В день памяти Анастасии Узорешительницы. Это понятно: вы разрешились от уз мира, сбросили его оковы с себя.

— Батюшка, а ведь это было перед самым Рождеством Христовым, мы перешли из гостиницы в Скит 24-го декабря, в со-

чельник. Не значило ли это, что мы как бы родились для новой жизни?

— Конечно, и так. Вся жизнь, я Вам и говорю, есть дивная тайна, известная только одному Богу. Нет в жизни случайных сцеплений обстоятельств — все промыслительно. Мы не понимаем значения того или другого обстоятельства; перед нами множество шкатулок, а ключей нет. Были (или есть, я не запомнил) такие люди, которым открывалось это...

Батюшка говорил, что о. Амвросий и о. Анатолий приняли его очень радостно. Отец Амвросий встретил Батюшку стоя, что не случалось прежде, он всех обыкновенно принимал или лежа, или сидя: «У него была только что мать Параскева (кажется, убогая и блаженная). Она говорит о. Амвросию: „Павел Иванович приехал“. — „Слава Богу“, — отвечал о. Амвросий. Возможно, он провидел, что я буду скитона начальником и старцем».

Я всего не упомянул, да и понял не совсем хорошо. Батюшка в Скит приехал тоже 24-го декабря.

25 октября

Вчера на благословении я каялся Батюшке, что проспал раннюю обедню в монастыре. На это Батюшка ответил:

— Бог простит. Укоряйте себя.

— Батюшка, как же, собственно, надо укорять себя?

— Как укорять? Очень просто: совесть сразу заговорит, сразу будет обличать, а Вам остается только согласиться, что плохо сделали, смиренно обратиться к Богу с молитвой о прощении.

— Да, Батюшка, сначала станет как бы неприятно, укоришь себя, обличишь, и через очень короткое время забудешь об этом, как будто и не было ничего.

— Хоть минуту, хоть полминуты, а надо обязательно укорять себя так. Наше дело укорить себя, хотя бы и на очень короткое время, а остальное предоставим Богу. Хорошо, если мы себя и недолго укоряем. И у одного это состояние продолжается более, у другого менее. А были святые Отцы, у которых вся жизнь была сплошное самоукорение, прямая черта без всяких перерывов... Но нам до этого далеко. Когда мы себя укоряем, мы исполняем силы, ста-

новимся сильнее духовно. Конечно, почему так, мы не знаем. Это закон духовной жизни.

Как в нашей телесной жизни мы подкрепляем силы пищей, так и в духовной жизни наши духовные силы подкрепляются самоукорением. Поели Вы щей, каши — стали сильнее. Вы только приняли пищу в желудок, а как там она перерабатывается в питательные соки, как ваше тело принимает их, Вы не знаете. Ваше дело только принять пищу, а желудок уже сам знает, как переварить ее, как употребить ее по назначению. Мы знаем, что все это действительно происходит, но не понимаем, почему так, и не видим, как это происходит. Точно так же и в духовной жизни: мы питаемся самоукорением, которое, по учению святых Отцов, есть невидимое восхождение, но почему и как, — мы не знаем. Это — закон духовной жизни. Когда мы питаемся духовным, мы духовно становимся крепче, сильнее. А что такое самоукорение? Смирение. Считать себя грешным, виновным — значит смирять себя. А что такое смирение? Это риза Божества, по слову Лествичника¹⁷³. Мы идем и касаемся этой ризы тогда, когда укоряем себя. Помните Евангельскую кровоточивую жену¹⁷⁴? Она смиренно шла через толпу и прикоснулась края одежды Христа, и исцелилась. Так действительно и было все, как написано в Евангелии, было на самом деле. Но возьмите духовный смысл этого события и рассмотрите... Поняли ли Вы все?

— Да.

— Все ли?

— Как будто все.

— Так ли?

— Кажется, так.

Мне казалось и кажется, что я понял действительно так, как Батюшка говорил. И вчера же написал краткий план, чтобы не забыть.

Но так как Батюшка как бы предостерегал меня этими своими вопросами, то я и делаю эту оговорку, делаю на всякий случай

¹⁷³ *Иоанн Лествичник*. Лествица. Слово 25, 27: «Смиренномудрие есть покров Божественный...»

¹⁷⁴ Мф. 9, 20—22.

и для того, что, может быть, в этом скрыт какой-то смысл, для меня непонятный теперь, но который впоследствии откроется.

Батюшка, между прочим, сказал: «Анализа самоукорения я не встречал, кажется, ни у одного святого Отца...»

На мой вопрос, надо ли идти к обедне, если я просплю большую ее часть, Батюшка отвечал: «Обязательно!»

26 октября

Брату Кириллу пришло время служить в солдатах; он ездил на родину и сегодня возвратился опять в Скит. Скоро будет призываться в Козельске. Батюшка говорил мне, что Кирюша жил внимательно к себе и очень невнимательно к другим. Я поговорил с ним; он говорит, что тяжело и скучно жить в миру, что всякий монах — чужой в своей семье. При мысли о Кирюше я думал и о себе, ибо что ему предстоит теперь, то мне предстоит в будущий год. Сам боюсь военной службы и потому и другим не желаю.

Запишу кое-какие Батюшкины наставления:

«Каждую книгу из библиотеки нужно брать с благословения».

«За гордостью, словно по пятам ее, всегда идет блуд».

«Только тогда хорошо жить в монастыре, когда живешь внимательно. — Кажется, Батюшка так сказал и прибавил: — Вот я Вам и говорю: начинайте со смирения».

«Есть грехи смертные и не смертные; смертный грех — это такой грех, в котором, если ты не покаешься, и в нем застанет тебя смерть, то ты идешь в ад; но если ты в нем покаешься, то он тебе тотчас же прощается. Смертным он называется потому, что от него душа умирает и ожить может только от покаяния. Грех для души — то же, что рана телесная для тела. Есть раны, которые можно ушивать, которые не приносят телу смерть, а есть раны смертельные. Так же и грехи. Смертный грех убивает душу, делает ее неспособной к духовному блаженству. Если, например, слепого человека поставить на месте, с которого открывается чудный вид, и спросить его: „Не правда ли, какой чудный вид, какая красота?“ Слепой, конечно, ответит, что не чувствует этой красоты, так как у него нет глаз, нет зрения. То же самое можно сказать о неспособности души, убитой грехом, к вечному блаженству».

27 октября

Сегодня, в день преподобного Нестора, летописца Печерского, Батюшка поручил мне составление описания Скита, возлагая на меня этим новое послушание. Отказываться не могу, но чувствую, что исполнить это послушание мне возможно только при всесильной помощи Божией да при Батюшкиных святых молитвах. Господи, благослови мой смиренный труд!

29 октября

Приходится разговаривать с Батюшкой между делом, или за чаем, иногда за обедом, — и как мне становится понятно и ясно то, что было для меня неразрешимым вопросом! Прямо глаза открываются.

«У батюшки о. Амвросия спросили, — говорил недавно Батюшка, — что такое монашество. „Блаженство“, — отвечал он. И действительно, это такое блаженство, более которого невозможно представить. Но монашество не так легко, как некоторые думают, но и не так трудно и безотраднo, как говорят другие.

Я написал стихотворение, посвященное батюшке о. Амвросию, „Блажен, кто путь свершая...“ еще в миру и, отпечатав его в Казани, прислал отцу Амвросию. Потом, когда я приехал в Оптину к отцу Амвросию и напомнил о стихотворении, он сказал мне:

— А стихотворение при Вас? — и указал пальцем на грудь. Я ощупал карманы в мундире на груди и отвечаю:

— Нет.

— Как же это? Так нет?

— Да, батюшка, нет.

— Гм, нет! Как же это так?

Я тогда ничего не понял. А когда мне сказали, что о. Амвросий ничего не говорит понапрасну, даже в шутку, то я спросил об этом о. Илариона и о. Иону, каждого порознь, и они дали мне одинаковые ответы, именно: „При Вас — это значит у Вас в сердце, то есть исполняете ли Вы то, что написано в стихотворении, соответствует ли Ваше внутреннее устройство описываемому“.

Тогда я понял, в чем дело. Понял, что стихотворения действительно при мне нет, а при батюшке о. Амвросии оно, конечно, было».

Батюшка мне рассказывал, что о. Иона предсказал ему (то есть Батюшке), что он будет старцем и скитоначальником чуть ли не за 10 лет до исполнения этого предсказания. Отец Иона был, по Батюшкиным словам, замечательный подвижник, а не заурядный монах, как многие думали, ибо он скрывал себя.

Однажды Батюшка за чаем сказал мне: «Мне сегодня как-то нехорошо, плохо себя чувствую... Такие состояния стали чаще повторяться со мной... Я не хотел идти к утрени, но пошел; думаю, если умру — так там на правиле, а не здесь». Вот как надо переносить болезни, подумал я, а не так как я: чуть что — и в постель.

«Я говорю на утрени мое убогое слово, — говорил Батюшка, — потому, чтобы не понести ответа на Страшном Суде за молчание. Это моя обязанность».

Действительно, я удивляюсь только, как Батюшка глубоко во все смотрит, замечает всякий, даже малейший недостаток и, если возможно, старается его исправить. Я говорю про недостатки вообще в Скиту.

2 ноября

Я недавно узнал от самого Батюшки, что он писал стихотворения, они есть в печати листками¹⁷⁵. Одно из них, «Иисусова молитва», мне очень понравилось¹⁷⁶. Другие, которые я читал, не так нравятся мне. Об этом стихотворении я как-то говорил с Батюшкой.

«Здесь нет ничего сочиненного, — говорил Батюшка, — все это вылилось у меня из сердца. Вам, вероятно, особенно понравился конец. Это состояние — переход к внутренней молитве в сердце — нельзя передать на словах так, как оно есть на самом деле. Его поймет и может понять только тот, кто сам его испытал...

Путь молитвы Иисусовой есть путь кратчайший, самый удобный. Но не ропщи, ибо всякий идущий этим путем испытывает скорби. Раз решился идти этим путем и пошел, то не ропщи, если встретятся трудности, скорби — нужно терпеть... В Козельск (это,

¹⁷⁵ См.: *Схиархимандрит Варсонофий, старец Оптинский*. Духовные стихотворения. Шамордино, 1914; М., 1996.

¹⁷⁶ См. Дневник от 30 декабря 1908 г.

вероятно, Батюшка сказал только так, для примера) нужно пройти: есть два пути (здесь-то и предположение) — один лесом, другой полями. Лесом сухая дорога, но в обход идет, а полями, хотя и значительно ближе, но встречаются болота. Ты решаешься идти болотами, желая прийти поскорее, то не пеняй на себя, если придешь в Козельск с одной калошей и мокрый. Так и здесь, надо быть готовым на все. В стихотворении говорится: „И ты увидишь, полный изумленья, иной страны сияющую даль...“

Да, все существо человека как бы изменится. Он весь исполнится изумленья, увидя „иной страны сияющую даль...“. Я откровенно говорю Вам: так уж я теперь, пожалуй, не напишу».

Если Бог даст, когда-нибудь напишу здесь это стихотворение, оно сейчас печатается.

Сегодня в конце Литургии Батюшка сказал маленькое слово-поучение, делая оговорку как бы в извинение, что, хотя и не приняты у нас в Скиту такие слова за Литургией, он все-таки говорит, находя это необходимым. Содержание слова было такое же, или почти такое же, как однажды за утреней, именно: поведение инока в Скиту, особенно в праздники; чтение святоотеческих книг, научающих разумеать заповеди Христовы и тем любить самого Христа; воздержание от хождения без крайней надобности в монастырь и по келлиям: «Сиди в своей келлии, и она всему тебя научит»¹⁷⁷.

За утреней Батюшка напоминал о смирении: «Старайтесь быть всегда готовыми к смерти, ибо смерть близка и к старым, и к молодым, и к монахам, и к мирянам одинаково; часто она приходит внезапно и неожиданно. Пусть каждый думает, что будет с его душой».

Батюшка оба раза упоминал о книгах и указывал почти одни и те же книги: аввы Дорофея, Феодора Студита, «Лествицу», Варсануфия и Иоанна, Игнатия Брянчанинова, Отечник и другие, которые я не упомянул.

Недавно Батюшка дал мне почитать книгу «Жизнь и подвиги старца Александра Гефсиманского скита». Батюшка раскрыл эту

¹⁷⁷ Авва Моисей (подвижник Скита): «Поди, пребывай в твоей келлии, и она научит тебя всему». // Творения ... свт. Игнатия. Т. VI. Отечник. С. 313. Любое репр. изд.

книгу на месте, где говорилось о скорбях и гонениях всех желающих идти путем старческого окормления. Прочтя эти строки, Батюшка сказал мне: «У нас, у нас, матушка моя; что же в других монастырях?.. Вот, Бог благословит, читайте. Это — золотая книга!»

5 ноября

Отец Климент Зеде́ргольм¹⁷⁸ — немец по рождению, православный, замечательный подвижник.

Сейчас я за обедом и после обеда беседовал с Батюшкой (я обедал у Батюшки).

«Здесь все хорошо, говорил кто-то о. Клименту (Зеде́ргольму) или о. Леониду (Кавелину), я забыл, — начал Батюшка, — все хорошо, только одного нет — музыки. Хорошо бы, например, на рояле играть серьезные пьесы Бетховена или других. Что Вы скажете?»

— Нет.

— Почему же?

— Нет.

— Скажите, почему Вы так категорически отвечаете?

— Ну, хорошо, я Вам скажу, но об этом знаю только я сам да мой духовный отец, батюшка о. Макарий: я получил внутреннюю молитву. Да, это чудная музыка... Все равно, как войти в дом — задним или передним крыльцом. Я решил передним, — ответил он вопрошавшему его.

Это состояние неопишимо, его может понять только тот, кто его сам испытал. Такого человека может весь свет презирать, все могут обижать, бранить, поносить, оскорблять, смеяться над ним — ему все равно, он только твердит: „Слава Богу! Слава Богу!“

¹⁷⁸ Иеромонах Климент (Зеде́ргольм, 1830—1878). Сын лютеранского пастора, присоединен к Православию в Оптином Ските в 1854 г. Находился в духовной дружбе с графом А. П. Толстым, К. Н. Леонтьевым. Духовный сын старца Амвросия. Отцу Клименту принадлежат жизнеописания Оптинских старцев Льва и Антония, переводы с греческого на русский «Поучений» аввы Дорофея и с латинского на русский «Об устройении монашеского жития» аввы Орсисия Тавеннисийского. См.: Православный немец. Иеромонах Климент (Зеде́ргольм). Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 2004.

Состояние до получения внутренней молитвы описано мною в стихотворении. Это состояние — хаотическое, ужасно тяжелое. Игра на скрипке, если кто умеет играть, очень приятна, но при учении игре на скрипке — убийственные звуки. Так и это состояние есть как бы настраивание инструмента, начальные гаммы. Инструмент есть, рояль раскрыта, готова, перед нами ряд белых клавиш... Игрока нет! Кто же этот Игрок? Бог. Нам должно подвизаться, а Господь по обещанию Своему: *К нему приидем и обитель у него сотворим*¹⁷⁹, — придет к нам, и наш инструмент заиграет (Батюшка слегка ударил меня в грудь).

Про эту музыку часто говорится в псалмах: *Крепость моя и пение мое Господь*¹⁸⁰, *пою и воспою Господеву*¹⁸¹, *пою Богу моему, дондеже есмь*¹⁸². Это пение неизглаголанно. Чтобы его получить, и идут в монастырь, и получают, но один чрез 5 лет, другой — через 10, третий — через 15, а четвертый — через 40 лет. Бог даст, и Вы получите; по крайней мере, Вы на дороге к нему.

Вам на военную службу надо — ничего. Пойдете, отслужите, еще больше узнаете, какая на этом чудище-звере шкура. Иногда она переливается разными цветами: и голубыми, и розовыми, и другими, и люди бегут на нее, а зверь, то есть мир, раскрывает свою пасть да и пожирает их. А Вы не обманывайтесь этими переливами, зная, что это только шкура. И опять воротитесь сюда...

Я теперь уже не имею возможности выходить и ходить по Скиту ночью... Вот смотрите, какая аскетическая красота, задумчивая, — этот наш храм (старый). Здесь все хорошо, не нагладишься. Приходит мне на мысль бросить все и уйти в другую келлию¹⁸³, но боюсь. „Зачем ушел с часов“, — скажет Господь. Надо терпеть. Быть может, те души, которым Господь определил спастись через меня, не спасутся, если я уйду... Господь может взять в орудие и грешного человека, на все Его воля... Боюсь уйти самочинно».

Этот разговор начался с вопроса Батюшки: «Сколько у вас в Москве дома роялей?»

¹⁷⁹ Ин. 14, 23.

¹⁸⁰ Пс. 117, 14.

¹⁸¹ Пс. 26, 6.

¹⁸² Пс. 145, 2.

¹⁸³ То есть не в скитоначальническую, а в обычную скитскую.

Тут мне припомнился мой товарищ по гимназии. Он был человек не из высоконравственных: неприличные разговоры, анекдоты, карточки ¹⁸⁴, плохие умственные способности, весь его наружный вид, отношение видимое к религии, его ближайшие сотоварищи, отзывы об нем моих товарищей, — все это подтверждало плохое мнение о его нравственности. Однажды он принес скрипку в класс. Надо заметить, что он прекрасно играл на скрипке, он был по природе музыкант. Итак, однажды, за отсутствием преподавателя, вышло у нас свободное время, и этот товарищ мой по просьбе всего класса стал играть. Он играл наизусть без нот. Лишь только раздались звуки, он весь переменялся: в нем не стало заметно обыкновенной легкомысленности, смешливости, он стал серьезен. Это заметили многие.

Вот это я и рассказал Батюшке, а отсюда и пошел весь наш разговор.

«Видите, — сказал Батюшка, — как может отрешать от земли музыка. Что чувствовал Ваш товарищ, если он даже внешне изменился? Этих его чувств никто не может понять, если сам их не испытал. А если так отрешает от земли музыка, то тем более — молитва...»

А утром, когда я только что пришел и сел пить чай, Батюшка начал говорить: «Лет через 40, а то и 50, конечно, если будет воля Господня, на этом самом месте, где мы сейчас сидим, будет стоять Николай Митрофанович ¹⁸⁵. Тогда он будет „един от древних“. И будет он говорить, что вот 50 лет назад на этом самом месте сидел он с таким-то Старцем и то-то говорил»...

Более не помню, с чего началось и чем кончилось. Я решил это записать.

Брата Кирилла взяли в солдаты 10-го числа. Говорят, уедет совсем, но все-таки питает надежду возвратиться в Скит.

7 ноября

Захворал я что-то, горло болит. К утрени встал, но не достоял до конца и утренних молитв, как-то нехорошо стало. Но да будет воля Господня.

¹⁸⁴ То есть карты (игральные).

¹⁸⁵ То есть сам преп. Никон. Это — пророчество о его старческом служении.

Я помню, что Батюшка как-то говорил, что все слова, то есть их произношение, имеют глубокое значение. Почему, например, Бог называется именно словом «Бог», а не как-либо иначе?

«Народ вложил все свое мирозерцание в это слово „Бог“ и в слово „человек“. По произношению этих слов в разных народах можно определить их нравственное и духовное состояние. „Бог“ имеет отношение к слову „богатый“, именно: Бог всем богат, ни в чем не имеет нужды, Бог — богатый милостию. Так и каждое слово».

Я боюсь много писать об этом, боюсь напутать. Только замечу вот что: «Даже изображение букв имеет свой смысл, — говорил Батюшка. — Почему, например, святые Кирилл и Мефодий букву „А“ изображают именно так? Буква „А“, собственно, произносится „Аз“, это значит „я“, то есть человек. А в человеке замечаются две стороны: духовная и плотская; так вот духовная сторона человека изображена тонкой линией, идущей кверху, а плотская — толстой, идущей книзу. Но буква „А“ не так пишется, а надо ее еще перечеркнуть, — это значит, что эти две стороны всегда находятся во враждебных отношениях, — и вот выходит буква „А“, произносимая, собственно, „Аз“».

Более не могу, да и не помню...

8 ноября

Сейчас за обедней Батюшка опять сказал краткое слово, напоминая нам о смысле и значении нашего иноческого призвания:

«Св. Иоанн Лествичник говорит: „Ангелы — свет монахам, монахи — свет миру”¹⁸⁶. Вспомните, что мы должны быть светом миру, что наше грядущее назначение — быть царями и священниками¹⁸⁷. Вспомните, как милостив Господь, призвавший нас в эту святую обитель. Сами посудите, какие дела мы творили, как жили до призвания нашего сюда, в эту святую обитель...»

Батюшка мне говорил, что его прошлое слово, сказанное за обедней, некоторым не понравилось.

¹⁸⁶ *Иоанн Лествичник*. Лествица. Слово 26, 31: «Свет монахов суть Ангелы, а свет для всех человеков — монашеское житие...»

¹⁸⁷ Ср.: 1 Пет. 2, 9; Откр. 5, 10.

Я помню, прочел у епископа Игнатия Брянчанинова слова преп. Исаака Сирина: «Что есть чистота? Чистота — есть сердце, исполненное милости о всяком создании. А что есть милостивое сердце? Это — горение сердца о всякой твари, о человеках, о птицах, о животных, о бесах, — словом, о всяком создании»¹⁸⁸, и далее. Я невольно остановился на слове «о бесах» и спросил об этом Батюшку: как можно чувствовать милость к бесам, когда они ищут нашей гибели, когда говорится в псалмах: *совершенною ненавистию возненавидех я...*¹⁸⁹.

«Заметьте, это не сам епископ Игнатий говорит, — отвечал Батюшка, — а он приводит только слова преп. Исаака Сирского. Это единственный святой, который молился о бесах. Но как молился? Можно молиться, чтобы Господь уменьшил их муки, ослабил по неизреченной Своей милости (Батюшка еще говорил, как можно молиться, но я позабыл). Затем, что можно этому великому святому, того нельзя нам. Все птицы высоко летают, но выше всех — орел. Подобно орлу, и св. Исаак парит между святыми. Нам же молиться за бесов опасно. Знал я одну начальницу общины: она молилась за бесов. Я предостерегал ее, она не послушалась и продолжала. Вскоре бесы стали являться ей и благодарить за молитвы о них. Последствием всего этого было то, что она пала с одной сестрой своей общины однополным¹⁹⁰ грехом, стала заниматься спиритизмом с этой же сестрой, которая была крещеной еврейкой. Конечно, обе они ушли из общины. Смотрите, как плохо она кончила!..»

9 ноября

Батюшка мне благословил приписаться для призыва в военную службу в Козельске. «Конечно, здесь удобнее», — сказал Батюшка.

У старца Александра Гефсиманского спросили: «Можно ли держать у себя в келлии святую воду, просфору или что-либо подобное?» Он отвечал отрицательно. Прочтя это, я спросил у Батюшки:

¹⁸⁸ См.: Преп. Исаак Сирин. Слова подвижнические. Сл. 48. С. 205—206. Репр.: М., 1993.

¹⁸⁹ Пс. 138, 22.

¹⁹⁰ Противоестественным.

— Как относиться к сему, ибо у меня имеются подобные предметы?

— Ничего, Бог благословит. Можно иметь; наши Старцы благословляли. У старца Александра хотя и говорится, что нельзя, но это частное мнение. Может быть, он пролил когда-либо святую воду и во избежание сего на будущее время решил не иметь ничего подобного. А наши Старцы благословляли: ведь это делается с благою целью.

Сейчас я прочел у епископа Игнатия Брянчанинова о кончине мира. Когда я читаю его сочинения, удивляюсь его прямо ангельскому уму, его дивно глубокому разумению Священного Писания. Его сочинения как-то особенно располагают к себе мое сердце, мое разумение, просвещая его истинно Евангельским светом.

«Душа по природе христианка» (слова Тертуллиана), она чувствует истину. Те места Священного Писания, которые мною или вовсе не понимались или понимались превратно, о смысле и отношении которых к жизни я имел весьма туманное представление, становятся для меня очень понятными и ясными. Конечно, не все, ибо некоторые требуют опытного понятия и духовного разума, которого у меня нет. Кроме того, я опять-таки не могу понять смысла какого-либо текста всецело. Преп. Петр Дамаскин говорит, что смысл Священного Писания открывается разным людям в различной степени, притом одному открывается в данном тексте одно, другому — другое, третьему — третье, ибо глубину и смысл Священного Писания знает всецело только один Бог, Который и открывает его Своим избранникам по мере надобности¹⁹¹. Этим самым, между прочим, св. Петр и объясняет кажущиеся разногласия в писаниях святых Отцов, ибо они, действительно, только «кажущиеся», так как все святые Отцы стремились к одной цели и достигали ее. Значит, я могу понимать настолько, насколько это мне нужно, но понимаю правильно.

Не читающие духовных книг остаются часто в полном неведении духовных предметов и явлений — и какое горестное это неведение! И это неведение, можно сказать, царствует в миру. Может

¹⁹¹ Творения преподобного Петра Дамаскина. Слово 23: «О Божественных Писаниях, что в них нет разногласия».

быть, и есть исключения, но обыкновенно это неведение, как некий страшный яд, разлито повсюду.

Я родился, рос, воспитывался в хорошей благочестивой верующей семье, но не имел ни малейшего понятия о духовной литературе, даже о существовании ее. Когда мы уже собрались ехать в Оптину в первый раз, к нам на квартиру зашел о. Гавриил. В разговоре за чаем он сказал, что первым долгом нам дадут прочесть Авву Дорофея. «Авву Дорофея?» — подумал я, слыша первый раз это название, и мне представилось, что это какая-нибудь такая дрянь, что ее только и можно в печку бросить. И как это ни горестно, но это так! Все мои познания, приобретенные в Скиту, вся формировка в нечто определенное моих убеждений и понятий произошла здесь, в Скиту. Здесь, в Скиту, я приобрел более, чем за всю мою жизнь в миру, более, чем в гимназии и университете. Не ошибусь, пожалуй, если скажу, что там я почти ничего не получил, хотя в миру от рождения прожил 19 лет, а в Скиту не живу еще и года.

Великая, поистине великая милость Божия, что Господь привел меня сюда в Скит. Чем я лучше моих, например, родных? Они живут в миру и едва ли не заблуждаются, а я, недостойный, питаюсь обильно духовною трапезою. Мне много дано, но много и взыщется, поэтому я должен помнить, зачем я здесь живу, я должен помнить, что не я делаю кому-либо одолжение, снисхождение, живя здесь, а мне делает Господь великое снисхождение, что позволяет находиться в Скиту!

Здесь хорошо. Конечно, люди — везде люди, поэтому и в монастырях, следовательно, и в нашем Скиту, живут не Ангелы, а люди, имеющие каждый свои пороки и греховные наклонности. Но мне до этого дела нет. Прежде говорили: «Внемли себе — и довольно тебе».

Чужие грехи и в миру очень удобно замечать, а вот свои грехи распознать да увидеть — это монашеское дело. А к этому здесь все удобства. И Батюшка говорит, что наш Скит, пожалуй, единственный такой во всей России, и от других приходится слышать это же. И не только духовная жизнь мне нравится, но куда бы ни обратился взор — все словно родное. А что было прежде? Однажды, когда я помогал пономарю в Предтечевом храме, со мною был о. Кукша. Не помню, о чем мы говорили, запомнилась мне только одна фраза: «Как вспомнишь о старом, так даже заплачешь», — сказал о. Кукша.

Это свидетельствует о том, как хорошо было прежде. Но для меня старое — мир, а настоящее — Скит, и я благодарю Бога!

15 ноября

В понедельник 10-го ноября в 8 часов утра Кирюша уехал на военную службу и оставлен в Козельске.

13-го числа Батюшка не пошел ко бдению и меня не пустил, а мы во время бдения читали записки шамординских монахинь об отце Анатолии. Отец Сергей Четвериков¹⁹² работает над составлением жизнеописания о. Анатолия. Материал был собран и послан Батюшкой. Между прочим, о. Сергию Четверикову посланы и тетради рукописные о. Анатолия «Мистическое богословие». Это его беседы с каким-то, кажется, профессором. Отец Сергей обещался окончить все жизнеописание к Пасхе.

«Доживу ли я до Пасхи, не знаю, — сказал мне Батюшка. — Сегодня я первый раз в жизни почувствовал одышку, придя в трапезу». Вообще, в последнее время Батюшка не раз говорил о смерти. Недавно, когда я сидел и писал у Батюшки в келлии, он стал при мне переменять сапоги. Когда Батюшка уже снял сапоги, а других еще не надел, я почему-то оборотился к нему, а Батюшка, показывая мне на свою голую ногу, сказал:

— Замечаете?

— Да, Батюшка, вижу опухоль.

— Это у меня начинают отекают ноги, а это — вестник более или менее приблизившейся смерти... — Говоря это, Батюшка казался совершенно спокойным, а я невольно задумался.

Еще как-то Батюшка говорил, что он начал очень слабеть под вечер. «Иногда едва сижу», — говорил он. Не раз также Батюшка говорил: «А *туда* с чем идти?»

¹⁹² Сергей Четвериков, протоиерей (1867—1947). Духовный писатель, автор известных книг («Жизнеописание старца Амвросия Оптинского», «Молдавский старец Паисий Величковский», «Оптина Пустынь», «Великим постом», «Путь чистоты») и множества статей. Также о. Сергей принимал активное участие в составлении валаамского «Сборника об Иисусовой молитве» (игум. Харитона), хотя его имя там не значится. Келейно пострижен в схиму (вероятно, на Валааме, игум. Филимоном, его духовным отцом), что выяснилось из его завещания (13 декабря 1944 г. с дополнением 24 июня 1945 г.).

Все это заставляет меня думать о смерти Батюшки. Тяжело согласиться, примириться с этой мыслью. Это будет для меня тяжелая утрата, — конечно, если Богу угодно будет, чтобы я пережил Батюшку. Желал бы я только одного: чтобы Батюшка скончался при мне, то есть или до моей военной службы, или когда я уже возвращусь со службы. Но последнее едва ли возможно, по Батюшкиным словам. Еще прошлой зимой он говорил об одном: «Молю Бога, чтобы мне протянуть еще годик или полтора, чтобы Вы окрепли, стали на ноги». С того времени прошло уже более полугода.

Обо всем этом я не раз хотел поговорить с Батюшкой и разрешить связанные со смертью Батюшки вопросы, чтобы меня не раздавила эта скорбь, не привела в отчаяние, чтобы немного подготовиться к ней, чтобы знать, где и как поступить.

16 ноября

«Замечайте события Вашей жизни, — говорил мне Батюшка, — во всем есть глубокий смысл. Сейчас Вам непонятны они, а впоследствии многое откроется. Вот почему, например, я Вас сейчас не пустил ко бдению, а стали мы читать про батюшку о. Анатолия? Почему именно в этот день, а не в какой другой? Значит, так нужно было, а почему — мы сейчас этого не знаем...»

Когда о. Анатолий еще не имел священного сана, к нему кто-то подошел под благословение (я уже теперь не помню хорошо, но только было что-то вроде этого). Когда мы прочли об этом в записках, Батюшка рассказал про себя, что и к нему подходили под благословение, когда он не имел еще священства.

А мне вспомнилось, как брат Кирилл мне рассказывал про одну бабу, которая стала ему каяться в своих грехах, когда он шел по дорожке от Скита к монастырю. Он говорит: «Я простой послушник», — а она все продолжает; он прибавил шагу, баба пошла скорее. Он почти побегал, и она за ним. Я сказал это Батюшке.

— Брат Кирилл ¹⁹³, говорите Вы? — спросил Батюшка.

— Да.

— Это знаменательно.

¹⁹³ Иеродиакон Кирилл (Зленко) в советское время понес крест исповедника веры Христовой.

Вчера, когда я писал у Батюшки, он, читая письмо какой-то девушки, бывшей у него, рассказал мне про нее следующее.

«Эта девица прекрасно играет, она любит классическую музыку.

— Кого Вы больше всего любите играть?

— Бетховена, Гайдна, — отвечала она.

— А есть музыка еще лучше.

— Какая же? Моцарта? — спросила она.

— Нет, еще лучше.

— Может быть, Баха?

— Нет, нет.

— Какая же? Не знаю, — сказала она.

— Музыка души.

— Музыка души? Да разве есть такая?

— А как же, есть!

— В первый раз слышу. Какая же это музыка?

— Это — покой души. Тот самый покой, про который говорится в Евангелии: *Возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим, иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть*¹⁹⁴. Вот этот самый покой. Изучали математику? Знаете, что такое знак равенства? Ну вот: покой души = блаженство = музыка, гармония всех душевных сил.

— Так вот это какая музыка!

Так она мне понравилась, такая милая девушка. Вот придет одна такая, и все позабудешь, — и тяжести, и скорби. С другими приходится все говорить „сказку про белого бычка“. Вы знаете эту сказку? (Я отвечал утвердительно.) Ну вот, а такая душа сразу все снимет... Вы понимаете меня?»

— Да, Батюшка.

— А!.. Я Вас за то и люблю, что Вы меня понимаете. Есть и еще, которые меня понимают.

Потом как-то Батюшка говорил мне: «Все в Евангелии, кроме первого, более ясного смысла данного текста, имеет еще и другой, более скрытый, таинственный смысл... Вот, например, евангельское повествование об изгнании из храма продающих и покупающих

¹⁹⁴ Мф. 11, 29—30.

имеет прежде всего, конечно, тот смысл, что Христос, видя бесчинство в храме, возмутился и, взяв бич, прогнал из него продающих и рассыпал деньги меновщиков. Но это прознаменовало, было образом изгнания иудеев из ветхозаветной церкви (кажется, Батюшка, сказал „ветхозаветной“). Так что они, будучи изгнаны из Церкви, остаются вне ее и погибают, несмотря на то, что были избранный Божий народ, но ныне — отверженный и проклятый. Только *остаток*, сказано, *спасется*¹⁹⁵. Их проклятие и отвержение ясно доказываются тем, что, где они ни появляются, везде чувствуется разложение нравственное, государственная измена и все, что хотите...»

17 ноября

Сейчас говорил с Иванушкой, и этот разговор заставил меня вспомнить многое позабытое, на что в свое время не было обращено ни малейшего внимания, но что достойно внимания.

Первым моим духовником был протоиерей о. Сергей Ляпидевский, уже скончавшийся, вторым — его сын о. Симеон Сергеевич^[51]. Несмотря на религиозность мамы, бабушки, дедушки, папы, — они нас редко посылали в церковь, особенно зимой, боясь простуды. А ребенок сам пойти не может. Нас и баловали, и ласкали, но вольничать не позволяли, уйти без спросу мы не смели.

Однажды на исповеди, кажется, о. Симеон Сергеевич сказал мне, что необходимо ходить в церковь по праздникам: «Это — долг перед Богом». Я поразмыслил об этом и согласился. С тех пор я стал часто ходить в церковь, даже в будни, когда был свободен. И это обратилось в привычку. Ходил я также и к вечерним беседам по воскресеньям^[52]. Правда, ходил больше из-за «интереса», но все же иногда бывало что-то вроде умиления. Помню, однажды за беседованием я, стоя на клиросе, слушал проповедь и заключил в конце концов так: «Как бы провел я время дома, не знаю, а здесь все-таки душеполезное услышал». Услышав однажды о грехе суеверия, я приложил слышанное к жизни и отверг все суеверное — например, приметы. Услышав однажды о грехе воззрения на девушек и жен с похотением¹⁹⁶, я даже, так сказать, опечалился: это

¹⁹⁵ Рим. 9, 27; Ис. 10, 22—23.

¹⁹⁶ См.: Мф. 5, 28.

доставляло мне удовольствие. Как быть? Смотреть грешно, а не смотреть — лишить себя удовольствия. И решил я, что смотреть можно, только без похотения. Такой сделкой со своей совестью я как бы успокоился: взяла верх плотская сторона.

Представилось новое искушение: предложили мне учиться танцевать, но танцы назначались как раз во время вечерни. Куда склониться? Помню, был 6-й глас на «Господи, воззвах», мой в то время самый любимый догматик: «Кто Тебе не ублажит...» И туда, и туда хочется. Долго я боролся, долго был в нерешительности, и... о позор, позор! попрал я совесть и пошел танцевать. Совестно вспомнить! Как враг старается удалить от церкви, если ходишь даже и с равнодушием!

Этого священника Симеона Сергеевича во время моего напускного озлобления на всех и вся я почти ненавидел, а он первый побудил меня к хождению в церковь.

Что я поступаю в монастырь, никто не верил, да я и сам это считаю чудом и милостью Божией. Один мой бывший друг, человек неверующий, с «красными» убеждениями, озлобленный на родителей, сказал мне однажды: «Где я покончу, трудно предположить, — на виселице ли, под поездом ли, или еще где, не знаю. А ты, вероятно, женишься, обзаведешься детьми...» Я тогда согласился с ним. Но, слава Богу, избавил меня Господь от сего.

«Хорошо Вы сделали, что не женились, ушли от мира, — не раз говорил Батюшка, а однажды прибавил: — Вы не знаете, какая сложная жизнь женской души».

Я все больше и больше начинаю понимать, какое счастье, что я в Скиту.

Батюшка как-то говорил, что одному святому было видение, как вкушает братия пищу: кто ест и ропщет, тот вкушает пищу как навоз; кто не ропщет, но и не благодарит, для того пища — ни то ни се; а кто ест и благодарит, тот вкушает пищу как мед. «То же самое относится и к монашеской жизни. Только тому хорошо жить в монастыре, кто благодарит Бога за Его милосердие, за то, что Он вселил его в монастырь, что оторвал от мира. А кто ропщет на свою жизнь, тому в монастыре очень тяжело жить...».

Батюшка благословил все время читать Жития святых; когда прочту все 12 книг, тогда начинать опять все сначала. Благословил

читать Лествицу, затем преп. Феодора Студита, Варсануфия и Иоанна преподобных. Сейчас Батюшка ушел в монастырь на проповедь.

18 ноября

Вчера я уже у Батюшки не занимался. Пришел, напился чаю и ушел к себе в келлию и начал просматривать материалы для составления описания Скита. Сейчас это дело для меня совершенно новое и потому трудное, но я приступил к нему за послушание, вследствие чего надеюсь и исполнить, аще Богу угодно будет. То же самое и Батюшка мне вчера вечером сказал. «Но Господь может Вас умудрить», — прибавил он.

Кроме того, Батюшка говорил о новом поколении: «В нем замечается отсутствие памяти, неспособность к математике и вообще ко всем наукам. Профессора и учителя постоянно на это жалуются. И объясняется это ничем иным, как ранним сожительством. Страшно подумать: почти в 10 лет начинают жить; часто встречается сифилис. Разлагается, тлеет, вымирает новейшее поколение. Хотят без Бога жить. Ну что же? Плоды такой жизни очевидны!»

Когда в Оптиной была мама, она спросила Батюшку: пробудем ли мы, то есть я и Иванушка, в монастыре все время. Мама беспокоилась, думая, что монастырская жизнь будет нам не под силу, что она может нам скоро наскучить. На это Батюшка маме ответил: «Пробудут, если Бога не забудут». Мне об этом рассказал сам Батюшка.

19 ноября

Может быть, я где-нибудь уже и записал то, что хочу сейчас записать, ибо это — дело великой важности.

— Батюшка, я часто осуждаю всех, кто делает даже и хорошее. Часто хороший поступок я перетолковываю в плохую сторону.

— Бойтесь подозрительности. Дьявол, возобладав человеком, доверяющим своим предположениям и подозрениям, может показывать ему, чего на самом деле и не было. Помните, у Аввы Дорофея есть рассказ?¹⁹⁷

¹⁹⁷ См.: *Авва Дорофей. Душеполезные поучения...* Поучение 9. С. 116—118.

— Помню.

— А когда Вам диавол указывает на чужие недостатки и немощи и побуждает Вас к осуждению, Вы говорите себе: «Я хуже всех, я достоин вечных мук. Господи, помилуй мя!» И если даже будете говорить это без чувства, то все-таки нужно так говорить.

21 ноября

В монастыре главный престольный праздник¹⁹⁸. Ходил ко бдению и к Литургии. Не люблю я ходить в монастырь. Не нравится мне как-то самая служба, нотное пение^[53], не нравится трапеза. Скит — словно моя родная сторона, ибо я в Скиту родился в новую жизнь, если можно так сказать. А к монастырю сердце не лежит. Придешь в монастырь, да и думаешь, как бы опять в Скит попасть поскорей.

Сейчас пришел из монастыря с трапезы. Встретил о. Павла Левашова¹⁹⁹. Он, кажется, второй раз в Оптиной. Один раз он был при мне и даже служил у нас в Скиту обедню. Ему очень у нас понравилось. Я просил его святых молитв за себя и Иванушку, он обещался и просил наших молитв. Я его все это время поминал, а сегодня и он меня очень утешил, сказав, что и он за всякой службой поминает нас. Спаси его, Господи.

Пришел Кириша. Говорил, что для тела еды очень много, а «душа голодом гибнет». Помози ему, Господи. Может быть, и мне предстоит такая же участь. Но во всем воля Божия.

22 ноября

Сейчас мне вспомнилось, что, когда я с Иванушкой уезжал отсюда в Москву на Светлой неделе в 1907 году, то есть когда мы первый раз приехали в Оптину и, прогостив весь Великий пост, уезжали обратно домой, с нами произошли некоторые обстоятельства, как бы препятствующие нашему отъезду. Именно, мы должны были в Козельске прожить около суток за неимением свобод-

¹⁹⁸ Введение во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, 21 ноября ст. ст. / 4 дек. нов. ст.

¹⁹⁹ Рассказ протоиерея церкви Генерального штаба в Санкт-Петербурге о. Павла Левашова о преп. Иосифе Оптинском помещен в «Житии Оптинского Старца Иосифа». Репр. изд. 1993. С. 148–152.

ных мест в вагонах. Наконец, добрались до Москвы, взяли извозчика. Торговаться не стали, сели и поехали. Всю дорогу от вокзала до дому ехали хорошо, только около самого дома в переулке, когда оставалось пути на одну или две минуты ходьбы, лошадь остановилась, и, несмотря на все хлестания и понукания, не хотела идти; и, вероятно, пришлось бы слезть и пройти пешком, если бы не нашелся добрый человек, проходивший мимо, который, взяв лошадь под узду, побежал и добежал так до самых ворот, где лошадь уже сама подбежала к крыльцу. А когда мы ехали из дома в Оптину, нашу лошадь трудно было остановить, когда это требовалось обстоятельствами. Это было, кажется, когда мы ехали уже не в первый раз, но все-таки, когда ехали из дома.

Это мне сейчас вспомнилось, и я решил записать.

24 ноября

Ездил в Козельск. Дело все управил. Остается только послать заказное письмо в Московскую Думу и ожидать извещения. Целых два часа ходил взад и вперед по городу. Не скажу, чтобы было приятно это хождение, но не могу также сказать, чтобы было тяжело, иногда даже хождение в монастырь бывает неприятнее. Слава Богу, что все в общем хорошо устроились. Заодно хотел я купить кое-что, но решил лучше не покупать, а скорее добраться до Скита, покупки сделать через закупщика^[54].

Сегодня бдение по случаю памяти о. Даниила^{200, [55]}, год со дня его кончины.

Сегодня память св. великомученика Меркурия. В его житии повествуется, что, когда перед его иконой кто-то²⁰¹ молился, вдруг заметил во время молитвы, что изображение святого исчезло с иконы и через некоторое время снова появилось. И молящийся заметил, что с копия святого капает кровь (ибо вмч. Меркурий изображается с копием). Вскоре пришло известие, что нечестивый царь Юлиан Отступник убит на войне стрелой или копьем. Моливший-

²⁰⁰ Иеромонах Даниил (Болотов Дмитрий Михайлович, 1837–25.11.1907), брат первой шамординской настоятельницы схимонахини Софии. Художник и фотограф. Писал картины и портреты — замечателен его портрет старца Амвросия на постели, и храмовую роспись.

²⁰¹ Свт. Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской.

ся из рассказа понял, что Юлиан убит как раз в то время, когда изображение св. Меркурия исчезало с иконы.

Это мне Батюшка рассказал утром, и в связи с этим сказал следующее:

«Замечательно то, что, когда человек теряет благочестие и веру христианскую, он сходится с евреями. Ясным примером этого могут служить все наши либералы: все стоят за евреев. Дружба с евреями произошла и у Юлиана-отступника, когда он отвергся Христа. Оно и естественно — переходить на сторону врагов Христа тем, кто Его отвергается. Замечательно то, что история сего нечестивца заклеила прозвищем „Отступник“. Да, таковым он считается и в мире духов. Как они его там называют, это нам неизвестно, ибо неизвестно нам, как там сообщаются между собою духи. Так вот, когда Юлиан отступил от Христа, он приказал христианские храмы жечь, и вообще начал сильные гонения на христиан, а к евреям приблизился, разрешил им строить в Иерусалиме храм. Но Господь не допустил сего: сколько они храм ни строили, он все рушился каждый год. Затем Юлиан дозволил евреям позорить христиан, и пришлось христианам много потерпеть от этого. Такое вот сближение с евреями замечается и поныне у нечестивых людей, отвергшихся Христа».

26 ноября

Вчера я окончил чтение всего Апостола на келейном правиле и начал читать второй раз; прочел первую главу Деяний святых Апостолов. А Евангелие еще не кончил, читаю от Иоанна св. Евангелие.

Как-то я с Батюшкой стал говорить о нотном пении в церквах. Я лично его не любил и не люблю, как развлекающее мысли и внимание молящегося, вследствие чего не могущее способствовать молитве. По крайней мере, это я должен сказать относительно себя. Кроме того, если придется удачно пропеть, то этим самым дается повод к тщеславию; если же неудачно, то досада и раздражение.

Такого же мнения и Батюшка: «Нотами поющий связывается по рукам и ногам. Нет свободного творчества, чувства. Как только появляются на сцене „картесы-распартесы“ — все пропало». Таким

словом Батюшка назвал, по-видимому, всю совокупность нотных названий, терминов, если так можно сказать; все названия слились в такое созвучие.

Мне говорил преосвященный Никон (бывший у нас), что он не любит нотного пения и не позволяет петь по нотам у себя²⁰², разве только сочинения Львова и Турчанинова²⁰³. Я уже забыл подробности, только помню то, что Батюшка не одобрял нотного пения.

27 ноября

Сейчас я в ожидании благословения сидел вместе с келейниками и говорил об откровении помыслов, о старчестве, и вообще о монашестве и аскетической литературе. Они, очень возможно, испытывали меня, — говорили как бы против.

Прихожу к Батюшке, сказал, что было нужно, и сам Батюшка начал говорить следующее:

«Весь мир находится как бы под влиянием какой-то силы, которая овладевает умом, волей, всеми душевными силами человека. Одна барыня рассказывала, что был у нее сын. Был он религиозен,

²⁰² На протяжении XVIII—XIX вв. Св. Синод вел борьбу с засильем партеса в богослужебном пении, в процессе чего было предпринято переиздание богослужебных книг, содержащих в себе древние знаменные распевы, а также издан ряд Указов на эту тему. В частности, Указ от 20 августа 1852 г. говорит: «Чтобы во избежание народного соблазна не были отнюдь петы в церкви такие переложения церковных песнопений, которые не одобрены Св. Синодом к употреблению, и чтобы виновные в неисполнении сего регенты подвергаемы были строжайшему взысканию и удалению от сих должностей с донесением Св. Синоду». В июле 1909 г. съезд монашествующих, проходивший в Троице-Сергиевой Лавре (о нем упоминается ниже, в записях Дневника от 1, 15 и 20 июля 1909 г.), рассматривал вопрос о применении в монастырях «напевов, изложенных в обиходе Синодального издания, а также древних местных, а равно постепенном введении знаменного распева». Одним из постановлений этого съезда по вопросу монастырского пения было следующее: «В монастырях исполнение партесного пения итальянского стиля запретить... разрешив местное, греческое и знаменное». См.: *Иеромонах Серафим*. Первый Всероссийский съезд монашествующих 1909 г.: воспоминания участника. М., 1999.

²⁰³ Большинство произведений Львова и священника Петра Турчанинова являются гармонизацией древних распевов и были одобрены Св. Синодом.

целомудрен, вообще был хороший мальчик. Сошелся с дурными товарищами и стал неверующим, развратным, словно кто-то овладел им и заставляет его все это делать; очевидно, что это — посторонняя сила, сила злая. Источник ее — диавол, а люди являются только орудием, средством. Это антихрист идет в мир, это — его предтечи. Про это Апостол говорит: *Послет им духа заблуждения, духа лестча... зане любви истины не прияша...*²⁰⁴ Что-то мрачное, ужасное грядет в мир. Человек остается даже как бы беззащитным: настолько им овладевает эта злая сила, что он не сознает, что делает. Все эти забастовщики... Даже внушается самоубийство — и совершается. А почему это происходит? Потому, что не берут оружия в руки: не имеют при себе имени Иисусова и крестного знамения. Никто не согласится сотворить молитву Иисусову да крестное знамение: это, дескать, такие археологические древности, совершенно отжившие свой век. Постоянно имейте при себе Иисусову молитву: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного“, — и открывайте помыслы. Все святые Отцы говорят, что проходить Иисусову молитву без проверки [себя] никак нельзя. Имя Иисусово разрушает все диавольские приражения, они не могут противиться силе Христовой. Все козни диавольские разлетаются в прах. Почему так, и как это происходит, мы не знаем. Знаем только, что это действительно так. Если положишь в комнату динамит и он взорвется, то взорвется и вся комната. Это мы знаем; знаем, что это так произойдет. А вот почему так — не знаем. То же можно сказать и о имени Иисусовом: мы ясно видим, что сила имени Иисусова существует и действует, а как, — этого мы не знаем...

Одному пастору хотели внушить, чтобы он сделал что-то неподобающее ему, сплясал, что ли, или еще что-то, и говорят ему: „Мы Вас заставим это сделать“. Он ответил: „Нет!“ И как те ни старались, как ни хотели, ничего не могли сделать. „Ваш организм не поддается“, — говорили они. „Что пустое говорите, я творил Иисусову молитву, вы и не могли мне ничего сделать!“ Да, а не православный даже!

Был у нас в Скиту один блаженный иеромонах. Выйдет он вечером и начнет ходить по Скиту. Конечно, творил Иисусову молит-

²⁰⁴ Ср.: 2 Сол. 2, 10–11.

ву. Ходит, ходит и слышит — в монастыре заблаговестили к утрени, и он пойдет на правило... Все святые Отцы говорят, что ночь способствует молитве. Силы души как-то не развлекаются. Этот иеромонах говорил, что услышишь, как 12 часов пробьет... Вообще, ночью хорошо молиться.

Проверка при Иисусовой молитве должна, главным образом, состоять в откровении помыслов (я так понял). Например, помысл говорит: что ты так молишься, — надень вериги, только чтобы никто не знал. Наденет, и сразу сомнение: *несмь, якоже прочии челоуцы...*²⁰⁵ Я!.. И пойдет это „я“ повсюду и все погубит. Открыть этот помысл следовало. „Нет, — скажут, — лучше быть помирнее, да укорять себя; не надо лучше никаких вериг“, — и спасен от самолюбия и возношения».

Батюшка встал, обнял руками мою голову и сказал: «Главнее всего и прежде всего — смиряйтесь и смиряйтесь!» Благословил меня и отпустил. Батюшка сегодня устал.

Он обещал дать мне прочесть те помыслы, которые он исповедовал о. Анатолию, а мне записывать так в книгу свои помыслы не приказал, сказав, кажется, что мне рано.

28 ноября

Сейчас на благословении я сказал про тщеславные помыслы, беспокоящие меня особенно во время келейного моего правила. Я стараюсь читать по возможности не спеша и вникая в смысл читаемого. Часто вот и приходит такая мысль, что будто я читаю, а кто-либо из родных или знакомых слушает меня и даже видит, хотя я их и не вижу. При этой мысли я начинаю более вникать в смысл читаемого, иногда даже прибавляется чувство, вообще я начинаю читать лучше. И мне представляется, что слушающие остаются довольны моим чтением. Вот это я и сказал Батюшке.

— Да, это тщеславие, с которым надо бороться. Не принимайте этой мысли.

— Как же это не принимать?

— Не принимать — значит не обращать внимания. Этот бес не сразу отстанет, все равно, как собака: ее хлещешь, гонишь от

²⁰⁵ Лк. 18, 11.

себя, а она все идет да лает; так и бес тщеславия. Не обращайтесь внимания. А если Вы видите, что начинаете читать лучше и с большим чувством, то обращайтесь к Богу с благодарением и с самоукорением. Тогда этому бесу нечем будет попользоваться от Вас, и он уйдет. Но не совсем. Он Вас не оставит, и на следующий день опять пожалует. Да, у монаха все время идет брань в помыслах.

Преп. Иоанн Лествичник считает тщеславие не отдельной страстью, а присоединяет его к гордости²⁰⁶. Тщеславие, усилившись, обращается в гордыню. Тщеславие делает то, что безголосый начинает петь, ленивый становится ретивым, сонливый становится бодрым, и тому подобное.

Преп. Иоанн Кассиан Римлянин, замечая это, удивляется лукавству, хитрости и злобе этого беса²⁰⁷. И как все святые избегали тщеславия, как осторожно они к нему относились! Например, батюшка о. Амвросий около себя имел всегда палочку, и когда кто-либо начинал говорить могущее возбудить тщеславие, то он брал палочку и начинал ею помахивать. Его спрашивали:

- Зачем Вы, батюшка, палочкой-то махаете?
- Да вот, думаю, что скоро она по твоей спине прогуляется...
- Да, да... Оставим лучше, батюшка, этот разговор.
- Ну вот, так-то лучше.

Батюшка о. Амвросий часто являлся в чувственном виде и наяву, давал советы, избавлял от опасностей. И это бывало при его жизни. Как-то его спросили об этом: как он, не выходя из келлии, является многим наяву, а не во сне. Во сне — это понятнее, а вот как же наяву? «Это не я, это мой Ангел», — отвечал на такие вопросы батюшка о. Амвросий.

29 ноября

Сейчас за обедней мне назначили читать Апостол в первый раз, и я читал. Пришлось читать из послания к Галатам 3-ю главу, зачало 205 (ст. 8—12), о том, что *праведный от веры жив будет, а*

²⁰⁶ Иоанн Лествичник. Лествица. Слово 22, 1.

²⁰⁷ Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. М., 1892. Кн. 11, о духе тщеславия.

от дел закона не может оправдаться пред Богом²⁰⁸ и заупокойный субботний Апостол.

1 декабря

Сегодня день памяти св. Филарета Милостивого, праведного. По случаю дня Ангела митрополита Киевского²⁰⁹ и митрополита Московского²¹⁰ была полная полиелейная служба и панихида. Я читал сутки. Митрополит Филарет Киевский положил основание нашему Скиту, и поэтому скитяне обязаны молиться за него. Батюшка говорил Иванушке, что упадок и запустение обителей начинается с забвения своих основателей и подвижников.

Сегодня Батюшка отправляет Иванушку в больницу. Он чувствовал какую-то слабость. Мне ничего не говорил. Да вообще мы редко говорим друг с другом и как бы не в особенно близких отношениях; я сам это чувствовал иногда. Но я, по милости Божией, все благодушествую, никаких скорбей у меня нет, много послушаний, время идет незаметно. Так что я не был в тяжелых обстоятельствах и поэтому не понимаю скорбящих. Конечно, я старше Иванушки, должен о нем заботиться, поэтому на мне вина и лежит. Отселе положу более смиряться перед ним и заботиться о нем. Брат Никита²¹¹ мне сейчас сказал, что Иванушка страдает от уныния, а мне об этом он ничего не говорил^[56]. Может быть, я и утешил бы его чем-либо, хотя и не понял бы его.

²⁰⁸ См.: Гал. 3, 11.

²⁰⁹ Митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Амфитеатров), в схиме Феодосий. См.: Жизнеописание отечественных подвижников благочестия XVII—XIX веков. Декабрь. Также: *Архимандрит Сергей (Василевский)*. Высокопреосвященный Филарет, в схимонашестве Феодосий (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий, и его время. В 3 т. Казань, 1888.

²¹⁰ Свт. Филарет (Дроздов, 1782—1867), митрополит Московский и Коломенский — крупнейший церковный деятель и богослов XIX века, подвижник и чудотворец. Почти полвека управлял Московской епархией. Во многом благодаря его стараниям был осуществлен перевод Священного Писания на русский язык. Причислен к лику святых в 1995 г. См.: Жизнеописание отечественных подвижников благочестия XVII—XIX веков, 19 ноября.

²¹¹ Баркалов, келейник преп. Варсонофия.

А Батюшка тоже мне сказал сейчас, что, словно чума, как некая душевная болезнь, нападает на всех уныние, тоска; жизнь становится не мила, решаются на самоубийство, не хочется ничего делать. Батюшка привел в пример какую-то барышню, бывшую у него: «Сидит целый день в углу без дела. „Что же Вы чувствуете?“ — „Тоску“. А красавица, богата, недавно окончила гимназию с золотой медалью. Может быть, была влюблена, ибо после этого бывает вроде сумасшествия? Нет, и истинная девственница... Спаси ее, Господи, и помилуй!» Батюшка перекрестился.

Это, должно быть, действительно очень тяжелое состояние, но я его, по милости Божией, не испытал. А Иванушка еще в миру по временам страдал унынием. Даже одно время хотел, кажется, повеситься, но не знаю, насколько эти мысли были сильны. Боже упаси! Страшно подумать! Как мне надо благодарить Господа за Его великие милости к моему окаянству!

2 декабря

Иванушка, оказывается, покушал чего не следует, но, слава Богу, все обошлось благополучно, хотя желудок еще не совсем нормален. «Это его Филарет Милостивый спас», — сказал Батюшка.

Батюшка мне благословил читать «Лествицу». Действительно, это дивная, глубокая книга: чудное доказательство плодотворности послушания, ибо она написана за послушание. Так вот, я недавно прочел в ней такие слова: «Не избегай рук того, кто привел тебя к Господу, ибо во всю жизнь твою ни перед кем не должен ты иметь такого почтительного благоговения»²¹². И подумал: кто же меня привел к Господу? Кто меня вскормил духовно (если так можно сказать), кто мне открыл глаза на жизнь, кто мне показал иночество — конечно, настолько, насколько это все может понять моя спящая, если не мертвая, душа, за кого я держусь? Это — Батюшка, я к Батюшке и чувствую любовь, если только я могу любить, и расположение, более, чем к кому другому. Я ему обязан тем, что я не в миру, я ему обязан более, чем кому-либо (плотских родителей я оставляю в стороне).

²¹² *Иоанн Лествичник. Лествица. Слово 4, 72.*

Но, кроме Батюшки, я многим обязан, и их-то я перечту. Прежде всего, мы о своем намерении поступить в монастырь ска-зали о. Петру Сахарову, нашему законоучителю по гимназии ^[57]. Он не решился сказать что-либо определенное и привел нас к епи-скопу Трифону, своему товарищу по академии (кажется, так). Епи-скоп Трифон нас и направил к Батюшке в Скит. Это было перед Великим постом в Неделю о блудном сыне. Все мы только при-шли от вечерни, после которой Владыка говорил слово на тему о блудном сыне и читал акафист св. мученику Трифону. Когда я, Иванушка, мама, о. Петр Сахаров и неожиданно приехавший о. Гав-риил (ныне эконоом у Калужского Преосвященного) сидели у Вла-дыки в кабинете, Владыка на мамины беспокойства о нас ответил ей: «Не беспокойтесь, они увидят там только хорошее, и это оста-нется у них на всю жизнь. Пусть поедут...» В точности я не по-мню, может быть, и так: «Не беспокойтесь, они из Оптиной выне-сут только хорошие впечатления, которые их будут поддерживать всю жизнь...» Что-то вроде этого.

Я забыл упомянуть о том, что о. Петр сводил нас к Владыке, который между прочим сказал: «Я вас направлю в Оптину, да мо-жет быть, сделаю семейный раздор?» Мы отвечали, что имеем бла-гословение от матери, но о. Петр, вероятно, убоился того, о чем спрашивал Владыка, и сообщил об этом о. Симеону Ляпидевскому, и оба они пришли к маме в тот же день, кажется, в гости и, конеч-но, были успокоены.

Затем еще о. Серафим из Чудова монастыря является также как бы приведшим нас ко Господу, ибо у него мы исповедовались первый раз, не совершая простой формальности, но желая испове-ди сознательной ^[58]. Это была первая искренняя исповедь, на кото-рой было сказано все, за всю жизнь, разве только кое-что было за-быто ненамеренно. Подобная ей была также первая исповедь у Ба-тюшки, когда я был еще мирским, она была не менее искренна. Так что о. Серафим как бы первый раз примирил нас с Богом, поло-жил начало.

Затем еще о. игумен Иона (Богоявленского монастыря в Москве) был указан нам Владыкой как могущий заменить нам Батюшку, когда мы жили после Оптиной в миру восемь месяцев. Он очень настаивал на том, чтобы мы скорее бросали мир. По-

следствием его убеждений и советов было то, что Иванушка пришел в очень тяжелое состояние духа ^[59], и по благословению Владыки мы поехали в Оптину. Иванушка ехал с надеждой, что нас примут, иначе говоря, решился усиленно проситься в Скит. И мы были приняты. О том, как мы были приняты, я, Бог даст, напишу потом.

Итак, вот те лица, которые так или иначе, более или менее способствовали нашему водворению в Скит: 1) о. Серафим; 2) о. Петр Сахаров; 3) о. Симеон Ляпидевский ²¹³ 4) преосвященный Трифон; 5) о. Гавриил; 6) о. Иоанн Васильевич от «Нечаянной Радости»; 7) игумен о. Иона и 8) Батюшка, который принял нас в свои любвеобильные объятия.

Епископ Трифон, указывая на Батюшку, сказал: «Пусть вашим постоянным руководителем будет о. Варсонофий».

Все упомянутые отцы и Владыка как бы привели нас к Батюшке и вручили ему, доставляя нам этим тихое пристанище.

4 декабря

Сегодня память св. великомученицы Варвары. Не знаю почему, но я как-то особенно чту память этой святой. И это особенное уважение ²¹⁴ к великомученице Варваре я стал питать недавно, а именно после того, как побывал в Оптиной первый раз и возвратился в Москву. Я стал довольно часто ходить на улицу Варварку в храм св. великомученицы ^[60] прикладываться к ее мощам. Припоминается, что дедушка ее очень почитал. Не знаю, может быть, подражая ему, я стал ходить в храм св. великомученицы.

Сегодня Господь сподобил меня, недостойного, исповедаться. Слава Богу!

²¹³ Отец Симеон сказал мне, быть может, и Иванушке, такие слова: «Если вы выдержите Великий пост в Оптиной Пустыни, то это и будет знаком того, что вам нужно быть в Оптиной», или что «есть на то воля Божия». Я в точности не помню. Это он сказал, когда мы собирались ехать в первый раз в Оптину. — [Прим. посл. Николая Беляева от 9 декабря 1908 г.]

²¹⁴ Батюшка мне как-то сказал, что говорить: «Я чувствую уважение и почтение к святым» — нельзя; а должно говорить: «Чувствую любовь и имею веру». — [Прим. посл. Николая Беляева от 4 декабря 1909 г.]

6 декабря

Сегодня день моего Ангела, и Господь сподобил меня Своей великой милости — принятия Св. Христовых Таин вместе со всею братией.

Служил и Батюшка, и перед благодарственными молитвами после обедни сказал коротенькое слово. Вот оно вкратце:

«Мы сподобились великой милости Божией. Вы слышали, как сейчас диакон говорил: „Прости, приимше Божественных, Святых, Пречистых, Безсмертных, Небесных и Животворящих страшных Христовых Таин достойно благодарим Господа..“ Но как мы можем достойно благодарить Господа? Поистине страшное и неизреченное совершилось сейчас Таинство. Господь возлюбил нас, окажем и мы Ему любовь. А кто любит Господа, указал нам сам Господь Иисус Христос, сказав: *Аще любите Мя, заповеди Моя соблюдайте...*²¹⁵ Значит, любить Господа и исполнять заповеди Господни — одно. Весь закон, все подвиги, все-все сводится к одному: возлюби. Отцы и братия, старайтесь иметь любовь и святую между собою... *Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в он...*»²¹⁶

Более что-то не вспоминается.

Приближаются дни, в которые воистину возвеселитесь и возрадоваться подобает. Именно: 7, 8 и 9 декабря — в эти дни мы были приняты в Скит. В первой книжке на 7-й странице я записал об этом очень кратко и даже несколько неправильно. Прошлый год мы здесь были от 5 до 9 числа. На днях я с Иванушкой говорил, и оба мы наконец вспомнили, как все было по порядку.

7-го числа Батюшка действительно решил принять нас, но так как о. Архимандрит прежде не соглашался на это, то Батюшка не мог сказать вполне утвердительно, сказав, однако, что пойдет к о. Архимандриту переговорить 8-го числа. И, вероятно, был у о. Архимандрита; был у него также и Иванушка, прося о принятии. На его просьбу о. Архимандрит сказал: «Бог благословит, и я благословляю».

Замечу, что в то время, как Иванушка, можно сказать, страдал в миру и тяготился своим положением, я был спокоен. Я не от-

²¹⁵ Ин. 14, 15.

²¹⁶ Пс. 117, 24.

кидывал мысли о монастыре, читал только духовные книги, но не тяготился особенно миром и не рвался так из семьи, как это было за полгода до того времени. Я стоял, как я теперь понимаю, на точке безразличия, на которую благодать поставляет всякого человека после того, как показала ему сладость иной жизни, духовной, — так учил епископ Феофан. Но тогда я этого не понимал. Поэтому я ехал в Оптину без всякого твердого и определенного решения и желания, в противоположность Иванушке^[61].

Помню, я и Иванушка были вместе у Батюшки. Иванушка высказывал твердое свое желание, а я, кажется, сказал Батюшке такие слова: «Батюшка, я вижу, что не имею никаких добродетелей, никакого твердого решения, не знаю, что делать. Поэтому я думаю делать все за послушание. Что Вы благословите? Против Вашей воли и благословения не пойду». Батюшка ответил, что мое это суждение правильно. Однако возвращусь несколько назад.

Итак, о. Архимандрит дал свое согласие. 9-го числа было воскресенье, мы были у обедни в Скиту. Нас после обедни позвал к себе о. Иоиль^{217, [62]}, я согласился. Но вдруг подходит брат Никита и говорит, что Батюшка просит нас к себе на чай. Я извинился перед о. Иоилем и вместе с Иванушкой пошел к Батюшке. Были служащие, но они скоро ушли.

По их уходе Батюшка спросил:

— Понравилось вам сегодняшнее Евангелие и Апостол? — Мы ответили:

— Да.

Евангелие было от Луки о богаче, у которого *угобзися нива, и мысляше в себе: что сотворю?*²¹⁸ Апостол был к Ефесеянам: *Восстани, спяй, и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос*²¹⁹. Запримечательный стих пели избранный псалом преподобным²²⁰.

— Это говорится прямо о вас, подумал я за обедней, — сказал Батюшка. — Вот надо же было произойти такому совпадению.

²¹⁷ Монах Иоиль (Токарев, † 1920), пасечник. Поступил в Скит в 1867 г., скончался в 82 года схимонахом.

²¹⁸ Лк. 12, 16—21.

²¹⁹ Еф. 5, 9—19 (неделя 26-я).

²²⁰ «В память вечную будет праведник. От слуха зла не убоится. Аллилуиа» (Пс. 111, 6—7).

И Батюшка начал говорить о принятии нас. Иванушка только этого и ждал. А что же мне?

— Как Вы, Николай Митрофанович?

— Я не знаю, Батюшка, как Вы скажете: есть ли смысл поступать мне в Скит или подождать до времени, ибо Вы прежде говорили, что придет время...

— Конечно, есть! Поступайте.

— Хорошо.

Здесь был решен вопрос о поступлении моем в Скит. После этого начался разговор более практический, ибо, пока мы живы, окаянная плоть все время при нас. Как-то Батюшка сказал: «Мы и рады бы оставить свои желудки за оградой, да не можем».

Итак, все было окончательно решено. Для Иванушки это было благим исполнением его желаний и надежд, а для меня это было почти неожиданно. Сам удивляюсь, как я мог так легко и спокойно на столь великое дело решиться.

Только на днях, когда происходил у меня с Иванушкой разговор, я заглянул в календарь и увидел, что 9-го декабря празднуется икона Божией Матери «Нечаянная Радость». Увидев, я подумал: да, тогда воистину была для меня нечаянная радость, хотя я это тогда почти или даже вовсе не сознавал. Я это сказал Иванушке, он подтвердил мои слова.

Принимая все это в соображение, я начинаю как бы сознавать, что только исключительно милость Божия и могла оторвать меня от мира. Об этом мне и Батюшка не раз говорил. А когда мама была здесь у Батюшки, он ее спросил: «Не было ли у вас в семействе кого-либо благочестивого, или были, может быть, какие-либо добрые дела?» Мама отвечала, что дедушка был очень благочестив. «Ну вот, значит, он за них там и хлопочет», — сказал Батюшка, как мне передавала мама обо всем их разговоре. И я при разговоре с Иванушкой увидел, что это весьма возможно, ибо есть какая-то связь.

Скажу несколько слов о дедушке²²¹. Я его плохо помню, мне было лет 13, когда он скончался мирной христианской кончиной. Часов в 12 дня приобщился Св. Христовых Таин, а к вечеру отошел от мира сего. Была у нас в тот день какая-то икона — помню, что

²²¹ См. коммент. [43].

при ней приехал иеромонах. Видя положение дедушки, он посоветовал его приобщить, что и было исполнено. Когда вечером на другой день приехал доктор, он с удивлением сказал: «Так скоро! Ожидать его кончины было нельзя, я полагал, что еще около месяца...»

Дедушка в детстве был очень беден, служил в лавке мальчиком на побегушках; под конец жизни у него было три богатых железных лавки.

Дедушка всегда любил посещать церковь Божию, пел иногда на клиросе. Есть в Москве, хотя и не особенно богатая, но благоустроенная церковка в честь святых равноапостольных Константина царя и матери его Елены и иконы Божией Матери «Нечаянная Радость»²²². Она находится под горою в Кремле. Во время нашествия Наполеона эта церковь была разрушена. Не знаю, обращали на нее кто-либо внимание до дедушки, строили ли ее или нет, только дедушка полюбил ее, поновил, сделал ее такою, какая она есть сейчас, и пробыл в ней старостой 33 года, до самой смерти. В этой-то церкви икона «Нечаянной Радости» считается чудотворной. Настоятель этой церкви, когда мы уезжали сюда, благословил нас маленькими иконочками «Нечаянной Радости». Вот в этом-то я и вижу некую связь со словами Батюшки, что дедушка о нас «хлопочет», ибо мы приняты в день празднования иконы Божией Матери «Нечаянной Радости», и я — именно нечаянно.

А что тот день был для меня днем радости, это я начинаю сознавать только теперь, ибо только теперь начинают открываться мои внутренние очи и видеть все в ином свете, ибо только теперь начинают твердо и определенно слагаться мои убеждения и взгляды на жизнь; ибо здесь я получил новое, определенное мирозерцание. Правда, оно еще не совсем нарисовалось в моем уме и внутреннем сознании: контур весь обведен яркой чертой, хотя картина еще не окончена и не раскрашена. Я сознаю, что здесь получил, и дорожу этим, а иногда даже боюсь, как бы не потерять приобретения, ибо я не надеюсь на себя, а всякий человек удобопреклонен ко злу.

²²² В ней первоначально служил старец о. Валентин Амфитеатров. Церковь была основана в XIV в. потомками Византийских императоров (Комниных), известных в России как Ховрины. Икона Пресвятой Богородицы «Нечаянная Радость» ныне находится в храме св. Пророка Илии Обыденного.

Только теперь я начинаю видеть, как меня хранит благодать, как она хранила меня до сих пор. Прежде я этого совсем не замечал.

Епископ Феофан, да и другие святые Отцы, учат, что, когда благодать коснется человека, в нем появляется ревность к богоугождению. Если он не подавит ее, то появятся дела. И эти дела он будет совершать легко, ибо собственно не он, а благодать за него будет совершать их. Эту легкость телесных деланий испытал на себе и я, но ничего не понимал: ни сущности этих деланий, ни цели, ни причины. Не заметить изменений было невозможно, но я или приписывал это себе, или не обращал на это внимания.

Теперь вижу, что я был под особым действием благодати в миру до приезда в Оптину в первый раз и во время всего нашего первого пребывания в Оптиной; затем, во время нашего пребывания в миру после Оптиной, не знаю, как хранила меня благодать, только бывали заметные расслабления. Наконец, при поступлении в Скит, Божия благодать опять заметно воздействовала. Быть может, в миру благодать и более помогала мне, но ее действие было только охранительное, дабы я не погряз совсем. Внешних, видимых проявлений, кажется, не было. И теперь Господь хранит меня, но начинает отнимать от меня благодать, дабы испытать силу и твердость моего произволения. Теперь я немного кое-что понял, прозрел немного, чем я обязан Батюшке и чтению книг святоотеческих по Батюшкиному благословию. Я понял, что монашество есть непрерывная борьба, непрестанное умерщвление плоти, и я, помня это, должен готовиться к борьбе и скорбям. Епископ Игнатий говорит, что подвижник по Божью смотрению, — подвижник Христов, — значительную часть жизни проводит в скорбях, часто очень тяжелых. Поэтому мне надо запастись терпением.

Мне припоминается: когда я еще был мирским, во время нашего последнего приезда в Оптину, Батюшка, вероятно, испытывая меня, начал мне указывать на трудности, скорби и искушения, связанные с монашеством, советовал мне подумать. Я не скрыл от Батюшки своих сомнений и спросил его: возмогу ли я, при Божией помощи, перенести все это, то есть сообразные ли с моими силами будут попущены мне искушения и скорби?

— Конечно, так.

— Если так, — сказал я, — то я согласен на монашество.

Это было 9-го декабря, насколько помню.

Я все еще благодуществую, — значит, скорби впереди, если будет угодно Господу продлить мою жизнь. Нельзя мне попускать себе расслабления, иначе при нашествии скорбей я буду совершенно не приготовлен к ним и могу пасть под бременем их. Расслабление душевное и телесное разумею я, и душевное даже более, ибо вся жизнь монаха — внутри его; ибо все делание монаха — внутреннее делание, внешнее воздержание и подвиги есть только пособие.

Недавно Батюшка мне рассказал про батюшку о. Амвросия. «Он очень любил уху из свежей рыбы; иногда ему посетители и приносили даже животрепещущей рыбки. Вот некоторые и скажут: „Какой же это монах? Уху из свежей рыбы ест!“ А про него вот что известно, этому свидетель о. Анатолий²²³, ныне здравствующий, он был у о. Амвросия келейником. Отец Анатолий и о. Исаия^[63] читали однажды батюшке о. Амвросию молитвы попеременно, то один, то другой. Когда читал о. Исаия, о. Анатолий видит, что о. Амвросий стоит на коленях на воздухе, а не на кровати. Он удивился, быть может, испугался, и когда окончилось правило, он спросил о. Исаию: „Видел?“ — „Видел!“ — отвечал тот. Значит, это было на самом деле. А уху ел. И так-то, по внешности, был как простой монах. Вот и батюшку о. Анатолия (покойного) тоже видели молящимся на воздухе. Видел это о. Тимон. Увидел и испугался старичок...» Батюшка улыбнулся.

Из этого я заключаю, что эти Старцы были велики именно вследствие своего внутреннего делания; оно неизмеримо выше внешних подвигов, которые даже может заменить телесная немощь, так как их цель — «держать в порядке окаянную плоть», по изречению преп. Петра Дамаскина.

Однако я очень расписался, да простит мне Господь, если чем согрешил во время сего писания, ибо тщеславие всюду следует за мною. Скажу об этом Батюшке.

9 декабря

Ныне тот благословенный день, день радости — и радости нечаянной, про которую я недавно писал. Прошел уже год с того дня,

²²³ Преп. Анатолий (Потапов). См. примеч. 133.

в который совершилось чудо милосердия Божия. Быть может, пройдут десятки лет, еще Господь соизволит, а я не забуду тот день, ибо его нельзя забывать.

Сегодня рассказал Батюшке об этом, и он подтвердил, что это действительно чудо: «Если всякий человек будет следить за своей жизнью, и в особенности монах, то он увидит, что его жизнь есть сплошное чудо. Конечно, теперь ясно, что дедушка за Вас хлопочет. Тогда я это сказал потому, что так возвестилось мне; а теперь открылось, почему я сказал так. Значит, Ваше назначение идет выше...»

Обо всем этом Батюшка благословил написать маме и спросить ее о некоторых подробностях.

Сегодня также празднуется Зачатие св. Анны, когда она зачала Пресвятую Богородицу. Батюшка сказал, что это тоже имеет отношение ко всем этим событиям. «А я на все это кладу Божественную печать», — сказал Батюшка, когда я ему все рассказал. Богу нашему слава!

13 декабря

10-го числа пришлось быть в городе по Батюшкиным и по моим делам. Съездил благополучно.

Однажды, когда я был у Батюшки, к нему пришел какой-то монастырский послушник, брат Гавриил (Алябьев). Он между прочим просил благословения «справить иконочку». Батюшка благословил, но вдруг снял стоявшую у него небольшую икону Благовещения и дал брату Гавриилу. Когда последний ушел, Батюшка сказал мне: «Зачем я дал ему икону? Я сам не знаю, а значит, так надо. Быть может, он старцем будет...»

Я же лично тоже не знаю, почему решил записать про это.

Батюшка велел поминать дедушку и бабушку в день их кончины.

Однажды Батюшка сказал мне: «Не беритесь, Николай Митрофанович, за игуменство, это очень трудно!»

И вскоре после этого сказал следующее: «Когда Вы находитесь в хорошем благодушном настроении — ждите бури. Так почти всегда бывает...» И затем: «Действительно, всякому доброму делу или предшествует, или последует искушение...»

14 декабря

Батюшка мне не раз говорил, что про него распускают различные клеветы и выдумки, иногда очень смешные и глупые, не имеющие ни малейшего основания. Например, в Шамордине про Батюшку говорят, что он «всякую картошку описывает», то есть что он очень скуп и жаден. А это вовсе не так, даже совсем наоборот. Теперь я имею некоторую возможность видеть Батюшкину жизнь полнее, благодаря тому, что все утро провожу с Батюшкой. Иногда приходится слышать и хозяйственные распоряжения.

Причина такой выдумки — Батюшкина аккуратность и точность в хозяйственном и, в особенности, денежном деле. Причина же такой аккуратности и точности есть та, что Батюшка смотрит на себя как на приказчика, доверенного св. Иоанна Крестителя; на деньги — не как на свою собственность, а как на собственность Скита и св. Иоанна Крестителя.

Батюшке часто жертвуют что-либо со словами:

— Это лично Вам. — А Батюшка говорит:

— Я связан обещанием нестяжания и не имею права копить капиталы, а все идет на братство.

Недавно при мне прислали Батюшке рыбы севрюги около полпуда и опять:

— Это лично Вам. — А Батюшка спрашивает меня:

— Скоро у нас рыбный день? — Я говорю:

— В субботу.

— Ну вот, и пойдет на трапезу в суп.

Батюшка порядочно пожертвовал в Скит в свое время. Теперь у Батюшки своих денег нет, за исключением небольшой суммы, оставшейся от жалованья, получавшегося им в Манчжурии. Батюшке необходимы масла, иначе его желудок совершенно не работает. Приходится покупать масла и на скитские деньги. Конечно, в общем, на это идет пустяк, но Батюшка все-таки беспокоился: «Как же это я трачу на себя скитские деньги?» Его успокоили относительно этого, кто — не знаю, но полагаю, что из монашествующих и имеющих священный сан. Вообще, Батюшка довольствуется скитской трапезой, находит ее вкуснее всего, что он вкушал в миру, а у него, по его же словам, в руках была «вся благая».

Келейная Батюшкина жизнь отличается простотой. Так же он прост и в обращении с братией.

— Простота была во времена первого монашества в обращении аввы с учениками. Авва был отцом, а не господином или начальником, к которому нельзя подойти. Эта же простота была и при наших старцах в нашем Скиту. Потом, после батюшки о. Амвросия и о. Анатолия, эта простота стала исчезать. Теперь мне даже говорят, что я слишком просто обращаюсь. А я иначе как-то и не могу. Если же некоторые злоупотребляют моей простотой, то я не виноват. Не могу же я из-за некоторых стать в холодные официальные отношения ко всем. Вы как об этом думаете?

— Я, Батюшка, согласен с Вами вполне, — отвечал я.

Этот разговор происходил летом еще в старом нашем корпусе. Был вечер. У Батюшки выдалось свободное времечко, и мы с ним ходили по Скиту и посидели. Этот самый вечер может служить доказательством Батюшкиной простоты: мы гуляли как отец с сыном, разговор самый простой, искренний, что на уме, то и на языке. Ни малейшей натянутости не было между нами, но Батюшка не терял своего старческого достоинства, а я — своего почтения и уважения к нему. Несмотря на всю простоту отношений, я все-таки был ученик, а Батюшка — старец.

Между прочим, в этот вечер Батюшка высказал такую мысль: «Нехорошо, когда монастырь богат. Есть на пропитание — и слава Богу. При богатстве забывается Бог, а когда денег-то нет, тогда почаще обращаешься к Богу и св. Иоанну Крестителю с молитвой».

Однако я начал с того, что про Батюшку распускают клеветы.

Так вот, однажды Батюшка, только что услышав о себе новую клевету, сказал мне:

«Все может быть; может быть, Вы будете впоследствии духовником. Так вот, я и говорю Вам: опасайтесь женского пола, с ним надо быть чрезвычайно осторожным... Так сплетут, так сплетут... и смысла-то никакого нет... Хорошо, что он (о. Пиор) не поверил, а сказал мне, что ему на меня наклеветали. А другой и поверит... Недаром св. пророк Давид поет: *Избави мя от клеветы человеческия*, и

*сохраню заповеди Твоя...*²²⁴ Значит, клевета препятствует даже совершению заповедей».

Также говорил и в другой раз:

«С ними, то есть с послушницами и монахинями, надо быть очень осторожным. Мне они жалуются на о. Иосифа, а о. Иосифу — на меня. Однажды мне келейник о. Иосифа и говорит: „Вы, Батюшка, пожалуйста, им ничего не верьте, все врут“. Так же они и у себя в монастыре шатаются по келлиям да занимаются сплетнями. Скажи неосторожное слово, она перетолкует по-своему, передаст в измененном уже виде другой, та — третьей, и так дальше; а в конце концов получится такая сплетня, что подобного и предполагать ничего нельзя было. И это постоянно... Но при этом я должен сделать оговорку, что такое шатание продолжается до той поры, пока она еще не встала на монашеский путь. Как только она встала на монашеский путь, получила монашеское устройство, все это кончается, и она прямо пойдет как по рельсам. Но некоторые до получения монашеского устройства живут одни один год, другие — два года, пять лет, десять лет, иногда даже двадцать лет. У которых есть задатки получить быстро монашеское устройство, тем Господь иногда дарует его и через год. А другие никак не попадут на рельсы: подбежит к ним, посмотрит и отбежит. Но когда попадет на них, то пойдет по рельсам. Иногда (кажется, так сказал Батюшка) они лучше нашего <слово неразборчиво>, сильнее... Есть монашенки очень высокого устройства».

Вчера Батюшка перебирал только что отпечатанные свои стихотворения, я спросил у него:

— Благословите мне, Батюшка?

— Вот Вам, — сказал Батюшка и дал мне четыре листка с четырьмя стихотворениями, первое из них о батюшке о. Анатолии, и 28 листков со стихотворением «Молитва Иисусова».

— Батюшка, зачем мне так много? — говорю я. Батюшка на это мне ничего не ответил, но несколько секунд спустя (едва ли прошло более полминуты) сказал:

— Я хочу, чтобы Вы шли этим путем.

²²⁴ Пс. 118, 134.

15 декабря

Вчера Батюшка оставил меня с Иванушкой после благословения у себя, велел поставить самовар, и мы попили чайку и побеседовали после чая. Трудно записать все, да и нет времени. Запишу самое существенное, что вспомнится.

Батюшка благословил поминать, то есть записать в свое поминание каждому из нас непрославленных подвижников, известных своею святой жизнью: «Это — великое дело. Не столько они нуждаются в наших молитвах, сколько мы — в их молитвах. Но, если мы за них молимся, то они сейчас же отплачивают нам тем же»^[64].

Мы вместе с Батюшкой вычитывали вечерние молитвы (ибо после вечерних молитв нельзя есть, можно только пить чай, прочтя, напившись: «Владыко Человеколюбче»). После молитв Батюшка поминал всегда многих святых. Причину этого он объяснил нам после.

«Вы слышали, — говорил Батюшка, — я поминал многих святых. Не думайте, что я это просто так, каких придется, таких и призывал святых. Нет, каждый из поминаемых мною святых имел то или другое отношение к моей жизни. Например, в известный день происходит со мной какое-либо происшествие. Я замечаю святых, память которых совершается, и начинаю поминать их. Их имена заминаются мне. Потом я замечал, что в день их памяти я бывал ими избавляем от неприятности или опасности, и тому подобное. Так вот и набралось у меня столько имен святых...»

Говорили о тщеславии, о том, что слава не полезна даже святым (непрославленным, например, о. Амвросию), ибо человек удобопреклонен ко злу, ибо сердце человека даже святой жизни может немного как бы склониться к славе: а может быть, и правда я такой-то, — и все пропало. Поэтому батюшка о. Амвросий имел даже при себе палочку, которая гуляла по спинам не только простых монахов и мирян, но даже и иеромонахов. Батюшка о. Анатолий даже захворал, постоянно молился, дабы изгладил Господь из его ума и мысль о слышанном им бывшем о. Иоанну Кронштадтскому видении, что вместе с ним (то есть о. Анатолием) служили два Ангела во время Литургии...

— Почему же?

— Боялся самомнения, боялся мысли: я-де, вот каков! Конечно, тогда бы все пропало.

19 декабря

17-го числа вследствие множества работы у Батюшки перед праздником я остался после благословения для занятий. Некоторое время позанимались, потом я читал Батюшке вечерние молитвы, и после молитвы довольно долго беседовали. Всей беседы я не могу припомнить, да и нет времени записывать. Запишу очень немногое.

Например, Батюшка говорил, что надо знать наизусть тропарь «Заступнице Усердная» (Казанской иконе Божией Матери) и читать его ежедневно. Затем — псалом 90-й *Живый в помощи Вышняго*, и читать также ежедневно, а молитву «Богородице Дево, радуйся» утром и вечером читать по 12 раз. «Эта молитва имеет также великую силу! Собственно, ее надо читать на каждый час по одному разу, но батюшка о. Амвросий говорил, чтобы читать за дневные 12 часов утром, а за вечерние — вечером. Так передайте и брату Ивану».

Еще говорил: «Женщина без веры жить не может. Или она после временного неверия опять скоро возвращается к вере в Бога, или же начинает быстро разлагаться. Другое дело мужчина: он может жить без веры. Окаменеет совершенно, станет соляным столбом — таким окаменелым и живет. А женщина так не может».

Батюшка сказал, что человек быстро может изменяться.

А я и говорю:

— Да, Батюшка, был у меня товарищ, друг. Он был верующим, религиозным. Было время, когда он был религиознее меня (а я веры не терял никогда, хотя бывал равнодушным), а теперь совершенный атеист. Это я говорю про Яшу Васильева. Он иногда говорил страшные вещи и ужасал меня. Не раз он говорил мне о самоубийстве. — Батюшка помолился за него. Затем я сказал, что отец его очень религиозен, хотя и по-мирски.

— Он опять возвратится к вере. Религиозность передается наследственно, — сказал Батюшка.

А сегодня Батюшка сказал также, что от Каина идет потомство нечестивое, а от Авеля — верующее. «Подобно тому как по плоти передается наследственность, так идет наследственность и в

душевном и духовном отношении. Конечно, бывают и исключения. Иногда от деда передается религиозность прямо к внуку, а сын бывает безбожник. Но обыкновенно сохраняется эта наследственность».

Помню, недавно Батюшка говорил: «Заметьте, все народы и племена, которые покушались на Россию, или совсем стерты с лица земли, или потеряли свое могущество, или, наконец, находятся в состоянии разлагающегося трупа, как, например, Франция. Напротив, кто помогал России, те укрепятся, как, например, Германия...» А про Францию Батюшка сегодня сказал, что она недолго еще просуществует, лет 30, что я доживу до этого времени.

Недавно также говорил Батюшка про доблестные свойства японцев, как серьезно относятся к христианству и его постановлениям, например, постам, обращенные в христианскую веру японцы. Они, когда у них будет монашество, напомнят древних египетских подвижников.

«Есть какая-то таинственная связь у народа с царем. Какой нравственности царь, такой и народ. В лице народа карается Господом царь, и в лице царя — народ...»

«Нередко архимандриты и игумены впадают в страсть копления денег, да и диавол здесь еще влагает лукавую мысль, что надо под старость кое-что оставить. И погибают от этого. Поэтому этого очень надо беречься...»

Батюшка также говорил:

— Вы знаете, какой для меня день 17 декабря?

— Нет.

— В этот день в 1891 году я оставил Казань, чтобы уже более никогда туда не возвращаться. Сегодня память трех отроков²²⁵, вышедших из печи невредимыми, и меня Господь сподобил уйти из мира, который есть тоже печь страстей, именно в этот день. Отроки были брошены в печь за то, что не хотели поклониться идолам²²⁶, поэтому Господь и вывел их из печи невредимыми. Так же и мы, монахи, — и я, и вы, — вышли из мира, конечно, потому, что

²²⁵ 17/30 дек. память пророка Даниила и трех отроков: Анании, Азарии и Мисаила (600 г. до Р. Х.).

²²⁶ См.: Дан. 3, 16—27.

не хотели поклоняться идолам. А идолы там везде расставлены: идол блуда, идол гордости, чревоугодия и т. д. Будем молить Бога, да сподобит Он нас Царства Своего Небесного. А там красота, которую воистину и *око не виде, и ухо не слыша, и [которая] на сердце человеку не взыде* ²²⁷.

Батюшка однажды с преосвященным Кириллом ²²⁸, пораженные чудным видом в лунную ночь в Казани, невольно перешли к разговору о вечной нетленной красоте в Царстве Небесном. «„А там-то как?! А там-то как, Павел Иванович!“ — говорил преосвященный Кирилл. И теперь, конечно, наслаждается он тем, чего мы здесь даже вообразить не можем себе. Блаженная душа!.. С ним я любил побеседовать. Да вот и с Вами поговорить мне все-таки доставляет утешение...»

20 декабря

Сегодня с Батюшкой приключилась большая скорбь. Я пришел на занятия, но не пришлось заниматься: все время были исповедники. Когда же на несколько минут выдалось свободного времени, я пришел к Батюшке, он сказал мне: «К празднику всегда враг старается сделать неприятность, скорбь. Кому удар, кому шелчок, — всем старается что-нибудь преподнести для праздника. И чем живешь внимательнее к себе, строже, тем более и сильнее вооружается враг, и в особенности к празднику, — чем-нибудь да угостит. Всего надо ожидать, ко всему готовиться. Но Господь милостив, да к празднику и подарки раздаются. И Вы что-нибудь получите, только заметите это лет через 40, может быть. Тогда Вы узнаете, какой дар Господь послал Вам на этот праздник».

Батюшка был очень нежен ко мне. Спаси его, Господи!

Батюшка не раз говорил мне, что к нему приходят «блаженные души». Да и вообще при разговоре неоднократно употреблял это выражение. А вчера Батюшка объяснил мне, почему он называет их блаженными. «Я их называю блаженными, — говорил Ба-

²²⁷ 1 Кор. 2, 9.

²²⁸ На Казанской кафедре не было преосвященных с именем Кирилл. Вероятно, имеется ввиду Чебоксарский епископ Кирилл (Орлов), занимавший кафедру с 1882 по 1888 г.

тюшка, — потому, что у них есть великое сознание своей немощи, греховности, и при этом сознании — твердая вера в Бога».

А также недавно говорил следующее: «Был человек богат, стал вдруг нищим — это тяжело, но поправимо. Был здоров, стал больным — и это поправимо, ибо с нищим и больным есть Христос. А потерять веру — великое несчастье. Оно тем ужасно, что нет у человека никакой опоры...»

21 декабря

Нужды материальной я никогда не испытывал. Даже напротив, от пелен до смерти дедушки, то есть до 13-летнего возраста, я жил чуть ли не в роскоши. Кроме того, был любимцем бабушки да, кажется, и дедушки. Одним словом, мне хорошо жилось. Помню, устраивалась у нас елка на Рождество: детское веселье, конфеты, блеск украшений — все это радовало меня ^[65]. Но помню хорошо один вечер. Я один около елки. В комнате полумрак, горит лампа, и тень от елки падает на большую половину комнаты. И вот какая мысль у меня в голове: я сыт, одет, родители утешили меня прекрасной елкой, я ем конфеты, в комнате тепло... Но есть, я знаю, что есть такие дети, у которых нет даже необходимого. Об елке и речи быть не может: они полураздеты, просят милостыню на морозе или голодные сидят в холодных подвалах. Мне так тяжело становилось от этой мысли, сердце болезненно сжималось, и я старался как можно скорее отогнать от себя эту мысль. Да, я тогда гораздо более чувствовал, чем теперь.

Помню еще: как-то в Рождественский сочельник мне было как бы грустно, скучно. Трудно выразить словами то состояние — ничем не хотелось заняться, я ходил из одного угла комнаты в другой... Неудовлетворенность какая-то, но вполне безотчетная. Теперь я думаю, что душа моя жаждала духовного утешения, ибо в церкви я не был ни за какой службой в тот день, даже за бдением.

Да, чувствительна детская душа, она, хотя и бессознательно, но любит Бога. И блаженны те дети, которых родители учат молиться, говорят [им] о Боге, читают духовные книги. К таким блаженным детям принадлежал и я ^[66]. Правда, в церковь нас водили редко, насколько помню, но дома мы обязательно молились и утром, и вечером. Молились вслух при маме, и каждый из нас по очереди

прочитывал наизусть маленькое правило. Насколько помню, оно было таково: «Царю Небесный», «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся», «Заступнице Усердная», обращение краткое к своему святому и свт. Николаю Чудотворцу; молитва о здравии всех поименно, начиная с дедушки и кончая младшим братом. Когда же дедушка и бабушка умерли, прибавилась еще молитва о упокоении. Больше сейчас не припомню, но, кажется, что-то еще было. Кроме того, нам читали, помимо светских книг, жития святых, Евангелие. Последнее читала нередко моя теперешняя кума, когда она еще была нашей горничной и отчасти нянькой. Все это великое счастье, которого у многих нет и которого я прежде совершенно не сознавал.

Я вижу, что все благоприятствовало мне в духовном отношении, поэтому я жестоко и очень жестоко отвечу и поплачусь, если не принесу должного плода, ибо *ему же много дано, много и спросится, и ведевый волю Господина и не сотворивый, биен будет много...*²²⁹ Знай сие и помышляй, о окаянная душа! Помни, зачем ты пришла в монастырь, ибо Господь *порукаем не бывает*²³⁰.

23 декабря

Сегодня ровно год, как мы приехали в Оптину уже для постоянного жительства в Скиту; а собственно в Скит перешли 24 декабря.

Сегодня Батюшка мне рассказал о том, что преп. Макарий Египетский и свт. Митрофан Воронежский имели в его жизни великое значение. Этого я не в состоянии записать, но скажу то, что Батюшка это связывает еще с нашим отцом по плоти, ибо его имя было Митрофан (Цареградский епископ), а имя этого святого носил Митрофан Воронежский, а в схиме имя его было Макарий (в честь преп. Макария Египетского). Я знаю, что папа долго жил в Воронеже, но не помню, был ли он уроженец воронежский, или нет.

20-го декабря скончался великий светильник земли русской протоиерей о. Иоанн Кронштадтский²³¹, скончался в день памя-

²²⁹ Лк. 12, 47—48.

²³⁰ Гал. 6, 7.

²³¹ Причислен к лику святых в 1990 г. См.: Жизнеописание отечественных подвижников благочестия XVII—XIX веков, 20 декабря.

ти св. Игнатия Богоносца. До нашего Скита весть об этом дошла только 21 декабря. Как только узнали, сейчас же Батюшка пришел в церковь (за вечерней в воскресенье), и была отслужена панихида.

После панихиды Батюшка сказал краткое слово об о. Иоанне.

«Он был *светильник горя и светя*²³², он имел дар высокой внутренней молитвы. Его деятельность была так велика, что только удивляешься, как могло выносить это его слабое тело. И вспоминаются слова Апостола: *Сила Божия в немощи совершается*²³³. Замечено, что люди высокой духовной жизни обыкновенно отходят из сей жизни на день памяти такого святого, который в свое время подвизался подобным, сродным подвигом, или имел одинаковый с ним дар. Так и о. Иоанн скончался в день памяти св. Игнатия Богоносца, который был родоначальником Иисусовой внутренней молитвы... Помолимся по силе об упокоении его души».

Больше что-то не припоминаю.

А вот на что я обратил вчера внимание: мы оделись в подрясник в день перенесения мощей св. Игнатия Богоносца, и припомнились мне слова Батюшки: «Я хочу, чтобы Вы шли этим путем», — то есть путем Иисусовой молитвы.

Согласуя это вместе, я делаю заключение, что путь молитвы Иисусовой мне назначается свыше. Я сказал об этом на благословении Батюшке. Он, подумав, ответил: «Да, значение этого мне открывается только теперь. Помози, Господи».

Говорили потом об евреях, как они заблуждаются, видя в Священном Писании только одну внешность, не понимая внутреннего смысла, то есть того, что Ветхий Завет — прообраз Нового; и что евреи поймут это тогда, когда уже будет поздно, то есть на Страшном Суде. Об этом говорили довольно много, а началось с того, что я заметил совпадение времени нашего одеяния в подрясник со днем памяти св. Игнатия Богоносца.

Батюшка привел мне текст из Евангелия: апостол Филипп уверовал в Господа и возвестил благовую весть о Христе Нафанаилу, но тот не поверил. А когда Господь сказал ему: *Прежде даже не*

²³² Ин. 5, 35.

²³³ См.: 2 Кор. 12, 9.

*возгласи тебе Филипп, суща под смоковницею видех тя...*²³⁴ — он уверовал. Господь, видя веру его, рече ему: *Зане рех ти, яко видех тя под смоковницею, веруеши: больша сих узриши*²³⁵.

«Эти слова относятся ко всем, и я Вам говорю: *Больша сих узриши*. Это начало очищения ума, когда человек начинает видеть то, чего прежде не замечал, чего и другие не замечают, чего он даже не предполагал. Господь постепенно снимает покров с внутренних очей.

Вот Георгий Затворник — хотя он и был в глубочайшем затворе, но переписку имел, и вот что однажды писал он: „Я прежде читал светские книги, но теперь решил не читать: там красивые слова, красивые мысли... и больше ничего. А Священное Писание все тайнами повито...“ Там глубина, там смысл неисчерпаемый. Всего уразуметь нельзя. Подобно тому, как можно снимать с луковицы сначала одну чешуйку, затем другую, третью и так далее — вот также и в Священном Писании: уразумел человек один смысл, за этим смыслом есть другой, более глубокий, за вторым — третий, и так далее. Вот так Господь и просвещает разум Своих подвижников...»

24 декабря

Ныне великий и блаженный день для меня: мы начали свою жизнь в Скиту в числе братий в этот святой день, Рождественский сочельник. Да, велика и неизреченна Божия милость ко мне, недостойному. Мое поступление в Скит есть великое, сплошное чудо милости Божией. Итак, сегодня ровно год, как мы в Скиту. Богу нашему слава!

25 декабря

Прошлый год я был на этот день еще мирским пришельцем, в мирской одежде, а теперь, по милости Божией, я «свой». Но, несмотря на то, что я «свой», братия смотрят на нас несколько иначе, чем на всех. Это потому, я полагаю, что они слишком высоко думают о моем образовании и положении в миру; кроме того, у нас

²³⁴ Ин. 1, 48.

²³⁵ Ин. 1, 50.

есть еще и деньги. Вследствие этого они, как я сначала догадался, а потом узнал от Батюшки наверное, думают придти к нам славить Христа, а этого я не желаю ^[67]. Другое дело — славить Христа у Старца, начальника, у о. Иосифа, а выделять кого-либо из среды братии, по-моему, не дело. Так я и сказал Батюшке, на что он мне отвечал: «Ну и хорошо».

Затем Батюшка мне сказал, что в свое время пытались придти и к нему, но он уклонился, хотя и понес некоторую скорбь вследствие неудовольствия со стороны братии. Как поступал Батюшка, так хочу и я поступать, дабы быть его учеником.

Но в общем все, слава Богу, хорошо. Немного устал от продолжительных служб. Кроме того, был за главного на общем чаю — по смирению о. Алексия, который был вчера назначен на чай, вероятно, за главного. А что я был за главного, то это исключительно по моему любоначалию и гордости. Но, как бы то ни было, здесь неизмеримо лучше, чем в миру. Слава Богу!

Сейчас я узнал из разговора братии, что в монастыре во время обедни был пожар на кирпичном заводе, и что недавно скоропостижно скончался о. Илиодор, благочинный ^[68]. Он служил обедню где-то в деревне и был даже уже после обеда, то есть часа в два, у Батюшки на благословении. Значит, он скончался всего несколько часов назад и, как говорят, от разрыва сердца.

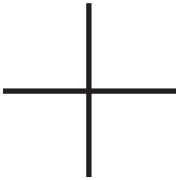
28 декабря

Как-то Батюшка говорил мне о том, что в Библии, кроме внешней стороны, есть еще и внутренняя, то есть что помимо голых фактов есть глубокий прообразовательный смысл этих же самых фактов. Этот смысл открывается по мере очищения ума человека.

«Так, например, переход евреев через Чермное море ²³⁶ прообразовал собою новозаветное Крещение, без которого никто не может войти в Царство Небесное. Этот факт — переход через Чермное море, действительно был. Дело было так. Евреи подходят к морю. Их преследует фараон со всевоинством, с других сторон — пустыня. Может быть, и есть проход, но через дикие племена, что представляет немалую опасность. Одним словом, евреи в очень

²³⁶ См.: Исх. 14, 1—31.

стесненном положении. Что делать? Куда идти? И вот Моисей получает от Бога извещение (как он получил — мы не знаем): ударить море жезлом. Он ударил и как бы начертал прямую линию в вертикальном направлении. Море расступилось до дна, и евреи по дну моря, как по суку, начали переходить между двумя стенами вод. Сколько верст так они прошли по дну моря, не знаю; но все-таки их переход продолжался не час, не два, а более продолжительное время. Итак, евреи сначала погрузились на дно моря, потом стали подыматься на другой берег, а фараон с войском решился преследовать их по дну моря. Таким же образом начали погружаться египетские войска, а евреи уже начали выходить. Наконец, все евреи вышли, а египтяне погрузились. Тогда Моисей получает опять от Бога повеление ударить жезлом. И он ударил так: взял обеими руками жезл и, держа его в горизонтальном положении, ударил им в сторону, повелевая таким движением сомкнуться водам. И действительно, воды сомкнулись, и все египетское войско с фараоном во главе погибло в водах, и *ни один от них избысть...*²³⁷

Так вот, все это было и составляет внешнюю сторону факта. А внутренний смысл таков: первое движение Моисеева жезла начертало прямую линию в вертикальном положении, а второе — линию в горизонтальном положении. Обе линии вместе составляют крест.

Понимал ли это Моисей, исполнявший в точности Божии повеления? Надо полагать, что понимал, — единственный человек из всех ветхозаветных. Вся совокупность этого события, как я уже сказал, прообразовала Таинство Крещения. Человек при крещении погружается в воду и оставляет в купели, которую прообразовало Черное море, всю свою греховность; оттуда он выходит совершенно чистым, святым. Таким образом, фараон с воинством означает насилующий человека грех, власть дьявола, ибо до Крещения, то есть до искупления человека Христом, все были под властью дьявола, независимо от праведности их жизни. Крещением человек освобождается от всего этого, как израильтяне избавились от фараона, выйдя из моря в безопасности от погони».

²³⁷ Пс. 105, 11.

29 декабря

Батюшка при огне с трудом занимается. Поэтому мы с Батюшкой дожидаемся утра, пока можно будет заниматься без огня. Это обстоятельство неоднократно вызывало со стороны Батюшки такое замечание: «Смотрите, как поздно светает: почти уже 8 с половиной часов, а заниматься нельзя. Кроме того, самые дни-то сумрачные, небо в облаках. Вот за всю зиму два-три дня всего и было ясных. Солнышка нет. Невольно вспоминается знаменитая проповедь о. Иоанна Кронштадтского. „Смотрите, — говорил он, постукивая пальчиком по аналою, — смотрите, уж не *третья* ли *часть солнца* померкла, как это говорится в Апокалипсисе!“²³⁸»

Да вот и я лично, хотя и невелика моя жизнь, помню ясные, светлые дни. Помню, что на Пасху, на Светлый праздник, бывала обыкновенно чудная ясная погода. Я даже спрашивал: «А что, всегда на Пасху такая хорошая погода?» А вот последние 3—4 года и вся весна вообще, а в частности Пасха, были при серой погоде. Лунных ночей мало. За последние новолуние и полнолуние не было ни одной хорошей ночи.

Также говорил мне Батюшка про одного не то епископа, не то еще кого-то, имеющего все-таки священный сан, что он сказал следующее:

«Правда, в Церкви у нас нет теперь живых источников, пророчеств, но знамения времен есть, которые и даны нам для познания времен, и которые ясно видны имеющим духовный разум. Смотрите, например, на евреев, какое к ним отношение. Пятьдесят лет тому назад евреи молчали, их не было слышно. В Пруссии, не то в Австрии, еврея всякий мог без всякого наказания обидеть, даже убить. Я не говорю, что это законно или хорошо, я хочу только сказать, насколько, — настолько бессильны и ничтожны были они... И почти вдруг такую они приобрели силу. Не знамение ли это времени?! Ведь они существовать начали не вчера, не пятьдесят лет назад, а несколько тысячелетий. Они были отвержены со времени Распятого Христа и Его Воскресения; и почему они не могли приобрести такой силы в десятки столетий, какую приобрели в столь короткое время? Не знамение ли это времени?! Всюду

²³⁸ Ср.: Откр. 8, 12.

упадок, разложение. Антихрист явно идет в мир. И этого в миру не признают. Там ссылаются на то, что подобные времена бывали и прежде, и ничего, однако, не случилось особенного. Так и теперь: „Это пройдет, пустяки, давайте пить чай с конфетами“. Ужасная беспечность. Сядут они, а через полчаса — Страшный Суд! Что тогда будет с ними?..

Отсюда, из монастыря, виднее сети дьявола, здесь раскрываются глаза, а там, в миру, действительно ничего не понимают. Возблагодарим Создателя, что мы отошли от мира, этого чудища...»

30 декабря

Я хотел переписать батюшкино стихотворение «Молитва Иисусова». Вот я и думаю переписать сюда:

МОЛИТВА ИИСУСОВА ²³⁹

Ее начало — тесный путь.
Душе тревожной негде отдохнуть:
Болезни и труды, великие страдания,
Смущений вихрь, презренья, порицанье
Подвижника встречают; видит он,
Как скорби восстают со всех сторон,
И он стоит, исполненный сомнений,
Тревожных тяжких дум, недоумений,
Томлением объятый и тоской.
Неведомы ему ни радость, ни покой,

²³⁹ Преп. Иоанн Лествичник говорит: «Бей супостатов именем Иисусовым, ибо нет сильнее оружия ни на небе, ни на земле» (Лествица. Сл. 21, гл. 7). Учение святых Отцов о молитве Иисусовой изложено особенно подробно еп. Игнатием (Сочинения. СПб., 1889. Изд. Тузова). Также еп. Феофаном Затворником («Письма о духовной жизни». М., 1882) и старцем Оптиной Пустыни иеросхимонахом Амвросием. Упомянутые современные нам подвижники опытно проходили путь молитвы Иисусовой; поэтому мысли их об этом предмете изумляют читателей своей силой и глубиной. Особенно творения еп. Игнатия возбуждают в читателе спасительную ревность к прохождению молитвенного пути, заповеданного святыми Отцами не только инокам, но и мирянам, — пути тесного и прискорбного в начале, но в конце радостотворного. [Прим. преп. Варсонофия.]

И помощи не ждет он ниоткуда,
Как только от Спасителя Христа.
А злобные враги кричат ему отсюда:
«Уа! Да снидет он с креста»²⁴⁰.
Мой друг о Господе! Дерзай!
Не прекращай великой тяжелой битвы
И поле бранное отнюдь не покидай —
Не оставляй Божественной молитвы!
Пребуди в подвиге до смерти, до конца:
Победа ждет тебя, духовного борца.
Души твоей да не смятутся кости ²⁴¹,
Да не колеблются ее твердыни и столпы,
Когда приступят к ней злокозненные гости —
Бесовских помыслов несметные толпы.
Всемощным именем Господним их рази;
Гонимы им, рассеются врази!
Покрывшись мудрости исполненным смиреньем,
Сей ризою нетленной Божества,
Невидимым врагам душевного спасенья
Не доставляй победы торжества!
Безропотно терпи обиды и гоненья,
Не оставляй прискорбного пути —
Духовных благ священного залога;
Живи для вечности, для Бога —
Единой истинной и вечной Красоты,
Всю жизнь Ему всецело посвятить,
Откинув ложные надежды и мечты,
Мужайся в подвиге суровом
И узришь жизнь во свете новом.
И час пробьет, настанет время,
Духовная твоя умолкнет брань —

²⁴⁰ Ср.: Мк. 15, 29—30.

²⁴¹ Под словом «кости», встречающимся в Псалмах св. пророка Давида, толковники понимают благие помыслы, утверждающие душу на пути благочестия (*Евфимий Зигабен*. Толковая Псалтирь. Киев, 1883. Пс. 33, 21 и Пс. 34, 10). [Примеч. преп. Варсонофия.]

Страстям невольная, мучительная дань,
И с радостью ты поднимешь бремя
Напастей, бед, гонений и скорбей.
В душе твоей, свободной от страстей,
Исчезнут тяжкие сомненья и тревога,
И свет духовный воссияет в ней,
Наследнице Небесного Чертога.
Мир чудный водворится — рай,
И с Господом ее свершится единенье,
Исчезнет без следа твоя печаль,
И ты увидишь, полный изумленья,
Иной страны сияющую даль,
Страны живых, страны обетованья —
Грядущего за подвиг воздаянья,
Желаний твоих край...

Странник ²⁴²

Это стихотворение мне очень нравится. Нравится его глубина, сила; мне нравится оно потому, что оно есть поучение, утверждающее и поднимающее силы читающего. Это самое верное, истинное воззрение на молитвенный подвиг. Этот взгляд я усвоил себе, помог бы только Господь осуществлять его по мере сил на деле. Мне его дал прочитать в первый раз брат Кирилл. Я взял листочек, думая, что это стихотворение простое, обыкновенное, судя по заглавию, хотя и духовное, и не мог предполагать этой глубины. Начал читать, и когда прочел, мое сердце сразу откликнулось, как чему-нибудь родному, дорогому, хотя я тогда еще и не знал, что его написал Батюшка. Я сразу увидел, что здесь не одни пустые только красивые слова, а что оно — дух животворящ. Впоследствии я, читая его, стал замечать глубокий смысл в самых выражениях... Да, действительно, «здесь нет ничего сочиненного, все это вылилось из сердца»²⁴³, ибо *от избытка сердца глаголют уста*²⁴⁴.

²⁴² Литературный псевдоним преп. Варсонофия.

²⁴³ Так преп. Варсонофий говорил об этом стихотворении. См. Дневник от 2 ноября 1908 г.

²⁴⁴ Мф. 12, 34; Лк. 6, 45.

1909 год

1 января, четверг

Сегодня по гражданскому летоисчислению Новый год. После обедни я пошел за водой на Амвросиев колодезь и, когда возвращался, встретился у церкви с Батюшкой. Он служил и вместе со служащими шел к себе. Я, поставив ведро, подошел под благословение. Батюшка, благословляя, сказал: «Желаю Вам жить еще полный год; один год прожили, и еще полный год». Насколько мне показалось, Батюшка делал ударение на слове «полный».

Хорошо не помню, как именно сказал Батюшка: «желаю», или «дай Бог», или еще что-либо подобное, только хорошо помню — смысл пожелания был таков.

3 января, суббота

Однажды, когда я беседовал с Батюшкой, он между прочим объяснил один текст из Евангелия от Луки: *Преходит сквозе безводная места, ища покоя, и не обретает*²⁴⁵.

«Что разумеется здесь под *безводными местами*? Души людей слабых, порочных, не имеющих никаких добродетелей. Дьяволу не интересно соблазнить, навести на грех такого человека, у которого грешить не только мыслью и словом, но и делом, есть дело обыкновенное. Такого человека он вводит в грех без всякой борьбы, как обыкновенно действует он в миру. Наконец, он решается возвратиться к тому человеку, из которого изшел, и приходит... Когда он изшел из этого человека, человек ощутил умаление борьбы со страстями: они его как бы перестали тревожить. И он предался рассеянности, перестал внимательно следить за собою, впал в беспечность. Вот в таком-то состоянии его и находит, возвратившись к нему, дьявол.

²⁴⁵ См.: Лк. 11, 24—26; Мф. 12, 43—45.

Видя его неготовым к борьбе с собой, пользуясь его беспечностью, диавол идет и берет с собой еще семь духов, злейших себя, и *вшедшие живут ту: и бывают последняя человеку тому горша первых...*²⁴⁶ Поэтому всегда надо внимать себе...» Не помню хорошо, кажется, Батюшка говорил, что такой человек, по утишении страстей, дал место в себе гордости, — это и способствовало тому, что он пришел, наконец, в такое бедственное положение...

После трапезы Батюшка обратился к нам с кратким словом. Передал благословение от о. Архимандрита²⁴⁷ и высказал пожелание, чтобы мы проводили жизнь по возможности монашескую, шли к единой необходимой цели — спасению души, в Горний Иерусалим, ибо других целей, надежд и упований у нас не должно быть.

4 января, воскресенье

Как-то Батюшка сказал следующее: «В жизни человека имеют значение два года: 20-й и 40-й. Где, кого и как застанут эти годы? 40-й год замечателен тем, что это есть число лет странствования евреев по пустыне на пути в землю обетованную, а 20-й — как половина... Так объясняет это епископ Игнатий (Брянчанинов). 20-й год застиг Вас в монастыре. Где застигнет Вас 40-й? ^[69] Хорошо бы, в Царствии Небесном...»

Недавно к Батюшке пришел исповедоваться и побеседовать монастырский иеродиакон о. Варсис^[70]. После исповеди он Батюшке и говорит:

— Благословите, Батюшка, буду к Вам ходить...

— Да ты ведь и так ходишь?

— Нет, Батюшка, ходить на откровение помыслов; я их никому никогда не открывал. А теперь иногда спрошу что-либо у старших, — они смеются. Вот я и решил просить у Вас благословения ходить к Вам на откровение помыслов.

Рассказывая это мне, Батюшка сказал: «Он говорит мне про монастырь, а я думаю: про монастырь что и говорить, ведь и у нас в Скиту то же самое...»

²⁴⁶ Лк. 11, 26.

²⁴⁷ В другом варианте: «Архипастыря».

Вот и я лично слышал следующее: когда мы жили еще в старом корпусе с братом Иваном, келейником о. Иосифа, мы шли однажды к Батюшке на благословение, и я, по мирской привычке, идя, громко разговаривал с братом Иваном. И между прочим я стал говорить об откровении помыслов. Тогда брат Иван, шедший до сих пор спокойно, дернул меня за руку, сказав: «Тише... Здесь не любят откровения помыслов». Это было уже почти год назад. Я, может быть, слова не так передал, но смысл верен^[71].

Замечал я и другие недостатки в духовной жизни братии скитской. И что это действительно недостатки, я заключил из того, что Батюшка однажды мне сказал следующее: «Наш Скит во внешнем устройстве вполне благоустроен, а в духовном строю есть пробелы...»

Видя эти недостатки, я невольно, по свойственной мне немощи, осуждаю братию; хотя и чуть-чуть борюсь с осуждением, но как-то не могу равнодушно смотреть на это, ибо иногда сердечно огорчаюсь при мысли, что это у нас, у нас в Скиту!

Также недавно Батюшка говорил: «Теперь редко с кем из монахов можно поговорить о Боге, о Вечной жизни. Так, простой, обыкновенный разговор...»

Все это я пишу для того, чтобы видно было, как упало монашество, что оно мало походит на монашество первых времен, что теперь и можно только спастись смирением, терпением и откровением помыслов, ибо никаких подвигов у нас нет. Это мне Батюшка говорил и объяснял ослабление монашества ослаблением и развратом жизни в миру, ибо естественно, что слабый мир дает и слабых монахов.

Вот, например, хоть я, — какой я монах, какой я послушник? Я даже не похож на монаха. Невелика моя жизнь, но так как я жил с самого рождения все время в миру, и притом еще в городе, то он, то есть мир, оставил на мне свою печать. Иногда приходят минуты, когда я начинаю чуть-чуть сознавать то, что я сейчас написал.

Пока выдалось времечко свободное, думаю при Божией помощи записать кое-что.

Уже давно, то есть несколько месяцев назад, насколько помню, я говорил с Батюшкой сначала об Иисусовой молитве, по-

том о прелестях мира, кажущихся очень невинными и приятными, но имеющих гибельный конец. При разговоре у меня в воображении нарисовались, в подобие прелестям мира, болота, которые встречаются кое-где и в России, но главным образом в Америке. Эти болота ничем не отличаются по внешнему виду от прекрасного, зеленого с цветочками луга, но стоит только раз-два шагнуть, как тонкая красивая корка земли с травой проламывается, и бездна втягивает в себя свою жертву. Я это высказал Батюшке.

Батюшка сказал: «Да. И знаете, что в Америке в этих болотах водятся страшные чудища огромной величины. У них на головах что-то вроде короны или гребня. Этих чудищ туземцы-дикари считают своими богами и называют их „краванна“». Слово это — «краванна» — Батюшка произнес как-то особенно, с ударением. Это мне не раз вспоминалось, и я решил записать.

31-го декабря Батюшка говорил мне об евреях, об их хитрости, пронырливости, и о некоторых их тайнах, например, об их ожидании в скором времени их мнимого мессии-избавителя. Я об этом ничего не знал, даже не предполагал ничего подобного. Это мне открыло глаза на дело, а дело это — не пустяк.

В заключение всего разговора Батюшка сказал мне: «Это я Вам для того говорю, чтобы Вы знали, что такое монастырь, и что такое мир. Там ничего не знают...

В Священном Писании, например в Апокалипсисе и даже в Ветхом Завете, встречается слово „острова“. Например: *и острова будут уповать на Бога* ²⁴⁸. Как острова могут уповать? Под словом „острова“ разумеются монастыри. А означает весь текст то, что к пришествию антихриста разве в монастырях еще сохранится вера...»

И вот представляется мне иногда следующее. Я спокоен; я знаю, что теперь вьюга, мороз, но в келлии все равно тепло. Стены не пропускают холода, только слышно, как в трубе воет ветер. И появляется какое-то невольное чувство радости, что я не на морозе, а в теплой келлии. Подобное чувство я ощущал в миру... С этого внешнего чувства я перехожу на духовное, внутреннее, и думаю:

²⁴⁸ Ср.: Ис. 42, 4.

и весь Скит с его плохонькой деревянной оградой есть теплая уютная общая келлия, где все мы греемся и радуемся, что мы не в миру, ибо там мороз, там веют вихри ложных пагубных учений, унося из души бедного неопытного юноши все хорошее, святое. Там всякому грозит опасность замерзнуть духовно, там редко кто согреет. Там метель, которая совершенно засыпает глаза, так что они ничего не видят, там слепнет человек. Там буря зла... И слава Богу, что я здесь; я постоянно должен благодарить Бога, помня, где я и откуда вывел меня Господь.

7 января, среда

Прошли, пролетели, промелькнули святые Рождественские дни; прошли, то есть отошли в вечность. Прошли как-то очень быстро.

День летит за днем, и время незаметно. «Это оттого, что наши Старцы, — говорил как-то Батюшка, — очень мудро распределили время в течение каждого дня, дали каждому делу свое определенное время».

Вот уже второе Рождество, второй Новый год встретил я здесь и провел. Только Бог и знает, доживу ли я вообще до этого времени на будущий год или уже окончу свое земное странствие. А если и доживу, то буду ли в Скиту... На все воля Божия, ей надо покоряться...

Вот что еще я хотел записать. Не помню, кому первому мы сказали о своем намерении поступить в монастырь: отцу ли Серафиму или о. Петру Сахарову. Отцу Серафиму это было сказано как духовнику, на исповеди; кроме того, выбор его зависел не от нас: до исповеди мы его не знали и даже не видели никогда. А к о. Петру пошли как к знакомому, и посоветоваться. Почему выбор наш пал на него, я уже не помню, но полагаю, что особенно важных причин и обстоятельств не было. Вот недавно я задал себе этот вопрос, и вдруг последовал в душе моей ответ: да ведь он из церкви во имя св. Иоанна Крестителя. Так вот почему! Да кроме того, он с владыкой Трифоном близок и прямо нас направил к нему. Теперь мне видно, что это не случайно, — значит, нам нужно было к нему пойти, именно к нему, а не к кому другому. А у нас есть знакомые из среды духовенства, да

кроме того, я уже совсем было решил идти к одному священнику, совершенно незнакомому, уже объявить ему свое желание с ним побеседовать и главную цель беседы — поступление в монастырь. Но все это как-то само собой разрушилось. Всюду Божие промышление, только мы его весьма и весьма часто не замечаем, и в особенности надо это сказать о мирских: у них все — случайное стечение обстоятельств, которого на самом деле никогда не бывает.

Недавно скончался в Москве известный своим старчествованием отец протоиерей Валентин Николаевич Амфитеатров^[72]. Он был сначала настоятелем церкви во имя святых Константина и Елены и «Нечаянной Радости», потом, кажется, в Архангельском соборе, а затем на покое жил, лишившись зрения. Он был в церкви настоятелем, а мой дедушка — старостой. После о. Валентина в эту церковь перевели о. Иоанна Васильевича Рождественского, ныне там пребывающего, того самого, который благословил нас иконами Нечаянной Радости.

Когда мы сказали маме о нашем желании, то мама, хотя и предполагала, но все-таки была поражена и решила съездить посоветоваться к о. Валентину. Я с ней поехал. Когда мама объяснила о. Валентину цель нашего приезда, он ответил, что теперь никому советов не дает, а в особенности в таком деле, «о котором он и не может советовать». «Я никогда не был монахом, — сказал он, — как я буду советовать...»

Затем, кажется, начал молитвенно желать нам всего хорошего и прощаться. Тогда я, обращаясь к нему, сказал: «Благословите, Батюшка, меня на монашество». Как будто я так сказал, но если и не сказал слова «на монашество», то подумал это, и о. Валентин мог думать, что я не просто прошу благословения, а на монашество. На мою просьбу он встал и благословил меня со словами: «Бог Вас благословит. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Слова он говорил медленно, с любовью, и крестное знамение положил на меня широкое и также медленно и, наконец, поцеловал, насколько помню, в лоб. Тогда это было как-то странно для меня, неопределенно, и по получении благословения я тотчас же и забыл о нем. А теперь я чувствую, что это было именно благословение на монашескую жизнь.

11 января, воскресенье

9-го числа Батюшка дал мне прочитать книгу под заглавием «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу»²⁴⁹.

Недавно сравнительно Батюшка сказал мне следующее:

«Хочу рассказать Вам про одного англичанина... Не знаю, занимаются ли современные англичане подобными вопросами... Так вот, однажды сидел этот англичанин и пристально глядел в окно. Вдруг он говорит:

— Теперь мне это понятно!

— Что тебе понятно? — спросила его жена, а может быть, и еще кто-либо из присутствовавших.

— Теперь мне понятно, — сказал он, — как наши тела после всеобщего воскресения мертвых будут прозрачны.

— Почему же это тебе стало понятно? — спросили его.

— Вот, — отвечал он, — я гляжу на стекло и думаю: ведь стекло прозрачно, тогда как его составные части — земля, уголь и другие, вовсе не имеют этой прозрачности. Поэтому и тело человека, обратившееся по его смерти в прах и землю, может по Божию велению восстать в ином, нетленном, светлом виде».

12 января, понедельник

Недавно Батюшка рассказал мне следующее:

«Я в гимназии учился хорошо, шел первым по классу. Были у нас тогда полугодовые репетиции. Я сдал все хорошо и, приехав домой, размышлял, что я буду читать, вообще строил в своей голове различные планы, ибо свободного времени было около двух недель: с 24 декабря по 7 января. Пришел, сел за стол. Передо мною лежала бумага. Я беру перо и пишу: «Возрождение». Что такое? Какое возрождение? И начинаю писать далее: «Давно, в дни юности минувшей...» А мне тогда было всего 15 лет.

²⁴⁹ Рассказы об Иисусовой молитве, написанные во второй половине XIX в. Три из семи рассказов были найдены в рукописях преп. Амвросия. Второе издание рассказов редактировал еп. Феофан Затворник. Предполагаемый автор — известный миссионер, афонский пострижник, схиархимандрит Михаил (Козлов).

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Давно, в дни юности минувшей,
Во мне горел огонь святой.
Тогда души моей покой
Был безмятежен, и живущий
В ней Дух невидимо хранил
Ее от злобы и сомненья,
От пустоты, тоски, томленья
И силой чудною живил.
Но жизнью я увлекся шумной:
Свою невинность, красоту,
И светлый мир, и чистоту
Не мог я сохранить, безумный!
И вихрем страстных увлечений
Охваченный, я погибал...
Но снова к Богу я воззвал
С слезами горьких сожалений,
И Он приник к моим стенаньям,
И мира Ангела послал,
И к жизни чудной вновь призвал,
И исцелил мои страданья.

Не чудно ли это? Мне было всего 15 лет, а я написал вперед всю мою жизнь...»

Сегодня я увидел на столе это стихотворение. Батюшке его прислал кто-то в количестве 100 экземпляров, из которых я с Батюшкиного благословения и взял два. И сейчас переписал его, ибо оно мне понравилось.

16 января, пятница

13-го числа я занимался с Батюшкой вечером до 12 часов ночи, а 14-го — до 10 часов, а с 10 до 12 часов мы беседовали.

Много было сказано, не упомяну всего. Но что-то святое, великое, чудное, высокое, небесное, Божественное мелькнуло в моем уме, сознании во время беседы. Не дерзаю сказать, что я понял, ибо еще слишком недуховен я для понимания подобных вещей. Беседа коснулась духовной монашеской жизни, смирения, и высота

смирения как бы чуть-чуть показала себя моему внутреннему человеку.

Батюшка для выяснения монашеской жизни взял для примера из жития святых св. Иоанна Дамаскина²⁵⁰. Батюшка передал уже известную мне историю отсечения и исцеления его руки.

Затем Батюшка начал говорить:

«Когда Дамасский калиф увидел, что над Иоанном совершилось чудо, то уверовал в Бога, познал невинность Иоанна и предлагал ему прежнее его место при дворе своем. Но Иоанн отказался и просил только одного — именно, чтобы пустили его в иноческую обитель. Делать было нечего, и калиф отпустил его. Тогда Иоанн отправился в обитель св. Саввы. Приходит и объявляет о своем желании посвятить себя иноческой жизни. Его, конечно, принимают и отдают в послушание к старцу.

Старец, принимая Иоанна, спрашивает его:

— Зачем ты пришел сюда? Ты ищешь чудных откровений, видений высших таинств?.. Нет! Еще рано, ты недостойн! Сначала тебе надо приобрести смирение.

Иоанн же отвечал:

— Одного ищу я — спасения души своей.

— Да, сначала тебе надо приобрести смирение и послушание.

— Я на все готов.

— Так, хорошо! Вот тебе послушание: не смей отселе ничего писать.

Иоанн ничего не возражал и перестал писать, хотя и нелегко ему это было, ибо нельзя было ему писать и в защиту святых икон. Наконец, он не вытерпел и написал чин погребения, который полностью принят Церковью и доселе совершается нами. Тогда старец Иоанна сказал ему: «Так! Ты ослушался. Иди за это и чисти везде отхожие места!» Иоанн смирился и пошел исполнять новое послушание и, вероятно, немалое время исполнял его.

Так как же Вы полагаете, старец по глупости ли и грубости наложил на Иоанна такие два тяжких послушания? Нет! Великая мудрость была у старца. Смысл всего становится ясным из первых слов, которые сказал старец, принимая Иоанна. Он поставил сми-

²⁵⁰ Жития Святых, 4 декабря.

рение выше всего, ибо оно поставляет имеющего его выше всего. Святые Отцы называют смирение ризою Божества. Смирение — первое условие спасения: им только мы и можем спастись».

Здесь Батюшка, кажется, что-то говорил, что я или забыл, или не понял. Я чувствую, что передать всего не в состоянии.

Далее Батюшка, насколько помню, в связи с этим говорил:

«Этот путь унижений, смирения и терпения — тяжел. Многие за него брались, решались идти им и не выдерживали. Хотел идти этим путем и епископ Игнатий (Брянчанинов), и не выдержал. Ведь он был и в Оптиной²⁵¹. Хотя он и считается наставником современного монашества, ибо желающий понять сущность монашества в настоящее время без его сочинений этого сделать не сможет, его сочинения дают ясное понятие об иночестве; а все-таки он не Арсений Великий. Правда, свят он, а все-таки не Арсений. У нас сохраняется предание, что батюшка о. Лев сказал про епископа Игнатия Брянчанинова: „Если бы он пошел иным путем, то был бы второй Арсений Великий“.

Вот и мне приходит мысль, что было бы лучше, если бы я отказался от всего этого: начальства, иеромонашества... и жил бы там, в той келлии...»

— Ведь Вы, Батюшка, не сами этого пожелали? — говорю я.

— Да, я оттого не отказался, что боялся, что не выдержу: а что, если хуже будет, если откажусь... Да, за послушание... Только это и побудило меня принять все это. Я поступал сюда с самыми светлыми идеальными мыслями. Пожалуй, теперь и нет, а тогда бы я с радостью согласился, как Иоанн Дамаскин, чистить отхожие места...

Батюшка о. Анатолий не был со мною так близок, как мы теперь. Я у него всего один раз пил чай. Он относился ко мне очень хорошо, но вполне понял меня только за один месяц до смерти. Мне следующее передавала одна монахиня, к которой батюшка о. Анатолий был очень расположен. За месяц до смерти он ей ска-

²⁵¹ См. Жизнеописание епископа Игнатия (Брянчанинова), составленное его ближайшими учениками в 1881 году // *Игнатий Брянчанинов, свт.* Сочинения: В 7 т. СПб., 1886. (Причислен к лику святых в 1988 г. Память его празднуется 30 апреля.)

зал: „Знаешь, мать, какой человек-то у нас в Скиту?! Вот с ним бы я мог быть вполне единомысленным...“ Не знаю, чем я, грешный, мог так ему понравиться. А по смерти его мне было очень тяжело...»

17 января, суббота

«Хорошо жить в монастыре, — продолжал Батюшка, — когда живешь внимательно, вникаешь во внутренний смысл жизни. Если же видеть только щи, кашу, аккуратное хождение к службам, одним словом, видеть только внешность, то так жить очень скучно. А если жить, вникая во внутренний смысл жизни, то увидишь дивную премудрость и глубину во всем. В этом отношении незаменимую услугу оказывают жития святых. Внимательно читая их, мы можем усматривать, как дивно и премудро устраивалась жизнь святых, какой чудный смысл во всех событиях ее. Например, читаем мы житие (я так, к примеру говорю): там повествуется, что такой-то святой поехал в город N со своим отцом. Когда они приехали, то произошло событие, вникнув в которое мы сразу увидим, почему он поехал, а не пошел, и почему с отцом, а не с матерью, и так далее. Все это чудно строил Божественный Промысел...

Теперь мне становится понятно, почему братья Николай и Иоанн Беляевы пришли из мира сюда. Эта завеса начинает немного приподыматься для меня...»

«Сядьте, — сказал мне Батюшка в начале нашей беседы, — мне с Вами хорошо...» (Кажется, я не ослышался).

В этот вечер, да и вообще в последние дни, я усмотрел, почувствовал великую любовь в Батюшке ко мне, недостойному, и к келейникам, и к другим. Самые слова его речи дышат любовью, самою чистою нежностью... Так может относиться нежный любящий отец к своим детям. Простота обращения иногда поражает меня. Эта простота самая искренняя, сердечная, нисколько не оскорбительная, а напротив — вожденная. В эти дни я как-то особенно расположился к Батюшке, особенно почувствовал его значение для меня. Моя совесть по отношению к Батюшке чиста. Правда, я слабо живу, часто не выполняю Батюшкиных заповеданий и во внешней, и во внутренней жизни моей, но его расположением, любовью, откровенностью не злоупотребляю.

Когда я уже уходил от Батюшки, он стал говорить о признаках своей смерти. И еще в начале беседы тоже Батюшка сказал: «А хотелось бы мне еще пожить... Страшно умирать, страшно умирать...» Затем опять среди разговора: «Боюсь, что придется мне отвечать за чад моих духовных. Я все думаю, что мало для них делаю, мало забочусь и о себе, и о них. Ну, уж о себе как бы так и надо, а об них-то...»^[73]

Видно, что Батюшкина мысль нередко обращается к смерти. И я, представив ее себе мысленно, понял, что составляет для меня Батюшка и что потеряю я в лице его, если только угодно будет Богу, чтобы я пережил Батюшку. Батюшкины добродетели: вера, смирение, любовь, сила духовная, серьезность взгляда на смысл жизни и монашества, — теперь более замечаются мною, и скажу я слова о. Анатолия: «Какой человек-то у нас в Скиту!..»

21 января, среда

Относительно перечисления в Козельск дело идет как-то странно и неопределенно, так что еще раз был в Козельске 19-го числа и ничего опять-таки не узнал.

Сейчас Батюшка мне благословил к утрени не ходить, а приходить к нему в 5 часов утра для совершения молитвенного утреннего правила вместе с ним и келейниками. Это, главным образом, для того, чтобы облегчить чтение келейникам.

Недавно Батюшка мне рассказал следующее:

«Когда я еще был мирским, даже когда я еще не читал епископа Игнатия „Слово о смерти“, которое многое открывает, я сказал одному игумену, внимательно живущему: „Я видел сон, что Вы мне относительно его скажете? — Вижу я необозримые, беспредельные снежные степи. Я стою среди этих снежных степей, и они окружают меня со всех сторон и простираются на беспредельное пространство. Вдали на горизонте поднимаются громадные высокие ледяные горы, уходящие вершинами в небеса. И я стою в каких-то легких лохмотьях, даже без штанов. Я испытываю такой холод, что это словами передать нельзя, такого мороза на самом деле на земле и быть не может. Кажется, сталь и та может замерзнуть. Одним словом, такой мороз может только присниться. При этом дует ветер, пронизывающий до боли не

только тело мое, но даже и кости. Я совершенно не знаю, куда деваться от этого холода! И вдруг слышу ужасный лай; тот лай приводит в содрогание все мое существо, этот лай более всего походил на лай пса. И я чувствую, что это чудище, хотя я его и не вижу, должно броситься на меня и сделать со мной что-то неизъяснимо ужасное. Куда мне укрыться от этого чудища и ужаса?! Я смотрю по сторонам, — и всюду эти беспредельные ледяные степи.

Вдруг замечаю какой-то скат, не то бугорок; делаю несколько шагов и вижу, что я на краю глубокой пропасти. Берег обрывается все равно что стена, и на дне этой пропасти течет река с ужасной быстротой. Река не замерзла, она течет и пенится от волны. И я на скользком ледяном краю босыми ногами... Я чувствую, что не могу удержаться, начинаю падать, тщетно стараюсь ухватиться за ледяные края пропасти своими окоченевшими пальцами, ноги скользят, и я падаю, испытывая весь ужас падения... и просыпаюсь“».

— Да-а!.. Картина!..— говорит он мне.

— Ну, что же Вы мне скажете? Может быть подобное мучение?

— Да, может. Это один из видов адских мук, и притом еще самых легких.

— Да неужели?! Тогда лучше не родиться человеку!..

— Да, неизглаголаннные муки ждут грешников во аде, все равно как неизглаголанное блаженство ожидает праведников... Слова Апостола: *Ихже око не виде, и ухо не слыша*,²⁵² — одинаково можно отнести как к блаженству, так и к мукам...»

24 января, суббота

Продолжу дальше...

«И муки эти будут испытывать тела грешников. Огонь будет вещественный, а не то, что это будут только угрызения совести, и тому подобное. Нет, это действительно чувственный огонь. То само собой, а это само собой. Только как самые тела, так и огонь будут гораздо тоньше, все будет носить только некоторое подобие земного.

²⁵² 1 Кор. 2, 9.

Когда я прочел „Слово о смерти“²⁵³ епископа Игнатия Брянчанинова, многое уяснилось мне, чего я прежде совершенно не понимал. Эта книга незаменима в своем роде... Вот и теперь вижу я во сне различные муки, например, сегодня... Господи, Господи! Накажи здесь как хочешь, только избавь вечных мучений! Вот, может быть, келейники замечают, что иногда я встаю какой-то раздражительный; я им об этом не говорю, а, право, иногда полдня сам не свой ходишь...

Замечательно, что люди неверующие или маловерующие, — например, материалисты и другие, — далее тела, далее видимого не идут, отвергая существование души, Ангелов, бесов, даже Бога; но, когда они говорят о вечных муках, то никак не хотят допустить здесь что-либо вещественное, чувственное, относя муки к угрызениям совести и тому подобному. Это противоречие замечали в них великие люди, замечал его, кажется, и митрополит Филарет...

Иногда снам надо верить. Это сны, главным образом, изображающие вечные адские мучения, когда мы от таких снов содрогаемся, приходим в чувство сокрушения о грехах, раскаяния и покаяния. Но когда и эти сны зачатят и будут приводить нас в отчаяние о своем спасении, то и они от диавола. Но я не прихожу в отчаяние. Да, я себя считаю, конечно, величайшим грешником и по своим делам достоин всяких мук, но надеюсь на милосердие Божие, ибо Господь по милосердию может простить мне все мои грехи».

Недавно также сказал мне Батюшка следующее. «Когда я был еще мирским, мне один человек сказал:

— Хотите я вам скажу, как узнать человека?

— Скажите.

— Хорошо. Вы спросите его, как он относится к еврейскому вопросу. И если он стоит за евреев, то он или безбожник, неверующий, удаляющийся от единства веры, или революционер и т. п. Одним словом, с этим человеком не следует сходиться.

И вот уже сколько времени прошло с тех пор, и я наблюдал за этим, и оказалось, что действительно, это правило узнать человека — справедливо. Правда, как единичные примеры, могут и сре-

²⁵³ Творения иже во святых отца нашего свт. Игнатия, еп. Ставропольского. Т. III. Слово о смерти.

ди евреев встречаться хорошие люди, но в общей массе они представляют собой весьма вредный элемент...»

25 января, воскресенье

22-го числа я начал читать второй раз Евангелие на моем келейном правиле.

Батюшка мне не раз говорил, что он очень любил детей, и однажды рассказал следующее:

«Я очень любил устраивать „детские пиры“. Эти пиры доставляли одинаково и мне, и детям радость. Устраивал я их обыкновенно в праздники. Приходили ко мне эти бедные дети на квартиру, все одетые в праздничные одежды, конечно, очень скромные, ибо приходили многие из них из подвалов²⁵⁴. Я выбирал одного или двух мальчиков побольше и указывал им дорогу, куда идти; на это они мне кричали: „Знаем, знаем!“ И все они, человек 10—12, не более 20, мальчики не моложе 4—5 лет и до 10—11, и девочки не старше 8 лет (во избежание соблазна), отправлялись за город версты за три в лес. А я по немощи своей брал извозчика. Немного ранее отправлялся туда же и мой денщик с таинственными узлами. Когда все собиравались в назначенное место, я прежде всего давал детям набегаться по лесу, поиграть вволю. Потом, когда они немного устанут от беганья, проголодаются, я их усаживал на траве около разостланного прямо по траве длинного и широкого полотенца, на котором стояли тарелки со сметаной, творогом, вареной холодной говядиной, яйцами, черным и белым хлебом — кажется и все, а может быть, и еще что было, вот, например, масло. Ну, и более ничего.

Когда они наедятся, я их начинаю поить чаем, причем давал им дешевых конфет и пряников; конечно, был сахар, может быть, варенья немного, ну и все. При этом мы разговаривали; бывало, забросают вопросами. А также я им рассказывал о чем-нибудь полезном для души, из житий святых, или вообще о чем-нибудь духовном. Все слушали с удовольствием и вниманием. Иногда же для большей назидательности я приглашал с собой кого-либо из монахов или иеромонахов, предоставляя ему говорить, что производило, конечно, еще большее впечатление.

²⁵⁴ То есть из семей, которые по бедности жили в подвалах.

Так и сидим, бывало, в лесу на холмике часов до 10—11 вечера. Взойдет луна... И без того чудный вид на Казань делается еще красивее. Перед нами поляна, за нею река²⁵⁵, а за рекой — Казань со своим чудным расположением домов, садов и храмов... И хорошо мне тогда бывало; сколько радости — и чистой радости — испытывал я тогда, и сколько благих семян было брошено тогда в эти детские восприимчивые души! И все это удовольствие стоило мне рублей 10, а что тогда для меня были 10 рублей?!

Наконец, нужно было возвращаться домой. Я опять брал извозчика и ехал, полный тихой радости. Приезжал домой, ложился спать и вставал на следующий день здоровый, бодрый и шел на службу.

Возвращаясь с „пира“, я думал: а где теперь мои товарищи? Как они теперь проводят время в ресторанах, в „Ливадиях“, „помадиях“ и „гадиях“ с блудными развратными девками? Господи, Господи!..

Про меня они говорят:

— Не с ума ли он сошел? Все с детьми да с монахами... Слышали ли?

— С монахами?

— Да! Ну, туда-сюда один раз, а то — каждый праздник. Нашел удовольствие!

Но некоторые на эти „пиры“ смотрели снисходительно. Удивительно, что в общем многие мои сослуживцы-товарищи были хорошие люди... На этих „пирах“ я чувствовал себя хорошо, вся натянутость отношений пропадала, ее заменяла простота дружественных отношений, ни лукавства, ни лицемерия тут не было, была искренняя детская простота... И как бы я хотел, чтобы эта простота была в отношениях у меня с братией!

А вот я сегодня же уже получил выговор за то, что слишком просто обращаюсь... Такой же упрек сделали одному святому отцу, а он ответил упрекавшему его: „Ты хочешь, чтобы я бросил эту простоту? Нет! Ты не знаешь, что я добивался ее 30 лет. Так неужели же я брошу ее в один день!“²⁵⁶

²⁵⁵ Река Казанка.

²⁵⁶ Речь идет, видимо, о преп. авве Аммоне, епископе, ученике преп. Антония Великого.

28 января, среда

Сегодня 40-й день по кончине о. Иоанна Кронштадтского ^[74]. Батюшка, согласно Высочайшего рескрипта и постановления Св. Синода, служил обедню, панихиду и говорил краткое слово. Батюшка был также и на трапезе, где мне пришлось читать житие св. Григория Омиритского (19 декабря). Какое это чудное житие! Какая премудрость в словах и речах этого святителя!

Вчера Батюшка пошел к повечерию на правило. Когда он шел оттуда, я провожал его, и Батюшка начал говорить мне следующее:

«Я поехал в 1890 году в Оренбург, где провел отрочество и юность, проводя детские годы в селе. Теперь это не тот уже город. Нет в нем той патриархальности, простоты; все изменилось. И эту простоту заменила цивилизация — с трамваями, телефонами и нравственным развращением.

Так вот, когда я поехал в Оренбург к матери за благословением на иноческую жизнь, я ходил в этом городе по всем улицам, а также и за город ходил... И все там напоминало мне мою прошлую жизнь с ее скорбями и радостями, с ее светлыми и темными происшествиями, ибо были, конечно, отклонения в шуию сторону... И эти последние производили как-то более приятное чувство: бывали времена, когда я должен бы, казалось, совершенно стерт быть с лица земли; однако Господь миловал меня... А там кругом встает заря иноческой жизни.

Подобно сему и сейчас: я стою на правиле, и воспоминания одно за другим целой вереницей проносятся передо мною. Я говорю: Господи, зачем это? Ведь они мешают мне внимать молитве... Но помимо моей воли они все шли передо мною. И опять воспоминания как радостных, так и тяжелых событий производили на меня отрадное впечатление, и последние, опять-таки, даже более отрадное.

Конечно, если бы была прежняя келлия для правила, то еще более возникло бы воспоминаний. Прежде было правило там, где теперь новый храм. Когда начал строиться новый храм, то будто кто-то сказал мне: „Теперь тебе будет легче“. И действительно, так и вышло. Я почувствовал ослабу, а какие скорби и гонения были раньше... Только я твердо сказал себе: что бы то ни было — не уйду из Скита. Умру, а не уйду!»

А я и говорю:

— Батюшка, вот и я хотел Вас спросить... Собственно, я думаю так, чтобы никуда не уходить из Скита, разве уж только за послушание, куда пошлют. А то, какие бы ни были скорби и превратности, ни под каким видом не уходить. Как Вы скажете?

— Конечно, не уходить! Перед нами и в книгах сколько примеров: как ушел из монастыря, так и пошел под гору. В своем монастыре, хотя и неблагоустроенном, все как-то терпит и мирится со всем. А там не может.

— А вот, Батюшка, как же о. Лев, о. Афанасий во многих обителях перебывали?

— Это другое дело: *Когда гонят в одном, бегите в другой* ²⁵⁷. Например, о. Льва настоятель в Белых Берегах гнал. Да, прямо гнал: «Уходи, уходи куда знаешь, и помёт ²⁵⁸ свой бери с собой» (это были: епископ Игнатий, бывший тогда еще послушником, а другого ²⁵⁹ я забыл, как назвал Батюшка). Да, конечно, надо идти, коли гонят...

Этот разговор окончился уже в Батюшкиной келлии, а произошел он 27 января 1909 г. Это я давно хотел спросить и записать, чтобы знать, что отвечать помыслам, когда такие придут, если Господу угодно будет предать меня подобным искушениям.

Недавно, а также и вчера утром, Батюшка говорил: «Современное монашество все стремится исполнять во всем свою волю. А авва Дорофей говорит: „Я не знаю для монаха иного падения, как последование своей воле“ ²⁶⁰. Теперь совершенно забыли происшествия, подобные сему. Старец принимает ученика и испытывает его сначала словами, а потом дает послушание: иди чуть ли не за три версты в египетскую пустыню, и вот эту сухую трость воткни в сухой песок, и ходи туда ежедневно два раза поливать, беря воду с собой из монастыря. Тот идет и втыкает, потом начинает ее поли-

²⁵⁷ См.: Мф. 10, 23.

²⁵⁸ Единовременный приплод собаки.

²⁵⁹ Михаил Чихачев, впоследствии схимонах Мисаил (скончался в 1873 г. схимонахом), ближайший друг Димитрия Брянчанинова.

²⁶⁰ *Авва Дорофей*. Душеполезные поучения... Поучение 5, о том, чтобы не полагаться на свой разум: «Я не знаю другого падения монаху, кроме того, когда он верит своему сердцу».

вать. И что-то долго он ее поливать ходил, — кажется, более года. Конечно, диавол ему навел помыслы: „Ну, смотри, не глуп ли твой старец? Велел поливать сухую палку, воткнутую в раскаленный песок“. А послушник отвечал: „Ладно, ладно, говори, что хочешь, а я все-таки буду поливать!“ Наконец, старец говорит своему ученику: „Иди и пожни плоды твоего послушания“. Тот идет, приходит на обычное место, где была воткнута трость, — а на том месте прекрасный оазис: пальмы растут и ключ так и бьет из-под земли²⁶¹. Теперь это забыли, забыли даже про самое то время. Ничего не слушают. У нас еще ничего, слава Богу! А что в других-то делается!..»

30 января, пятница

Вчера исполнился ровно год со дня нашего одеяния в подрясник. В церкви служили молебен о нашем здравии, но я не был на молебне по случаю занятий у Батюшки.

Батюшка во время разговора первый раз назвал меня своим сотаинником. Я этого не ожидал и не знаю, чем мог это заслужить. Спаси, Господи, Батюшку. Я все более и более начинаю видеть, что Батюшка — великий Старец. И, к моему сожалению, Батюшка все чаще и чаще говорит о своей смерти, что дни его *изочтени суть*²⁶². Говорит Батюшка, что слабеет не только телесно, но и духовно. «Я совершенно один, — говорил как-то Батюшка, — а силы слабеют».

А сейчас на благословении Батюшка сказал следующее.

«Приду, бывало, я к великому старцу о. Анатолию.

— Ну что, о. Павел? — Скажешь ему про свои скорби:

— Тяжело было даже идти к Вам, насилу дошел, а помысл еще говорит: зачем тебе беспокоить батюшку, не ходи.

— Ну, а теперь?

— Теперь легко, словно гора с плеч свалилась...

— Да, так и я некогда к батюшке о. Макарию, потом к о. Амвросию ходил, а теперь-то и некуда идти... Мы, я и батюшка Амвро-

²⁶¹ См.: Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Троице-Сергиева Лавра, 1993. Также: Древний патерик. Гл. 14 «О послушании», Слово 4(3). Жития Святых, 9 ноября.

²⁶² Ср.: Лк. 12, 7.

сий, все вместе делали, друг друга утешали в скорбях. Приду да и скажу: „Батюшка о. Амвросий, тяжело что-то“. — „Ну, что там тяжело? Теперь все ничего. А вот придут дни...“ Да, а теперь-то они и пришли, — монахов много, много хороших, а утешить некому. Теперь я понял, что значит: „Придут дни...“

А теперь-то и я это понял, когда прошли те блаженные дни», — [закончил Батюшка].

31 января, суббота

Вчера было некогда писать далее. Бог даст, окончу сегодня.

Когда это Батюшка говорил про себя и своего Старца, я подумал: а ведь это все возможно и по отношению ко мне. И тем более, что Батюшка все это начал говорить сам от себя, и как раз после моих мыслей о смерти Батюшки.

А сегодня за утреней меня назначили читать кафизмы. Когда я подошел после кафизм к Батюшке, он мне сказал:

— Вы замечаете жар в моей руке?

— Да.

— Мне теперь стало легче...

Когда же я пришел к Батюшке заниматься, он мне сказал: «Я сегодня ночью думал, что умру. Насилу встал к утрени... Сначала было очень тяжело, но когда я вошел в церковь, — все как рукой сняло, сразу стало легче. К обедне тоже очень трудно было встать, но потом, слава Богу, бодро ходил, и даже сам читал синодики». (А сегодня родительская суббота перед сырной седмицей.)

Однажды, побуждаемый подобными обстоятельствами, я спросил Батюшку:

— Батюшка, все возможно, так вот как же после Вашей смерти, к кому перейти?

— На все это я могу сказать: Господь не оставит. Мы видим из житий святых, что подобное бывало нередко. Умирает старец, уже лежит на смертном одре. Его обступают братия и спрашивают: «На кого ты, Авва, оставляешь нас?» Тот обводит стоящих своим взором, посмотрит туда, сюда, как бы ища кого, — и не находит никого. Наконец говорит: «На Бога оставляю вас». И действительно, Бог или неожиданно посылает им наставника, или Сам Своею ми-

лостью избавляет от различных напастей. Вот это я Вам и могу только сказать на Ваш вопрос...

2 февраля, понедельник

Ровно два года назад в этот день, день Сретения Господня, в Чудовом московском монастыре совершилось чудо милосердия Божия над нами. Нас встретил Господь, принял ^[75].

Про себя я откровенно говорю, что я был блудный сын, как это говорится в Евангелии, и милость Божия не возгнушалась мною: я сподобился великих милостей Божиих...

Вчера во время бдения пришлось караулить Скит. А в субботу на бдение я пришел с Батюшкой только к кафизмам, ибо пришлось задержаться у Батюшки в келлии, где мне Батюшка рассказал, что он видел однажды сон, что его хиротонисали. Про этот сон мне Батюшка хотел дать прочесть, как он записан в его дневнике.

За бдением Батюшка сказал краткое слово о необходимости для нас и благотворности покаянных слез, как они приятны Богу и куда приводят плачущего.

Сейчас написал письмо игумену Ионе и думаю послать его с Петром Гавриловичем.

Вечером

Письмо передал.

Сейчас на благословении Батюшка объявил собравшейся братии, что нашего скитского хлебника и квасовара о. Петра переводят на монастырскую гостиницу. Батюшка просил у братии святых молитв за о. Петра, ибо послушание новое и шумное, особенно же после скитской тишины.

8 февраля, воскресенье

Вся эта неделя быстро и незаметно прошла. С Батюшкой и в келлии много занимался, и только сегодня как будто немного вздохнул свободнее.

Сегодня Прощеное воскресенье. Погода чудная, весна. Весело блестит солнышко по снегу, с крыш и деревьев капает вода. Елки и сосны покрыты снегом, который третьего дня обильно выпал и

покрыл белой пеленой весь Скит, поэтому вершины сосен и елей блестят на солнце, и снег, лежа на темно-зеленых хвоях, кажется еще белее.

Недавно Батюшка сказал мне следующее про монашество: «Монашество есть блаженство, какое только возможно для человека на земле. Выше этого блаженства нет ничего. И это потому, что монашество дает ключ к внутренней жизни. Блаженство внутри нас, надо только открыть его. Полное блаженство — на Небе в будущей жизни, но нижняя степень его уже на земле, в той жизни оно только продолжается...»

Когда Батюшка говорит подобные вещи, я чувствую что-то великое, святое, но это как бы мелькнет передо мною и исчезнет. Правда, так бывает не всегда, и даже я, придя в свою келлию, могу изобразить мысль на бумаге; но иногда у меня для этого не хватает сил.

Сейчас ходили прощаться в монастырь. Завтра первый день святого Великого поста.

Приезжал на эти дни брат Кирилл, сегодня уехал. Его Батюшка отечески любит, он отвечает, по-видимому, тем же.

Когда он уже уехал, Батюшка сказал, как бы в раздумье, и сказанное не имело отношения к предыдущему: «Придется ли еще увидеться с Люшей?» (так Батюшка называет обыкновенно брата Кирилла, брата Никитушку, а иногда и меня). Я на это ничего не ответил, но сложил в сердце своем словеса сии.

9 февраля, понедельник

Сегодня возвратился в Скит о. Кукша, ездивший в Калугу для посвящения в иеромонаха.

10 февраля, вторник

Вот уже прошел вторник первой седмицы святого Великого поста.

Сегодня Батюшка сказал, что ему возвещается, что враг хочет между мною и Иванушкой насеять плевел, чтобы поселить между нами вражду, разъединение, ненависть ^[76]. И Батюшка предупреждал меня от этого зла, говорил, чтобы мы поддерживали между собою любовь, чтобы не дали врагу ничего пожрать. Это же

самое Батюшка сказал еще в прошлом году, когда мы только что оделись в подрясники, только в другой форме. И это я должен свято соблюдать, то есть всячески поддерживать единство и любовь.

12 февраля, четверг

Сегодня Господь сподобил меня, грешного, исповедаться, очистить свою совесть. А сейчас я и Иванушка у Батюшки пили чай.

Получил письмо из Москвы. Мама сообщает, что один учитель мой по гимназии скоропостижно скончался. А также отвечает на вопрос: не помнит ли она дня, когда мы были у о. Валентина, а также и дня благословения нас наперсными²⁶³ крестами. Мама этого дня не помнит, но, судя по расходным ее записям, это было 11 февраля 1907 года, то есть ровно два года назад. Как раз во вчерашнее число вечером мама нас благословила, и я, стоя на коленях и припав лицом к полу, давал обет всю жизнь служить Богу на иноческом пути^[77], хотя несколько боялся и не решался. Этим благословением, этим крестом я как-то очень дорожу и никогда не снимаю его с себя. А 12-го, в сегодняшнее число, мы были у о. Валентина, от которого я получил благословение.

13 февраля, пятница

Сейчас я зашел к Батюшке на благословение после вечерни. После благословения и откровения моих немощей за этот день Батюшка сказал мне следующее: «Это все ничего, если укоряем себя и смиряемся. А то вот многие на небо лезут, подвиги накладывают на себя, а смиряться не хотят. Смиряться, смиряться! Да, я скажу Вам, брат Николай, — не хотят смиряться. Это — язва, язва современного монашества...»

14 февраля, суббота

Сподобился сегодня принятия Святых Христовых Таин. Вот уже прошла первая седмица Великого поста. Не прошла, а промелькнула. Не заметил я и поста, не почувствовал его тяготы.

²⁶³ Нагрудными, носимыми «на персех».

18 февраля, среда

Сегодня в первый раз читал на правиле за повечерием канон Божией Матери (4-го гласа, среда).

21 февраля, суббота

19-го февраля Батюшка сказал мне:

— Я Вам, брат Николай, не раз уже говорил, и еще скажу: приходит мне мысль все бросить, уйти в какую-нибудь келлию. Страшно становится жить, брат Николай, страшно. Только боюсь сам уйти, а посоветоваться не с кем. Если бы жив был о. Варнава²⁶⁴, то поехал бы к нему, но и его уже нет. А сам — боюсь. Боюсь, как боится часовой уйти с поста — расстреляют. В таком положении начинаешь понимать слова пророка Давида: *Спаси мя, Господи!*.. Если взять только эту часть фразы, то само собой разумеется, что никто не хочет погибели и не говорит: «Погуби меня, Господи». Все и всегда могут сказать: «Спаси мя, Господи». Но он прибавляет далее: *яко оскуде преподобный*²⁶⁵. Не к кому обратиться, — Господи, спаси мя. Только теперь мне становится понятным, отчего бежали святые Отцы от мира, именно бежали... Хотелось бы и мне убежать в пустыню.

— Батюшка, — говорю я, — да как же одному бежать? Одному нельзя...

— Нет, — возразил очень твердо Батюшка, — нет, одному нельзя *самому*, а *одному с Богом* — можно. Вот, например, епископ Феофан долго и неоднократно пытался бросить все и удалиться в затвор, но не было на то воли Божией. Прямо как бы в ответ на свое желание он был перемещен на епископскую кафедру во Владимир. И только уже несколько лет спустя удалился в свою милую Вышу. Да... Когда-то мы с Вами, Николай Митрофанович, будем на «Выше»? Рано ли, поздно ли, а надо... Что Вы скажете? Да, так-то, мой друг...

²⁶⁴ Преп. Варнава Гефсиманский (1831—1906) — «утешительный» старец Черниговского скита Троице-Сергиевой Лавры, известный духовник и старец. Прославлен Русской Православной Церковью в лике Радонежских святых 19 июля 1995 г.

²⁶⁵ Пс. 11, 2.

Незадолго до этого, как-то вечером, Батюшка сам, не по моему вопросу, а сам начал говорить:

«Прежде я не понимал, что делается в миру, а теперь, когда приходится мне сталкиваться с ним, он поражает меня своей крайней сложностью и безотрадностью. Правда, бывают радости, но они мимолетны, мгновенны. Да и какие это радости? Самой низшей пробы, ниже 44-й. А у нас — блаженство, даже немножко как бы похоже на рай. Бывают, конечно, скорби, но это временно... Хорошо, кто заботится о внутренней созерцательной жизни, ибо она даст ему все».

23 февраля, понедельник

Ровно два года назад, в то вечернее время, я и Иванушка с о. Гавриилом были на Брянском вокзале в Москве, намереваясь отправиться в Оптину Пустынь, не имея о ней ни малейшего представления. Недели за две до того времени я не знал, что Оптина существует. Таким образом, выехав 23-го февраля из Москвы, 24-го мы впервые увидели Оптину; то есть в день обретения главы св. Иоанна Предтечи обрели Оптину как тихое пристанище от житейских бурь и зол.

Не смею думать, что это произошло без Промысла Божия. После бесцельного скитания по жизненной пустыне я нашел здесь воистину богатое сокровище, утаенное от премудрых и разумных, и открытое, доступное младенцам, простецам и нелукавым сердцем²⁶⁶. И для меня оно было сокрыто, и я едва ли бы нашел его сам. Я был сюда приведен, не знаю почему, как и для чего...

Сейчас я немного говорил с Батюшкой о знаменательных происшествиях в моей жизни, и когда я сказал Батюшке, что мы увидели Оптину впервые 24-го февраля, Батюшка сказал, что жизнь моя вся промыслительна. И я теперь иногда начинаю познавать некоторую внутреннюю цель, вернее, смысл событий моей жизни, в которой я прежде видел и знал лишь голые внешние факты. А я неоднократно был спасаем от явной смерти или искалечения.

Например, однажды я ездил на велосипеде по Москве с целью изучения местности на окраинах города, которые мне были весьма

²⁶⁶ Ср.: Мф. 11, 25; Лк. 10, 21.

мало известны. Еду беспечно и спокойно, глядя не вперед, а, насколько помню, вправо, на вывеску или на дом, я уже не помню. Вдруг я невольно поворачиваю голову и вижу в нескольких шагах от меня едущего мне навстречу рысака на шинах, вследствие чего я и не слышал стука колес. Если бы я повернулся на несколько секунд позднее, я был бы под лошадью — или совершенно задавлен, или искалечен.

Другой случай был в моем детстве. Я был мальчик резвый, несмотря на некоторую неповоротливость, был очень способен и ловок в детских простых играх, например, в игре в бабки. Так, однажды, играя в бабки, одну из любимых мною игр, я по неосторожности стоял у стены, по направлению к которой кидали бабки или, как у нас назывались, «билы». Один мальчик, обладавший физической силой, бил бабкой, налитой свинцом («свинчаткой»). Он, по свойственной в таких играх неосторожности, не сказал мне, чтобы я посторонился, и бросил, по обыкновению, очень сильно. И бабка, налитая свинцом, которой он бил, отскочив от земли, ударилась в стену на вершок повыше моей головы со страшной силой и раздробила бы мою голову, если бы попала в лоб...

Кроме этих, было еще несколько подобных происшествий; одни мною забыты, как эти были забыты и вспомнились только недавно, другие уже описаны мною; третьи, хотя отчасти и помнятся мною, но не совсем ясно, или менее поразительны.

В ответ на это Батюшка рассказал про себя следующее.

«Когда я возвращался из Манчжурии по железной дороге, как-то ночью захотелось мне уединиться, — взгрустнулось ли мне, или еще что, я уже не помню. Пошел я в прихожую вагона, если так можно выразиться, я разумею ту маленькую комнатку, которых обыкновенно бывает в каждом вагоне две — спереди и сзади. В них бывает по 4 двери: одна ведет в вагон, другая на площадку в следующий вагон, а две направо и налево для выхода пассажиров. Вышел я и облокотился на одну дверь и думаю: «Слава Тебе, Господи. Еду я опять в дорогу Оптину». И захотелось мне пойти к противоположной боковой двери; иду, и вдруг словно силой какой меня оттолкнуло. Остановился я посредине и, взглядевшись, увидел, что дверь отодвинута вбок (там двери такого устройства), чего я не заметил в темноте, а хотел облокотиться на нее. И что было бы!.. Господь спас...»

Обратило на себя мое внимание еще следующее обстоятельство. Епископ Трифон сказал, чтобы мы приходили в Богоявленский монастырь к вечерне с мамой и о. Петром Сахаровым. Это было в воскресенье о блудном сыне. И мы пришли. Епископ Трифон говорил очень хорошо проповедь на эту тему. После вечерни мы отправились к нему. Входим мы все четверо, и в это время входит о. Гавриил, как бы встречает нас. «Вот, вам как раз послан Ангел Гавриил, — сказал Владыка полусмущенно-полусерьезно, — с ним вы и поезжайте».

В это воскресенье была решена окончательно наша поездка в Оптину. Меня, как блудного сына, как бы уже приняла Оптина в свои объятия. Это все не простая случайность, нет, это все имеет великий смысл.

Удивительно то, что я, до тех пор не желавший подчинить свою волю и разумение кому бы то ни было, в деле обретения Оптиной и водворения в Скиту даже как бы совершенно не участвовал своей волей: все делалось по указанию и благословению духовных лиц.

25 февраля, среда

Сегодня в первый раз за всю зиму и лето Батюшка собрался погулять по лесу. Батюшка, пригласив меня, пошел вместе со мной под руку по дороге, ведущей на нашу скитскую дачу. Дойдя до луга, с которого видны Прыски и Кашкинская усадьба, мы поворотили и пошли обратно, только другой дорогой по опушке леса. Наш разговор не буду записывать, только запишу одно.

На обратной дороге я напомнил Батюшке, что сегодня, то есть 25-го февраля, я первый раз увидел его, Батюшку, и Скит, добавил я потом. Батюшка спросил: «Как же? Вы забыли. Вы, действительно, увидели меня 25-го числа в воскресенье на беседе в монастыре, а были у меня уже 26-го числа в понедельник». Я припоминаю и, кажется, Батюшка прав. Помню, что Батюшка еще сказал тогда, то есть в первый раз, на наши слова, что мы были на беседе: «Я не обратил внимания, но теперь, когда Вы сказали, я начинаю припоминать, что Вы стояли недалеко сбоку...»

Таким образом, Батюшку я увидел впервые 25-го февраля 1907 года вечером, а 26-го февраля впервые увидел Скит вместе с

Иванушкой и о. Гавриилом. Если я об этом где-либо еще записал иначе, то, значит, ошибся тогда. Да будут благословенны дни сии!

1 марта, воскресенье

Числа 23—24 я открывал Батюшке блудные и другие помыслы. Батюшка в ответ на это сказал мне:

— Эти помыслы Вам в грех не поставятся, если Вы не услаждались ими...

— Да я, Батюшка, не то, чтобы услаждаюсь, а несколько медлю, не сразу отгоняю, как бы не соображаю, что должно противиться.

— Прогонять помыслы, противиться им могут только святые, а нам от них надо бегством спастись...

— Да, Батюшка, когда очнусь, начинаю творить молитву Иисусову.

— Вот про это-то я и хотел Вам сказать. Раз у Вас своих сил нет бороться с помыслами, то будем призывать Господа Иисуса, и имя Его будет прогонять от нас помыслы. В грех они, как я уже сказал, поставиться не могут. Например, разве Вы виноваты, что, когда отворили дверь келлии, Вас охватил ветер и засыпало снегом? Никакой в этом вины нет. Но если Вы видите, что Вам не под силу идти по такой вьюге, то можно спастись только бегством, именно — захлопнуть дверь. А другой, покрепче, он, пожалуй, и пойдет по этой вьюге. Но нам до таких далеко. Они могут, подобно Давиду, выходить на единоборство²⁶⁷, но не с голыми руками. Заметьте, с чем вышел Давид на Голиафа? С камнем. А что значит камень? *Камень же бе Христос*²⁶⁸. Вдумайтесь-ка в это. Значит, и он не один вышел на борьбу, а с «Камнем».

В этот же вечер Батюшка говорил мне:

«Нам, то есть стоящим на таком посту, несущим такое послушание, нельзя отдыхать. Сегодня я очень плохо почувствовал себя и думаю: надо отдохнуть, лягу. „Брат Никита, — говорю я, — сегодня не будем отпирать женскую половину, в первый раз за три года. А я лягу и до трех часов не будите меня“. Лег, а помысл гово-

²⁶⁷ См.: 1 Цар. 17, 40—51.

²⁶⁸ 1 Кор. 10, 4.

рит: а может быть, там пришла какая-нибудь раба Христова со скорбью или другой какой насущной нуждой своей, — как же так? Надо отпереть... Позвал брата Никиту, сказал, чтобы он отпер, а сам встал; вскоре вся слабость прошла. А там, действительно, пришли, которых надо было принять. И вот как Господь подкрепляет в таких случаях...»

Подобные же происшествия Батюшка рассказывал и раньше. Например, Батюшка не мог совершенно читать при огне вследствие страшной рези в глазах. Когда Батюшку посвятили в иеромонаха, он заявил, что при огне служить не может, а о. Архимандрит отвечал, что Бог поможет. И действительно, Батюшке была дана возможность служить при огне. А теперь даже и пишет, и читает, и вообще имеет возможность работать при огне, так как этого требует его положение.

Неоднократно мне приходилось слышать от Батюшки подобное: «Я вчера вечером засиделся до часу, поэтому с трудом к утрени встал».

Вот я из этого и других подобных сему событий вижу, что для исполнения послушания, которое даже превосходит естественные силы, но которое послушник или монах, или вообще человек берет на себя именно за послушание, как от руки Господней, как проявление воли Божией, Господь и силы дает. Батюшка говорил, что указать смиренно на неудобоисполнимость послушания можно, когда оно действительно таково, но настаивать на своем разумении нельзя, а следует взять на себя послушание с упованием на волю Божию и помощь.

4 марта

Сегодня Крестопоклонная среда. Во время часов мы с Батюшкой занимались и пришли в церковь только к вечерне, то есть ко второй половине службы — к вечерне и Литургии Преждеосвященных Даров.

Когда Батюшка стал собираться в церковь, он, одеваясь, сказал мне: «Так оскорблять может только диавол — так злобно, так дерзко, так нагло. Например, сегодня он меня так оскорбил, таких гадостей наговорил, что я едва поднялся. Наговорил, конечно, во сне; наяву, слава Богу, он мне не является. И, знаете, говорит все

с улыбочкой. Вот и отчаянные злодеи, как передают, говорят обыкновенно с улыбочкой; например, Пугачев, Вольтер говорили постоянно с улыбочкой какой-то. Вот и мы подпадаем под его власть и делаем угодное ему: обижаем других, допускаем смех, празднословие и тому подобное. А во всем, конечно, виноват он...»

Мне подобное говорил Батюшка и прежде в такой форме: «Теперь я начинаю познавать, что такое диавольские надругательства и оскорбления, о которых иногда говорится в житиях святых».

Затем, когда Батюшка уже отворял наружную дверь, он мне сказал, что при таких оскорблениях он несколько утешается тем, что, значит, он не совсем во власти врага, по его выражению; что, значит, есть в нем, то есть в Батюшке, что-то неприятное для врага. Какие оскорбления, — Батюшка никогда не говорил сам, а спрашивать об этом я не смею.

8 марта

Сегодня воскресенье, неделя св. Иоанна Лествичника, но ему службу не правили, так как память 40 Севастийских мучеников, иже во езере, приходится на понедельник, а служба правилась им сегодня.

Вчера за бдением я первый раз читал паремии. Итак, пришлось читать паремии святым мученикам.

4-го марта я спросил Батюшку, можно ли молиться своими словами. Батюшка ответил: «Конечно, можно». Припоминая другие бывшие прежде наставления Батюшки относительно молитвы, я вывожу следующее заключение: молитва своими словами преимущественно должна употребляться в келлии; эта молитва — молитва сердца. За службой церковной или какой бы то ни было общественной молитвой своими словами молиться не рекомендуется, а советуется внимательно слушать самую службу. Во время перерывов или вообще молчания за службой творить молитву Иисусову. За самой же службой творить молитву Иисусову должно в случае, если не слышно, что поют или читают.

И в заключение скажу слова Батюшки, сказанные мне однажды: «Духа держитесь: *дух животворит*, письмо убивает»²⁶⁹.

²⁶⁹ См.: 2 Кор. 3, 6.

6-го марта Батюшка сказал как бы вдруг, то есть, насколько помню, не в связи с тем, о чем мы говорили: «Батюшка о. Анатолий знал, что я буду здесь, на его месте, а иногда слегка намекал на это».

14 марта

Однажды Батюшка говорил мне следующее:

«За советом надо обращаться к одному кому-нибудь. То, что я сейчас говорю, чрезвычайно важно, и блаженны те, кто это знает. Бывает так, что придет кто-нибудь в Оптину, например, посоветуется с одним, потом с другим, иногда у трех-четырех побывает. Каждый советует по-своему, и у вопрошающего получается смущение: он не знает, как поступить, чьему совету последовать. А нужно было спросить у того, к кому он первому пришел, и что тот посоветует, принять во внимание, считая это за волю Божию».

Вчера получил посылку из Москвы, между прочим — карточки дедушки, бабушки и папы, и закладки в Псалтирь.

17 марта

Иногда, как например, сегодня, Батюшка рассказывает и говорит многое, что хотелось бы записать, да нет времени и возможности. Иногда даже Батюшка говорит речи, противоречащие друг другу. Так было и сегодня.

Утром, позанимавшись с час, я хотел подать письма для подписи, как это хотел и Батюшка, но вдруг Батюшка взял газету «Братский листок» и начал его просматривать. Я несколько удивился этому. Вероятно, Батюшка это заметил. Просматривая листок, Батюшка прочитал, что в академиях духовных временно данное автономное управление отменяется, как не принесшее ожидаемых благих плодов.

Прочтя это, Батюшка обрадовался и начал говорить: «Вот пройдет время, и Николай Митрофанович будет говорить следующее: „Да, помню, это было давно, я тогда помогал батюшке Варсонофию в письмоводительстве... Теперь у нас который год? — 1929. — Да, значит, это было ровно 20 лет назад, в 1909 году“»²⁷⁰.

²⁷⁰ В апреле 1929 года преп. Никон был переведен из Кеми на Попов остров (Карелия), где работал в лагерной канцелярии, — там он мог вспомнить письмоводительство в Скиту.

Я тороплю Батюшку, подсовываю ему то одно, то другое, а Батюшка взял «Братский листок» и прочел нам об автономии академий духовных, что она уничтожается навсегда, и возрадовался: «Значит, недаром я стал читать листок...» Потом мы стали обедать.

После обеда Батюшка стал ложиться отдыхать. Я был с ним, укрыл его, когда он лег. Когда Батюшка раздевался, он начал говорить:

— Ни у меня, ни у Вас, конечно, нет в мыслях расстаться друг с другом. Но, право, хорошо помереть в такие годы, когда душа Ваша еще не очерствела (то есть в мои 20—21 год), у нас в Скиту; и понесли бы мы Люшеньку, и положили бы его под липками...

— Да, — говорю я, — и мое желание — остаться навеки в Скиту и здесь лечь в могилу. Но только преп. Иоанн Лествичник говорит, что не очистившийся, аще желает смерти, поступает безумно...²⁷¹

— Зачем желать Вам? Право желать этого предоставьте мне. А все это может случиться: у Бога Свои расчеты, кого из нас раньше потребует отсюда, — неизвестно.

Что еще говорил Батюшка, я уже не помню хорошо. Нет свободной минуты, а потому пишу кое-как.

22 марта, Вербное Воскресенье

Пользуясь свободной минуткой, запишу кое-что.

14-го марта Батюшка дал мне две ложки деревянных — одну лично мне, а одну для Иванушки.

В тот же день за обедом Батюшка сказал следующее.

«В Казани был архиепископ Афанасий²⁷². Про него много чудесного рассказывали. Например, когда он только что приехал в Казань, он поспешил в Кафедральный собор. Отслужив обедню, молебен и сказав краткое слово, он начал благословлять народ. В общей массе, в толпе подходит также какая-то барыня. Он благословляет ее, а руку целовать не дает. Она подумала, что он сделал

²⁷¹ См.: *Авва Доротея*. Поучение двенадцатое. «И Евагрий говорил: „Кто не очистился еще от страстей и молится Богу, чтобы скорее умереть, тот подобен человеку, который просит плотника скорее изрубить одр больного“».

²⁷² Архиепископ Афанасий (Соколов, † 1868 г.).

это, спеша окончить благословение. Но все же она опять подошла под благословение, и опять он, благословив, не дал поцеловать руки. Она подходила к нему несколько раз, и повторялось то же. Тогда она говорит ему: „Владыка святой! Неужели я такая грешная, что недостойна поцеловать у Вас руку?“ „Вот еще, — говорит Преосвященный, — у меня ручища, словно у мужика“. Барыня покраснела, поняв, что Преосвященный узнал ее мысли, ибо он сказал то, что она подумала, подходя под благословение.

Было и еще много подобных случаев, доказывающих его прозорливость... Характерная черта некоторых святых — позвать гостей, радушно принять их и угостить, — замечалась и у преосвященного Афанасия. Он любил в праздники позвать к себе гостей. Так и было однажды.

После обедни сразу из церкви с гостями он приходит к себе. Попив чайку и несколько побеседовав с гостями, Преосвященный предложил пообедать. Приказав келейнику подавать обед, он с гостями сел за стол. Подают огромную, прекрасно приготовленную щуку. Посмотрев на нее, Владыка говорит:

— Ее есть нельзя, она проклята.

Все несколько удивленно посмотрели на Преосвященного.

— Она проклята, ее есть нельзя, — повторил Владыка.

Призывает келейника и приказывает убрать ее со стола; тот даже не решается убрать. Тогда Преосвященный велит позвать повара. Тот приходит. Владыка смотрит на него и, замечая завязанный палец, спрашивает его:

— Что у тебя с пальцем?

— Порезал нечаянно, Владыка святой.

— А что ты при этом сказал?

— Простите, Владыка, я сказал: чтоб ты была... нехорошо сказал.

— Ну вот, видишь, теперь ее есть нельзя. Эту бросьте, а другую надо приготовить.

Вот видите, даже проклятие простого человека — повара, так сильно действует...»

— Собственно, Батюшка, — спросил я, — непонятно, как это узнал владыка Афанасий, и почему нельзя после проклятия есть?

— Проклятие повара произвело в рыбе какие-то изменения, которые Преосвященный заметил своими прозорливыми очами. Вследствие этих изменений нельзя стало кушать рыбу. Этим объясняется, почему в миру, в богатых домах, в самых дорогих кушаньях нет того вкуса, который мы ощущаем в наших кислых щах: там делается без молитвы, с руганью и проклятиями, а у нас в монастырях с молитвою и благословением.

Недавно я благословился у Батюшки читать 5-й том Игнатия Брянчанинова. Я даже соскучился о нем.

Числа 12—14 марта Батюшка дал мне прочитать «Ответы епископа Феофана на вопросы инока о молитве Иисусовой и различных деланиях монашеской жизни»²⁷³.

24 марта

Сейчас Господь сподобил меня, грешного, исповедаться. Сегодня читал сутки, и прошлый год в Великий Вторник я читал сутки.

25 марта

Сегодня Господь сподобил приобщиться Святых Христовых Таин вместе со всей скитской братией. Слава Богу! Пришлось всего только два дня готовиться, несколько мало, зато к великому празднику готовились, ибо «Днесь спасения нашего главизна»²⁷⁴.

29 марта, Пасха

Пасха, Господня Пасха! Это уже третья, встречаемая нами в Оптиной Пустыни, и вторая — по скитскому житию. Бывая почти целыми днями у Батюшки, я не мог этот год избежать некоторой сутолоки. Но, несмотря на это, здесь всеми праздник встречается, в общем, духовно. Окончив послушания до 8 часов вечера вчера, я пришел в церковь, как положено, для слушания Деяний св. Апостолов. Здесь вполне могут утишиться суетные помышления под

²⁷³ См.: Святитель Феофан Затворник о молитве Иисусовой, в письмах к схиигумену Герману и схимонаху Агапию. СПб., Спасо-Валаамский мон., 1998. «Вопрошающим иноком» был преп. Герман (Гомзин) Зосимовский.

²⁷⁴ Начало тропаря Благовещению (25 марта /7 апреля).

благоговейное чтение в полумраке перед Плащаницей. Тихо и спокойно я отправился в монастырь, где и встретил радостный и великий Праздник. Тихо и мирно на душе. Слава Богу!

30 марта

Насколько помню, в Великую Пятницу, вообще на Страстной седмице, Батюшка сказал такую истину, засвидетельствованную святыми Отцами: «Если бы желающие поступить в монастырь знали все скорби, присущие иноческой жизни, то никто бы не пошел в монастырь. Господь поэтому нарочно скрывает от них эти скорби. А если бы люди знали блаженство, ожидающее иноков, то весь мир без оглядки побежал бы в монастырь...»

Батюшка захворал, даже не принял братию на благословение. Утром, после обедни (которую служили два иеромонаха и о. Архимандрит, а Батюшка не мог), Батюшка сказал мне: «Сегодня ночью я чуть было не умер». Что за болезнь такая, я не знаю. Говорили, что перемена пищи повлияла на весь организм, в особенности на желудок. Вид Батюшки утром не являл ничего особенного, только медленность движений и раздражительность свидетельствовали о болезни. Помолюсь о Батюшке, да сотворит с ним Господь по милости Своей.

Получил из Москвы два письма: от мамы и сестры²⁷⁵. Поздравляют.

3 апреля

Иванушка отправился в больницу: у него болит нога. По его рассказу мне дело представляется серьезным. Что Бог даст.

Приехал брат Кирилл погостить. Очень тяготится военной службой; собственно, не самой службой, а жизнью в миру среди соблазнов и искушений.

Сегодня минут 10—15 беседовал с Батюшкой. Он как будто поправился, готовится к службе. Замечу только одну мысль: «Где и когда Россия соприкасалась с Францией, там всегда Россия получала вред — и материальный, и духовный. Так и теперешнее состояние России является следствием союза с Францией. Когда он был заключен, то современные подвижники благочестия говорили:

²⁷⁵ В другом варианте: «кумы».

«Великое чудо милосердия Божия будет, если Россия не погибнет, ибо она заключила союз с отверженным родом...»

4 апреля

Ходил в больницу к Иванушке. Он на вид ничего. Спрашивал у фельдшера о нем. Фельдшер о. Пантелеимон²⁷⁶, иеромонах, сказал, что, вероятно, ушиб, а главное — утомление от стояния^[78]. Спросив о болезни, я невольно разговорился с о. Пантелеимоном и проговорил с ним минут 15. Тут же сидел и о. Сергей Мозель^[79]. Отец Пантелеимон говорил об обстоятельствах своего пострижения в мантию и посвящения в иеродиакона, о своих сновидениях и предсказаниях про его настоящее положение его бабушки, схимонахини Евфросинии, а также и об отношениях к нему матери. Все это в высшей степени таинственно и чудно. От чрева матери он был назначен на монашество.

И вспомнил я Батюшкины слова: «Жизнь всякого человека, а в особенности монаха, идет по некоему таинственному плану; все в ней целесообразно и премудро...»

Вечером

Сейчас пришел от Батюшки. Он ко бдению не пошел, правил у себя свое. Отец Кукша, о. Никита и я пели и читали, а Батюшка делал только возгласы да прочел Евангелие. Для меня такое бдение — первое. Завтра Неделя о Фоме, прошла уже и Святая Пасха.

12 апреля

Эти дни я был чрезвычайно занят, почти целые дни был при Батюшке. Сегодня уезжает брат Кирилл, за это время он много помог мне в письменных работах. Спаси его, Господи.

Вчера была память свт. Варсонофия, и Батюшка был именинник. На днях, вчера или третьего дня, Батюшка говорил мне, что

²⁷⁶ Иеродиакон Пантелеимон (Аржаных; 1872—1937). В Оптину поступил в 1901 г., нес послушание при монастырской больнице. В 1906—1907 гг. находился в Почаевской Успенской Лавре. С 1914 г. исполнял обязанности казначея. Был заведующим временным монастырским лазаретом для больных и раненых воинов. Впоследствии игумен. Погиб в лагерях как преподобномученик.

он, будучи мирским, очень любил становиться в соборе в Казани около мощей свт. Варсонофия. Когда у Батюшки начало появляться желание богоугодного жития, он часто обращался в молитве к свт. Варсонофию, как бы представляя на его решение, какой путь жизни избрать ему. И угодник Божий не оставил втуне молитв к нему с верою прибегающего и указал Батюшке иноческий путь, и даже сподобил его принятия при пострижении своего имени.

И первым шагом к сему, быть может, было то, что Батюшка рассказал мне 14-го марта перед бдением.

«В Казани, — говорил Батюшка, — когда была поставлена в первый раз на сцене опера „Гугеноты“, я был в театре с некоторыми моими хорошими знакомыми в ложе. Я очень любил оперу. Внезапно в театре напала на меня тоска, а в душе как будто кто-то говорил: „Ты пришел в театр и сидишь здесь; а если ты сейчас умрешь, что тогда? Господь сказал: *В чем застану, в том и сужу*²⁷⁷... Уйди скорее из театра... С чем и как предстанет душа твоя Богу, если ты сейчас умрешь?!“ Мне стало страшно. Я вполне согласился с этим внутренним голосом и думаю: надо уйти. Тогда начинает говорить другой голос: „А что скажут твои знакомые? Да стоит ли обращать внимание на всякий пустяк!“ Опять первый голос: „Иди, иди скорее, твои знакомые сейчас и не заметят, забыли о тебе, а потом можешь что угодно сказать им на их вопросы...“ Началась борьба, первый голос взял верх, и я решил уйти. Потихоньку поднялся я со стула, едва слышными шагами добрался до двери, скорее закрыл ее за собою и быстро пошел к выходу. С лестницы почти сбежал. Быстро надел пальто, выбежал на улицу, крикнул извозчика и полетел домой. Только тогда, когда я уже вошел в свой уютный номерок, я свободно мог перевести дыхание. Здесь я решил уже никогда не ходить в театр — и действительно не ходил.

Потом об этом, как и обо всем, с течением времени я позабыл. Затем прошли годы, я снова вспомнил об этом и захотелось мне узнать, какое число было тогда, чья была тогда память. Я справился и узнал, что тогда было 4 октября, память святителей Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев...

²⁷⁷ См.: Иез. 33, 12—19.

Господи, да ведь это меня свт. Варсонофий вывел из театра! Теперь я думаю: какой глубокий смысл в событиях нашей жизни, как она располагается по какому-то особенному таинственному плану!»

Тогда вспомнил и я несколько похожее на это происшествие в моей жизни. Но я был побежден, а князь мира сего одержал победу. Я шел в театр, а голос говорит мне: «Не ходи. Что будет, если ты умрешь в театре?» — «Как же ты не пойдешь, — говорит другой голос, — что скажут дома?» — «Ну, хорошо, ты боишься, что скажут, если ты воротишься. А вот видишь, сколько часовен, зайди в одну, другую, помолись, а там время и прошло». — «Ну, вот еще! А что ты ответишь, если спросят, кто пел, и тому подобное?» И я был побежден, хотя ощутил некоторую тоску, и больше решил тоже не ходить в театр. И это действительно было в последний раз, как я был в театре.

Вспомнилось мне и то, как я жил перед отъездом в Оптину в первый раз, то есть когда коснулась меня благодать Господня. Когда я учился в гимназии, я не мог пропускать классы и аккуратно посещал гимназию, хотя под конец и мало занимался дома. Также и в университет я ходил аккуратно, хотя дома совсем не учился. В университете я успел проучиться немногим более полугода. Я был на одном курсе и факультете с братом Сережей. Как он, так и я посещали университет аккуратно. Так продолжалось до Рождества.

После Рождества мои мысли и стремления к богоугождению начали несколько формулироваться, и я стал посещать университет хотя и ежедневно, но с некоторой целью. Именно: под предлогом занятий в университете я уходил утром из дома. Приходил в университет и был там до 9 часов, а с 9 часов отправлялся в Казанский собор к обедне, предварительно заходя по дороге к Иверской, если там народу бывало не очень много. Отслушав Литургию, стоя иногда даже всю Литургию на коленях, я не спеша отправлялся домой и заходил по дороге в часовню Спасителя^[80] и, помолвившись там, уже без задержек направлялся домой. Дома я, напившись чаю, садился читать Евангелие, которое и читал более месяца или месяц. Когда Евангелие было прочитано, я начал читать Апостол и «Путь ко спасению» епископа Феофана; читал иногда листочки и брошюрки духовного содержания.

Вечером я начинал писать дневник, потом немного молился и ложился спать. Так проходил день, за ним другой. Я все более и

более чувствовал необходимость переменить жизнь, начать жизнь иную и молился об этом, конечно, своими словами. Господь услышал мою грешную молитву и непостижимыми судьбами направил меня в Оптину на иноческий путь.

Заходя к Иверской, я там почти не молился вследствие великой толкотни, а, только приложившись к иконе, быстро уходил в Казанский собор. Тут я становился, если была обедня, в сторонке на левой стороне храма, становился на колени и молился, главным образом, Спасителю, приложившись к Его святой иконе. Я молился и прикладывался к мощам св. апостола Варнавы. Затем молился перед Казанской иконой Божией Матери; перед иконой Божией Матери «Млекопитательницы». В часовне Спасителя я молился, во-первых, Господу Иисусу, затем — Божией Матери и свт. Николаю Чудотворцу. Дома думают, что я в университете, а я в Казанском соборе, ибо я никому из домашних ничего не говорил, только был откровенен с Иванушкой, когда Господь меня свел с ним ^[81].

18 апреля

Начинает теплеть, снег почти весь стаял. Сегодня, да и последние дни, были совсем теплые.

Вчера вечером Батюшка говорил сначала о своем первом и последнем свидании с о. Иоанном Кронштадтским в Москве, в Вознесенском монастыре. Потом говорили мы о моем дедушке, о революции 1905 г. в Москве. Наша беседа кончилась приходом братии на благословение.

Между прочим Батюшка начал говорить следующее:

— Вот гляжу я на Вас и думаю: передо мной молодой инок, благодуществующий, живущий со всеми в мире... Живет в Скиту Оптиной Пустыни, под покровом Божией благодати. А могло ведь быть, что он во время революции был бы увлечен общим течением, потерял бы веру в Бога, отчаялся во всем в жизни, пошел бы на баррикады и пал бы с раздробленным черепом... и сошел на дно ада. Могло бы это быть? Что Вы скажете?

— Могло бы, Батюшка. Ведь я был даже несколько раз на сходках, хотя и чувствовал некоторую скуку и пустоту на них, и не мог вполне разделять «красных идей».

— Да, конечно, могло, могло быть.

Батюшка говорил, что отвлечены мы были от стремнины гибели молитвами дедушки.

21 апреля

Сейчас, когда я занимался у Батюшки, к нему пришел привратник о. Алексей²⁷⁸ и принес переданную ему монашенкой схиму, завернутую в белый платок.

Когда о. Алексей ушел, Батюшка, подойдя ко мне (ибо я писал), сказал: «У меня было желание принять перед смертью святую схиму; об этом я, конечно, никому не говорил, за исключением о. Архимандрита. А желание тайной схимы у меня есть, теперь оно неисполнимо вследствие моего положения, — при этом Батюшка показал рукой на письма, бумаги, счета и т. п., что в изобилии иногда лежат на письменном столе. — Но надеюсь, — продолжал Батюшка, — что, быть может, исполнит Господь мое желание, а может быть, так и придется умереть на часах. Повторяю, я об этом никому не говорил, — и вот получаю схиму. Я смотрю на нее как на предзнаменование моей скорой кончины. И вообще, я думаю, что недолго мне осталось быть с Вами. При Вас принесли схиму, но вопрос еще, при Вас ли наденут ее на меня...»

А утром Батюшка говорил мне о бедственном душевном состоянии евреев — какая ненависть у них ко Христу. Один знакомый Батюшкин, бывший еврейский раввин, говорил ему: «Поверьте мне, я уж хорошо знаю, многим из евреев перед смертью является Христос, делая как бы последнее увещание для обращения к истинной вере. Это бывает заметно для окружающих особенно потому, что умирающий еврей начинает усиливаться, чтобы сотворить крестное знамение. Тогда окружающие его берут скорее подушку и накладывают ее умирающему на лицо, и задушивают его».

«Да, — продолжал Батюшка, — несчастнее этого народа нет... Многие из святых Отцов толкуют, что *мерзость запустения, реченная пророком Даниилом, стоящая на месте святе*²⁷⁹, есть храм ев-

²⁷⁸ Впоследствии монах Гермоген.

²⁷⁹ См.: Мф. 24, 15—36.

рейский, построенный на Гробе Спасителя²⁸⁰. В этом храме, который будет построен при пришествии антихриста, сядет на престоле сам антихрист. Тогда исполнится пророчество Даниила пророка...²⁸¹

Вот я смотрю на вас, зеленую молодежь, и думаю, что уже не доживу до страшных дней, а вы доживете. Помяните мое слово, что увидите Вы „день лют“. И опять повторяю, что бояться Вам нечего, покроет Вас благодать Божия. Поэтому упражняйтесь в исполнении заповедей Божиих».

Что дальше говорил Батюшка, я уже не помню; быть может, и ничего не говорил, ибо наш разговор прервал о. Иоанн, пономарь.

25 апреля

22-го апреля Батюшка мне сказал, что исполнилось ровно три года, как он вступил в управление Скитом. Память преп. Виталия.

Сегодня Батюшка рассказал мне, что в 1879 г.²⁸², когда нигилисты подожгли г. Оренбург и выгорело семь восьмых его, мать Батюшки со своей сестрой и с ним, тогда еще Павлом Ивановичем, со всем домом и имуществом были чудесно спасены от пожара.

«Для пожара был выбран ветреный день, — говорил Батюшка, — ветер быстро разнес пламя по большей части города. Это прямо-[таки] адское пламя уже надвигалось на наш дом. Тогда мы положили на повозку свои пожитки и выехали за город, а незастрахованный свой дом оставили на волю Божию. Была ночь. Мы укрылись за уцелевшую часть вала, построенного во время Пугачева, и даже ранее. Что делать? Старушка мать встала на молитву: „Господи, спаси нас!“ И я встал и говорю: „Матерь Божия, спаси нас!“ И вдруг ветер переменял направление, пламя полетело в другую сторону, обратило в прах и пепел жидовскую синагогу и все их дома. А наша часть города уцелела...

²⁸⁰ По обстоятельствам современности и согласно предречениям святых Отцов, храм, где восседает антихрист, будет на горе Мориа, — так называемый «третий храм», а не на месте Святого Гроба Господня. «Место свято» — весь Иерусалим.

²⁸¹ См.: Дан. Гл. 11—12.

²⁸² В одном из вариантов: в 1870 г.

Прошло 2—3 месяца, разговор о пожаре не умолкает в городе. Сижу однажды я среди моих знакомых, в гостях. Разговор коснулся пожара. И вдруг некто Силин говорит: „Вы спрашиваете, почему уцелела эта часть города? Да вот почему: живет монахом, да еще, быть может, и в монастырь поступит. Вот ради него и спас Господь эту часть города“. Я тогда еще не думал о монашестве, и поэтому только улыбнулся на слова этого человека, но потом не раз вспоминал их. Он сказал истину про меня... Видите, как дорого Господу монашество!»

26 апреля

В прошлое воскресенье, 19 апреля, была прекрасная погода: днем было светло и грело солнышко, ночью взошла почти полная луна и с безоблачного неба светила на землю. Одним словом, была ясная весенняя погода. А сегодня снова выпал снег, небо покрыто тучами, погода более походит на осень, а не на весну.

Так вот, в прошлое воскресенье, подвижный ясной лунной ночью, я вышел походить по Скиту в 10-м часу вечера. Недолго думая, я отправился в любимое мое место, за сажалку. Минут пять посидев на диванчике, я начал потихоньку ходить по аллейке и дорожке, смежной с пасекой. Ходя, я старался творить молитву Иисусову. Я заметил, что мысли мои почти не развлекались в продолжение всего часового хождения моего, и молитву мне было легко творить.

В понедельник я по обычаю пришел к Батюшке и между прочим сказал о своем хождении за сажалкой. Батюшка переспросил меня:

— Где Вы ходили?

— За сажалкой, — отвечал я.

— Нет, за сажалкой я не благословляю ходить ночью и одному. Батюшка о. Амвросий и батюшка о. Анатолий не благословляли...

— Почему? — спросил я.

— Потому, что там бывают бесовские страхования ночью. А днем можно и одному... Хорошо, что мне сказали об этом.

Однажды Батюшка сказал мне: «Если бы я не был начальником и старцем, то я читал бы только жития святых и другие святоотеческие книги». И еще: «Вся эта переписка, все эти письма

нужны для обители. Сам я лично писал бы только одним епископам, ибо нуждаюсь в их молитвах и благословении».

30 апреля

Я помню, еще зимой Батюшка сказал мне: «В человеке заключаются три части: тело, душа и дух. Это видно из слов Богоматери, сказанных Ею на приветствие праведной Елизаветы: *Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем*²⁸³. Здесь очень ясно видно разделение: одно — дух, а другое — душа; что тело и душа суть две различные части — это очевидно. И заметьте эту последовательность: начинает хвалить Господа душа, и от этого приходит в веселие и начинает радоваться дух. Это относится ко всякому человеку, когда он молится или прославляет Бога. Молитва начинается при посредстве сил души, и ум прислушивается к словам молитвы. Затем смысл молитвы как бы затронет дух человека, дойдет до него, и дух, возбужденный Божественною силою молитвы, возрадуется...»

Я постарался сейчас припомнить то, что говорил тогда Батюшка, но не знаю, верно ли я передал это.

2 мая

Вчера, то есть 1-го мая, запел первый соловей^[82]. И сегодня утром пел. Когда я шел от утрени, птички так пели, что мне невольно радостно стало. Так дружно, так весело они пели... воистину, они славили Бога.

Ходил вчера на крестный ход.

6 мая

Сегодня уже отдание Пасхи. Батюшка пошел служить в монастырь за о. Архимандрита, ибо он что-то устал.

Вчера Батюшка говорил мне о том, какая борьба была у него в душе, когда его послали на войну в Муллин. Когда Батюшке объявили о назначении его на восток на войну, Батюшка почувствовал всю трудность исполнения сего послушания²⁸⁴, но не отказался, а

²⁸³ Лк. 1, 46—47.

²⁸⁴ В 1904—1905 гг. преп. Варсонофий был послан на Дальний Восток, в Манчжурию, на русско-японскую войну в действующую армию, в Тамбовское

принял его как от руки Господней, хотя оно было плодом недоброжелательства некоторых.

«Здоровье мое было плохое. Как я поеду, думал я, — говорил Батюшка, — куда хилому старику проехать несколько тысяч верст. Вы знаете, что у меня есть болезни, которым удовлетворять в дороге очень трудно, особенно в вагоне при многолюдстве. Я думал, что не доеду... Затем, в уме были другие мысли, а именно: как ты будешь служить один, не зная почти богослужения, когда ты еще так неопытен? Как ты будешь отправлять требы, крестить младенцев, когда ты ни разу не крестил? Как ты будешь отпевать усопших, когда ты ни разу еще не отпевал? Как ты будешь ладить с начальством и врачами, если они будут евреи? — Они будут над тобой издеваться! Как ты сразу из Скита попадешь в многолюдство, да еще в женское общество сестер милосердия? Как они будут смотреть на тебя? ²⁸⁵ Как на твое здоровье повлияет климат, к которому ты не привык? И прочее, и прочее... Но я только отбивался молитвой Иисусовой. Когда я это пересилил, враг переменял свои действия, он начал возбуждать к клеветам на меня едущих со мною. Это было очень тяжело... Так продолжалось до Харбина.

Когда же я был отправлен в Муллин, я избавился от „гонящих мя“, свободно вздохнул и попал словно прямо в рай. Одна природа чего стоит: синие горы, леса, степи с миллионами цветов... Между мною и окружающими установились простые дружественные отношения. Главный врач оказался хохол, и все другие были истинно русские люди и верующие, в том числе, конечно, и сестры милосердия (некоторые из них и сейчас относятся письменно к Батюшке). Хорошо мне там было...»

Батюшка там вел дневник, который хотел дать мне почитать, но или забыл про это, или не нашел его.

Вот я и думаю: несмотря на то, что все слагалось так неблагоприятно для Батюшки, но он, будучи верен добродетели послу-

отделение общества Красного Креста с миссией утешать и приобщать Св. Таин раненых воинов. Госпиталь находился в городе Муллин, иеромонаху Варсонофию было тогда 59—60 лет.

²⁸⁵ Батюшка говорил, что все эти мысли были бесовскими наветами. — [Прим. посл. Николая Беляева.]

шания, получил возмездие. А много скорбей понес Батюшка. Враг сильно ополчался, но Божия благодать не оставляла Батюшку.

10 мая

Вчера Батюшка ходил в монастырь, да легко оделся, а было холодно. Еще вчера почувствовал себя не совсем хорошо, а сегодня еще хуже, даже не пошел к обедне и трапезе, а сегодня воскресенье. Еще что-то о. Архимандрит захворал.

Вчера пришлось, хотя и немного, побеседовать с Батюшкой. Не берусь записать всю беседу, а отмечу только некоторые мысли.

«Молитва бывает, — говорил Батюшка, — во-первых — устная; во-вторых — внутренняя сердечная; в-третьих — духовная. Внутреннюю сердечную молитву имеют весьма немногие, а имеющие духовную молитву встречаются еще реже. Духовная молитва несравненно выше внутренней, сердечной. Имеющие ее начинают познавать тайны природы, они смотрят на все с внутренней стороны: на смысл вещей, а не на внешнюю их сторону. Они постоянно бывают охвачены высоким духовным восторгом, умилением, от которых их глаза часто источают слезы. Их восторг для нас непонятен. Доступный нам восторг самых великих художников в сравнении с их духовным восторгом есть ничто, ибо он душевен. А преп. Исаак Сирский говорит еще о четвертом роде молитвы — молитвы, выходящей за предел нашего сознания...²⁸⁶ Что это за молитва, я не знаю. Быть может, ее и имел только один Исаак Сирский...

Просвещение научное может быть усваиваемо всеми народами без различия, но нравственное просвещение и чистота свойственны только христианину...

В монастыре достигнуть нравственного совершенства удобнее, чем в миру. Как в миру, так и в монастыре волнуют человека страсти, но в миру с наслаждением предаются страстям — если не на деле, то в слове и мысли, — а в монастыре идет борьба против влечения страстей, за что и получается от Господа награда и нравственное очищение...

²⁸⁶ Четвертый род молитвы — созерцание, или молитва зрительная (помимо прошения, благодарения и хваления). См.: *Исаак Сирин*. Слова подвижнические. Слово 16. О чистой молитве.

Преп. Серафим Саровский говорит: кто в монастыре не творит молитвы Иисусовой, тот — не монах. И страшно подумать, что добавляет: тот — обгорелая головешка... Да, необходимо иметь хоть какую-нибудь молитву, хоть самую маленькую».

Пока более не припоминаю.

14 мая, четверг

Брат Иван, бывший наш сокелейник, а теперь келейник о. Иосифа, на днях захворал, как я полагаю, чахоткой. Батюшке говорили, что ему уже итог подведен, едва ли встанет. Сегодня я у него был. Он мне показался бледным, несколько похудевшим, но не показался умирающим. Он улыбался, говорил твердо, движения были свободны и быстры; говорит, что ему теперь легче. Я помню, мне говорили, что от чахотки помирают в два срока: весной и осенью. Я знал несколько умерших от чахотки, на них это правило сбылось. Вот я и думаю: быть может, у брата Ивана это предсмертное оживление, подобно тому, как догорающая лампада едва заметно теплится и вдруг, вспыхнув, потухает^[83]. Или как бывает перед грозой: тучи заволакивают небо, становится темно; вот уже все небо покрыто тучами, все принимает какой-то мрачный вид. И вдруг солнце пускает свой луч, прорвавшись сквозь тучи, как бы прощаясь с землей, и снова скрывается. Туча становится как-то еще темнее, вся природа замирает, как бы ожидая чего-то ужасного.

Вчера одна молоденькая девушка, служащая в горничных в Калуге, принесла Батюшке подарок: крест медный и бархатные, вышитые серебром воздушы.

«Сердце умиляется, — говорит про нее Батюшка, — эта девушка лет 18-ти, она была у меня в 1905 году. Побывав в Оптиной, она возымела желание когда-либо еще побывать и принести Батюшке подарок. Для этого она решила накопить денег. Получает она теперь на один рубль больше прежнего, а именно — пять рублей в месяц. Целые три года: 1906, 1907 и 1908 — она копила деньги. Наконец, накопила и привела в исполнение свое желание, а именно: съездить в Киев помолиться у Печерских чудотворцев и других Киевских святынь и купить там подарок для батюшки Варсонофия в Оптину. Крест купила за 7 рублей, а воздушы за 10 рублей, — все-

го, значит, 17 рублей; да еще самая поездка в Киев обошлась рублём 20, — выходит 37 рублей; да в Оптиной сколько еще проживет, израсходует. И блаженствует теперь. „Я, — говорит, — теперь спокойна: взяла благословение у Киевских угодников Божиих, сделала подарок Батюшке. Слава Богу!“ Конечно, принята Богом ее жертва».

Вчера вечером ко бдению Батюшка не пошел: сначала мы занимались, а потом беседовали. Записать беседы не имею возможности.

18 мая

Сегодня Духов день. Очень мне понравилось за обедней то, что в двух-трех саженьях от храма на яблоню сел соловей и пел. И как он пел, было слышно в храме. За пением, конечно, не было слышно соловья, но лишь только прерывалось пение, мне становилось слышно свист и чокание соловья. Сколько простоты, сколько самой чистой поэзии!

«Лица людей святой благочестивой жизни имеют на себе отпечаток этой святости. Эти лица имеют ту особенность, что при взгляде на них они как-то поражают и производят сильное впечатление. И даже по прошествии продолжительного времени не забываются; таких людей я видел. Однажды я подумал: не видение ли вижу я, ибо было что-то неземное...» — это мне Батюшка недавно говорил и называл имена тех святителей, но я забыл их.

24 мая

Я недавно просил у Батюшки благословения выписать из Москвы цветочных семян и посеять у себя под окном. Батюшка благословил, сказав, что эта моя мысль самая невинная. Батюшка тоже любит цветы, и прежние старцы любили. Отец Анатолий, кажется, даже сам участвовал в рассаживании цветов.

Я с детства любил цветы. Бывало, сам копал гряды и клумбочки для цветов, сажал, сеял, пересаживал. А иногда даже и воровал цветы у бабушки, за что мне в один прекрасный день и попало.

Мне иногда приходилось заменять келейников у Батюшки, правда, редко и ненадолго. Иногда помогаю Батюшке ложиться от-

дышать после обеда. Батюшка всегда ложится с четками, надев их на руку.

Однажды пришли к Батюшке на благословение только что поступившие и одевшиеся послушники. Я был в соседней комнате и слышал кое-что из наставлений Батюшки. Между прочим Батюшка сказал: «Даже никогда не ложитесь без четок, пусть они непременно будут при вас».

Я одно время спал без четок, потом стал с четками по примеру Батюшки, а теперь я узнал наверное, что нужно ложиться с четками.

Недавно у Батюшки была одна девица, к которой Батюшка относится очень хорошо. Иногда при письменном сообщении с ней Батюшка, желая сделать ей приятное, напишет письмо зелеными чернилами, возьмет какой-нибудь цветочной хорошей бумаги, конвертик и пошлет письмо. Так и теперь, насколько можно было, Батюшка беседовал с ней, исповедовал, оставлял ее еще побыть в Оптиной, но она спешила куда-то и поэтому уехала в Духов день. Перед отъездом она пришла к Батюшке. Батюшка принял ее, очень ласково и хорошо простился с ней. Вдруг вскоре после ее ухода приходит с гостиницы мальчик и приносит письмо от этой девицы. Батюшка читает письмо и не может понять, ради чего она написала подобное письмо. Ей показалось, что Батюшка очень холодно, даже с ненавистью простился с ней, она очень расстроилась, и наконец решилась написать Батюшке, пока не уехала, прося объяснить причину этой ненависти. Батюшка тотчас написал ей утешительное письмо, а мне сказал: «Вот видите, что диавол делает! Он может беседующим или встретившимся тому и другому представить лица совершенно иными, непохожими на действительность. Это нужно нам и всем всегда помнить, ибо враг пользуется этим для того, чтобы поселить между людьми, часто братьями и друзьями, ссору, раздор, ненависть».

Как-то мы беседовали об адских муках, и Батюшка сказал, что подобие адских мук существует на земле. Епископ Игнатий (Брянчанинов) в 5-м томе говорит, что адские муки ужасны тем, что нет смерти, нет уничтожения: например, адский червь точит тело грешника, но как он сам не увеличивается, так и тело грешни-

ка не уничтожается. «Возьмите зубную боль — она есть адская боль. Зуб страшно болит, но он все время цел и от боли не уничтожается, в нем не происходит перемены...»

14-го января я беседовал с Батюшкой, эта беседа записана ²⁸⁷. Как-то, читая эту мою запись, я вспомнил Батюшкины слова о силе старчества, которые у меня там не записаны. Вот их-то я и думаю записать.

«И заметьте, — говорил Батюшка, — какую силу имело тогда старчество. Никто не мог, даже Патриарх, снять с Иоанна ²⁸⁸ эти послушания. Только тогда снял старец с Иоанна оба послушания, когда это приказала ему Мать Божия, ибо Она-то, конечно, выше всякого старца. Видите, какое уважение все питали к воле старца. Даже высшие духовные и церковные власти не дерзали отменить приказания и запрещения старца».

25 мая

Сегодня я с Батюшкой, стоя у стола, делал подсчет деньгам. Подсчитав деньги, Батюшка хотел уходить из кабинета наружу, но так как он был в бархатной скуфье, в которой он наружу не выходит, Батюшка снял ее с себя и вдруг надел ее на меня и улыбнулся, сказав: «Матушка моя, какой Вы хорошенький!» Я тоже улыбнулся, снял ее с себя и стал снимать с Батюшки полумантию. И Батюшка сказал опять: «Желаю Вам (или: «Дай Бог Вам») быть схимником...» Я, кажется, на это ничего не ответил, и мы пошли из корпуса.

26 мая

Дня два-три назад Батюшка сказал мне:

«Все несут свой крест, и Вы несете свой крестик, хоть и одним пальчиком, а все-таки несете. Несение креста необходимо потребно для спасения всякому христианину, а не только монаху. Да, все несут крест и несли, даже вочеловечивыйся Бог нес Крест, и Его Крест был самый тяжелый, как заключавший в себе все кресты всех людей. И заметьте: Бог несет Крест, а человек помогает

²⁸⁷ См. Дневник от 16 января 1909 г.

²⁸⁸ Преп. Иоанна Дамаскина.

(Симон Киринейский)²⁸⁹ тем, что берет от Него Крест и сам несет его. Значит, и мы, неся свои кресты, помогаем Господу в несении Креста, то есть готовимся быть Его слугами на небесах в лике бесплотных духов. Какое высокое назначение!»

27 мая

Вчера приехала мама и Цветковы. Коля поправился немного.

А также вчера Батюшка уехал на дачу для уединенных занятий по делам. Поехал на дачу с Батюшкой и я; но я сегодня уже вернулся, еще утром, а Батюшка остался еще дня на два. Когда мы вчера сидели, отдыхая после дороги, Батюшка сказал: «Теперь я понимаю, почему наши старцы так стремились сюда на дачу для кратковременного отдыха...» Затем Батюшка говорил о том, что его не покидает мысль о «милом уединении», но что оно теперь для него крайне затруднительно.

Мне на даче тоже понравилось. Это я впервые увидел нашу дачу.

31 мая

Сегодня хотят уезжать мама и Цветковы. Мама готовилась и исповедовалась у Батюшки. После исповеди мамы, вечером на благословении Батюшка сказал мне: «Я всегда был расположен к Верре Лаврентьевне, а в особенности теперь, после этой исповеди: *се воистину израильтянин, в ней же льсти нет*²⁹⁰. Да, Вы должны благодарить Бога, что у Вас такая мать».

Когда мы были на даче, я ночевал в одной комнате с Батюшкой. Обыкновенно я ночью не просыпаюсь и сплю очень крепко. Но там я проснулся среди ночи и увидел, что Батюшка зачем-то встал с дивана, на котором он с вечера лег, и стоял, не одеваясь. Смотреть, что делает Батюшка, я счел неудобным, а потому повернулся к стене и быстро заснул.

Когда Батюшка приехал вечером, он мне сказал: «Какой страшный сон видел я в ту ночь, когда мы вместе с Вами ночевали на даче, я даже встал и помолился...» Я сказал Батюшке, что за-

²⁸⁹ См.: Мф. 27, 32; Мк. 15, 21.

²⁹⁰ Ср.: Ин. 1, 47.

метил, как он проснулся среди ночи. Тогда Батюшка рассказал мне это сон и прибавил: «Да, теперь я знаю, как врагу ненавистен наш Скит...» Этот сон я записывать не буду, ибо Батюшка, рассказав его, счел нужным предупредить меня, что об этом я не должен говорить кому бы то ни было.

Давно я пометил у себя о Батюшкиной беседе, бывшей 15 марта сего года; много Батюшка говорил, поэтому записать эту беседу мудрено. Говорил Батюшка и о страшной силе гипнотизма. Воистину, это страшная сила. Обыкновенно этой силой пользуются колдуны, чародеи и другие злые люди для совершения зла. Например, приказывают человеку убить себя, и он убивает. Почти единственной, если не единственной, силой против него является Иисусова молитва.

6 июня

Многое нужно было бы написать, да не знаю, удастся ли.

Когда Батюшка говорит о молитве Иисусовой, я всегда чувствую некоторое воодушевление и интерес. Так было на днях.

«Был в Петербурге митрополит Гавриил²⁹¹. Жил он очень хорошо. Он много читал об Иисусовой молитве и сам несколько занимался ею, но, несмотря на это, все у него были какие-то недоумения и сомнения относительно молитвенного подвига. Тогда он задает своим близким вопрос:

— Кто может разрешить все мои сомнения и указать на главное условие успеха в молитве? — Ему отвечают:

— Владыка святой, позовите монаха о. Клеопу (кажется, так), он Вам, пожалуй, кое-что и скажет.

— Едва ли, — говорит Владыка, — ведь он необразованный. Верую, что он хорошей жизни, но мне нужно не то... Ну все-таки пусть придет.

Позвали к нему о. Клеопу. Владыка приказал привести его к себе.

— Ты кто будешь?

— Грешный Клеопа.

²⁹¹ См.: Вопреки веку Просвещения. Жизнеописание и творения высокопреосвященного Гавриила (Петрова). М., «Паломник», 2000.

— Садись.

Тот молча садится. „Да! Это, должно быть, действительно монах“, — подумал Высокопреосвященный.

— Я тебя позвал для того, чтобы спросить тебя, в чем заключается главное условие успеха в молитве. Можешь ты мне на это дать ответ?

— Успех в молитве достигается терпеливым пребыванием в молитвенном подвиге. Враг всячески старается оторвать подвижника от молитвы Иисусовой. С этой целью он борет и слева и справа. То внушает мысли, что не стоит тебе трудиться, ибо все равно ничего не достигнешь, смотри, сколько времени ты трудишься, и еще ничего не достиг. Или борет с другой стороны, внушая мысли, что ты уже достиг святости, что тебе уже теперь не надо творить молитвы Иисусовой, что это для тебя совершенно лишнее. Такие и подобные им помыслы будут бороться подвижника с целью сбить его с молитвенного пути, но он должен терпением побеждать их, то есть терпеливо продолжать начатый подвиг молитвы и не прекращать его ни в каком случае. — Это о. Клеопа сказал, зная хорошо эту борьбу из личного опыта.

Услышав от о. Клеопы такие мудрые слова, Владыка обнял его, поцеловал и сказал:

— Ты в одну минуту разрешил все мои недоумения и вопросы!

Вот что значит опытное знание. Итак, главное в молитвенном подвиге — терпение».

Вчера, то есть 5 июня, Батюшка решил дать себе небольшой отдых от суеты, почему и не занимался обычным делом, а стал читать разные книжечки, из которых одна содержала в себе описание гонений на христиан первых веков.

Прочтя вслух про гонения Диоклетиана²⁹², Батюшка сказал:

— Все эти гонения и мучения повторяются, очень может быть... Теперь все это возможно...

Затем Батюшка стал читать про себя, но вскоре отвлек меня от занятия и, указывая на картинку в книге, сказал:

— Что это? — Я прочел:

²⁹² Римский император (284—305 гг.).

— Развалины Колизея.

— Да, заметьте, Колизей разрушен, но не уничтожен. Колизей, Вы помните, это театр, где язычники любовались на мучения христиан, где лилась рекою кровь христиан-мучеников. Ад тоже разрушен, но не уничтожен, и придет время, когда он даст себя знать. Так и Колизей, быть может, скоро опять загремит, его возобновят, поправят. Попомните это мое слово. Вы доживете до этих времен... Тогда Вы скажете: «Да, помню, все это мне говорил батюшка Варсонофий; сколько тому уже прошло лет... да вот уже 40 лет».

Кажется, Батюшка даже говорил, что все монастыри будут разрушены, а все министры и имеющие власть христиане будут свергнуты, и что это время не за горами.

7 июня

1-го июня часов в 6—7 вечера Батюшка позвонил, на его звон вошел к нему я.

«Да, вот Вас-то мне и нужно, — сказал Батюшка, — я давно хотел Вам это сказать...» Это произошло так неожиданно, что я почему-то подумал, что Батюшка хочет мне сделать какое-либо замечание относительно какой-то моей погрешности. Но Батюшка начал говорить совсем о другом:

«Приходят ко мне для совета, а мне возмещается спросить:

— Не грешна ли ты в том или в том? — Она отвечает:

— Да, грешна.

— И не исповедовала этот грех?

— Нет.

— А у нас в Оптиной исповедовалась?

— Да.

— И не сказала?

— Нет.

— Надо исповедать обязательно; это ничего, что ты была уже на исповеди.

И вдруг побледнеет: „Ах! Ах!“ — и падает без чувств. Ее выведут из моленной, посадят или за Скитом на лавочке, или в первой комнатке, где нищие. И сидят они иногда целый час, некоторые возвращаются, а некоторые не возвращаются уже более ко мне.

Сегодня вот одна сидела целый час, а когда пришла в себя, я спросил ее, было ли с ней что-либо подобное прежде. Она отвечала: „Никогда ничего подобного не было со мной“. Это, конечно, вражеское. Она таила свой грех, что и нужно диаволу, ибо за этот смертный грех она должна была идти во ад, да еще и самый грех неисповеданный разрушающе действует в человеке. Так что диавол держит в своих руках капитал, да на него еще проценты получает. А исповедью греха все это уничтожается. Поэтому-то диавол и не хотел выпускать из рук своих жертву и старался обмороком помешать исповеди.

Да, а некоторые и не возвращаются, так и уходят. Но я в этом случае утешаюсь примером батюшки о. Макария. Когда его недоброжелатели отводили от него людей, часто даже приехавших издалека, возводя на него клеветы подобные тому, что он в бесовской прелести, он говорил: „Ну что же, значит, им (то есть приехавшим) Господь не благословил“. Да, так вот, моя деточка...»

3-го июня часов в 9 вечера к нам в Оптину приехал наш Калужский преосвященный Вениамин²⁹³. Мы, скитяне, ходили встречать его в монастырь. А 4-го июня Владыка служил Литургию. С Владыкой приехали два архимандрита, оба из Оптинских братий. Одного я не знаю как имя, а другого — отец Лаврентий. Меня позвали в алтарь, надели стихарь и поручили прислуживать за Литургией и молебном о. Лаврентию.

После Литургии и молебна Владыка сказал краткое слово. Постараюсь передать сущность его.

«Мудрые строители вашей обители, — говорил Владыка, — сочли приличным среди других храмов обители поставить и освятить храм во имя Пресвятой Богородицы, в честь и славу Ея Введения во храм. Святая Отроковица, живя во храме, проводила жизнь самую богоугодную. Большую часть времени Она тратила на молитву, на чтение Священного Писания, а остальное время занималась рукоделием. Войдя в храм, Святая Отроковица дала обеты девства, нестяжания и послушания.

²⁹³ Епископ Вениамин (Муратовский). На Калужской кафедре находился с 10.07.1901 по 31.12.1910 г.

Так и все вы, переступившие порог святой обители, дали уже Богу эти обеты. Храните же эти обеты. По всей Руси известна ваша святая обитель по благочестивой жизни своих насельников и великих старцев. К ней народ идет отовсюду за советом и утешением. Дай Бог, чтобы всякий приходящий сюда уходил утешенным и укрепленным духовно. Далеко разносится добрая слава, но не менее далеко идет молва о злых делах. Посему, сохрани вас Господь от всякого неподобного дела, недостойного монашеского чина и звания. Бойтесь соблазнить кого-либо, пришедшего в святую обитель за духовною пользою, *горе имже соблазны приходят*²⁹⁴. По-нуждайте себя жить по-монашески. Ничего не скрывайте от старцев своих, все говорите им, исповедуйте им все свои помыслы ежедневно, если не ежечасно...»

Более сейчас что-то не припоминаю, но, кажется, все главное изложил.

Около часа Владыка приехал в Скит. Был дождь. Мы все встретили его. Владыка прошел в старый храм, затем к французскому графу Дю-Шала²⁹⁵, который помещен Батюшкой в нашем корпусе, насколько помню, числа 2-го июня. Относительно графа скажу потом. От графа Владыка пошел в новый храм, затем к Батюшке, потом к о. Иосифу. От о. Иосифа Владыка прошел к Святым вратам и отправился к о. Архимандриту на обед.

Кстати уж о графе. Его зовут Александр Максимович. Уверовав в истину Православия в далекой Франции, насколько помню, в г. Лионе, он там же и решил перейти в Православие, что и сделал. Ему около 25 лет. Мать простила его, но отец не прощает и, кажется, проклял. Он, приехав в Россию, был у митрополита Антония. Тот указал ему Оптину, и он жил на гостинице несколько месяцев. Он предполагает поступить в Духовную Академию.

4 июня — день Ангела моего отца, как совпало с приездом Владыки.

Вчера я первый раз читал сутки за бдением. Батюшка служит в монастыре.

²⁹⁴ Мф. 18, 7.

²⁹⁵ Или Дю-Шела А. М., впоследствии большевик и член чрезвычайки. См.: Нилус С. А. Жизнеописание. М.: Валаамский м-рь, 1995. С. 278—285.

12 июня

Сегодня день открытия святых мощей благоверной княгини Анны Кашинской.

Я, грешный, сподобился исповедать свои грехи. После исповеди Батюшка сказал мне: «Почаще пускайте Волгу, она все смоем и промоет. А Волга — это смирение, которое очищает всякую греховную скверну».

Затем я вспомнил, что иногда у меня бывают помыслы, осуждающие Батюшку или ропщущие на него. Я сказал это Батюшке.

Батюшка, выслушав, сказал: «А Вы отвечайте на это помыслу: „Это не мое дело, за это старец и отвечает, а не я“. В святоотеческом писании говорится, что старец иногда сам не знает, что и для чего он делает. Часто только через год или два становится ясным, почему сделал такое-то дело старец. Господь внушает старцу сделать и выставляет некоторую причину, но не главную, которая сама собою выйдет наружу, когда дело будет сделано».

13 июня

Сегодня Господь сподобил меня, грешного, принятия Святых Христовых Таин вместе со всею скитскою братиею. Батюшка не приобщался по множеству исповедников и исповедниц. Французский граф приобщался. Ему было очень трудно готовиться, то есть принимать пищу без масла, ибо это для него непривычно.

«Ум, — говорил как-то Батюшка, — есть сила самодвижная, но от нас зависит, что дать ему. Подобно тому, как жернов вертится, и от человека зависит, что под него подсыпать: пшеницы, ржи, или какой-либо ядовитой травы, или семян. И мука выйдет или хорошая, или ядовитая, сообразно тому, что положено. Так вот и ум, — он все переработает, но нужно давать ему только хорошее».

14 июня

Все идут дожди и дожди; и у нас в Скиту и, как слышно, повсеместно молятся о прекращении дождя. Это, кажется, уже третье или четвертое лето сырое и дождливое.

Когда мы ехали с Батюшкой на дачу, я сказал:

— Батюшка, я вот замечал, что чтение книг безбожных и вообще несогласных с моим мирозерцанием хотя и не изменяет

моих взглядов, но все-таки после этих книг остается какой-то осадок.

— Да, — отвечал Батюшка, — святые Отцы и наши старцы советовали читать книги своего направления и чтением еще больше укреплять и развивать свое убеждение...

Батюшка как-то заметил мне, что я говорю неясно, то есть что у меня неясный выговор, особенно когда я спешу. Когда мне Батюшка сказал, я стал это более замечать за собой. Батюшка советовал мне исправлять выговор. Для этого надо выписать на отдельную бумажку те слова, которые я неясно произношу, и одному в келлии стараться произносить их как можно яснее, отчеканивая каждое слово.

«Вот Климент Зедергольм, — говорил Батюшка, — имел прежде очень плохой выговор. Ему отец Амвросий посоветовал обратить на это внимание. Он послушался, и через три года трудов начал говорить очень хорошо, ясно и даже музыкально. Конечно, ему помогла в этом благодать Божия, ибо делал он это за послушание. Так и Вы будете хорошо, ясно говорить, если обратите на это внимание. Первое и главное условие исправления — сознание своего недостатка или немощи».

24 июня

Служил о. Архимандрит с Батюшкой и о. Нектарием. Перед обедом к Батюшке пришел мальчик-реалист лет 11—14. Он оказался внуком о. архимандрита Моисея, то есть сын племянницы о. Моисея.

18-го июня приехали в Оптину мои три брата: Владимир, Сергей и Митрофан. 21-го числа они уехали опять в Москву. Спаси их, Господи. Но я мало нашел в них общего со мной. Я сказал об этом Батюшке.

«Да, — сказал Батюшка, — это метко определяет пословица: „Пути разошлись“. Они мало по наружности изменились. Кажется, мало изменились и во внутреннем своем устройении. Все-таки хорошо, что они приезжали в Оптину: будем надеяться, что это будет им на пользу.

Они снимали Иванушку и меня с братом Никитой у Батюшкиного крылечка. Не знаю, как вышло. Когда изготовят, хотели прислать.

Не упомяну хорошо, когда (вероятно, числа 15—17 июня сего года), мы, то есть Батюшка и я, сидели за обедом, и Батюшка сказал мне:

— Придет время, когда Оптиной будет тяжело; быть может, это и к лучшему. Я говорю про то, когда будет проведена в Шамордино железнодорожная ветка, и весь наплыв посетителей направится туда, а Оптина останется в стороне; будет сделана на вокзале часовня от монастыря.

— Батюшка, — говорю я, — да разве об этом говорят?

— Нет, это в первый раз сказано грешным игуменом Варсонофием послушнику Николаю за трапезой.

Тоже на днях брат Никита почему-то расстроился. А когда он расстроится, то иногда делает то, чего бы и не следовало делать. Я прихожу, здороваюсь с ним, он не отвечает. Я несколько раз спрашивал о чем-то, но ни один раз не удостоился ответа. Потом я сел писать, брат Никита все такой же. Потом Батюшка приходит и видит, что Никитушка все еще сердится и говорит ему:

— Ну, иди ко мне. — Тот молча подходит.

— Ну что ты сердишься? Проси у меня прощения.

Никитушка молча кланяется в ноги.

— Нет, не так надо. Ты скажи: «Простите меня, Батюшка, что я Вас оскорбил». — Тот говорит:

— Простите меня, Батюшка, что я Вас оскорбил.

— Ну вот... Бог тебя простит.

Затем и Батюшка, и Никитушка уходят. Я все пишу. Через 3—4 минуты приходит Никитушка, садится около меня, улыбается, шутит. Одним словом, нет и признаков плохого настроения. Я удивился, как Никитушка сразу изменился, когда попросил прощения. Я сказал об этом Батюшке, на что Батюшка ответил следующее: «Да, это имеет великую силу. Я вижу: за ним бес ходит, ну и призвал его к себе. А как он смирил себя, бес от него и отошел...» Да, приходится мне здесь быть свидетелем таких вещей, о каких я прежде даже и не слышал, не только что [не] видел их.

29 июня

Сегодня день Ангела Батюшки по мирскому имени в честь святого апостола Павла. Батюшка собирается ехать на собор мона-

шествующих в Сергиеву Троицкую Лавру²⁹⁶, поедет сегодня или завтра. Продолжительность собора определена одною неделей, но Батюшка думает, что не менее двух и даже трех недель он будет продолжаться.

Однажды, когда я обедал с Батюшкой, у нас шел разговор о каких-то делах — о письмах ли, или о хозяйстве Скита. Вдруг Батюшка прерывает разговор такими словами: «Уж очень он меня забивает снами...» Я понял, о чем Батюшка сказал, то есть что у Батюшки бывают страшные сны от диавола. «Можно в уныние, в отчаяние придти от таких снов, — продолжал Батюшка, — я только одним и утешаю себя — словами епископа Игнатия. Он говорит, что сначала диавол нападает снами, а потом уже и наяву начинает являться. Ну, я думаю, что этого Господь мне не попустит: где мне это понести? Видеть такие ужасы наяву... Боже, Боже!..»

Снов этих мне Батюшка не рассказывал, но говорил об них не раз. И даже говорил, что эти сны иногда изображают адские муки.

1 июля

Сегодня утром в 4 часа Батюшка уехал с о. Архимандритом в Калугу, оттуда отправятся на съезд в Лавру Троицко-Сергиеву; вероятно, куда-либо еще заедут.

Когда сегодня отошла утренняя, я пошел к Батюшке. Помолившись, Батюшка пошел через Святые врата к подъехавшему тарантасу. Когда Батюшка сел в него, еще раз благословил всех нас троих, то есть о. Никиту, брата Никиту и меня одним крестом, и лошади тронулись.

Мне стало грустно, и я поспешил уйти в келлию. Я расставался с любимым мною и меня любящим человеком, наставником и духовным отцом. Когда Батюшка воротится? И кто мне его заменит? Придя в келлию, я помолился и за Батюшку, и за себя. Не скрою, я заплакал... Это чувство предстоящей разлуки с Батюшкой

²⁹⁶ Съезд проходил в Троице-Сергиевой Лавре 5—18 июля. Председательствовал на нем митрополит Московский Владимир. В качестве участников на съезд были приглашены настоятели монастырей «или, взамен их по своему усмотрению, особенно ревностные и опытные в духовной жизни старцы». Съезд рассматривал важнейшие вопросы монастырской жизни и сделал ряд очень важных и нужных постановлений.

я замечал еще и вчера, и третьего дня; мне все хотелось быть с Батюшкой, беседовать с ним, что-то спросить. Дорогой Батюшка!

Когда Батюшка собирался уезжать, он сказал: «Как я ехал в Манчжурию, так и теперь, верую, что Господь не оставит».

Вчера, то есть 30 июня, Батюшка дал мне полотняный платок (носовой):

— Возьмите от меня на память.

— Спаси Господи, Батюшка, — сказал я.

Батюшка питал ко мне большое доверие, которым я, кажется, не злоупотреблял.

Уезжая, Батюшка говорил мне, чтобы я во время его отсутствия занялся собой. При моем послушании строгая жизнь невозможна, ибо послушание так велико, что на молитвенные правила времени почти не оставалось, несмотря на то, что я после обеда не отдыхаю.

Как-то на днях я каялся Батюшке, что проспал утрени. На это Батюшка мне ответил:

— Укоряйте себя, Бог простит. А вот когда я уеду, Вы уж не просыпайте. Входите в прежние рамки. Займитесь это время собой. Побезмолвствуйте...

— Да как же безмолвствовать, когда надо ходить на покос? — говорю я.

— Ну и что же? У меня на покосе молитва шла как-то еще лучше. Пусть там празднословят, всегда можно несколько удалиться от них, не осуждая их, ведь поле большое. Помню, это были чудные минуты: прекрасный вид на Пустынь, вдали Козельск, этот древний город. Прекрасный воздух... Нет, хорошо!..

Я прежде, то есть прошлый год, ходил с косой, но Батюшка мне благословил теперь ходить с граблями, как он сам в свое время ходил.

— Батюшка, — говорю я, — а ведь если ходить на покос, то не придется справлять своих келейных и даже общих молитвенных правил?

— Да Вы делайте так: вставайте к утрени. Придя от утрени, ложитесь опять, а в 6 часов обычно вставайте, читайте часы, пейте чай и отправляйтесь на покос. Уж пятисотницу, кафизмы и прочее придется оставлять... Просыпание утрени и другие немощи проис-

ходят от недостатка решимости. Надо решить сделать дело во что бы то ни стало, тогда Господь помогает за такую решимость. Вот, например, Вы решили оставить мир, и Господь Вам помог, Вы его оставили. И так — во всяком деле и всегда...

2 июля

14 июня, в воскресенье, на Литургии читалось Евангелие воскресное и пророку Елисею²⁹⁷. Это Евангелие оканчивается словами: Он же (то есть Иисус Христос) *прошед посреде их, идяше*. Когда я вечером пришел к Батюшке на откровение и благословение, то он очень неожиданно для меня спросил:

— Вы помните, какое сегодня читалось Евангелие?

— Простите, Батюшка, забыл.

— Там говорилось, что евреи, разъярившись на Господа, возвели Его на гору, *да быша Его низринули*. Он же *прошед посреде их, идяше*. Что же это значит? По отношению к Господу Иисусу смысл ясен, то есть, что иудеи до того разъярились на Него, что хотели Его сбросить с горы, но Он, пройдя среди них невредимо, пошел далее Своим путем. А по отношению к нам это имеет другой смысл, а именно: разъяренные евреи обозначают страстные помыслы, которые тщатся ввергнуть нас в бездну. Но ум наш проходит сквозь них невредимо и, пройдя, оставляет их сзади себя и идет все вперед и вперед, приближаясь к Горнему Иерусалиму — Царству Небесному. Заметьте, не только проходит сквозь них, но идет и далее...

Георгий, Задонский затворник, пишет про себя, что он, будучи еще в миру, был идеалист, всюду искал красоты. Он и сам был красив. Познакомившись с одной красавицей, он даже сделал ей предложение, на что она, конечно, согласилась. И, кажется, в ту же ночь он видит сон: как будто стоит перед ним красавица, такая красавица, каких он никогда не видел, перед которой та, кому он сделал предложение, — ничто. И он в изумлении говорит: «Кто ты? Как твое имя?» — «Имя мое — Целомудрие»²⁹⁸. И он просыпается. «Так вот она где, красота! Ничего мне не надо!» — и удалился в затвор,

²⁹⁷ Лк. 4, 22–30.

²⁹⁸ Подобное видение двух дивных отроковиц было и свт. Григорию Божеслову в юности.

все презрев... Да, иногда Господь вразумляет при помощи и чувственных образов. Затворник Георгий в миру искал красоты, но искал там, где ее нельзя найти, не понимал он, что надо искать ее совершенно в ином. А Господь этим сном поставил его на путь истины...

5 июля

3-го числа я после обеда отправился на сенокос с граблями, как благословил Батюшка.

Сегодня в Троицко-Сергиевой Лавре торжество. Все представители от больших монастырей должны уже быть там, а может быть, они все и служат. А мы здесь служили после Литургии молебен о здравии Батюшки. Молебен был не для всей братии, а я просил обыкновенный, нас всего было 4 человека. Мне сказали, что сегодня день рождения Батюшки.

7 июля

В 7-м часу вечера пришел с покоса. Немного трудновато приходится иногда. Сегодня, например, пришлось работать и под сильным зноем, и под дождем, и под сильным ветром. Но в общем это хорошо и для здоровья, и для души, когда не впадешь в празднословие или многословие.

15 июля

Вчера получил письмо от Батюшки в ответ на мое к нему письмо, посланное числа 8-го. Сообщает Батюшка, что заседание кончилось. Передает благословение Божие. Спаси, Господи, за его любовь. Вероятно, на днях придет к нам в Скит.

17 июля

Сегодня, в начале 10-го часа дня приехал Батюшка. Дождь помешал покосу, и мы шли с поля на паром, а Батюшка с о. Пантелеимоном, иеродиаконом монастыря, тоже въезжают на паром. О подробностях еще, Бог даст, после.

20 июля

О подробностях собора писать затрудняюсь, по разным причинам. Скажу только то, что все обошлось благополучно и мирно.

Батюшка и о. Архимандрит возвратились здоровыми. Все, слава Богу, хорошо.

24 июля

Вчера Батюшке принесли маленькую икону Божией Матери Псковско-Печерской «Умиление». Я, передавая письма, принесенные с иконой, сказал Батюшке, что лик Богоматери и Спасителя мне понравились, иначе говоря, я высказал свое мнение об этой иконочке.

Тогда Батюшка сказал: «Ну вот, станьте на колени, я Вас ею и благословлю». Я встал на колени и Батюшка меня ею благословил. Это было вчера.

28 июля

26-го числа Батюшка благословил мне с братом Никитой пройтись немного по лесу, причем указал на местечко, называемое «Железенка». Или речка, протекающая по оврагу, называется Железенкой, я хорошо не знаю. Это местечко очень красивое.

«Мне было однажды очень тяжело, — сказал Батюшка, — ибо близилось время моего избавления. Заметьте, так всегда бывает: сильные скорби всегда признак особенной благодати Божией, только надо перетерпеть. Так было и со мной. И вот, в это-то самое время (9 сентября) о. Нектарий предложил мне пройти по лесу. Я согласился, и мы пошли на Железенку. Прекрасный вид этого места так понравился мне, что я даже отдохнул душой, мне просто не хотелось уходить оттуда...»

Мне, конечно, это местечко понравилось, но не так, как Батюшке, ибо Батюшка — высокий художник в душе.

Ремонтируют корпус, в котором мы с Иванушкой полагали начало иноческой жизни. К самому зданию я как бы чувствую некое уважение. На днях я зашел туда. В моей келлии на стене написано: «13 марта — рукоделие». Это значит, что 13-го марта 1908 г. мне в первый раз было дано благословение заниматься каким-либо рукоделием, дабы не впадать в праздность.

Как-то Батюшка говорил мне, что бывает время, когда человек устает и неспособен ни к молитве, ни к письму, ни к чтению, — тогда пусть займется рукоделием, что и исполнял

сам Преосвященный ²⁹⁹ на деле: он имел, кажется, токарный станок.

2 августа

Брат Иван, бывший наш сокелейник, выздоровел, быть может, и не совсем, но все-таки возвратился в Скит.

Недавно Батюшка говорил мне о молитве Иисусовой:

«Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова необходимы, они, так сказать, азбука, слоги. Сочинения епископа Феофана Вышенского суть уже грамматика, они глубже. Их даже преуспевшие читают с некоторым затруднением.

Недавно меня письмом спрашивал один иеромонах о молитве Иисусовой, просил указать книги. Я ему ответил. Но видно, что он хочет познать молитву Иисусову из одного чтения. Это невозможно. Необходимо познавать ее личным опытом, надо приступать к ней самому. Молитва Иисусова — безбрежное море, исчерпать его невозможно. Невозможно всего описать в книгах... Многие начинают, но мало кончают. Поэтому мало имеющих внутреннюю молитву. Это великое делание теперь почти совсем забыто. Никто о нем даже не беседует...

Мы слишком отвлеченно думаем об адских муках, вследствие чего и забываем о них. В миру совершенно забыли о них. Дьявол всем там внушил, что ни его (то есть дьявола), ни адских мук не существует. А святые Отцы учат, что обручение геенны, все равно как и блаженство, начинается еще на земле, то есть грешники еще на земле начинают испытывать адские муки, а праведники — блаженство, только с той разницей, что в будущем веке и то, и другое будет несравненно сильнее».

4 августа

Сегодня Господь сподобил меня принятия Таинства исповеди.

6 августа

Сегодня Господь сподобил меня принятия Святых Христовых Таин.

²⁹⁹ Речь идет о свт. Феофане Затворнике: здесь, видимо, в тексте пропуск.

О. Архимандрит прислал в Скит сказать, чтобы скитяне приходили приобщаться в монастырь, что мы, конечно, и исполнили. Насколько слышно, — это случай небывалый, то есть чтобы скитяне приобщались в монастыре.

9 августа

7-го августа в 8 часов утра в Оптину принесли святую икону Калужской Божией Матери. Было бдение в монастыре, куда ходили и мы, а после бдения с пением тропарей и кондаков Божией Матери мы понесли святую икону в Скит, где она стояла в старом храме всю ночь, а утром вчера, часа в три, Батюшка и другие служащие служили перед иконой молебен с акафистом, после чего ее понесли по келлиям. Вчера же все святую икону проводили до паррома, а служащие с певчими отправились и далее, — до каких пор, не знаю.

16 августа

Вчера ко бдению приехал наш владыка Вениамин, служил бдение. А сегодня утром в 8 часов уехал служить в Козельск, предварительно благословив всю братию и случившихся мирских. Батюшка и о. Архимандрит поехали в Козельск с Владыкой.

26 августа

Мало приходилось писать и редко, времени совершенно нет. На днях Батюшка говорил о том, как опасно уходить из монастыря, и в заключение рассказал следующие два случая. Первый, кажется, современный, то есть бывший, быть может, лет 5—10 назад.

«Один богатый купец имел сына, этот сын поступил в одну из святых обителей, но не ужился в ней и ушел в мир, то есть из царских чертогов — в вонючее болото. Женился и жил с женой и детьми в своем доме. И вскоре после ухода из обители он понял, чего лишился, но уже было поздно. И вот однажды удалось ему как-то достать у какого-то старьевщика старый рваный подрясник послушнический. Принес он подрясник домой и в большие праздники удалялся в самую дальнюю комнату — моленную, надевал этот подрясник и предавался горькому плачу, вспоминая свое житие во святой обители...

А вот еще. Однажды в баню пришел какой-то человек с маленьким сыном. Разделись. Отец сел на лавку, а сын все смотрит ему на спину. Отец тогда спрашивает сына:

— Ты что смотришь мне на спину?

— У тебя на спине, папа, какое-то черное пятно.

Отец понял, что невинному чистому младенцу были открыты глаза, и что это черное пятно ничто иное, как параман, ибо он прежде был монахом...»

Брат Иван, бывший наш сокелейник, уехал куда-то лечиться.

3 сентября

31-го августа Батюшка решил немного походить вечером по Скиту вместе со мной. Батюшка между прочим сказал мне, какую силу имеет слово настоятеля.

«Один духовник узнал про одного иеромонаха некоторое неподобное дело. В недоумении, что делать, духовник отправился к настоятелю и сказал, что один иеромонах (он не назвал имени) имеет такой-то грех. „Что благословите делать?“ Но так как на этого иеромонаха было трудно воздействовать духовнику, а настоятель не знал, кто это такой, то настоятель сказал следующие слова: „Ну, так я предаю его суду Божию“. Духовник поклонился и ушел. Проходит год, и иеромонаха того постигает ужасная смерть. Значит, таков был суд Божий! Целый год Господь терпел. Вот видите, какую страшную силу имеет слово настоятеля!»

Потом, когда мы уже воротились в Батюшкину келлию, я спросил Батюшку, можно ли молиться, чтобы Господь избавил от военной службы или нет? Батюшка отвечал, что нельзя. «Это надо всецело предоставить воле Божией, ибо, прежде всего, это законно. И потом, мы не знаем, будет ли для нас полезно это. Молиться об этом равносильно тому, чтобы молиться об избавлении от послушания. Нет, уж лучше предоставим это воле Божией».

Недавно, когда я провожал Батюшку ко бдению в монастырь, мы по обыкновению зашли на могилки Старцев. Поклонившись Старцам, Батюшка, указывая рукою на памятник, стоящий прямо за главным алтарем Введенского храма, сказал мне:

— Я рассказывал Вам об этом памятнике?

— Нет, — отвечал я.

— Ну, так Вы напомним как-нибудь мне, я Вам расскажу...

Так вот, недавно я и напомнил Батюшке, и он рассказал мне следующее:

«Давно, еще, кажется, при батюшках Льве и Макарии это было. Однажды в Оптину приехала молоденькая девушка, именем Варвара, красавица собой. Ей очень понравилась Оптина. Но все-таки нужно же уезжать, и она поехала со своей матерью из Оптиной. Едут, а по дороге из Козельска несут на кладбище гроб. В гробу лежит молодая девушка. Тогда был обычай, едва ли он теперь сохранился, что девушку на кладбище всегда должны нести тоже девушки. С этой целью, когда умирала девушка, собирали отовсюду девушек, одевали их в белые одежды, украшали цветами, тоже белыми. Они все вместе брали на руки гроб, тоже белый и украшенный белыми цветами, и несли его сами на кладбище. Так вот, такая похоронная процессия и встретила на дороге этой девице Варваре. Она, полная восхищения от этой картины, воскликнула: „Вот счастливая! Вот счастливая!“ Мать удивилась этим восклицаниям и говорит: „Что ты, глупая! Я тебя повезу в Москву и Петербург. Там ты будешь у меня первой красавицей на балах...“ Но дочь не слушает ее, пораженная этой белой похоронной процессией.

Приехали они домой, но чистая девушка почувствовала себя чужой среди блеска и роскоши и захотела опять в Оптину. Наконец, отпросилась и поехала. В Оптиной она поговела, приобщилась и собралась было уже ехать домой. Села в тележку и поехала, но когда стала спускаться к реке Жиздре, лошадь вдруг понеслась — и прямо в Жиздру. И когда выловили девушку, она уже была мертвая.

Собрались на совет старцы: что делать и где хоронить эту девушку, и решили похоронить ее за главным алтарем, дав ей первое место во всей Пустыни за ее великую любовь к Оптиной. Вот такая эта девица Варвара. Видите, как Бог слышит молитву и видит восторг чистой невинной души, не огрубевшей в земных удовольствиях. Она сочла только счастьем, а Господь уже исполнил ее желание...»

5 сентября

Также недавно рассказывал мне Батюшка про о. архимандрита Моисея:

«Однажды мужичок привез в Оптину целый воз яблок для продажи, ибо еще тогда в Оптиной не было яблок, то есть садов. Батюшка о. Моисей вышел к мужичку и спросил:

— Какие это яблоки и какая цена? — Мужичок, думая, что о. Моисей не понимает толку в яблоках, хотел обмануть его, и отвечает:

— Это — «Добрый крестьянин», яблоки — первый сорт.

О. Моисей видит, что это недозрелая антоновка, и говорит:

— Как, как они называются?

— «Добрый крестьянин».

— Да, а этого крестьянина не Антоном ли звали?

Мужик понял, что о. Моисей узнал сорт яблок, и в смущении говорит:

— Простите, батюшка, значит, мне обратно ехать?

— Зачем? Позови-ка мне отца эконома.

Когда тот пришел, о. Моисей приказал ссыпать яблоки в подвал, а мужику дал ту цену, какую он запросил с самого начала».

Однажды говорил Батюшка, что по любимым игрушкам в детстве можно узнать будущий нрав человека. «Это бывает так всегда; конечно, есть отступления от общего правила. Например, гордый, дерзкий человек поступает в монастырь и силою благодати становится кротким, незлобивым. Но общее правило таково. И я лично делал опыты. Однажды взял я трех маленьких детей и повел их в игрушечный магазин. Там я попросил поставить на прилавок игрушек, а детям сказал, что можно выбирать только *одну* игрушку каждому. И каждый ребенок после некоторых колебаний и сомнений выбрал себе игрушку. Первый взял гармонию — это означало, что в нем сидит художник, любитель красоты. Второй взял солдата — это обозначало его будущий художественный сильный характер. Третий взял раскрашенную резиновую лягушку, жабу — это обозначало его низменные наклонности. Выросли эти дети, и на каждом из них оправдалось это правило. А на последнем особенно, ибо он мне за мою любовь к нему отплатил как следует, нечего сказать; и оказалось, что происхождения он еврейского».

6 сентября

Сейчас возвратился от Батюшки. Мы, то есть о. Кукша, о. Никита, брат Никита и я, правили бдение келейное у Батюшки, а сам

Батюшка был как бы за служащего. Я читал сутки и кафизмы. Завтра день кончины старца о. Макария.

8 сентября

6-го числа Батюшка рассказал мне про о. игумена Вениамина Раифской пустыни около Казани, о том, что в отношениях ученика к старцу главное — вера ученика.

«Если спрашивают старца с верой, то Господь по вере спрашивающих и открывает ему Свою волю. Даже мирские священники, по вере обращающихся к ним, открывали им волю Божию. Святые Отцы говорят, что, если с верою спросить младенца, то и через него Бог откроет Свою волю. Под словом „младенец“ здесь надо разуместь духовного младенца, то есть неопытного, а пожалуй, и младенца по возрасту телесному. А если спрашивать с испытующим духом, то Бог внушит и пророку сказать ложь. Я Вам не рассказывал про игумена Вениамина, Раифской пустыни, как он, не имея никого, к кому бы мог обратиться за советом, решил спросить у первого встретившегося ему младенца. У него было давно желание построить колокольню в обители, а средств и благодетелей не было. Тогда он решил: пойду сейчас в ближайшую деревню и у первого младенца спрошу — строить колокольню или не надо. Идет, проходит около версты и видит, что идет женщина с маленькой девочкой. Когда они приблизились к нему, он, благословив их, спрашивает девочку:

— Как тебя зовут? — Та отвечает:

— Мася.

— А сколько тебе лет?

Она сказала, что ей чуть ли не 30 миллионов лет, а мать сказала, что ей около 4-х лет.

— Ну, хорошо, так скажи: строить мне колокольню или нет?

— Стлой (то есть строй)!

— Спаси тебя, Господи, деточка, — сказал о. игумен и возвратился в обитель.

И в этот же день приказал нанимать рабочих, готовить леса, и вообще делал надлежащие распоряжения. На следующий день приходит к нему подрядчик какой-то и говорит:

— Вот, батюшка, явилась у меня мысль пожертвовать вам в обитель заготовленный у меня кирпич, один миллион штук. Толь-

ко смущаюсь я тем, что Вам его некуда будет употребить. — А о. игумен и говорит:

— Спаси Вас, Господи, ведь я начал строить колокольню, и кирпич очень нужен.

— Ну вот, и слава Богу, — говорит подрядчик, — так я вам сегодня же начну перевозить кирпич.

И пошло дело, и выстроил хорошую колокольню. Вот видите, что значит вера!»

Вечером

Сейчас на благословении я остался, по обыкновению, последним. Когда я вошел к Батюшке и сказал, что опоздал немного к обедне, Батюшка почти в изнеможении сел на диван, прижал меня к своей груди и говорил мне утешительные для меня и исполненные любви слова. Передавать их я не буду, пусть они заключатся в недре моем...

20 сентября

Числа 16—17-го (в точности не помню) Батюшка прочел мне 1—2 страницы из своего дневника. В этот же день произошли некоторые события, имеющие связь с тем, что Батюшка прочел мне кое-что из своего дневника. Об этом писать я буду после, аще Бог даст, ибо это имеет великую важность, и без мнения Батюшки я не решаюсь писать об этом.

15-го сентября была чудная лунная ночь. Когда я пришел на благословение к Батюшке, Батюшка говорил мне, что ему хотелось бы походить по Скиту, но что нет на это возможности.

И вспомнил Батюшка те времена, когда в такие чудные ночи он имел возможность походить по Скиту: «Хорошо бывало тогда у меня на душе, отрадно и покойно. Похожу по Скиту и возвращаюсь потом в келлию свою. А в келлии у меня было всегда чистенько, перед иконами сияет лампадка, а из окна смотрит поющая и ликующая ночь, наполняя мою келийку синим светом... Да, бывают в жизни иногда такие минуты, что их никак нельзя передать на словах. Я не могу передать Вам на словах то блаженство, какое я тогда испытывал, необходимо самому его восчувствовать... Вот и теперь такая же поющая и ликующая ночь... Мир Вам! Идите с Богом!»

Я пошел от Батюшки тоже с каким-то тихим, хорошим настроением; быть может, Батюшка передал мне часть своих чувств высоких и святых, насколько можно было передать их на словах и насколько могла их воспринять моя душа. Выйдя от Батюшки, я пошел тихо и остановился на крестце³⁰⁰ перед колокольной, облитой лунным светом. Я залюбовался этой картиной. Дубы и сосны стояли неподвижно, получив от лунного света какую-то особенную красоту. Все молчало, в безмолвии своем поя хвалебную песнь Вседержителю Богу. И я стоял безмолвно и неподвижно, как бы боясь нарушить эту тишину. Наконец, я пошел в келлию и встал на молитвенное правило — пятисотницу.

17-го сентября Батюшка говорил на утрени слово, напоминая нам о том, где мы и зачем сюда пришли. Между прочим Батюшка говорил, что сущность нашего иноческого жития — борьба со страстями, и что нельзя самочинно проходить путь иноческой жизни...

23 сентября

Вечером получил посылку из Москвы, от мамы.

Также вчера я вошел к Батюшке последним на благословение. Батюшка, ни слова не говоря, подвел меня к иконам, сказал, чтобы я встал на колени и сказал: «Есть грехи-дела, есть грехи-помыслы. Так вот, исповедуйте свои помыслы».

Это так было неожиданно для меня, что я забыл все свои помыслы и каялся, называя общие помыслы, например, блудные вообще, тщеславные и другие. Да я и не замечаю у себя особенно настоячивых помыслов, которые бы меня тяготили. Я это сказал Батюшке. Тогда Батюшка опять сказал: «Теперь Вы стоите на исповеди, покайтесь в смехотворстве. Конечно, у Вас такой веселый характер, но нужно сдерживать себя».

Я покался в смехотворстве. Батюшка разрешил мне все, и я пошел в келлию к себе с чувством необходимости исправления своей жизни.

А утром, когда я пришел к Батюшке для занятий, он сказал мне:

— Вы поступили в Скит через святителя Трифона. Это — великое дело. Конечно, в лице его действовал своими молитвами свя-

³⁰⁰ Крестец — здесь: скрещение дорог.

той мученик Трифон. Вы должны ему молиться каждый день. Почему вступился за Вас св. мученик Трифон, я не знаю. Быть может, Вы его какой-нибудь потомок, а святые зорко следят за своим потомством. Ведь Вы знаете, какая благодать дана св. мученику Трифону? Он охраняет от злых духов.

— А вот, Батюшка, я прочел его житие перед первым моим приездом в Оптину. Оно мне понравилось, но то место, где повествуется, что Святой приказал бесу явиться в виде черной собаки, мне тогда не понравилось, ибо я тогда подобному не очень-то верил. Я имел о духах самое отвлеченное и строго невещественное понятие. И вот что я сейчас вспомнил: когда я жил у о. Кирилла на гостинице³⁰¹, еще мирским, в первый мой приезд в Оптину, однажды один из посетителей, где-то запоздавший часов до 9—10, приходит к гостинице и видит, что дверь заперта. Тогда он постучал ко мне в окно и попросил, чтобы я ему отпер. Я пошел отпирать, но не взял с собой огня, а была темная весенняя ночь (Великим постом было дело). Я отворил дверь и жду, когда придет этот постоялец, чтобы запереть дверь опять, и вдруг вижу, что из тьмы как бы отделяется тьма и движется ко мне, и входит на лестницу уже в виде черной собаки средней величины, наклонившей голову немного набок, медленно переступает она лапами по ступеням и идет к двери. Я в страхе захлопываю дверь, — и все исчезает. Через несколько секунд вошел постоялец; я ему, конечно, не сказал ни слова.

— Господи! — сказал Батюшка, — Господи! — И, помолчав, продолжал: — Всегда захлопывайте дверь, когда к Вам будет приходить эта собака. А она будет приходить, она не оставит Вас, еще много раз она придет к Вам...

Тогда же Батюшка рассказал мне следующее...³⁰² Сейчас писать не могу, нет времени.

26 сентября

Сегодня день моего рождения по плоти, мне исполнился 21 год.

³⁰¹ Так называемая «странная гостиница», т. е. для странников и простолюдинов.

³⁰² См. Дневник от 26 и 27 сентября 1909 г.

Вчера Батюшка благословил меня иконой Нерукотворенного Спаса. Эта икона была привезена Батюшкой из Сергиево-Троицкой Лавры с собора в июле месяце, и в день памяти преп. Серафима Саровского, 19 июля, я был ею благословлен Батюшкой. Но возникло сомнение: освящена ли икона, — и было решено освятить ее. Я приобрел киот для нее, и 16 августа отдал ее освятить. Мне сказали, что икона после освящения, по древним уставам, должна стоять в храме 40 дней. Я не знаю, правда ли это, но решил так: пусть стоит. И вот третьего дня, 24-го сентября, исполнилось 40 дней; и мне Иванушка принес ее в келлию^[84] поздно вечером, а вчера, 25-го сентября, в день памяти преп. Сергия, я ее отнес к Батюшке, и он меня снова благословил.

На днях как-то Батюшка благословил меня перед призывом на военную службу навестить родных и вообще съездить в Москву, а кстати, и в Сергиеву Лавру.

Эти дни Батюшка не раз говорил мне о предстоящей разлуке, и сколько любви было в его словах!.. Например, 23-го числа Батюшка сказал: «Многие планы строил я о Вас, но как Богу угодно... Быть может, когда Вы возвратитесь, я уже буду лежать в земле сырой. Тогда уж — как хочет мой преемник!..»

Также еще 24-го числа говорил Батюшка:

— Когда Вы возвратитесь, быть может, я буду жить уже не здесь, а в другой келлии, даже в лесу. Придете и спросите: «Где Батюшка?» Вам скажут: «Вон там-то». Придете Вы к моей келийке, постучите, выйдет мой келейник и скажет вам, что Батюшка никого не принимает. А Вы скажите: «Все-таки доложите обо мне, скажите, что пришел Николай Беляев». — «Доложить доложу, но не примет Вас». Идет он докладывать, и вдруг Вы услышите, что кто-то шаркает ногами о пол, и выходит старичок согнутый и говорит: «Брат Николай, неужели это ты?» — «Я, Батюшка. Да неужели это Вы? Какой Вы стали старенький». — «Ну что, как ты?» — «Да что, весь я разбросался...» — «Ну что же, давай опять собираться, будем мы жить здесь с тобой...» А ведь может это быть? Как Вы думаете?

— Конечно, может быть.

И прижал меня Батюшка к своей груди. Милый Батюшка! Кто сможет заменить мне тебя?!

Сейчас приехал брат Кирилл.

За обедом Батюшка сказал очень краткое слово:

«Считаю долгом напомнить вам, братия и отцы, в этот день, день памяти ап. Иоанна Богослова, о том, что необходимо всякому христианину, а наипаче облеченному в иноческий чин, иметь мир с Богом и с людьми. Св. Иоанн Богослов говорит, что человек не может любить Бога, если не любит своего брата, что такой человек *ложь есть*³⁰³. Поэтому, братия, напоминая вам эти слова св. апостола Иоанна Богослова, я прошу вас не таить злобы в сердце своем на кого-либо, а иметь мир и любовь к ближним».

Это была главная и единственная, кажется, мысль во всем кратком слове.

25-го числа, когда я с Батюшкой трапезовал, у нас началась беседа, и много хорошего было сказано. Батюшка сказал, чтобы я прочел теперь же из «Невидимой брани» о четырех страшных и последних искушениях, бывающих перед смертью: «Надо знать их и готовиться к ним...»

Также 25-го числа утром Батюшка говорил о дневнике старца Зосимы Верховского: хорошо бы мне его прочесть; но Батюшка добавил, что там есть некоторые несообразности (у нас этот дневник в рукописи в библиотеке), и Батюшка, будучи еще послушником, по благословению о. Иосифа хотел снестись с женской Зосимовой пустыней, где хранится подлинник, но по некоторым обстоятельствам ничего из этого не вышло.

Я там начал писать, но не дописал³⁰⁴, быть может, допишу сегодня. Батюшка 16—17 сентября, не помню хорошо, прочел мне немного из своего дневника и сказал: «Я писал тогда каждый день и перечитывал свой дневник так: приходит, положим, 20-е августа или другое число, и я беру все свои дневники и прочитываю то, что думал и чувствовал и делал в это же число и месяц в другие годы. Это великое дело — так следить...»

В этот же день я прочел Слово о. Иоанна Кронштадтского, изданное преосвященным Михеем³⁰⁵. Это небольшая книжечка, лис-

³⁰³ Ср.: 1 Ин. 4, 20.

³⁰⁴ См. Дневник от 20 сентября 1909 г.

³⁰⁵ Духовное чадо св. прав. Иоанна Кронштадтского.

тиков 10—15. И там я прочел такие слова: «Я старался каждый день что-нибудь записать для того, чтобы, перечитывая свои дневники, я мог видеть, иду ли я вперед или иду я назад...» И далее: «Я понял, что без постоянного бодрствования над собой и без непрестанной молитвы я не буду в состоянии отразить всех козней диавольских, и поэтому первое время моей пастырской деятельности прошло в тяжелой борьбе и трудах».

Я заметил это совпадение и хотел поговорить об этом с Батюшкой. И вот 21-го сентября я вошел на благословение после всех, и после покаяния в некоторых моих оплошностях сказал Батюшке:

— Батюшка, вот что я хотел Вам сказать. Помните, Вы прочли мне немного из своего дневника и говорили, что Вы писали каждый день? Так вот, в тот же самый день я прочел у о. Иоанна Кронштадтского, что он тоже писал дневник (и я пересказал все вышесказанное Батюшке). Это совпадение я невольно заметил.

— Да, — сказал Батюшка, — это совершенно верная мысль. Это значит, что к моим словам о. Иоанн приложил царскую печать. Да, это великое дело...

Я почувствовал какое-то чувство, похожее на живой интерес к чему-либо. Быть может, я затронул и Батюшку в его глубоких чувствах и мыслях, ибо Батюшка встал, велел мне позвать брата Никиту, передал ему благословение на сон грядущий и отпустил его, а я остался с Батюшкой один. «Да, — сказал Батюшка, — мне хотелось провести этот день с Вами».

И началась беседа, продолжавшаяся с 9 и почти до 12 часов ночи. Много я рассказал Батюшке про себя, про свою жизнь, и внешнюю, и внутреннюю. Также и Батюшка много рассказал мне.

Говорил Батюшка о том, что вся наша жизнь чудно располагается по некоему таинственному плану, которого мы не замечаем или не понимаем.

«Я даже думаю, — говорил Батюшка, — оттого мы так нерадиво живем и грешим, что не понимаем внутреннего смысла событий нашей жизни. Например, одни и те же святые покровительствуют нам, и в дни их памяти происходит с нами много замечательных событий».

Так, в жизни Батюшки много соединено со свт. Митрофаном, епископом Воронежским, и преп. Макарием Египетским. Например, начало старчества у Батюшки совпало с днем памяти старца о. Макария 7 сентября³⁰⁶. И Батюшка живет и старчается там, где жил и старчествовал о. Макарий. 7-го сентября Батюшка в первый раз открыл дверь для народа по благословению архиерея (мне нет времени все описывать, запишу кратко кое-что, что более запомнилось).

«В 1883 г. 17-го сентября я видел сон, — рассказывал Батюшка, — будто входит ко мне в номер старец и, указывая на часы, говорит:

- Сколько времени? — Я отвечаю, глядя на часы:
- Полчаса седьмого. — Старец опять:
- Сколько времени? — Я:
- Полчаса седьмого. — Старец опять:
- Сколько времени? — Я, даже в некотором раздражении:
- Полчаса седьмого. — Старец:
- Через 3 года в этот день и час ты умрешь...

И я просыпаюсь, подхожу к окну, отдергиваю занавеску, беру стоящие на столе часы и смотрю: они показывают 35 минут седьмого. Я был поражен: вот какие еще сны бывают, соответствуют действительности. И подумал я: надо исправлять свою жизнь. Проходит два года, уже и третий подходит к концу, наступил уже сентябрь месяц. Значит, скоро умру. Поехал я тогда в Раифскую пустынь; приехал туда как раз 13-го сентября, в день Обновления храма Воскресения. Была пятница. 14-го сентября — Воздвижение Креста, а тогда как раз на новую колокольню подымали крест, и подумал я: не мой ли это крест возносится? 15-го числа было воскресенье. Я поготовился, и 17-го числа приобщился Святых Христовых Таин, и не умер. Пришел к себе в номер в гостиницу и думаю: не поступить ли во святую обитель? И начал подыскивать себе место. И в 1891 году 17-го сентября я получил от батюшки о. Амвросия благословение поступать в Скит (смерть для мира). В этот день я получил от него последнее благословение. Смотрите, как все это чудно происходило...»

³⁰⁶ 7/20 сентября день памяти преп. старца Макария Оптинского († 1860 г.).

27 сентября

«Все это предзнаменовало то, что предстояло мне в духовной жизни, — [продолжал Батюшка]. — 13 сентября — Обновление храма; это значило, что мне надо прежде всего обновить храм свой душевный; затем 14 сентября — Воздвижение Креста, то есть что когда храм обновлен, то надо на него воздвигать крест, крест духовной жизни. Это воздвижение бывает и общее, и частное. Оно бывает с каждым человеком, но многие, проживши всю свою жизнь, не заметили ничего подобного. И наконец, 15 сентября было воскресенье, то есть когда на мой душевный храм воздвигнут крест, и душе остается только воскреснуть к духовной жизни.

Смотрите, какая последовательность была в днях тогда, такая же последовательность должна быть на самом деле в духовной жизни человека...»

Затем Батюшка говорил о тех скорбях, которые он переносил, будучи послушником, и на которые он в душе своей отвечал так: «Лучше умру, но не уйду из Скита». К Батюшке был нерасположен скитоначальник о. Иосиф, будучи раздражаем по действию диавола другими. Зная это, я спросил Батюшку:

— Как же Вы относились к о. Иосифу?

— Я относился к нему как к своему начальнику, на все безусловно брал от него благословение: например, выйти из Скита, и прочее. Я только перестал открывать ему помыслы, а стал открывать их о. Венедикту³⁰⁷, и то решился на это не иначе, как с благословения о. Иосифа. Я веровал, что через него, как через поставленного на сие место, действует благодать.

Говорил мне Батюшка, что он приехал совсем в Скит 24-го декабря (день нашего поступления в Скит и перехода с гостиницы в келлии), а что 26-го декабря поселился уже в Скиту в келлии...

Больше я сейчас не припоминаю из Батюшкиной беседы.

Вчера за бдением Батюшка говорил слово и читал о молитве Иисусовой (из писем о духовной жизни епископа Феофана).

Сегодня я сломал у Батюшки чайные щипцы, чем причинил ему некоторую скорбь, ибо эти щипцы у Батюшки, кажется, с 1890 г., и дороги ему по воспоминаниям.

³⁰⁷ См. примеч. 52.

28 сентября

Сегодня проспал до 7 часов и не успел даже вычитать часов. Спросил у Батюшки за чаем, когда нам ехать в Москву, на что Батюшка и отвечал: «Да вот поезжайте 1-го октября вечером, в навечерие святых Киприана и Иустины, коим дана благодать охранять от брани блудной страсти и всякого увлечения плотского, а это вам предстоит...»

29 сентября, вторник

27-го числа в воскресенье Батюшка сказал мне: «Если Богу угодно будет, Вы займете какое-либо начальственное положение в монастыре, но знайте заранее, что это — тяжелый крест. Святые Отцы сказали, что самых тяжелых крестов два: первый крест — царя, второй — настоятеля обители иноческой... Заметьте, ведь это было сказано еще в то блаженное время, а уж про настоящее время и говорить нечего... Батюшка о. Амвросий говорил: „Монаху простому нужно терпения воз, а настоятелю — целый обоз“».

Сегодня опоздал немного к утрени. Батюшка на утрени был и говорил слово, основная мысль которого была следующая. Батюшка сказал всем известный ирмос: «Воду прошед яко сушу и египетского зла избежав, израильтянин вопияше: Избавителю и Богу нашему поим», — и спросил, какое отношение имеет этот ирмос к монашеской жизни. И отвечал: «Монах должен быть подобен младенцу по слову Евангелия: *Аще не будете яко дети, не внидете в Царство Небесное*³⁰⁸. В каком же отношении надо быть младенцем? По чистоте сердца. *Не дети бывайте умы: но злобою младенствуйте*³⁰⁹, — говорит Апостол».

Затем Батюшка говорил, как побеждать страсти, чтобы приобрести чистоту сердца, что для этого необходимо читать жития святых и современных подвижников как живые яркие примеры этой борьбы со страстями, и вообще святоотеческие писания...

Сегодня ходил с Иванушкой к о. Архимандриту за благословением ехать в Москву. Он благословил и выдал нам удостоверение. Затем Иванушка пошел обратно в Скит, а я пошел в рухольную.

³⁰⁸ Мф. 18, 3.

³⁰⁹ 1 Кор. 14, 20.

30 сентября, среда

Брат Кирилл уезжает сегодня вечером.

Я начинаю несколько волноваться, если так можно сказать, как бы предчувствуя предстоящую разлуку, но самых чувств своих я не умею определить. Более всего, я думаю, это чувство мое похоже на тихую бессознательную грусть в ожидании чего-то. Не могу сказать, чтобы я был рад; нет, скорее, мне кажется, наоборот. Одно скажу: буди воля Господня.

1 октября, четверг

Сегодня вечером думаем выехать из Скита. Ходил в монастырь, в лавку и на могилки наших Старцев и просил их святых молитв. В 9 часов служили напутственный молебен Спасителю, Божией Матери, св. Иоанну Предтече, свт. Николаю, свт. Киприану и деве Иустине и всем святым. Сейчас прошелся по Скиту, посидел за сажалкой на диванчике.

Тишина в Скиту! Слышно даже, как падает лист в лесу. Из этой-то тишины я теперь собираюсь ехать в суету и шум московской городской жизни. Вся природа теперь замирает на зиму, листья пожелтели, даже много деревьев совсем голых. Все прощается с теплом. И это чувство — чувство разлуки с тем, с чем я так свыкся, что, может быть, я так полюбил...

19 октября, понедельник

Вот я снова в Скиту. Опять те же сосны глядят на меня с высоты. Опять та же простота и тишина... Но постараюсь записать все по порядку. До 16-го числа я вел маленький особый дневничок. 16 число в него не вошло, а потому с него и начну. Утром 16-го числа я с Иванушкой пошли к епископу Трифону. По дороге зашли в часовню Спасителя и в Казанский собор. Там я подал освятить иконочки, привезенные мною из Сергиевой Лавры. Шла обедня. Я помянул всех по поминанию о здравии и упокоении.

Из Казанского собора пошли прямо к епископу Трифону. Пришлось немного подождать. Когда мы вошли, Владыка благословил нас, посадил в кресла, а сам начал ходить по комнате: он был очень расстроен.

— Ну, Бог благословит, — сказал Владыка, — поезжайте. Передайте о. Архимандриту и о. игумену мой братский привет (здесь Владыка просил кое-что передать Батюшке от Великой Княгини). Да, друзья мои, — продолжал Владыка, — трудно жить на свете. Что Вы на это скажете?

— Я пока благодушествую, Владыка, — ответил я.

— Да, но это благодушное настроение должно у вас скоро пройти, оно заменится тяжелой борьбой...

Эти слова я запомнил, а более Владыка, кажется, ничего особенного не сказал. Он был расстроен настолько, что не мог даже говорить. И мы, испросив его святительских молитв и благословения на путь, пошли от него к о. Ионе.

По обыкновению, о. Иона встретил нас радушно, с улыбочкой. Попили у него чайку, поговорили и ушли, распростившись с ним и его келейниками.

Сначала пошли в часовню Богоявленского монастыря, затем к свт. Николаю Чудотворцу и к Иверской. Здесь мы разделились: я пошел домой, а Иванушка в Кремль, ибо я уже ходил проститься со всеми святынями Кремля, а Иванушка не ходил^[85].

Остальную часть дня всю провел дома. На прощание прочитал домашним мои выписки из Аввы Дорофея, епископа Игнатия и прочее. Вечером, когда уже все уложили и завязали, и совсем собрались ехать, я вспомнил, что мама хотела меня и Иванушку благословить иконочками, которые принесла нам и дала 13 октября, и сказал об этом маме, но мама сказала: «Я вас уже благословляла, и достаточно». Почему мама так сказала, я не знаю. Когда уже все было готово, мама сказала: «Дай я тебя перекрещу». Я встал на колени, и мама меня перекрестила трижды. Затем я простился со всеми, и мы пошли на вокзал с двумя братьями, Сергием и Митрофаном. Благополучно заняли места и благополучно доехали до Оптиной. Ехали, как всегда, всю ночь с 16-го на 17-е.

Утром 17-го числа в десятом часу мы въехали на скитский конный двор, слезли с тележки и отправились к Батюшке. Он, видимо, меня не ожидал, и когда я вошел, несколько удивился и обрадовался: на его лице засияла улыбка. Благословив меня, Батюшка обнял меня за голову и поцеловал.

Долго не пришлось беседовать — нас ждал извозчик, надо было внести вещи в келлию.

Выйдя от Батюшки, я пошел в келлию. Опять я увидел нашу милую церковь — старый храм, те же дорожки, те же деревья и кусты. Вот вошел я в келлию свою, — опять то же окно, печка, книги, иконы, стол... все опять предстало моим очам. Пока разобрался немного, пока снес к Батюшке кое-какие гостинцы-сласти, пришло время трапезы.

На трапезе был некто Поселянин³¹⁰, мне Батюшка про него говорил и прежде. После трапезы лег отдохнуть после бессонной ночи. Была суббота, повечерие, бдение, — и потому к о. Архимандриту не пришлось сходить. К нему мы ходили 18-го числа перед трапезой. А от него пошли на могилки к Старцам. Весь день прошел незаметно, ибо опять было бдение — скитский праздник преп. Иоанна Рыльского (новый храм).

Побеседовать с Батюшкой еще не приходилось как следует, все больше урывочками, да и при людях. Но часто вижу я, что Батюшка доверяет мне и любит меня.

Когда мы были у владыки Трифона, он спросил нас: «Ну, как вы там живете, как чувствуете себя?» Я отвечал, что все, слава Богу, хорошо. «Да, — продолжал Владыка, — когда о. Архимандрит и о. игумен по дороге в Лавру останавливались у меня, я спрашивал о. игумена о вас. И скажу вам, он относится к вам сердечно».

22 октября, четверг

Ходил к поздней обедне, ибо по немощи своей проспал раннюю. Все время после обедни и трапезы был у Батюшки. Он сегодня не отдыхал, ибо поздно возвратились от обедни. Просмотрели почту. Попили чайку. Потом мне Батюшка дал книгу «На горах Кавказа»³¹¹, которую я уже не раз читал понемногу, и отпустил меня в келлию.

³¹⁰ Литературный псевдоним Е. Н. Погожева (1870—1931), новомученика, духовного писателя, автора широко известных книг о русских подвижниках XVIII—XIX вв., житий святых, оригинального жизнеописания преподобных Макария и Амвросия. Был духовным чадом преп. Амвросия, неоднократно приезжал в Оптину Пустынь.

³¹¹ *Схимонах Иларион*. На горах Кавказа: Беседы двух старцев-пустынников о внутреннем единении с Господом наших сердец через молитву Иисусу

20-го числа было бдение в монастыре, но я не ходил, я был у Батюшки. Сначала прочли вечерние молитвы. Затем я читал 1-й час, после 1-го часа о. Никита читал канон «Многими содержим напастьми», а ирмосы мы пели все вместе. Беседовать, можно сказать, не пришлось тогда, а мы сели за письма и отправили нужные из них.

Сегодня Батюшка служил в соборе, а потому вчера был за повечерием, сам читал акафист Казанской иконе Божией Матери, а по приходе с повечерия я Батюшке прочел канон Сладчайшему Иисусу, ирмосы с Батюшкой пели.

Вечером

Сейчас после благословения Батюшка отпустил келейников спать, а остался со мною немного побеседовать. Говорил Батюшка

Христу, или: Духовная деятельность современных пустынножителей. Киев, 1912.

Преп. Варсонофий очень хвалил эту книгу, любил перечитывать и часто рекомендовал ее своим чадам. В дальнейшем, подчиняясь указанию Св. Синода от 1913 г., преп. Варсонофий говорил духовным детям: «Вот дело-то какое выходит. Оказывается, есть там неправильности. Помни, сила не в слове, не в имени, а в Самом Христе именуемом. Вот оно что; оказывается, предисловие этой книги все бы выкинуть надо, но сама по себе книга хорошая!» Нужно иметь в виду, что столь ответственный и взвешенный отклик на эту книгу, и особенно позднейшие события, связанные с идеей имяславия, на самом деле были вызваны не столько богословскими, сколько политическими причинами. В возникшем споре сторону автора разделяли такие светила Русской Православной Церкви, как св. прмц. Вел. Кн. Елизавета Феодоровна, богословы М. Н. Новоселов, проф. М. Д. Муретов, архиепископы Феофан (Быстров) и Феодор (Поздеевский), преп. Кукша, свт. Макарий (Невский), преподобные Алексий и Герман Зосимовские, митрополит Вениамин (Федченков) и др., ибо свои размышления о Божественном Имени схимонах Иларион строит, опираясь на труды св. прав. Иоанна Кронштадтского и свт. Игнатия (Брянчанинова). Есть сведения о положительном отзыве самого прав. Иоанна Кронштадтского. Самый же яростный противник имяславия, митрополит Антоний (Храповицкий), как выяснилось, даже не читал этой книги, а громил почитателей имени Иисусова «в соответствии со своими богословскими взглядами» со слов «дожившего ему миссионера».

о великом смысле всех событий нашей жизни: от великих в жизни каждого отдельного человека переворотов, как духовных, так и душевных, и до мельчайших подробностей.

«Часто люди пророчествуют, сами того не зная, — говорил Батюшка. — Вот, например, сейчас: мы беседуем, но ни я, ни Вы не знаем, для чего и почему. Но я уверенно говорю: значит, так надо. Говорят, что все события нашей жизни откроются нам в час нашей смерти, и мы тогда все поймем. Перед нами вся наша жизнь явится, словно написанная в книге».

Сейчас у меня нет времени все записывать. Под конец разговора Батюшка сказал:

— Знаете, говорят, что есть у нас в Оптиной великий подвижник, имеющий дар внутренней молитвы?

— Нет, Батюшка.

— Это рясофорный послушник, слепой о. Иоанн³¹².

25 октября, воскресенье

Когда я вел под руку Батюшку после бдения под Казанскую (21 октября), то сказал Батюшке, что с трудом выстоял бдение. Батюшка спросил:

— По какой причине? — Я говорю:

— По телесной немощи.

— Да, — говорит Батюшка, — а иногда уходят из храма из-за помыслов. Это, конечно, неразумно. Враг подымает брань помыслов с целью вывести из храма. Не должно поддаваться врагу. В большинстве случаев у молодых бывают блудные помыслы, а у старых — помыслы гнева, воспоминание старых обид. Враг как бы говорит: «Ты помнишь, такой-то вот тебя оскорбил при всех, а ты смолчал, ни слова ему не сказал. Эх ты! А ты ему вот что, да вот что сказал бы...» Иногда от подобных помыслов инок весь вспыхнет от гнева. Надо бороться...

26-го октября после чая в два часа дня я спросил Батюшку:

— Может ли Иисусова молитва быть в человеке страстным?

— Может, — отвечал Батюшка, — может, но вот как: в первый период молитвы Иисусовой страсть, действуя в человеке, побежда-

³¹² О нем см.: *Нилус С. А.* На берегу Божьей реки.

ет его, а во второй период при всяком возбуждении страсти человек побеждает страсть.

Страсть остается в человеке до самой смерти, и бесстрастие может быть только относительное. Это мы можем видеть из того, что многие подвижники, как например, преп. Иаков³¹³, проведя всю жизнь в подвигах, впадали в грех. Кто трудится в молитвенном подвиге, тот несомненно ощущает в себе движение страстей, но в человеке, достигшем внутренней молитвы, страсть подобна покойнику — она уже не может властительно терзать его, и чем молитва сильнее действует в человеке, чем она более утверждается в сердце подвижника, тем все тише и тише действуют страсти, они как бы спят.

Я помню, в Казани был блаженный Николушка. Он говорил, обращаясь к людям доброй жизни: «А что, как покойнички-то, спят?» Я тогда не понимал смысла этих слов, и понял их только здесь, в Скиту, и удивился глубине смысла их. Он именно страсти называл покойниками. Покойник лежит, значит, он существует, а не исчез, ибо мы его видим. Так и страсть в проходящем молитвенный подвиг и достигшем уже внутренней молитвы подобна покойнику.

— Значит, Батюшка, — говорю я, — я понял так, что при устной молитве Иисусовой страсть может действовать в человеке даже грубо, а при внутренней уже этого быть не может, хотя он и не делается бесстрастным?

— Да, — сказал Батюшка и обнял меня за голову.

А вечером после благословения сказал, что найдет в «Письмах о христианской жизни» епископа Феофана³¹⁴, как действуют страсти в проходящем молитвенный подвиг. «У него там хорошо сказано об этом, и я, кажется, подчеркнул это...»

На мой вопрос: непарение мысли, то есть внимательность при молитве, вообще есть первый дар, или только в молитве Иисусовой, — Батюшка ответил, что только в молитве Иисусовой.

А когда я пришел на благословение и стал на колени, Батюшка сам начал говорить:

³¹³ Преп. Иаков Постник. См.: Жития святых, 4 марта.

³¹⁴ «Письма о христианской жизни» — первая часть трилогии «Начертание христианского нравоучения».

«Спрашивают, как легче спастись: один только смиряется, а не трудится, а другой только трудится целый день на всех послушаниях, а не смиряется?»³¹⁵ С таким вопросом обратились к преп. Варсануфию Великому, а он ответил (я, конечно, говорю приблизительно к его словам): „Чадо, не так ты ставишь вопрос. Что сказано в псалме? *Вижь смирение мое, и труд мой, и остави вся грехи моя...*“³¹⁶ Отсюда ясно, что истинное смирение никогда не бывает без труда, а истинный труд никогда не бывает без смирения; одно должно быть необходимо сопровождается другим, иначе мы не будем получать никакой пользы. А если будем и трудиться, и смиряться, как сказано в псалме: *Вижь смирение мое, и труд мой*, то получим награду — оставление грехов, как сказано: *и остави вся грехи моя*. Поэтому необходимо упражняться и в том, и в другом».

26 октября, понедельник

Вчера у меня с Батюшкой были две утешительные беседы³¹⁷. Первая в 2 часа, а вторая от пол часа девятого до пол часа одиннадцатого. Записать их мне очень мудрено и по глубине их, и по обширности. И та и другая беседа была об Иисусовой молитве, и чудно, что такая краткая молитва имеет столь великую силу и глубину содержания. В два часа под впечатлением прочитанного из книги «На горах Кавказа» я начал спрашивать Батюшку о том или другом, и так побеседовали, пожалуй, более получаса. А вечером мы вместе читали эту книгу — собственно, читал я, а Батюшка слушал, и по временам чтение прерывалось беседой. Прочтя три главы, Батюшка начал говорить мне о себе, о своей жизни в миру и в монастыре, и о прочем — применительно к молитве Иисусовой. Много беседовали на эту тему. По неимению времени и по великой важности вопросов, я сейчас ничего писать не могу, — что Бог даст потом.

27 октября [или 28 октября]

Вчера опять мы с Батюшкой читали об Иисусовой молитве, просидели до 12 часов.

³¹⁵ *Авва Дорофей*. Душеполезные поучения... Вопрос № 26.

³¹⁶ Пс. 24, 18.

³¹⁷ См. также запись от 14 ноября 1909 г.

Под конец беседы Батюшка заповедал мне творить молитву Иисусову устную и на военной службе, но хранить эту тайну, не открывая ее никому, не уча никого, хотя, быть может, и будут встречаться люди хорошие: «Знайте только себя».

Говорил Батюшка опять и про себя; между прочим и то, что его многие считали находящимся в прелести бесовской, когда Батюшка, живя внимательно, занимался молитвой Иисусовой.

«Теперь, — говорил Батюшка, — решают так: молись, не молись — все равно не достигнешь молитвы, теперь прошли те времена. Это, конечно, внушенная диаволом мысль. Иисусова молитва необходимо нужна для входа в Царство Небесное. Многим бесполезно иметь внутреннюю молитву, ибо они могут возгордиться этим. Поэтому Бог дает молитву молящемуся, но не достигшему внутренней молитвы, или перед смертью, или даже после смерти, ибо и по смерти идет рост молитвы Иисусовой. Когда я это прочел, я усомнился, верно ли я это понимаю? И начал искать подтверждения этому, и нашел во многих творениях святых Отцов, а также и у Паисия (Величковского). А теперь мы еще прочли и здесь. Это меня очень радует».

Но всего не запишешь, ибо на это потребовался бы, я думаю, не один день. Много полезного узнал я в этой беседе. Так, казалось, и читал бы всю ночь.

29 октября, четверг

Вспомнил я, что 26-го октября Батюшка сказал мне: «Когда Вы вернетесь, я, быть может, не буду уже в живых».

И еще: «Не становитесь настоятелем, разве вины³¹⁸ послушания; а если, например, будут только предлагать, то лучше отказывайтесь».

Вообще в эти дни Батюшка особенно много говорил мне наедине такого, в чем я ясно видел его любовь ко мне. И вчера, кажется, сказал мне так: «Да, должно быть, душа душу чувствует (или видит). Установились между нами такие отношения: я люблю Вас, а Вы меня. Ничего не может быть прочнее этой любви — любви о Христе».

³¹⁸ То есть причины (церк.-слав.).

31 октября, суббота

Сейчас возвратился от утрени. Немного думаю отдохнуть, попить чайку и в 7 часов выезжать в Козельск для призыва на военную службу. Не могу объяснить своих чувств. Сейчас, слава Богу, нет ни уныния, ни страха. Быть может, это оттого, что как-то даже не верится, что я могу покинуть, хотя и на время, милый Скит и Батюшку. Да будет воля Господня!

1 ноября, воскресенье

Вчера, напившись чаю, в полчаса седьмого я отправился в келейную к о. Архимандриту (его келейник, брат Феодор, тоже приывается, мы вместе и ездили в Козельск). Мне предложил о. Мелетий еще попить чайку, и я выпил один стакан. Затем отправился на могилки к Старцам, помолился и попросил их благословения. Затем опять пришел в келейную, и вместе с братом Феодором поехали в Козельск. Вчера была только поверка, но продержали нас порядочно: с 10 до 5 часов вечера. Мы пошли на монастырскую мельницу, взяли там лошадь и поехали благополучно в обитель. Когда мы подъезжали к монастырю, ударили в большой колокол ко бдению. Я слез с тележки и побежал в Скит, а брат Феодор поехал на конный двор.

Когда я входил в Скит, был трезвон, отзванивали ко бдению, а когда я подошел к Батюшкиному крыльцу, Батюшка выходил из своего корпуса с братом Никитой ко бдению. Я довел Батюшку до церкви и пошел подкрепиться едой, какая осталась у Батюшки; подкрепившись, пошел в келлию и, оправившись, пошел ко бдению и простоял до кафизм. Пошел в келлию, прочитал молитвы и лег спать.

Сегодня встал к обедне, напился чаю и опять поехал с братом Феодором в Козельск к 10 часам. До 12 часов ждал, потом был перерыв; я с братом Феодором пошли к подрядчику, который строит у о. Архимандрита корпус. Откровенно говоря, не рад был я, что пошел к нему. Прежде всего, он очень задержал нас: пока поспел самовар, пока все приготовили, пока напился чаю, — прошло более часа. Потом, он был немного хмелен, чего я не заметил прежде. Но, спаси его, Господи, за угощение. Возвратившись, вскоре я пошел брать жребий, и мне достался 488-й. Я спросил у чиновни-

ка, когда являться снова. Он ответил: «Около 2-х часов завтра». — «Конечно, до моего жребия очередь дойдет?» — «Будьте в этом уверены», — был ответ. Значит, могу остаться только по телесным недостаткам. Но да будет воля Господня!

Из города я шел сейчас пешком. Зашел к Батюшке, напился чаю. Сообщил Батюшке, что и как было в Козельске со мной. Я несколько устал и потому к вечерне не пошел, думаю отдохнуть. Что Бог даст завтра?

2 ноября, понедельник

Сегодня только проходил в Козельск и обратно, ничего там не узнал.

Сейчас пришел от Батюшки. Побеседовали с часочек по душам, как говорится. Идет снег, все кругом стало белое. Деревья пушистые стоят в своем уборе. Не знаю, почему, я всегда как-то любил эту картину, в ней есть какая-то особенная красота...

3 ноября, вторник

Сегодня около 3-х часов дня пришла мне очередь становиться. Я вышел, когда вызвали меня. Начался осмотр. Признали расширение жил на левой ноге, и я зачислен в ополченцы 2-го разряда, то есть мне теперь служить не придется. Когда я это сказал некоторым братьям, мнения их разделились: кто говорит, что мне придется на один месяц явиться для элементарного обучения, а кто говорит, что не надо являться совсем.

Я благодарю Бога, что не буду служить, но, откровенно говоря, слова братьев о явке на один месяц меня несколько беспокоили. Надо будет узнать это дело пообстоятельнее. Брата Феодора тоже не взяли на службу. Мы ехали из города вместе. Выйдя из саеней около конного двора, я пошел прямо к Старцам на могилки. Иду от Старцев, гляжу: идет Батюшка с братом Никитой в строящееся здание старой больницы (куда они ходили, не знаю). Я прямо за Батюшкой. Брат Никита спрашивает: «Ну, что?» Я отвечаю: «Не взяли». И, подойдя к Батюшке, говорю: «Благословите. Не приняли меня».

Батюшка обрадовался, даже несколько раз переспросил. Благословил меня и, прижимая к себе, начал целовать. Затем обратил-

ся к востоку и начал молиться. Как Батюшка молился — не знаю, помню только, что Батюшка сказал: «Велика милость Твоя, Господи!» Потом, когда мы вышли, Батюшка сказал: «Должно быть, епископ Трифон молился за вас».

Батюшку повстречали монахини, когда мы подходили к Скиту. Тогда я один пошел в корпус к Батюшке. Попил чайку и отправился в келлию. Положил земной поклон перед старым храмом, а также и по приходе в келлию. Вскоре зазвонили к трапезе, я пошел в трапезу, и ко мне подошел о. трапезный и говорит: «Почитай». Я, конечно, тотчас пошел, встал на кафедру, развернул книгу и читаю: «Месяца апреля, 22-й день. Житие преподобного отца нашего Виталия». А мне Батюшка говорил, что день памяти преп. Виталия замечателен для него тем, что он в этот день вступил в управление Скитом.

После трапезы многие обступили меня и начали расспрашивать, я старался каждому из них ответить на его вопрос.

Сейчас, вероятно, уже отошло правило, надо идти к Батюшке. Богу нашему слава! Возьмут — не возьмут на один месяц — это ничего, а главное — избавился я от двухлетнего тяжелого испытания. Богу Милосердному слава во веки!

Все-таки пришлось немного понести оскорблений и неприятностей от новобранцев, — сегодня меньше, а главным образом, первые дни. И только один сказал мне доброе слово и, кажется, от души сказал. Я слов его не запомнил, но смысл таков:

— Дай Бог тебе спасения и всего хорошего; я так даже помолился, чтобы тебя не взяли...

— А тебя взяли? — спросил я.

— Меня-то взяли.

— Спаси тебя, Господи, — сказал я. Жалею, что не спросил его имени, я записал бы его в свое поминание; но я и так помолюсь за него, за его любовь...

5 ноября, четверг

Сегодня ходил к о. Архимандриту за благословением продолжать монашескую жизнь. По внешности ничего не изменилось, но все-таки приходится настраивать себя на монашескую жизнь. Поездка в Москву, все ожидания и думы, и, в особенности четырех-

дневное пребывание в Козельске среди новобранцев оставили свой некоторый след^[86]. Но, Бог даст, все снова пойдет своим чередом. Брат Кирилл прислал мне открытку, спрашивает, как мое дело. Спаси его, Господи, за память.

Иванушка уехал снова в Москву лечить зубы, еще 1-го ноября вечером. А я послал маме письмо, сообщая о моем положении.

6 ноября, пятница

Весь день я писал для Батюшки, даже к вечерне не ходил, очень много накопилось за это время дела. Послал брату Кириллу письмо. Вставил раму, а то уже холодно стало. Два последние дня все шел снег и теперь лежит он довольно толстыми слоями, и весь Скит стал белый.

7 ноября, суббота

Приехал Иванушка из Москвы. Побеседовать с ним еще не пришлось; скоро бдение. Батюшка служит.

8 ноября, воскресенье

Вчера на бдении Батюшка говорил нам слово вместо поучения. «Сегодня, — говорил Батюшка, — Святая Церковь празднует в честь св. бесплотных Сил Небесных, в лике которых св. Архистратиг Михаил занимает одно из первых мест. Я помню, когда я был еще новоначальным послушником, был какой-то праздник, и скитская братия была в монастыре. Когда все стали подходить ко кресту после обедни, я слышу, что стоящий около меня человек, нагнувшись к мальчику, по-видимому, его сыну, говорит: «Вот смотри: идет ангельский чин». Эти простые слова очень повлияли на меня. Да, действительно, монах должен быть подобен Ангелу.

Св. Иоанн Лествичник говорит, что вместе с монахами борются и Ангелы, то есть монаху в борьбе со страстями и диаволом помогают Ангелы. Бывший прежде ангел Денница, а ныне отверженный падший злой дух-диавол везде и всегда старался и старается посеять злобу, вражду и всякое возмущение. Он воздвиг гонения на христиан, он породил массу ересей, он воздвигал всякие немирствия и беспорядки. И ныне он старается посеять то же самое, и увы! часто успевает.

Ко мне приходят вести, что один ропщет или скорбит на другого, что один обижен другим. Ко мне приходят с жалобами. А что я отвечаю таким? Конечно, одно: надо помириться, поди попроси прощения, поклонись... И некоторые исполняют это тотчас, а некоторые, к сожалению, медлят, и проходит иногда значительное время во вражде. А это не должно быть так, честные отцы и братия. Монах должен быть исполнен любви к Богу и ближнему. Что такое монах? Монах есть исполнитель всех заповедей Божиих. А все заповеди сводятся к двум: 1-е) *Возлюби Бога всем сердцем твоим, всею душою и всею крепостию твоею...* и 2-е) *...ближняго твоего, как самого себя*³¹⁹. Эти две заповеди совмещают в себе весь закон и заповеди Божии. Ангелы на небесах преуспевают в любви. Вся жизнь монаха должна быть любовь.

Наши великие старцы: батюшки о. Лев, о. Макарий, о. Амвросий, о. Анатолий — действительно и имели эту любовь. А какой славы и чести сподоблялись они еще при жизни их за эту любовь, можно видеть из следующего. Когда Батюшка о. Анатолий, по приглашению о. Иоанна Кронштадтского, поехал для соборного служения с ним, и когда началась Литургия, то о. Иоанн увидел, что с батюшкой о. Анатолием служат два Ангела. Неизвестно, видел ли их сам батюшка о. Анатолий или нет, но о. Иоанн ясно видел их...

Я счел нужным напомнить вам именно в этот день о высоком назначении монаха... Да будет между нами согласие и любовь. Старец преклонных лет, иеросхимонах о. Игнатий³²⁰, скончавшийся лет 12 назад, говорил мне так: „В мое время вся оптинская братия отличалась взаимным согласием и любовью, а в особенности — скитяне“. Постараемся, братия, и мы следовать этому...

Иногда выражают мне некоторые желание высшей монашеской жизни, высших подвигов. А что может быть выше прощения обид, оскорблений, терпения скорбей и немощи братской?! Вы, вероятно, помните случай из жития преп. Пахомия. К нему приходит инок и говорит: „Авва, благослови меня, — я хочу идти и предать себя на мучение, дабы иметь мученический венец“. А преп. Пахо-

³¹⁹ Мф. 22, 37—39.

³²⁰ См. примеч. 169.

мий говорит: „Ни, отче! Советую тебе оставаться в обители, нести всю тесноту иноческого жития и немощи собратий и отречься от своей воли, — и это вменится тебе в мученичество“. Видите, значит, всякий монах, терпящий все благодушно, имеет мученический венец».

Сейчас более не припоминаю.

Это батюшкино слово мне очень понравилось. Говорил Батюшка, что смирение и любовь — самые высокие добродетели и должны быть отличительной чертой каждого монаха.

10 ноября, вторник

Сегодня вечером Иванушка пришел ко мне в келлию, ему по какой-то причине было тяжело^[87]. Эту причину он мне не открыл, а сказал, что Батюшка все знает. Так посидели более часа. Быть может, он и получил некоторое облегчение. Я ему сердечно сочувствую, но понять его не могу, ибо со мной таких состояний, должно быть, еще не было.

Сегодня на откровении помыслов Батюшка сказал мне между прочим, что откровение помыслов имеет великую силу и важность. Даже тогда, когда нам кажется, что нечего открывать, и то приди, прими благословение и скажи, что открыть ничего не имеешь, — и это хорошо. Быть может, враг уже хотел что-нибудь подстроить над тобой, а этими словами все разрушено.

Получил письмо из Москвы от матери, ничего особенного нет.

11 ноября, среда

Сегодня, как всегда, пошел утром к Батюшке, попили чайку и стали заниматься. Так с некоторыми перерывами прошло время до трапезы. После трапезы Батюшка дал мне прочитать 49-е поучение в Неделю Православия преп. Феодора Студита (сегодня его память):

«Это поучение мне первым открылось сегодня утром, — сказал Батюшка, — я его и дал прочесть брату Никите вслух, когда вычитывали правило. Это такое поучение, что, хотя написано полторы тысячи лет назад, его можно вполне отнести к нам. И его, если угодно будет Господу, пройдет 1000 лет, будут читать, и не утратит оно своей силы. Так вот, прочтите его».

Я взял книгу к себе в келлию и прочел его. Также утром Батюшка при отправке писем пожелал одной какой-то женщине послать на утешение листочек. Я достал и подал Батюшке листочек с картиночкой, изображающей страдание какого-то мученика. Батюшка посмотрел на меня и сказал:

— Пожалуй, Вы доживете до тех времен, когда так же вот будут опять мучить христиан...

— Да и сейчас ведь их мучают, хотя и не столь грубо, — говорю я.

— Нет, я не про такие мучения говорю. Я говорю про мучения, подобные древним. Ведь теперь не секрет и всем известно, что во время больших беспорядков в 1905 г. в Москве туда были привезены в разобранном виде гильотины, чтобы рубить всех верующих если не тысячами, то сотнями... Почему же не могут быть и другие виды мучений?

12 ноября, четверг

Сегодня показал Батюшке те фотографические карточки, которые сняты с нас 12—14 октября сего года. Где мы сидим — Батюшке более понравилось, и Батюшка пожелал переснять ее в хошеей фотографии.

Попросил у Батюшки благословения кое-что купить для келейного обихода (деревянное масло и тому подобное).

Почему-то мне подумалось снять три больших иконы, привезенные мною из Москвы, и сделать на них надписи. Первая икона Спасителя, она принадлежала дедушке, и я ее взял как его благословение, ибо у меня от него ничего не осталось; вторая икона — это Казанская Божия Матерь с изображением сбоку праведной Анны. Эта икона принадлежала моему отцу по плоти, от него я тоже не имею ничего. Получил от него только благословение на смертном одре. Помню, сильно нажимая, он трижды перекрестил меня широким крестом и потом поцеловал. Что он говорил мне, не помню, быть может, и ничего. Слезы подступали у меня к горлу; я вышел от него, вытирая рукою глаза. Так вот, эту икону я и взял как благословение от отца. Третья икона свт. Николая. Эту икону дала бабушка моей маме просто как подарок, а мама мне дала ее на благословение (как об этом я записал в отдельной тетради) — и от

мамы, и от бабушки. Я уже имею благословение и подарки, но я этой иконе очень обрадовался, ибо чувствую к свт. Николаю особенную любовь и веру. На иконе Спасителя сделана какая-то надпись карандашом, я ее не разобрал, — писала, по-видимому, мама. Думаю написать ей об этом.

14 ноября, суббота

Вчера читал за трапезой поучение на день памяти свт. Иоанна Златоустого. После повечерия читал Батюшке канон Спасителю. Батюшка служит в монастыре.

Многое и очень многое имею записать, но обширность предмета и неимение свободного времени все не позволяют мне.

Помню, дня за два-три до призыва Батюшка многое говорил о себе, главным образом, про монашескую жизнь. Говорил Батюшка, как трудно ему приходилось, когда он был рясофорным монахом, какие были на него гонения:

«Я все это говорю Вам для того, чтобы показать Вам, что нам нужно надеяться только на Бога. Иногда приходилось так, что впопугу уходить из Скита. Но я решил: лучше умереть, чем уйти. Я имел твердую надежду на Бога и Его Пречистую Матерь. Встану, бывало, перед этой иконой Казанской Божией Матери, помолюсь — и легче мне станет: ведь эта икона для меня дорога. С ней произошло тоже некоторое чудо, а именно: когда я заказал эту икону написать одной монахине, то она ее написала в один день. Она мне тогда говорила: «Сама рука пишет, я удивляюсь, как я могла написать так быстро». Так вот, придешь к себе в келлию, посмотришь на лик Богоматери, и покажется, что так Она, Владычица, и смотрит на тебя; помолишься, — и легче станет. И кто тогда мог думать, что этот всеми уничижаемый послушник через несколько лет будет игуменом Скита и старцем? Поверьте мне, что и сам я ничего подобного в мыслях не имел, да и были другие препятствия, например, болезнь глаз, и другие. Вот видите, и предполагать этого нельзя было, но раз такова воля Божия, то так и вышло, никакие препятствия не помешали. Не вотще сказано в псалме: *Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения*³²¹, а на Бо-

³²¹ Пс. 145, 3.

га. Только эта твердость и вера и помогли мне перенести все это. Но при всех этих скорбях Господь неизречно утешал меня... Любил я читать святых Отцов, *а в особенности Псалтирь*, — и какие глубины иногда открывались мне. Так вот я Вам и говорю: всегда надейтесь только на Бога, но никак не на человека. Тогда всякое зло будет отпадать от Вас, как отрубленная ветка...»

«Есть два монашества: внешнее и внутреннее, — как-то говорил мне Батюшка. — Внешнее, так называемое «клобуковое» монашество, приобрести легко, как св. Иоанн Лествичник пишет: сделать внешнего монаха легко, но трудно сделаться внутренним монахом. Это внутреннее монашество может быть даже в миру, хотя именно только «может». И об этом-то внутреннем монашестве теперь так редко говорят, почти не имеют никакого понятия...»

Хочется записать одну из бесед с Батюшкой о молитве Иисусовой, бывшую 26 октября после чая в 2 часа дня.

Помню, когда я пришел к Батюшке под впечатлением прочитанного из книги «На горах Кавказа». <...>

Батюшка также говорил:

«Я долго не мог понять, что такое соединение ума с сердцем. В сущности говоря, это означает соединение всех сил души воедино для устремления их всех к Богу, что невозможно при разъединенности их. Этот закон единения я усматриваю не только в этом случае — в молитве Иисусовой, а везде. Например, когда на войне с врагом не будет у нас сплоченной силы, тогда враг, нападая то на один отряд, то на другой, вскоре победит всю армию, уничтожая один отряд за другим. Подобно этому и солнце, светя на землю, не может ничего зажечь, ибо лучи его рассыпаются по всей поверхности земли и, в частности, какого-нибудь места. Но если мы возьмем стекло (увеличительное) и этим стеклом сосредоточим все лучи в одной точке, то подложенное туда дерево, бумага или еще что-либо воспламеняются. То же самое можно сказать о музыке. Какую имеет красоту нота или звук, взятые в отдельности или в беспорядке? Можно сказать, никакой. Но эти же самые звуки в произведениях гениальных художников-поэтов воспринимают великую силу и красоту. Про живопись и другое я уже не буду говорить... В таких беседах с Вами я не ограничусь этим, а пойду далее. Это такой узел, что сколько его ни развязывай, он все будет узлом.

Молитва Иисусова не имеет пределов... Ум, когда упражняется в чтении Священного Писания и молитве и тому подобном, очищается от страстей и просветляется; когда же он погружен только в земное, то он одевается и становится как бы неспособным к пониманию духовного.

Я знал двух братьев; один тогда был врачом, а другой — профессором в Духовной Академии (ныне — митрополит Антоний Петербургский)³²². Два брата избрали себе разные дороги и после многих лет разлуки сошлись вместе и начали беседу. Конечно, беседа коснулась и духовной стороны. Все, что ни говорил врач, было понятно профессору Академии, а что говорил профессор, не мог понять врач; не то чтобы не хотел, нет, — не мог, как ни старался, — и попросил брата начать разговор о чем-нибудь ином. Поэтому необходимо упражняться в духовном и побеждать все страсти, пока они еще не глубоко укоренились в нас. Страсти легко побеждать в помыслах, но когда они перейдут в слова и дела и укоренятся, то очень трудно, почти невозможно...»

И еще много говорил Батюшка, но где же все упомянуть, вернее сказать, как все записать.

15 ноября, воскресенье

Вчера попробовал петь на клиросе, да чувствую, что горло все еще не поправилось. Что-то уж очень долго, ведь я простудился в Москве, а как мы возвратились из Москвы, будет 17-го числа уже месяц. Сегодня обедню уже опять не пел. Иванушка что-то немножко тоже прихворнул: не ходил ни ко бдению, ни к обедне. Да вообще слышно, многие в Скиту сейчас прихворнули.

16 ноября, понедельник

Вчера вечером после благословения, позанимавшись весьма важными делами, я с Батюшкой опять занялись чтением. Прочли листок «Ведение и вера», составленный М. А. Новоселовым, но ни

³²² Митрополит Антоний (Вадковский; 1846—1912). Магистр богословия, доктор церковной истории. С 1898 г. — митрополит С.-Петербургский и Ладожский, первенствующий член Св. Синода. Автор трудов по истории проповеди. В описываемое время был инспектором Казанской Духовной Академии.

мне, ни Батюшке этот листок не понравился по сухости и отвлеченности, да вообще не чувствовал никакого воодушевления, когда читал. Тогда достали книгу «На горах Кавказа» и просмотрели те места, которые Батюшка отметил. После этого еще довольно долго беседовали.

Рассказал мне Батюшка свой сон — видение одного мытарства. Передавать всего я не имею возможности.

Думал сейчас кое-что записать, но не удалось. Пришел Иванушка и отнял у меня более часа времени. Сейчас я его не понимаю, и тем более, что он не говорит, что его тяготит и отчего он скорбит. Только я удивляюсь ему. Он говорит, что ничего ему в Скиту не приходится по сердцу, и что даже когда только он вместе со мной одевался в подрясник, он был в нерешительности: одеваться ли или уходить из Скита. Спаси его, Господи, и помилуй^[88].

19 ноября, четверг

Сегодня была обедня, помин какой-то, поминали о упокоении рабы Божией Софии. У Батюшки забыл спросить, кто это. После обедни зашел в келлию и потом к Батюшке. Приехал (вчера) брат Кирилл. Он назначен в главный штаб и едет туда, а по дороге заехал в Оптину. Сейчас до трапезы был у Батюшки, но было много народу, и я все время читал три поучения епископа Игнатия «О кончине мира». Хороши эти поучения, как и вообще все сочинения этого святителя Христова.

Вчера вечером Батюшка был расстроен разными обстоятельствами. Я пошел справлять пятисотницу в моленную, а брат Никита с Батюшкой прочли вечерние молитвы. После молитв немного позанимались, потом побеседовали около получаса, и я пошел к себе в келлию.

Третьего дня, то есть 17-го ноября, Батюшка рассказывал мне с о. Никитой, как ровно 20 лет назад, 17-го ноября 1889 г., он чуть не умер. В августе 1889 г., числа 26—27, Батюшка был в первый раз у о. Амвросия. На желание Батюшки поступить в монастырь вообще о. Амвросий посоветовал ему дослужить до пенсии, то есть еще два года прослужить и тогда поступать, а пока жить в миру богоугодно и до Рождественского поста, то есть с августа до 15 ноября,

поговеть четыре раза. Это Батюшке показалось странным и непонятным: почему так? Но все было исполнено, и вот 17-го ноября Батюшка вдруг вечером почувствовал себя дурно, послали за доктором и за священником.

«А мысль мне говорит: ты сейчас умрешь, — говорит Батюшка. — Я только об одном молил Бога, чтобы приобщиться Святых Таин. Ужас смерти овладел мною. Наконец, приходит священник. Начал меня исповедовать, — я ничего не могу сказать, а только: «Грешен, грешен». Священник сделал несколько вопросов, разрешил меня и приобщил Святых Таин. Я успокоился, хотя доктор сказал, что до утра едва ли доживу. Я лег на кровать, накрыли меня одеялом, и я остался один. Вдруг слышу словно какой-то голос с неба: „Д-дон“. Это ударили к утрени в женском монастыре, а в душе моей кто-то сказал: „Будешь жив...“ Мне стало отрадно, и я уснул. Наутро мой денщик приходит и подымает осторожно с головы моей одеяло, думая увидеть меня уже умершим, а я ему говорю: „Ты что, Александр?“ Денщик обрадовался и говорит: „Да Вы живы, Ваше Высокоблагородие?!“ — „Да, жив“. Хотя я после этого и лежал два месяца, борясь со смертью. Я велел раскрыть дневное Евангелие и прочесть мне его. Александр взял и начал читать притчу о бесплодной смоковнице: *Во грядущее лето посетиши ю, аще не сотворит плода*³²³. Я и подумал, что, действительно, я — бесплодная смоковница, хотя и полагал раньше, что имею разные добродетели, ибо был по внешности исправен, — и решил я переменить свою жизнь. Ждал я смерти и на следующий год в этот день, но остался жив; и ныне уже прошло 20 лет с того времени...»

20 ноября, пятница

Сейчас 11 часов. Только что возвратился от Батюшки: правили бдение. Было нас четверо: Батюшка, о. Кукша, брат Никита и я.

Получил письмо из Москвы, просят помолиться за одну знакомую, которая находится в очень критическом материальном положении. Слава Богу, что я не в миру.

³²³ Ср.: Лк. 13, 6—9.

Сегодня день рождения батюшки о. Макария, Старца. Прежде бывала церковная служба, потом как-то забыли. Сейчас был об этом разговор; Батюшка говорит, что необходимо это восстановить.

«Нельзя нам ни убавлять, ни прибавлять из того, что установили наши великие Старцы...»

21 ноября, суббота

Был в монастыре за поздней Литургией и трапезой, зашел на могилки к Старцам, как всегда. По возвращении из монастыря зашел к Батюшке и вскоре пошел на общий чай помогать брату Никите. В келлии почти не был. Сейчас возвратился от бдения. Чувствуется мне, что здоровье мое стало слабее. Горло что-то не проходит совсем, а левая нога с расширенными жилами дает себя несколько знать, особенно после бдения или вообще после стояния. Но это меня как-то мало беспокоит.

22 ноября, воскресенье

Все утро до трапезы был у Батюшки. Батюшка зачем-то ездил в монастырь, кажется, к о. Архимандриту. По возвращении из монастыря Батюшка мне рассказал, что получил письмо от бывшей у него девицы г-жи Самариной^[89] из Москвы. Она принадлежит к высшей аристократии. Когда она была у Батюшки, она говорила, что у нее болит нога неизлечимой болезнью, что все доктора города Москвы отказались излечить ее. Это продолжалось, кажется, восемь лет. Батюшка посоветовал ей съездить к преп. Тихону³²⁴. Она съездила, и вот присылает письмо, что в два дня исцелилась.

23 ноября, понедельник

Сегодня я читал сутки. Служил Батюшка с о. Нектарием. После панихиды Батюшка сказал краткое слово, напоминающее нам о нашем высоком иноческом звании, в особенности о соблюдении заповедей о любви, о послушании, о нестяжании. Как на высокий пример исполнения сих добродетелей Батюшка указал нам на наших великих покойных старцев о. Макария и о. Амвросия, ко-

³²⁴ Подобные советы давал и преп. Амвросий, — таким образом он скрывал дар исцелений, данный ему самому.

их память мы сегодня почитаем (день Ангела при крещении)³²⁵. Опять Батюшка благословил прочитать жизнеописание их.

Ходил в монастырь за маслом деревянным для лампадочек в келлию к себе. Когда я шел мимо могилок Старцев, я вспомнил, что сегодня память батюшки о. Макария и о. Амвросия, и я поклонился им и попросил их святых молитв и благословения, и помолился о упокоении их душ.

Насколько помню, 19-го числа я увидел, сидя в келлии своей, что падает дерево. Я стал смотреть внимательно и увидел, что это дерево тянули за веревку помощник о. эконома с рабочим. Меня словно в жар бросило. Я только что утром слышал, как Батюшка говорил: «Пока я в Скиту, я не дозволю ни одной ветки срубить». Поэтому я подумал, что это делается без ведома Батюшки. И тем более, что про эти деревья мне Батюшка рассказывал летом во время одной вечерней прогулки следующее.

«Вот здесь стоят два-три дерева (липы). Незадолго до моего поступления батюшка о. Амвросий, указывая на эти деревья (тогда их было очень много здесь, целая рощица) и заповедуя беречь их, сказал: „Приедет барин и будет здесь жить, а в этой рощице будет чай пить...“ Вскоре приехал я, и меня назначили как раз в этот корпус, и, вероятно бы, я пил чай, но их почти все срубили: остались эти два-три деревца... (это находится за южной стороной нового храма между двумя корпусами)».

И вот я вижу, что эти деревья срубили; теперь там ни одного деревца нет. Я пошел и сказал Батюшке. Батюшка, узнав, призвал помощника о. эконома, сделал выговор, снял рясофор с него и поставил на поклоны в трапезе. Батюшка хотя и покрыл меня, но все-таки догадываются, что сказал я. Быть может, придется и потерпеть какие-либо скорби из-за этого, но я не мог смолчать. Да будет во всем воля Божия!..

Когда я был в лавке, покупал масло, там была Дарьюшка, постриженица о. Амвросия, тайная монахиня в миру. Что она

³²⁵ 23 ноября (ст. ст.) празднуется память блгв. вел. кн. Александра Невского, имя которого было дано преп. Амвросию во св. Крещении. Накануне, 22 ноября (ст. ст.) — память блгв. кн. Михаила Тверского, в честь которого был назван во св. Крещении будущий преп. старец Макарий.

говорила, я передавать не буду, только она просила меня помолиться — говорит, что едет в Москву к Иверской, ибо скоро умрет.

24 ноября, вторник

Сегодня приехал к Батюшке во второй раз келейник о. Илариона, составителя книги «На горах Кавказа». Привез с собой мальчика лет 18-ти с просьбой принять его в нашу обитель.

Сейчас на благословении я сказал Батюшке, что нападают, особенно за молитвой, разные помыслы, особенно тщеславные, осуждающие и прочие.

— Да, конечно, нападают, — сказал Батюшка, — вся жизнь инока есть борьба с помыслами, для этого-то и нужна молитва Иисусова...

Кстати уж запишу слова преп. Симеона Нового Богослова о внутренней молитве Иисусовой: «Если кто не соединится с Господом Иисусом здесь на земле, то и никогда не соединится с Ним». Это мы, я и Батюшка, прочитали в книге «На горах Кавказа» 15 ноября в том месте, где говорится о необходимости молитвы Иисусовой.

— Это — страшные слова, — сказал Батюшка. — Когда я это прочел еще послушником и начал искать подтверждение сему, ибо это говорит только один святой преп. Симеон, то вспомнил текст Евангелия: *Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят*³²⁶. Если переставить слова, выходит так: «Бога узрят только чистые сердцем». А внутренняя молитва Иисусова и есть соединение ума и сердца для устремления их к Богу...

Я уже в точности слов Батюшки не помню, а поэтому боюсь писать смело, ибо могу написать что-либо и неправильно.

26 ноября, четверг

Вчера вечером долго с Батюшкой засиделись, до 12 часов. Больше занимались делом. Только под конец Батюшка рассказал про себя, как Господь охранял его от женского пола в миру, как не попустил ему жениться, хотя было много невест.

³²⁶ Мф. 5, 8.

«Словно мухи на мед, они лезли на меня. Я не был никогда красавцем, правда, не был и уродом. Поэтому я это приписываю тому, что диавол их на меня напускал, ибо у него прекрасное чутье, и он чуял, что во мне есть что-то такое, то есть склонность к иночеству, и ему хотелось меня закрутить, но Господь спасал...»

27 ноября, пятница

Был за обедней; к обеду встал уже тогда, когда звонили. Вообще за последнее время я стал побеждаться сном. Чай пил с Иванушкой, потом пошел к Батюшке, но уже не застал его у себя: Батюшка ушел к о. Настоятелю по делам. А вчера Батюшка за бдением читал нам «Отечник» епископа Игнатия. После бдения я вчера написал домой письмо.

25-го ноября, когда Батюшка с о. Никитой трапезовали, уже после благословения, я тоже сидел, и все мы разговаривали. Я думал, что если бесы могут внушать нам мысли и если душа может слышать слова бесов, то бесы видят и слышат наши мысли.

Батюшка сказал, что это не так:

— Бесы могут нам внушать мысли, но не могут знать, приняли ли мы их или нет. Поэтому они делают так: внушают нам мысль и смотрят в лицо, желая по выражению лица узнать, как отнеслись мы к этим мыслям.

Это мне многое открыло и сделало понятным.

Многое мне хотелось бы еще записать, да не знаю, удастся ли. Помню, 23 сентября, когда я с Батюшкой пил утренний чай, мне Батюшка начал так говорить:

«Представьте себе, что какой-нибудь человек семейный, молодой, по ошибке был заподозрен в убийстве и сослан в Сибирь на вечную каторгу. У него осталась молодая жена с маленьким сыном. Конечно, жена знала, что муж ее страдает невинно. Так проходит, положим, 30 лет. Безвинно страдающий сидит в тюрьме и в узкое окошко видит всегда по вечерам, что дом генерал-губернатора освещается: там идут балы, танцы, пиры, веселье... Но вот прежнего губернатора сменили, приехал новый. По внешности в доме губернатора ничего не изменилось: также идут пиры и веселье. Но вот новый губернатор пожелал основательно осмотреть тюрьму. Окруженный подчиненными, идет он по тюремным заключениям и спра-

шивает каждого заключенного, за какую вину он здесь находится. Дошла очередь и до этого безвинного страдальца. Молодой губернатор спрашивает: „А ты за что?“ — „За убийство“, — отвечает тот, и не стал оправдываться. Но что-то губернатор начинает в него всматриваться пристальнее, спрашивает, откуда родом он, где жил, есть ли родные — и из рассказа узнает, что это его отец. Оба бросаются друг другу в объятия.

Можете представить себе их чувства?! И мог ли предполагать губернатор, что в этой тюрьме сидит его отец, хотя он и видел эту тюрьму каждый день со своего высокого балкона. А также мог ли предполагать заключенный, что в этом роскошном доме, где каждый день пиры и веселье, живет его сын, которого он оставил ребенком пяти лет? Конечно, сын тотчас же освобождает отца! Делает запросы, справки, — и оказывается, что, действительно, он невинно страдал, что убийца — совсем другой человек. Но почему этот заключенный был освобожден? Потому что сын его, когда узнал его, по своей влиятельности и силе повернул дело совсем в другую сторону...

Подобно этому может быть, если сын поступит в монастырь, а родители его уже умерли, вот они и узнают, что их сыночек поступил во святую обитель, и рады, что есть за них молитвенник. То просфорочку вынет за них, то на панихиде помянет, то еще как помолится, а они все повесточку получают да получают и переходят все к более и более легким мукам, ибо по молитвам Церкви умершие получают облегчение своей загробной участи. А какая польза родителям была бы, если бы он потерял веру в Бога и умер бы с проклятиями на устах?!

Я помню, когда я был маленький, — продолжал Батюшка, — у нас была картина в доме. Она изображала следующее: стоит Петр Великий, а перед ним на коленях молодой человек, около которого стоит его отец, приговоренный к ссылке в Сибирь за какие-то преступления. Этот молодой человек просит Петра I освободить его отца, ибо он стар, не сможет перенести тяжких трудов; кроме того, в нем нуждается семья. „Лучше сошли меня в Сибирь вместо отца, ибо я молод, силен и свободен“, — говорил юноша. Петр Великий прослезился и сказал: „Освобождаю этого отца за то, что у него есть такой сын!“

Так мне рассказывал про эту картину мой отец и учил меня молиться за него. Да и вообще учил он меня молиться: возьмет, бывало, меня, поставит с собой и велит прочесть „Богородице“, „Царю Небесный“ и еще что-либо. Учил меня читать 90-й псалом, и я его тогда выучил наизусть в один день... Конечно, я теперь молюсь за него каждый день!..»

Все это мне Батюшка тогда рассказал подробнее, чем я это передал здесь. Да, может быть, что-либо и серьезное выпустил, ибо не надеюсь на свою память, а прошло уже более двух месяцев.

Вечером

Сейчас возвратился от Батюшки. Он очень устал, говорил мне о батюшке о. Анатолии покойном, великом Старце: «Он любил Бога, как только можно было любить ему. И это чувствовалось всякому, кто к нему приходил...»

Коснулись немного молитвы Иисусовой и вообще духовной жизни. Такие беседы я люблю...

28 ноября, суббота

Читал кафизмы за утреней, к повечерию не ходил: были дела у Батюшки. Сейчас пора ко бдению. Вчера брат Кирилл уехал из Оптиной в Петербург.

29 ноября, воскресенье

Вчера за бдением Батюшка говорил слово о внешнем и внутреннем монашестве. Говорил хорошо. Указывал на поучения преп. Аввы Дорофея как на прекрасную книгу, поучающую нас и внешнему и внутреннему монашеству:

«Сначала надо приобрести внешнее монашество или монашеское учивство, но на этом не останавливаться, а идти далее. Вот преп. Авва Дорофей и научает, как соединять одно с другим. Внутреннее монашество есть очищение сердца от страстей при содействии молитвы Иисусовой. Монашеский чин выше царского, ибо царь хотя бы долго процарствовал, все-таки умрет, и царство его прекращается. А монахи должны быть *царями и иереями Бога* ³²⁷ Все-

³²⁷ Ср.: Откр. 1, 6; Откр. 5, 10.

вышнего во веки». И вообще говорил о высоком назначении монашества.

Сегодня был за обедней. После обедни пошел к Батюшке в келейную, чтобы взять сахару и чаю. Батюшка, увидев меня, дал мне хорошего чайку полфунта.

Вскоре пришел о. Нектарий, он служил сегодня, и сегодня день его Ангела. Здесь я его поздравил и пошел к себе в келью. До трапезы читал. После трапезы были у о. Иоилы по делам. В 2 часа был у Батюшки, Батюшка дал мне книгу «На горах Кавказа». До вечерни почитал ее.

Сейчас возвратился от Батюшки. После откровения помыслов Батюшка мне сказал, что о. Архимандрит уехал в Москву для лечения, а Батюшка назначается временным его заместителем.

30 ноября, понедельник

С сегодняшнего дня скитяне начали готовиться³²⁸. В этот день Батюшка был пострижен в мантию, как он мне об этом сказал сегодня. Сегодня мне удалось после обеда исполнить правило келейное, то есть кафизмы и прочее, чего уже давно не было вследствие массы дел.

1 декабря, вторник

День прошел обычно, был на всех правилах и церковных службах, как это необходимо для готовящегося. Когда буду исповедоваться, не знаю. Надо подумать о грехах своих.

3 декабря, четверг

Сегодня Господь сподобил меня Таинства исповеди. Исповедался я в своих обычных грехах, а кроме того, я вспомнил, по милости Божией, прежде содеянные страшные грехи, бывшие в миру.

Был в бане. Трапезовал обычно, с Батюшкой.

После трапезы, когда Батюшка лег отдыхать, я сел возле него на стуле. И вдруг Батюшка говорит мне:

— Николай Митрофанович! — Я почему-то для себя неожиданно говорю:

³²⁸ Ко Святому Причащению.

- Что скажете, Батюшка?
- Я скажу Вам, что ад действительно существует...

4 декабря, пятница

Был на утрени. Батюшка говорил слово очень хорошо; вернее сказать, Батюшка читал избранные места из какой-то книги, я думаю, что из «Отечника» епископа Игнатия. Потом ходил я к обедне в монастырь, как и вся скитская братия, для принятия святой Богоявленской воды. Пил чай у Батюшки, а также и трапезовал. Ходил в монастырь в лавочку по Батюшкиным делам. Сейчас опять исповедал Батюшке еще свои прежде содеянные грехи. Скоро ко бдению, надо собраться с мыслями.

5 декабря, суббота

Сподобил меня Господь принятия Святых Христовых Таин.

Припоминается мне Батюшкина беседа о господине Погожеве, известном более под псевдонимом «Поселянин». Он пишет статьи духовно-нравственного содержания.

«Вы себе представить не можете, какая громадная разница между теперешним его лицом и прежним. Ничего нет общего!.. Я помню, был он у нас в Скиту за трапезой лет 15—17 назад. Я сидел в уголке около портрета о. Паисия Величковского, а он сидел на первом месте около иеромонаха. Я залюбовался им. Не подумайте, что я говорю про телесную красоту, нет, я говорю про внутреннюю красоту, которая выступала наружу в выражении его лица и даже во всех его движениях.

Было лето, окна в трапезе были растворены. Он сидел как раз перед окном, спиною к читающему. Помню, подали уже второе или третье, он съел две-три ложки и, положив ложку, устремил свой взгляд в окно; и чувствуется мне, что смотрит он на храм, на чудные сосны, затем поднимает еще выше, в голубые небеса с мыслью о великом и бесконечном Боге. „Господи, — думаю я, — какой же должен быть внутренний мир этого человека?!“ До тех пор я уже знал его по его сочинениям, а тогда просто полюбил его. Я попросил у о. Иосифа благословения познакомиться с ним. Отец Иосиф прислал его ко мне в келлию, и там была у нас беседа первая и последняя...

Вот я ему и говорю теперь, когда он был у меня:

— Вы помните тогдашнюю нашу беседу?

— О да! Она вся у меня здесь, — он прижал руки к сердцу.

— Помните, я тогда говорил о внутреннем или, как иногда называют, о мистическом монашестве, которое Вам, собственно, и нравится... Так вот, поступайте к нам в Скит, Вам еще не поздно. Но только не думайте, что сразу нужно на небо взлететь и мертвецов воскрешать! Нет, сначала нужно упражняться во внешнем монашестве, перешагнуть его, а приступать сразу ко внутреннему нельзя, нужно потерпеть всякие скорби, унижения и озлобления и внутри себя от диавола, и совне от неразумных собратий. Сначала нужно пройти весь искуc. Иногда даже будете чувствовать отвращение и ненависть к монашеской жизни. Нужно испытать борьбу со страстями, стяжать смиренное о себе мнение и многое другое... Поступайте к нам в Скит, дам я вам келийку. Будете ночью выходить любоваться чудным звездным небом... И сами посудите, что принес Вам мир? Какую получите Вы от него пользу?

— Хорошо! Теперь я буду приезжать в Скит. Ну, а если я поступлю в Скит, то меня заставят бревна таскать, а я этого не могу...

— Нет, Вас не заставят бревна таскать, прежде всего потому, что Вы не сможете ни одного бревна поднять. Послушание всегда дается сообразное с силами...

Видите, вот в этом у него дикие понятия о монашеской жизни, хотя про монашество он всю жизнь писал. А почему? Потому что не проходил опытом личным монашеской жизни.

Когда Батюшка кончил говорить, я спросил:

— А что нужно относить к внешнему и что — к внутреннему монашеству?

— Над этим вопросом много потрудились и епископ Игнатий, и епископ Феофан. Епископ Игнатий написал об этом отдельную статью во 2-м томе³²⁹, а епископ Феофан отдельную книгу «Внутренняя жизнь». Внешнее монашество — это упражнение в подви-

³²⁹ Может быть, имеется в виду «О существенном делании монаха» // Творения ... свт. Игнатия. Т. II. Аскетические опыты. Репр.: Сретенский м-рь, 1998. С. 148—159.

гах: посте, бдении, сюда же относится исправное по внешности посещение церковных служб, трезвенность и прочее. А внутреннее монашество — это борьба со страстями, очищение сердца.

6 декабря, воскресенье

Сегодня день моего Ангела. Был за обедней в Скиту обычно. Батюшка не служил у нас, ибо как временный настоятель всей Оптиной Пустыни служил в монастыре.

После обедни я сразу пошел с просфорой к Батюшке. Он благословил, поздравил меня и сказал так: «Желаю Вам много лет жить хорошо и притом в Скиту, и проводить все дни вашего Ангела в Скиту, и в день Вашего Ангела умереть в Скиту». Кажется так, во всяком случае, смысл верен...

Скоро нужно идти в монастырь на молебен.

На днях я был свидетелем благоразумия Батюшки, рассуждения, любви, смирения и даже не знаю, что сказать.

Есть в монастыре один монах, уже старый, лет 50 живущий в монастыре. Мне Батюшка говорил про него, что его не могли смирить ни о. Исаакий, ни о. Досифей, ни теперь о. архимандрит Ксенофонт. На все обличения он отвечал грубостями и дерзостями. Вот на этого монаха поступили к Батюшке жалобы от монастырских братий. Батюшка решил позвать к себе этого монаха. Он пришел. На первое же слово Батюшки он начал говорить дерзости и грубости, и даже закричал на Батюшку. Ворча и угрожая, вышел он от Батюшки и ушел. Батюшка позвал казначея и благочинного и сказал им, чтобы с него была снята мантия и даже рясофор. Но монах не послушался и сказал, что не желает этого. Тогда Батюшка сумел так распорядиться, что этот монах пришел неузнаваемый к Батюшке, упал на колени с плачем, прося прощения и благословения, изъявляя покорность.

Батюшка тотчас же простил:

— Бог тебя простит.

Но монах, не вставая с колен, все просит прощения.

— Бог простит, меня прости, — говорит Батюшка и, успокоив немного монаха, отпустил его.

Когда я вошел, Батюшка сказал мне: «Это чудо. Слава Тебе, Господи!»

Батюшка встал перед иконами и помолился. Всякому понятно, что Батюшка все это делает для пользы братий, то есть смиряет и утешает, и все другое. А о смирении Батюшкином я уже не буду и говорить.

7 декабря, понедельник

Когда я вчера уходил из церкви, Батюшка сказал мне, чтобы я его проводил. И вот, когда я провожал Батюшку до келлии, он мне сказал: «Обратите внимание на эту картину (то есть изображение преподобных отцов, которое находится в Предтечевом храме по правую сторону от двери, когда выходишь в придел преп. Макария) и на главную таблицу. Я вам после расскажу об этом дивную историю...»

Затем я проводил Батюшку и пошел к себе в келлию.

Сегодня помогал на общем чае. После чая, когда мыл посуду, то не воздержался от празднословия, после которого всегда бывает неприятно на душе.

Батюшка служит в монастыре.

Сегодня, то есть в день памяти батюшки о. Амвросия³³⁰, начало моего поступления в Скит, хотя принят я в Скит 9-го декабря.

В этот день, то есть 7-го декабря, принят, собственно, один Иванушка, да и то не совсем, ибо еще не было известно, что скажет о. Архимандрит. В этот день Батюшка дал благословение Иванушке проситься в Скит. А я ждал, когда придет время, ибо мне Батюшка сказал: «Когда придет время, поступите в Скит», — а пока посоветовал поступить на какое-либо место^[90]. Поэтому я думал, что поступлю на какое-либо место, и приехал в Оптину, не имея определенной цели. И был неожиданно принят по милости Божией.

Помню, хотя и не ясно, что Батюшка, принимая нас (уже обоих), упоминал про день памяти батюшки о. Амвросия, считая его как бы благословением батюшки о. Амвросия нам на иноческую жизнь.

³³⁰ 7 декабря (ст. ст.) празднуется память свт. Амвросия Медиоланского — день именин преп. Амвросия.

Вечером

Запишу кое-какие Батюшкины слова. Например, помнится, перед вечерними молитвами однажды Батюшка сказал так:

— Долго я не понимал слов псалма: *Глас Господа, пресецающего пламень огня*³³¹, и уже в монастыре я подумал так: мы на земле имеем огонь, пламень которого имеет и жар, и свет. Но между раем и адом огонь разделяется так: свет находится в раю и веселит праведников, а жар без всякого света жжет грешников в аду, ибо пишется, что бездна адского пламени находится во тьме, и даже грешник не может видеть никого другого... Господи, спаси и помилуй! Чем хочешь накажи, Господи, здесь, — только помилуй там!..

Сейчас приходил Иванушка, он в очень опасном положении: все хочет уходить, сам не знает куда, говорил, что на Афон. А мне думается, что это просто вражье искушение. Он ухватился за мысль, что, если не получаешь пользы в известном месте, то ищи другое. Говорит, что это написано в Лествице, но я что-то этого не помню^[91]. Да спасет его Господь.

9 декабря, среда

Сегодня день моего принятия в Скит, день Нечаянной Радости. Особенного сегодня ничего не заметил. Много занимался послушанием. Трапезовал с Батюшкой (я, собственно, говорю про утреннюю трапезу в 11 часов), а после трапезы к 12 часам проводил Батюшку в монастырь к о. Архимандриту, который приехал вчера вечером.

Вчера вечером я остался у Батюшки до пол часа первого ночи. Пока Батюшка слушал вечерние молитвы, я пошел в моленную справлять пятисотницу, но вдруг меня Батюшка быстро позвал к себе и сказал так: «Адские муки несомненно существуют, и эти муки будут вещественны. Души и праведников, и грешников имеют даже одежду. Например ведь святители являлись в святительских одеждах³³². Там, быть может, будут города и тому подобное. Все видят адские муки в условиях земного существования, только будет не это грубое тело, а более тонкое, вроде газообразного³³³. Но все

³³¹ Пс. 28, 7.

³³² Ср.: *В доме Отца Моего обителей много...* (Ин. 14, 2).

³³³ Изложенный взгляд преп. Варсонофия соответствует учению свт. Игнатия о «тонкой телесности» духов.

это будет до Страшного Суда, а что будет после него, того никто не знает, даже Ангелы. Это — тайна!»

Батюшка говорил что-то про зеркало, объясняя подобием его адские муки, говорил и про отражения в зеркале, но я не совсем понял это.

С Иванушкой что-то сделалось. Говорит, что обязательно уйдет из Скита на Афон, во что бы то ни стало. Ни с какими моими доводами против такого его решения он не соглашается. Был сегодня у Батюшки более часа и около получаса после обеда, часа в 2—3. О чем он говорил с Батюшкой, не знаю.

10 декабря, четверг

Сейчас, когда Батюшка ложился отдохнуть после обеда, я был возле него, и между прочим, Батюшка сказал мне так:

— Знайте, что Вы меня похороните, мне уже не долго осталось жить... — Я, помолчав, сказал:

— Как?

— Похороните, конечно, не один, а вместе со всею братией. Но чувствуется мне, что Вы будете при мне, что Вы закроете мне глаза и, быть может, взгрустнете: нет, мол, уж больше батюшки Варсонофия... Но в каком чину Вы тогда будете, я не знаю^[92].

11 декабря, пятница

День прошел обычно. Хотя вечерня и была в церкви, но я не мог быть за множеством дел.

12 декабря, суббота

Был за утреней, за обедней; был, по обыкновению, у Батюшки, вместе с ним и трапезовал. К повечерию не ходил.

После повечерия был у Батюшки Иванушка. Когда он вышел, мне Батюшка сказал: «Помолитесь за брата, помолитесь, — сатана сильно на него восстал».

Я вот сейчас по силе и помолился, да спасет его Господь и отведет от гибели. Скоро ко бдению... Эти дни я говорил с Иванушкой и старался всячески показать ему неосновательность его желания, но ничего не мог поделать: он оставался при своем и все ссылается на разные места из «Лествицы» и других духовных книг.

15 декабря, вторник

Сейчас пришел от Батюшки, уже четверть 9-го вечера. Батюшка почувствовал такую слабость, что не мог стоять за вечерними молитвами и сразу лег спать. Я сидел сейчас на стуле у батюшкиной постели и смотрел на него. Батюшка говорит: «Расскажите мне что-нибудь». А я не могу ничего придумать: то молитву Иисусову творю, то мысленно прошу спасти Батюшку. Спаси, Господи, и помилуй Батюшку! А когда читали вечерние молитвы и после них читали *Богородицу* и прочее, то произошло такое искушение: я и брат Никита никак не можем удержаться от смеха, и смех у меня был настолько силен, что мне было больно грудь. Сознаешь, что вовсе не время и не место смеяться, а удержаться не можешь.

13-го числа я узнал от Батюшки, что 13-е декабря — день открытия пострига Батюшки, ибо он имел тайную мантию, в которую пострижен 30-го ноября, за несколько лет до открытия пострига.

16 декабря, среда

Уже более половины 12-го ночи. Я только что пришел от Батюшки. Сначала занимались делами, а потом беседовали.

Много мне Батюшка говорил, а всего записать невозможно. Говорил Батюшка о неизвестности своей смерти и в соответствии с нею о времени моего пострижения в рясофор и мантию, а быть может, и посвящения в священный сан.

«Пока я живу, пока я на этом свете, Вы будете ровно жить... Через 10 лет Вы, конечно, встали бы на ноги, но я не надеюсь, что проживу столько. А после меня Вам придется потерпеть; конечно, таких скорбей, как я испытал, вам Господь не пошлет, а придется потерпеть... Вы будете в моем положении, когда все обрушится на Вас, но Вы не поколеблетесь».

Говорил Батюшка, что надо прямо идти, иметь твердость.

Под конец беседы, когда я уже собирался уходить, я сказал Батюшке:

— Батюшка, когда мы уезжали из Скита еще мирскими, Вы нам сказали так: «У Вас, Николай Митрофанович (Вы часто ошибались и называли меня Никифоровичем), произволение тверже, и я чувствую, что мне с Вами еще придется встретиться на монашеском пути...»

— Да, это сбылось уже, мы уже встретились. Дал бы нам Господь идти вместе по монашескому пути — а мы можем вместе идти, дополняя один другого... Помолитесь, батюшка, помолитесь...

— По силе всегда молюсь, — сказал я.

Я заметил, что Батюшка меня называл несколько раз «батюшка», прося при этом молитв. Вижу я любовь Батюшки ко мне и великое смирение вообще...

Недавно Батюшка подвел меня к иконам и говорит:

— Помолимся.

Помолились, и Батюшка опять:

— У Вас есть от естества миролюбие³³⁴... Развивайте его в духовном направлении. Из Вас может выйти хороший монах.

Спаси, Господи, и помилуй Батюшку!

19 декабря, суббота

Эту ночь, то есть с 18-го на 19-е, я первый раз ночевал у Батюшки на диванчике под портретами старцев.

Вчера я видел о. Гавриила, иеромонаха, исполняющего должность эконома в архиерейском доме в г. Калуге. Он очень радушно встретил меня. Это было в сенцах у Батюшки, к которому он пришел.

Когда я пришел к Батюшке сегодня в 2 часа, Батюшка мне рассказал, что он недавно в 10—11 часов чуть было не попал в смертельную опасность, а именно: в варенье ему попало шарообразного вида с острыми углами хрустальное стекло. Конечно, если бы Батюшка по неосторожности проглотил его, то умер бы от этого.

Сейчас читал Батюшке каноны и акафист, ибо за повечерием читался только трипеснец.

Иванушка сегодня приобщался, ибо вместе с братией не приобщался.

20 декабря, воскресенье

Особенного за этот день ничего не заметил.

³³⁴ То есть «мир души».

Недавно приходил к Батюшке о. Павел из канцелярии³³⁵ для переговоров о написании письма, кажется, какому-то архимандриту на его вопрос: в чине пострижения в схиму есть выписка из творений преп. Симеона о том, что всякий не совершивший этим великим образом, то есть схимой, — не монах. Как не подумать о современном монашестве, о тех, которые не приняли схимы, а только мантию, и если здесь какое-либо недоразумение, то как его примирить и разъяснить. На это Батюшка сказал так:

«Не знаю, насколько верно мое предположение, но я думаю так: прежде не было никаких рясофоров и мантий, была одна схима. Эти подготовительные степени, то есть рясофор и мантия, учреждены впоследствии, когда монашество уже ослабело. Правда, мантия немного отличается от схимы. А прежде было так: поступает в обитель ищущий спасения, его испытывают некоторое время, и если он оказывается имеющим произволение, если можно ожидать, что из него выйдет монах, то его сразу постригали в схиму³³⁶. Так что прежде были только два разряда: послушники, то есть ис-

³³⁵ После смерти о. Ераста начальником в канцелярии был о. Павел (Крутиков, впоследствии иеромонах Парфений). Когда умер преп. Никон, о. Парфений находился там же, в пинежской ссылке, но, простившись с батюшкой, от участия в погребении уклонился, т. к. не состоял в молитвенном общении с ним из-за своих симпатий к «движению непоминающих».

В № 5 за 1990 г. журнала «Литературная учеба» автор статьи «Страницы жизни шамординской схимонахини Серафимы» на с. 27 ошибочно объединяет понятия «сергианец» и «обновленец», в противоположность «тихоновцам». Таким образом, называя о. Никона «сергианцем», который не запрещал своим чадам посещать обновленческие храмы (но сам их не посещал), автор статьи пишет, что «...о. Петр тоже боялся стать обновленцем рядом с о. Никон», тем самым обнаруживая полное смешение понятий различных раскольнических течений на заре XX века. Отдавая должное трудам автора «ЛУ», посвященным преп. Никону, мы считаем необходимым заметить, что, во-первых, «иосифлянский» раскол (движение «непоминающих») и обновленческое движение («живая церковь») — это два различных течения, два разных раскола; а во-вторых, о. Никон в обоих случаях стоял на ортодоксальных консервативных позициях (т. е. «обновленцем» никогда не был и поминал митр. Сергия, как главу РПЦ), не уходя ни в какие расколы, а до конца дней своих оставался верным Христу, Русской Православной Церкви и ее священноначалию.

³³⁶ Точно так установлено по сей день на Святой Горе Афон.

пытываемые, и схимники. Отсюда надо и полагать, что не принявший в то время схимы был простой мирянин... Но я вам повторяю, что это мои личные рассуждения...»

Затем вскоре после этого, а именно 14-го декабря вечером перед чтением вечерних молитв, я опять заговорил с Батюшкой об этом же. Не помню, кто начал; кажется, Батюшка. Был здесь же и брат Никита.

— Я полагаю, Батюшка, что для разъяснения этого вопроса, — сказал я, — можно обратиться к следующему происшествию: скончались схимонах и послушник, их погребли как должно. Потом, когда их откопали через некоторое время, то оказалось, что схима надета на послушника, а схимонах лежит без схимы³³⁷. Поэтому я думаю, что можно быть монахом и не принимая схимы.

«Это значит то, — сказал Батюшка, — что этот послушник проводил жизнь схимонаха, а схимонах жил недостойно своего звания и чина. Но этим схима не умаляется. Не все могут быть такими, как, например, Оптинский послушник брат Елисей³³⁸ — он имел даже дар повелевать диким животным и тому подобное, хотя даже мантии не принимал. Но не все такие, как брат Елисей... Мантия и схима имеют то великое значение, что принимающему их дается и благодать жить по-монашески, дается благодать исполнять монашеские обеты. Здесь мантия и схима похожи на оружие, которое дается воину, когда он идет на брань. Ему есть чем встретить врагов и защищаться и отбиваться от них. В этом смысле мантия и схима имеют великую силу и значение».

Сегодня память священномученика Игнатия Богоносца. И пришлось мне как раз про него прочитать в книге «На горах Кавказа», и про епископа Игнатия Брянчанинова там же. И тот и другой были великие делатели молитвы Иисусовой.

³³⁷ Этот эпизод, видимо, взят из жития преп. Пимена Многоболезненного († 7/20 августа 1110 г.).

³³⁸ Послушник Елисей («пустынник») нес послушание на монастырской лесной даче, где и жил в уединенной хижине; звери и птицы к нему привыкли. К богослужению часто ходил в монастырь; постриг не принимал по своему великому смирению и сознанию недостойности. В связи с тяжелой смертельной болезнью был перевезен в монастырскую больницу, где и преставился ко Господу 28 мая 1877 г.

21 декабря, понедельник

Обычно провел день — у Батюшки за письменными работами. Особенного ничего не заметил. Сегодня уже 12 часов, полночь. Я возвратился сейчас от Батюшки. Под конец немного побеседовали. Батюшка выразил мне свои самые искренние чувства отеческой любви и вдруг добавил:

— Вот ведь и батюшка Анатолий, великий старец, был как-то особенно расположен ко мне. Быть может, он и прозревал, что я буду на его месте и старцем и начальником Скита. Ведь его пророчества и поныне сбываются...

Затем я стал одеваться, чтобы идти в келлию к себе, а Батюшка говорит:

— Не думайте, что Вы случайно попали сюда. Нет, Ваше поступление в Скит глубоко промыслительно. Что бы я стал делать?! Конечно, дело бы шло, но не так...^[93]

А перед этим я еще был у Батюшки в кабинете, мне Батюшка желал «встать одесную Бога» и прочее, тому подобное...

Когда Батюшка умывался и потом пришел в залу и вытирал лицо полотенцем, он сказал:

— Я устаю, но я более чем в три раза старше Вас, а я думаю, что и Вы устаете?

— Нет, я не замечаю, Батюшка. Одно я замечаю, что ноги мои слабеют; иногда сидишь, сидишь — а как встанешь хоть минут на пять, опять хочется сесть.

— Да... Но и это меня радует, — сказал Батюшка, — это Вам будет давать меньше развлечения, и будете Вы жить да жить в Скиту, как о. Геннадий³³⁹.

22 декабря, вторник

Когда Батюшка ложился сейчас отдыхать, я был при нем. Между прочим Батюшка сказал:

— Знаете, на местах, где теперь стоят храмы, монастыри и вообще святыни, прежде стояли идольские капища и идола. Нередко читал в житиях святых так: «Идеже бе капище, создана церковь».

³³⁹ Схимонах Геннадий (Туманов, 1813–1899). Прожил в Скиту более 60 лет.

Значит, так угодно было Богу для посрамления и смирения гордыни диавола...

А я вспомнил, что был в Москве театр-ресторан «Омон», — не знаю, существует ли он теперь?³⁴⁰ Я про него слышал, что он устроен на месте упраздненного храма. Я это и сказал Батюшке.

— Да, да... так это и будет в последние времена. Храмы будут разрушены, а на месте их устроены синагоги евреев и буддийские храмы и прочее. Это теперь уже и есть во Франции... Монастыри будут в великом притеснении и гонении, истинные христиане будут ютиться в маленьких церковочках... Не дай, Господи, дожить до этого времени. А Вы доживете, будете в монастыре, которые вообще будут в гонении, а потому и в лишении. Я уже буду лежать в земле сырой; и придет моя деточка на мою могилку и скажет мне: «Милый папочка! Батюшка Варсонофий! Помоги мне, помолись за меня, мне очень тяжело!» Так, моя деточка, так... Прочитайте мне что-нибудь.

Я прочитал из «Духовного луга» об авве Сергии, как он дал льву хлеб своими руками и приказал ему удалиться, чтобы он ему и его спутникам не мешал³⁴¹, и ушел к себе в келлию.

Благословился я у Батюшки написать обычные письма в Москву.

25 декабря, пятница

24-го числа был за утреней, за часами. Читал 1-й час.

Это исполнилось два года, как мы поступили в Скит. После часов зашел к Батюшке в келлию, прибрал ее немного для праздника, почитал. Был за обедней, потом на трапезе. После трапезы пошел к Батюшке, напился чая. Делал разные дела и наконец начал читать Батюшке правило: каноны, которые нужно вычитывать для служения Литургии. Часов в 7 я пошел от Батюшки в келлию.

Была чудная, тихая, ясная, морозная ночь. Часов в восемь я лег, без четверти 12 встал и пошел к Батюшке. Батюшка решил в

³⁴⁰ Теперь на этом месте Художественный театр.

³⁴¹ Луг духовный блаж. Иоанна Мосха / Пер. прот. М. Хитрова. Гл. 125. С. 150—151. Репр.: Троице-Сергиева Лавра, 1991.

монастырь не ходить, а править утреню у себя. Оба келейника, о. Кукша и я, остались при Батюшке. Отправив утреню, мы разошлись. Обедня началась в 7 часов, а я немного проспал, пришел к Апостолу, немного пораньше. После обедни пошел обычно в трапезу, от трапезы к Старцам на могилки. Затем к Батюшке Христа славить, потом к о. Иосифу. Потом к Батюшке опять, уложил его отдыхать, а сам ушел в келлию, затопил печь, поручил ее Иванушке и пошел готовить общий чай. После общего чая опять к Батюшке, Батюшка дал мне книгу «На горах Кавказа». Я почитал ее до вечерни. Придя до звона к вечерне, я сел, творя молитву, — и тихо у меня на душе... После вечерни — на трапезу и к Батюшке. Попил чайку и вычитал каноны вместе с о. Никитой. Батюшка опять служит завтра.

И я теперь в келлии у себя. Перед образами горит лампада, тихо кругом. Ночь такая же чудная, звездная и морозная, мороз доходил до 27 градусов. За все слава Богу. Вот и Иванушка как будто образумился^[94]. Слава Богу!

27 декабря, воскресенье

Вчера утром пришел к Батюшке после чая. Хотели почитать «На горах Кавказа», но эта книга была у меня в келлии. Поэтому мы немного побеседовали. Говорил Батюшка о трудности спасения в нынешнее время.

— А Вы, — сказал Батюшка, обращаясь ко мне, — избрали благую часть. Желал бы я видеть Вас в рясофоре и мантии, но не знаю, буду ли жив. Тогда (то есть когда получу мантию) будет приложена к Вам царская печать. Тогда уж от Вас будет зависеть, сохранить ее или разломать.

Говорили о стихотворении «Величие Богоматери», написанном самим Батюшкой. Это стихотворение очень понравилось редактору-издателю того журнала, куда Батюшка послал это стихотворение для напечатания, и они приписали: «К празднованию дня Собора Богоматери 26 декабря». Батюшка сказал даже что-то вроде того, что он будет на Страшном Суде просить Божию Матерь избавить его вечных мук, указывая на это стихотворение.

Но долго не пришлось нам беседовать, сначала Батюшка немного прилег отдохнуть, а я сел читать «Отечник» епископа Игнатия (Брянчанинова)³⁴².

«Это хорошо Вы сделали, что стали читать эту книгу. Она составлена так: епископ Игнатий выписывал то, что отвечало на волнующие иноческие вопросы. С этой стороны этот труд его незаменим. Многие недоумения, долго волновавшие кого-нибудь, сразу разрешаются какой-нибудь выпиской».

Это мне Батюшка сказал, когда встал. Тут начали приходить исповедники, монашки, нищие, славильщики-мальчишки, а там пришло и время трапезы. Другая часть дня после трапезы прошла быстро, ибо было повечерие и бдение.

Сегодня был за обедней, к Батюшке зашел на одну минуту до обеда. А потом читал «На горах Кавказа» у себя в келлии. Но случилось вот какое искушение. Так как стоит мороз 20—25 градусов, то я, желая получше натопить печку, положил туда порядочно дров, да испугался, как бы не повредить печку сильным огнем, но дрова то уже разгорелись. Поэтому я принес снегу и засыпал огонь. Когда дрова потухли, я их вынул и окончательно потушил, закопав в снег. Это отняло у меня порядочно времени, да и неприятно было.

После трапезы приходил ко мне в келлию Иванушка, что-то уж очень веселый. Но все-таки ничего. Хотя и отнял время, но почитал «Толковую Псалтирь» Зигабена, 100-й псалом. А теперь уж скоро к вечерне.

Вечером

Благословение всей братии было заочное. А я, как всегда, вошел к Батюшке и, приняв благословение, ушел. Взял с собой я книгу «На горах Кавказа». Давая эту книгу мне, Батюшка сейчас сказал: «Идите и насладитесь». Я и думаю сейчас почитать ее, ибо пятисотницы не полагается теперь.

28 декабря, понедельник

Сейчас приходил к Батюшке монастырский ризничный — пономарь. Когда я вошел к Батюшке после его ухода, Батюшка мне сказал:

³⁴² Творения иже во святых отца нашего свт. Игнатия, еп. Ставропольского Т. VI. Отечник. Репр.: М.: Сретенский м-рь, 1999.

«Страшные вещи сейчас рассказал он мне, страшные вещи. Про одного монаха. Что будет тогда, когда Оптиная Пустынь наполнится такими людьми... Я, конечно, не доживу, а Вам придется бороться с этим. Много придется Вам пролить крови и слез. Да, много придется вам пролить *поту, слез и крови*... Конечно, *Господь не попустит, Оптина будет стоять...*»³⁴³

Иногда Батюшка говорит, как бы размышляя, предполагая, а иногда твердо, уверенно, такие слова мне запоминаются более. Так и сегодня особенно ударил на слова «пролить поту, слез и крови», и даже повторил их, хотя первый раз и не сказал слова «поту». Буди воля Господня!

Вечером

16-го декабря у меня была беседа с Батюшкой. Кое-что из этой беседы я уже записал, теперь хочу еще немного записать.

Как-то после бдения Батюшка указал мне на изображение преподобных отцов в Предтечевом храме на стене около двери и сказал, чтобы я напомнил ему об этом. И вот 16-го декабря Батюшка сам начал мне об этом рассказывать:

«Когда скончалась моя мать, я не поехал ее хоронить, ибо я был уже в Скиту, а поручил все дело сделать одному доверенному лицу. После ее похорон мне переслали тысячу рублей, и я решил дать эти деньги о. Иосифу на вечный помин за отца, первую родную мать и себя. Я был тогда уже рясофорным. Не знаю, почему меня записали на главную таблицу, как и следует по сумме вклада, но как раз после о. Иосифа. И я, и все, конечно, слышали, как всегда поминали: „Иеросхимонаха Иосифа, монаха Павла“³⁴⁴, — и далее. И вот мне помысл и говорит: „Ты будешь после него начальником и старцем, ты будешь его преемником...“ Я отвечаю: „Как я могу быть, когда всеми унижаем, презираем, гоним и неспособен по болезни глаз!“

Проходят года, я остаюсь таким же бедным послушником. Начали ремонт старого храма. Прежде на том месте, где теперь четыре

³⁴³ Важное, как нам кажется, предсказание о нынешней Оптиной, дарованной нам трудами, слезами и кровью новых мучеников и исповедников.

³⁴⁴ В то время преп. Варсонофий был в чине инок — рясофорного монаха.

преподобных: Иосиф Песнописец, Варсонофий Великий, преп. Иоанн Пророк и авва Дорофей, было их только три: преп. Варсонофия Великого не было. Вот я прихожу после ремонта и вижу, что после преп. Иосифа Песнописца еще изобразили преп. Варсонофия, а помысл мне говорит: „Да, ты будешь после о. Иосифа начальником и старцем“... Еще проходят года, я остаюсь все таким же... Приезжает епископ Макарий, вся братия собралась в Предтечевом храме. Тут о. Даниил³⁴⁵, всегда и всем предлагавший сняться как любитель-фотограф, предложил это Владыке. Владыка согласился. Принесли аппарат, все стали устанавливаться, а я, чтобы не выйти на снимке, отошел от всех и встал в угол позади всех. Когда сняли и уже изготовили карточку, я, взглянув на нее, увидел, что вышел на карточке, хотя и далеко стоял, и вышел как раз по прямой линии за о. Иосифом, а помысл мне говорит: „Ты будешь начальник и старец после о. Иосифа...“ Проходят годы, настает японская война, и я еду на войну по назначению за послушание и говорю своему помыслу: „Ну вот, как же я буду старцем? Когда я возвращусь? Да и придется ли возвратиться, я слаб, могу и не доехать, а война, говорят, продлится лет на 20?“

Потом оканчивается война, и я возвращаюсь в Скит. Заехал к преп. Серафиму Саровскому. Было воскресенье, стою я за обедней, вдруг подходит ко мне совершенно незнакомый монах и говорит: „С памятью Старца Вас, батюшка“. Я спрашиваю: „Какого?“ — „Батюшки отца Амвросия, ведь сегодня день его кончины“. — „О, да, знаю, знаю“, — сказал я, ибо мне было совестно признаться, что я забыл про это. Я пошел, вынул просфору за батюшку о. Амвросия... Потом, когда я приехал в Скит, я узнал, что в то самое время о. Иосиф так захворал, что до утра даже, казалось, не доживет. Думал он служить сам, пришел от бдения и захворал... Я приезжаю, и действительно меня назначают духовником, старцем и, наконец, начальником Скита...

Вот я и говорю вам, что нет ничего случайного в жизни нашей. Даже то, что кажется пустяком, имеет свой смысл... Я не желал и не искал этого своего положения, не просил. И стою на этом посту за послушание... и думаю: быть может, и лучше было бы для

³⁴⁵ Иеромонах Даниил (Болотов).

меня, если бы я жил в той своей кельйке, терпел бы скорбь и творил бы молитву Иисусову... Но если бы я не был начальником Скита, Вас бы не приняли в Скит... Но все мне думается: быть может, и даст мне Господь упокоение, когда я займусь приготовлением себя к той жизни исключительно; а теперь это невозможно, весь я разорван по частям: то то, то другое. А все-таки я думаю: быть может, сподобит Господь.

Я никому не говорил никогда, а Вам скажу: когда я ездил к о. Варнаве³⁴⁶, он мне многое предсказал, и многое уже исполнилось. Он сказал мне: „Будут тебе все кланяться...“ — и действительно, кланяются, а потом: „Будешь жить и творить молитву Иисусову“. — А хорошо бы так...»

Когда это Батюшка говорил, я стоял сбоку его, в дверях, около дивана, на котором Батюшка сидел под портретами Старцев. Хорошо я помню эту картину: в кельи полумрак, горит только лампада перед образом Божией Матери, освещая Ее Божественный лик. Кругом тишина, только и слышно, как тикает маятник часов. А Батюшка с открытой головой, весь белый, сидит и произносит свои глубоко-вдумчивые и осмысленные слова, быть может, пророческие, а я стою около сего великого старца, молчу и смотрю на дорогого мне Батюшку.

Наконец, настало время расстаться нам для ночного отдыха. Вышел я в Скит от Батюшки, иду под впечатлением беседы, а вокруг меня поющая и ликующая ночь. Тихо и ясно. Полная луна освещает наш укромный скиточек. Все блестит и торжествует. Сосны и все деревья, покрытые белым инеем, недвижно стоят в своем уборе, безмолвии своем, славя Бога; оба храма, и старый, и новый, словно дворцы какие, стоят облитые лунным светом... Все чудно хорошо...

29 декабря, вторник

Сегодня, придя от Батюшки ко времени утреннего чая, я заметил, что как будто Батюшка расстроен. Батюшка чаю уже напился; пока я пил чай, Батюшка прилег отдохнуть до полного рассвета. Но вот уже и совсем рассвело, я подхожу и говорю, что теперь уже светло. На это мне Батюшка сказал принести стул и сесть под-

³⁴⁶ См. примеч. 264.

ле его кровати. Я принес стул и сел. «Мне надо отдохнуть за эти дни, а вчера меня очень оскорбил один человек... Сядьте тут...» Я сел у Батюшкиного изголовья.

И так я сидел, творя молитву Иисусову, до трапезы, а Батюшка лежал. Когда трапеза была готова, мы потрапезовали, и Батюшка опять лег отдохнуть. Я почитал Батюшке перед сном три-четыре статеечки из «Духовного луга», а потом, когда Батюшка уснул, я сел на диван и стал читать «Отечник» епископа Игнатия. Потом после чая я обычно занялся делами послушания, но к вечерне и вечернему правилу идти не пришлось. Благословение было заочное, Батюшка был очень занят в женской половине, поэтому я и не стал дожидаться, а ушел в келлию.

Теперь я думаю записать кое-что из прошлого. Когда, освобожденный от воинской повинности, возвратился из Козельска 3 ноября сего года, я и Батюшка долго беседовали в тот вечер, «на радостях», как выразился Батюшка тогда. Между прочим я сказал тогда Батюшке:

— Вот как случилось, Батюшка: мне сейчас за трапезой пришлось читать житие преп. Виталия, а день его памяти замечателен для Вас тем, что Вы вступили в управление Скитом именно в этот день.

— Да, — сказал Батюшка, — по отношению к Вам это имеет тот смысл, что если бы был начальником не я, то Вас бы не приняли в Скит. А по отношению ко мне это имеет глубокий смысл: помните, что подвиг преп. Виталия состоял в особенности в том, что он обращал блудниц на правый путь жизни; и я не скрою от Вас, что ко мне часто приходят блудницы, спрашивая, что делать, а я — что Господь открывает мне и внушает — говорю им, и многие обращаются. Конечно, это Господь обращает их, я являюсь здесь только орудием в руках Господа...

Потом Батюшка сказал:

— Враг ненавидит, когда один относится к другому с искренним чувством и любовью о Христе. Он всегда старается посеять вражду и разъединение, как ненавистник добра. Вот я и говорю вам, что враг не оставит этих наших отношений, искренних и прямых, как отца к сыну. Ведь он нередко разъединял и святых. Но я говорю: если между нами будет сохраняться откровенность, про-

стота и искренность — то ничего он не сможет сделать, ибо нашей друг ко другу откровенностию будет разрушаться всякая его злоба. Это я считаю нужным сказать Вам.

Много потом еще было сказано. Рассказал мне Батюшка сон перед открытием пострига и посвящением в сан иеродиакона и иеромонаха. О том, как Батюшка видел себя на высокой башне, стоящей среди шумящего города, и как вошел к нему великан, которого Батюшка победил. Когда Батюшка рассказывал этот сон, мне он приказал сесть на диван, а сам стал около печки. Рассказав его подробно, Батюшка сказал мне, что он его рассказывал многим; все его признают сном духовным, но истолковать не могут. Так и теперь Батюшка обратился и ко мне с вопросом: как я понимаю его и что скажу. Я за послушание начал говорить то, что первое пришло в голову, и оказалось, что я сказал как раз то, что думал об этом и сам Батюшка. «Я с верою спрашиваю Вас, Вы говорите, а Господь просвещает и мой ум; теперь мне открылось то, чего я прежде не предполагал...» Замечу еще, что этот сон приснился Батюшке после того, как Батюшка в борьбе сильной и тяжелой — отказать от пострига и посвящения или нет, и не зная на что решиться, — встал перед своей иконой Казанской Божией Матери и обратился к Ней с мольбой помочь ему в этой борьбе. И вдруг за молитвой утихла борьба, мысль склонилась принять постриг за послушание, в сердце водворилась тишина, и Батюшка мирно лег для ночного отдыха — сна. И видит как раз этот сон.

Не знаю, почему я это все записал. Но я верю Батюшке, а записывать наши беседы я благословился у Батюшки еще в самом начале, когда только что поступил в Скит.

30 декабря, среда

Сегодня, когда я и Батюшка сидели и занимались, Батюшке пришлось подсчитывать деньги. Когда Батюшка кончил, он сказал: «Вот если, быть может, Господу угодно будет возложить на Вас иго игуменства или настоятельства (только и есть два самых тяжелых креста: царский и настоятельский), иго, хотя и очень тяжелое, но и благодатное, то я заранее говорю Вам быть очень осторожным и внимательным в денежном деле. Духовное само собой, а это само собой».

1910 год

1 января, пятница

После обедни пил чай с Иванушкой, потом пошел к Батюшке. А Батюшка послал меня в монастырь. Я воспользовался этим случаем, зашел на могилки Старцев и, сделав, что нужно было, возвратился в Скит. Пошел на общую трапезу, ибо и Батюшка был. Придя с трапезы, был все время у Батюшки до 3 часов. Когда Батюшка лег отдохнуть, я стал читать «Отечник» епископа Игнатия. На столе лежали четки из черного легкого бисера, мне эти четки понравились, ибо мне вообще нравятся четки прочные и, главное, не гремящие.

Когда Батюшка встал, я между прочим сказал, что эти четки мне нравятся, а Батюшка взял их и дал мне: «Если они Вам нравятся, то вот Вам их в собственное владение (или в вечное владение, или полное владение, я не упомянул). Обновите их на Крещение». Я поблагодарил Батюшку и сказал, что такой цели не имел.

Вследствие важных и спешных дел за вечерней быть не мог.

3 января, воскресенье

Сегодня память, день кончины моего отца по плоти. Служили панихиду по благословению Батюшки, поминали на обедне, и была кутья.

Вчера немного повздорили с Иванушкой. Сейчас я просил у него прощения. Совесть я очистил и перед ним, и перед Богом по отношению к этому случаю. Примирились ^[95]. Но он сказал мне много, чего я не знал, и сие было неутешительно.

Было сегодня и вот еще что. Батюшка говорил мне о делах в то время, когда мы рассматривали ведомости. Потом, обращаясь ко мне, говорит:

— Вы сказали, что это такая-то ведомость, а она не такая.

- Нет, я этого не говорил, — сказал я.
- Так Вы сказали, что она такая вот.
- Нет, и этого я не говорил, — сказал я.
- А Вы скажите: «Простите, Батюшка». Это будет по-монашески. — Я говорю:
- Простите, Батюшка.
- Самооправдание — не монашеское дело. Мне так в свое время и великий старец батюшка Анатолий говорил: «Никогда не оправдывайся».
- А если я, Батюшка, прав?
- Все равно, прав или не прав, промолчи, когда обличают, а потом скажи: «Прости, виноват».
- Ну, хорошо; а если скажут, что я убил человека, то и тогда не оправдываться?
- Да. Промолчи и скажи: «Прости». Если не убивал никого на самом деле, то, быть может, убил кого словом. Поэтому не оправдывайся, сознавай себя грешным и во всем виноватым. И за то, что ты так скажешь, Господь тебе впоследствии откроет, что ты действительно был виноват. Не надо настаивать на своем; если даже, например, указывая на нож, скажут, что это тигр, не надо возражать ничего.
- Я действительно сознал себя виноватым, и потом все было очень хорошо: Батюшка был, как и всегда, ласков и добр. Спаси, Господи, Батюшку.

4 января, понедельник

Сейчас полчаса одиннадцатого вечера. Я пришел от Батюшки. Была беседа, которая продолжалась час. Батюшка говорил о вечных муках, о райских блаженствах; говорил Батюшка о себе, как он, всеми презираемый, сделался иеромонахом и вскоре старцем и начальником: «Что Богу угодно, то и будет. Надейтесь только на Бога, а не на человека. Бог избирает Себе слуг и предназначает. Мне не открыто, как и кем Вы будете, но Вы все при мне, все мы вместе. Недаром Господь освободил Вас от воинской повинности. Живите по-монашески, и Господь не оставит: и здесь получили, и там получите. Только никому не говорите, что я Вам говорю».

Я принял благословение, и мы расстались.

5 января, вторник

Все прошло, благодарение Богу, хорошо. Правда, немного устал и даже заболела голова. Но когда я вычитал Батюшке каноны, то почувствовал себя гораздо бодрее, а головная боль и совсем прошла.

6 января, среда

Утреню в 1-й час ночи правили у Батюшки с келейниками и о. Кукшей. Потом был у обедни в монастыре. Все, слава Богу, хорошо. Вчера получил краткое поздравление с праздником от владыки Трифона^[96]. Спаси его, Господи.

7 января, четверг

Главный престольный праздник³⁴⁷. Был на водоосвящении, потом за обедней. Служил о. Архимандрит. В конце обедни я ушел помогать о. Никите готовить для приема служащих и гостей на чай после обедни. Ходил из келейной к Иванушке, и так как он чай пить не захотел, то я опять ушел в келейную и был до трапезы. Только после трапезы немного удосужился.

Когда Батюшка ложился отдыхать, он мне сказал: «Да, все, о чем учит Святая Церковь, — истина. И загробные муки существуют...»

А сейчас на благословении я сказал Батюшке, что замечаю в себе рассеянность и нерадение. Когда я это сказал, Батюшка прижал мою голову к своей груди, положил свою руку и накрыл меня полумантией своей и, осеняя меня и мою голову крестным знаменем, прочитал псалом 90-й: «Живый в помощи Вышняго». Батюшка был очень нежен; он сегодня устал.

Когда под Крещение мы правили бдение у Батюшки, Батюшка вместо поучения между кафизмами сказал небольшое слово. Излагать его я не буду по недосугу, а скажу только главную мысль. Батюшка говорил, что Бог попустил Адаму и Еве пасть в грех, и первое невинное чистое естество извратилось. Но Господь по человеколюбию Своему «воссоздал человека на лучшее во Христе Своем». Новозаветный праведник выше Адама. Враг торжествовал, со-

³⁴⁷ Собор Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

блазнив первого Адама. Но Господь тут же произнес проклятие на него, сказав, что *Семя Жены сотрет главу змия*³⁴⁸. И все новозаветные праведники в обновленном естестве стали выше Адама. Как Батюшка говорил, мне очень понравилось.

10 января, воскресенье

Все эти дни я почти не имел свободной минуты: срочные годовые отчеты нужно было составлять. Помню, однажды на днях Батюшка заметил мне, что нужно быть во всем аккуратным и внимательным: «Внимательность, точность и аккуратность в делах и своих обязанностях даже будут способствовать внутренней душевной собранности Вашей, когда Вы привыкнете ко внимательности».

Потом Батюшка также недавно опять говорил мне, чтобы я занялся своим выговором «для своей личной пользы и пользы обители». Батюшка говорил, что меня трудно понимать, что все слова как-то сливаются в неопределенные звуки:

«Пока Вы молоды, можете исправить это. А для этого нужно вам громко, медленно читать в келлии хотя полчаса жития святых, стараясь выговорить все буквы ясно, правильно. Конечно, при таком чтении придется обращать внимание не на смысл читаемого, а на механизм чтения. Здесь, как и во всяком деле, прежде всего требуется сознать свою немощь, затем возыметь желание исправления и, наконец, избрать и употреблять известные средства. Но так как средства к исправлению бывают не совсем приятные и на исправление требуется время, то сверх всего сказанного необходимо иметь терпение...»

13 января, среда

Эти дни очень было много занятий по разным отчетам, каких прежде никогда не требовалось. Так было много работы, что сейчас ничего не помню, что записать.

14 января, четверг

Сейчас пробило 12 часов. Полночь. Я только что возвратился в келлию от Батюшки: сначала занимались письмами, а потом бе-

³⁴⁸ Быт. 3, 15.

седовали. Между прочим Батюшка говорил, что в его положении старца и аввы Скита он замечает часто — не ежедневно, а ежечасно — козни врага, от которых может укрыть только Господь. Говорил Батюшка, что мое положение — исключительное и счастливое, что я все время при старце, что я имею возможность и сказать что нужно, и поговорить ^[97], чего Батюшка не имел в свое время, а в особенности после смерти батюшки о. Анатолия — что и мне, очень может быть, придется подобное испытать.

Говорил Батюшка, что желал бы еще протянуть свою жизнь для укрепления меня не только в духовно-нравственном отношении, но и внешнем, то есть дать рясофор и приуказить, и этим утвердить. Спаси, Господи, Батюшку. Хорошо так побеседовать, но мало времени, редко приходится беседовать.

15 января, пятница

Сегодня за вечерней первый раз с основания Скита правили полиелейную службу преп. Елеазару Анзерскому. «Он был родом из козельских граждан, а теперь стал гражданином Царства Небесного», — сказал мне на днях Батюшка. Мне за вечерней быть не пришлось по послушанию.

Между прочим сегодня я читал письмо епископа Никона Батюшке. Там говорится об увеличении сект иоаннитских, которые опасны тем, что носят характер мистицизма, хотя и ложного, что теперь становится очень опасным положение верующих... А вчера Батюшка говорил мне следующее: «В Апокалипсисе сказано: *Блажен читающий словеса* ³⁴⁹ книги сия. Раз это написано, значит, это действительно так, ибо слова Писания — слова Духа Святого. Но в чем заключается это блаженство? Тем более, что мы ничего не понимаем из него, — могут возразить на это. Может быть, утешение внутреннее от чтения Божественных слов; можно думать и так: то, что теперь для нас непонятно, будет понятно тогда, когда наступит то время, какое там описано. Вот и посудите: кто теперь читает Апокалипсис? Почти исключительно в монастырях, да в Духовных Академиях и семинариях по необходимости, ибо студентам нужно писать сочинения и сдавать экзамены. А так, в миру, редко

³⁴⁹ См.: Откр. 1, 3.

кто читает. А отсюда и ясно, что тот, кто будет читать Апокалипсис перед концом мира, будет поистине блажен, ибо будет понимать то, что совершается; а понимая, будет и готовить себя. Читая, он будет видеть в событиях, описанных в Апокалипсисе, те или другие современные ему события...»

17 января, воскресенье

Иванушка опять хочет уходить. Батюшка сказал мне сегодня: «Будем же плакать и молиться о нем...³⁵⁰» И мне стало страшно за него. А после трапезы, когда Батюшка ложился отдохнуть, он мне сказал: «Уж Вы-то не уходите, будемте вместе жить. Мне уж немного осталось жить; а кто знает, быть может, и Вам недолго жить. Как епископа Феофана келейник скончался через неделю после смерти его, так и мы, быть может, вместе и умрем. Вот и у епископа Игнатия в жизнеописании говорится про его келейника... Вы не читали его жития, так прочтите сегодня». И я прочел половину жития, приложенного к 1-му тому его сочинений³⁵¹.

Потом сегодня я ходил вместе с Никитушкой провожать Батюшку в монастырь для беседы. Придя из монастыря, мы все посидели, отдохнули, поговорили и прочли вечерние молитвы. Затем Батюшка отпустил Никитушку спать, а меня оставил. Батюшка сидел на диване, а я напротив его у окна. И Батюшка так говорил:

— Я, конечно, никому не говорю и не показываю вида, но ужас адских мук всегда стоит в моем уме. Но я пользуюсь им для своего смирения. А как это чувство ужасно смиряет!..

³⁵⁰ Иван Митрофанович Беляев, будучи постриженным в рясофор, в 1914 г. добровольно отправился на фронт санитаром (братом милосердия). Познакомившись в санитарном поезде с медсестрой, женился на ней (венчанным браком) и со временем совершенно отошел от веры. Лет за 10 до своей кончины († 1969 г.) опомнился и с большой ностальгией, «с болью в сердце» вспоминал свою юность. По всей вероятности, эта перемена незадолго до смерти произошла с ним по молитвам его святого брата, преп. Никона, а также благодаря настоящему Дневнику, который он перечитывал, составляя воспоминания о брате по просьбам его духовных чад.

³⁵¹ Жизнеописание еп. Игнатия (Брянчанинова), сост. его ближайшими учениками в 1881 г. // Творения... Т. I. С. 3—80. Репр.: М., 1998.

И далее вся беседа была об адских муках, которые не признают существующими современные ученые люди.

— Встанемте, помолимся, да избавит нас Господь от адских мук. Будем всегда благодарить Господа, что мы здесь. Пусть вся наша жизнь будет благодарением, что Господь привел нас сюда. Правда, само место не спасает, но, по крайней мере, будем думать, что мы в лодке...

Так закончилась Батюшкина беседа. В эту беседу я почти ни слова не говорил, я слушал, и ушел от Батюшки исполненный чувств и дум. Сегодня мне Батюшка сказал, что слово матери и ее предчувствия часто сбываются...

21 января, четверг

Пришел Иванушка и не дал мне ничего записать. Упорно настаивает на своем желании уходить из Скита.

23 января, суббота

19-го числа, в день памяти преп. Макария, до обеда я был у Батюшки. Батюшка сел на диван, посадил меня рядом, как раз под портретом батюшки о. Макария. Я читал книгу «На горах Кавказа» — эта книга написана с целью уяснить желающим заниматься молитвой Иисусовой путь ее прохождения, цель и плоды. Между прочим я прочел там место о том, что хорошо трудиться на молитвенном пути, созерцая «несозданную красоту» Бога в тишине, удаляясь от всякой суеты. Это место было очень глубоко, и я прочел его Батюшке. Батюшка сказал, что это, вероятно, из творений преп. Макария (19 беседа).

Вот Батюшка и сказал: «Да, я занимался молитвой Иисусовой, дело шло, молитва начинала у меня разгораться... Но настоятельство у меня отняло ее... Молитва чуть дышит... Вот я часто задаю себе этот вопрос: «Что, — выигрываю я на этом своем посту или проигрываю?» Да, скажу я Вам, враг Вам все даст, что хотите: иеромонашество, власть, настоятельство, даже патриаршество — но только не даст молитвы Иисусовой. Сколь она ему ненавистна! Все даст, только не ее...» Это мне запомнилось, и я уже хотел это записать, но не удалось раньше.

Бдение под 20 января Батюшка правил у себя. Был и я. После бдения Батюшка оставил меня на несколько минут, но я сейчас забыл, о чем говорили. Помнится, что говорили и об Иванушке. Батюшка очень за него боится.

21 числа, когда я пришел утром к Батюшке на занятия, Батюшка, благословив меня, спросил:

— Какого сегодня святого память? Преподобного исповедника Максима? — Я ответил:

— Да.

— Обратили Вы внимание на кондак этому святому? — Я говорю:

— Нет.

— Дайте сюда Псалтирь³⁵². Читайте.

Я начал:

— «Свет Трисиянный, всельшийся в душу твою, сосуд избран показа тя, всеблаженне...»

— Здесь говорится про молитву Иисусову, — прервал мое чтение Батюшка, — теперь дальше.

— «...являюща Божественная концем, неудобопостижных разумений ты сказуяй, блаженне, и Троицу всем, Максиме, возпроповедуяй ясно, Пресущную Безначальную».

— Ну вот, теперь понятно, почему батюшка о. Амвросий всегда под подушкой имел творения св. Максима Исповедника. Его творения очень глубоки и таинственны. Я взял было его творения, но чтение у меня не пошло; не помню теперь по каким причинам.

Потом вскоре мы сели пить чай, затем начали обычно письменные работы. Незадолго до трапезы Батюшку очень расстроили некоторые из братьев. Я их призывал к Батюшке; когда они ушли, Батюшка сказал мне:

— Вот через 20—30 лет Вы увидите то же самое и скажете: «Все это мне знакомо, я был при батюшке Варсонофии». Это Вам прекрасная школа. Но я Вам скажу: тогда будет хуже. Сейчас, по крайней мере, на колени становятся, а тогда прямо будут говорить:

³⁵² Имеется в виду Псалтирь следованная, в которой наряду с Псалмами св. пророка Давида помещены святы с тропарями и кондаками на каждый день, а также некоторые богослужебные тексты. См.: «Ин кондак, гл. 6».

«Ну что же из того, что ты настоятель? Что мне настоятель?» (Батюшка махнул рукой), — того и гляди, хлестнет. Тогда Вы вспомните меня. Никого тронуть нельзя! Чуть что: «Я ухожу». Прежде было так: кто замечал, что он нужен обители, то смирялся больше всех, а теперь лишь заметит, что нужен, — возгордится, и тронуть его нельзя: «Я ухожу».

А вчера, кажется, Батюшка сказал: «Думается мне, что скоро я уйду от Вас, осиротеете Вы тогда, деточка моя, осиротеете...»

И еще: «Да, вот теперь мне становится понятным, как прежде жили старец и ученик единодушно. Как старец говорил с учеником, вот и я только с Вами и поговарю...»

24 января, воскресенье

22-го числа я послал, конечно, с батюшкиного благословения, письмо в Москву маме, извещая ее о намерении Иванушки оставить Скит.

Батюшка мне не раз говорил и говорит о том, что теперь совершаются страшные дела. Иногда Батюшка говорил, какие, а иногда и не говорил. Так вот и вчера уже после бдения мы вместе прочли вечерние молитвы и, оставшись вдвоем, немного поговорили. Было видно, что Батюшку расстроили [некоторые] известия, какие, Батюшка мне не сказал.

26 января, вторник

Сегодня получил письмо от мамы. Она также написала Батюшке и Иванушке. Иванушка очень «возмутился таким подлым поступком» моим, то есть что я сообщил маме его намерения ^[98]. Сейчас он был у меня, укорял меня, наговорил страшных вещей, так что даже расстроил меня. Потом пришел о. Никита и позвал Иванушку к Батюшке. Что будет?

Сегодня день Ангела о. архимандрита Ксенофонта. Ко бдению вчера не ходил, был у Батюшки. А за обедней был.

Благословение было заочное по недосугу Батюшки, поэтому и я пошел в келлию к себе. Еще на вечернем правиле мне брат Михаил ^[99] сказал про Иванушку разные вещи, которые и Иванушка мне сейчас сказал. Но все это произвело на меня тяжелое впечатление. Да спасет всех нас Господь.

31 января, воскресенье

Много нужно записать, начну писать по порядку.

27-го января вечером Иванушка уехал в Москву. Я и Иванушка пришли к Батюшке часов в 5—6 вечера. Батюшка простился с ним. Затем мы стали прощаться. Слезы выступили у меня на глазах. Сначала ушел Иванушка, а за ним и я в его келлию, помог ему собрать кое-какие вещи. Затем я пошел к Батюшке, а от Батюшки еще раз зашел к нему, но Иванушка не дождался меня и уехал. Что скажет епископ Трифон? ^[100]

В этот вечер мы с Батюшкой сначала писали письма и прочее, а потом беседовали. Говорил Батюшка о страстях, и в особенности о блудной ³⁵³.

— Эта страсть никого не щадит: ни старого, ни средних лет, ни молодого. Достаточно вспомнить преп. Иакова отшельника ³⁵⁴ и 80-летнего епископа, впадших в блуд...

Также недавно говорил Батюшка о том, что блудная страсть и сребролюбие одинаково сильны, от них никто не застрахован, хотя, конечно, каждому возрасту соответствует преимущественно одна страсть. У старых — обыкновенно скупость и сребролюбие, а у молодых — блуд.

28-го числа вечером я спросил Батюшку:

— Вы мне сказали, что молитву Иисусову за службой надо творить только тогда, когда не слышишь, что читают, или когда плохой чтец, так что нельзя разобрать, что читают. Также и относительно пения, все равно. Когда Вы мне это говорили, особенно ударили на это и сказали, что так батюшка о. Амвросий учил. Но вот я прочел у епископа Игнатия и у преп. Серафима Саровского, что надо молитву Иисусову творить за службой все время. Здесь я вижу какое-то разногласие. Но разногласия не должно быть, а потому — как примирить между собою оба эти учения?

— Прежде всего, каждый учит по своему личному жизненному опыту. Кроме батюшки о. Амвросия, так учили о. архимандрит

³⁵³ Ясно, что преп. Варсонофий прикровенно указывал на искушения, которые и постигли Ивана Беляева.

³⁵⁴ Иаков Кармилевский (Палестинский), отшельник, постник. Жития святых. 4 марта.

Моисей, батюшка о. Макарий. А несомненно, они были опытны и имели внутреннюю молитву. Затем, одно приличествует новонаначальному, другое уже приобретшему внутреннюю молитву. Имеющему внутреннюю молитву молитва так же свойственна и естественна, как дыхание. Что бы он ни делал, молитва у него идет самодвижно, внутренне. Так и за службой в церкви молитва у него идет, хотя он в то же время слушает, что поют и читают. Этого не понимал ученик одного старца и просил его разъяснить, как же это так: и слушает, и молитву творит? Старец отвечал: «Скажи мне, брат, что мы сейчас делаем?» — «Беседуем». — «Да. А скажи: мешает ли нашей беседе то, что мы дышим?» — «Нет». — «Ну так вот, так же и молитва идет у тех, кто стяжал молитву внутреннюю. Она им так же естественна, как и дыхание». Поэтому и сказано: «Молитва да прилепится дыханию твоему»³⁵⁵. Даже когда человек спит, молитвенное действие не прекращается у него в сердце по слову: *Аз сплю, а сердце мое бдит*³⁵⁶. Но этого мы не имеем. Мы просыпаемся и не имеем даже на устах имени Господа Иисуса.

Теперь скажу и о службах. Наша молитва не получила еще такой собирательной силы. Наши мысли не имеют еще сосредоточенности. Мы еще не можем так глубоко вникать в молитву Иисусову, а поэтому мы за службой, если будем творить молитву, то мы будем плохо слушать, что читают и поют, да и в самой молитве будем окрадываться рассеянностью, и выйдет, что ни к тому, ни к другому не пристали. И ничего не выйдет.

А внимать словам читаемого и поемого легче, нежели охранять себя от расхищения мыслей во время молитвы Иисусовой. Поэтому и следуйте этому правилу. Конечно, иногда бывает, что полезнее человеку творить молитву, нежели слушать службу, вследствие каких-либо внутренних обстоятельств. Здесь надо иметь рассуждение.

Батюшка это очень хорошо говорил, но я не в состоянии передать все так, как было сказано Батюшкой.

³⁵⁵ «Память Иисусова да соединится с дыханием твоим...» // *Иоанн Лествичник*. Лестница. Слово 27, 61.

³⁵⁶ Песн. 5, 2.

Вечером

Также 28-го числа я сказал Батюшке, что мне приходят тщеславные помыслы, что я буду старцем, игуменом, и прочее.

— Да, я так и думал. Желать этого не следует, а, конечно, все может быть, — и поставит Вас Господь на это место; а может быть, и укроет Вас там где-либо в келлии. Но простите меня, Господа ради, я считаю последнее выше.

29-го числа Батюшка говорил мне:

— Всякому человеку нужно претерпеть время искушений и борьбы — тяжелое болезненное состояние. Про эти муки говорится в псалме: *Объяша мя болезни яко рождающая*³⁵⁷, — и далее: *...и изведе мя на широту*³⁵⁸. Женщина, когда приходит время рождения, испытывает сильные боли, а когда родит, — радуется, ибо *родился человек в мир*³⁵⁹. Так и всякий человек, рождаясь духовно в новую жизнь, испытывает болезнь, пока еще не вышел на широту. Кто не испытал этих болезней рождающих в миру, до монастыря, то ему необходимо испытать их в монастыре. И Вам это предстоит, ибо Вы не испытали этого в миру.

— А в чем заключаются эти болезни?

— В борьбе со страстями. Страсти будут восставать на Вас. На того блудная страсть напала, конечно, по действию диавола, а на Вас, может быть, гнев: на всех будете сердиться, даже на грешного Варсонофия. Или еще мания величия, и прочие страсти. И враг Вас не оставит: если победите одну страсть, воздвигнет другую, и так далее. Здесь нужно терпение. Нужно терпеть самого себя, а не слагать оружия, зная, что это необходимо.

30-го января Батюшка был расстроен поведением о. Пиора. «Нет, Николай Митрофанович, — сказал мне Батюшка, — не становитесь настоятелем. Теперь таких два-три человека, а в Ваше время будет таких две трети братства».

Затем, когда Батюшка ложился отдохнуть после обеда, он мне сказал:

³⁵⁷ Ср.: Пс. 47, 7.

³⁵⁸ Пс. 17, 20.

³⁵⁹ Ин. 16, 21.

— Вот видите, через какие горнила приходится проходить монаху на иноческом пути с начала до конца. И вот тут-то и нужна молитва Иисусова, и без нее ни одна душа не выдержит. Пока я жив, сколько уж продержит меня Господь, — Вам ничего, а когда меня не будет, Вы будете предоставлены самому себе. Поэтому теперь запасайтесь терпением заранее. А созерцанием всего этого не смущайтесь и не унывайте. Раскройте преп. Феодора Студита и увидите, что все это и тогда было. А теперь научайтесь терпению.

29-го января получил от Иванушки из Москвы письмо, что доехал благополучно и остановился у родных.

30-го января получил от мамы письмо, которое и прилагаю здесь, и переснятые карточки наши, но они вышли плохо.

Забыл написать о болезни рождающих еще то, что Батюшка говорил: «Находящийся в этом состоянии сам, своими силами, не может понять, проходит она или усиливается... Он разобраться в этом не может. Вот здесь-то и нужен старец: он сразу увидит, что делается с его духовным сыном, что потребно для него в таком его состоянии. И это Бог открывает по вере приходящего и вопрошающего. А если нет чистой веры, то, если такой человек придет и к пророку, Бог внушит и пророку солгать».

Сегодня после обеда зашел к Батюшке, напился чаю, получил благословение и книгу «На горах Кавказа» для чтения, которую и читал. Еще Батюшка говорил, чтобы я читал письма батюшки о. Макария к мирским, что требуется для писем наших. На благословении удалось получить только благословение.

Вчера послал письмо епископу Трифону, поздравляя со днем Ангела.

2 февраля, вторник

Бдение правили у Батюшки. После бдения, когда все ушли, я остался у Батюшки. Немного поговорили, и я начал собираться уходить к себе в келлию. Здесь Батюшка сказал:

— Может быть, Бог даст, буду я жить на покое, заниматься Иисусовой молитвой. Придет ко мне брат Николай и скажет: «Да, какое блаженство — монашеская жизнь, только очень скорбей много...» — А то как же, конечно много, а без скорбей нельзя.

Когда это говорил Батюшка, я подумал: «Как же это? Совместимы ли скорби и блаженство?» Хотел спросить, но не спросил, подумав, что, быть может, скорби и служат источником блаженства.

— Когда был еще батюшка о. Анатолий, он постоянно говорил мне: «Смиряться, смиряться, смиряться». Так и я Вам говорю: смиряться и смиряться.

Неоднократно приходилось мне слышать от Батюшки, как он говорил и мне и другим:

— Лицемерие, двойственность, лукавство вообще погрешительны, а на монашеском пути это — прямая погибель. Надо твердо идти по пути, никуда не сворачивать, не служить «и нашим, и вашим...»

Сегодня за обедней был у себя в Скиту, а к поздней пошел в монастырь, а также и на трапезу.

4 февраля, четверг

5 февраля память свт. Феодосия Черниговского.

Сейчас пришел от Батюшки, уже полчаса одиннадцатого ночи. Была сейчас большая беседа. Началась она с того, что Батюшка спросил меня о том, как начались во мне желание и стремление к иноческой жизни. Открывались завесы с фактов моей жизни. Все в жизни промыслительно устроено и устраивается Богом. Батюшка говорил, что Бог промыслительно привел меня сюда в Скит. Вообще говорили о смысле и внутренней цели событий жизни каждого человека в отдельности, в данном случае больше все меня; кое-что рассказал мне Батюшка и про себя. Если представится возможность, напишу, а пока нет возможности.

5 февраля, пятница

Я замечал, что вследствие моего почти постоянного пребывания с Батюшкой, я часто не открывал своих погрешностей; конечно, если взять их в отдельности, то они пустяк, но, наслаиваясь одно на другое, могут привести к нерадивой жизни. Я это сказал Батюшке. Батюшка сказал, что необходимо открывать каждый день все до последней соринки, чтобы ничего не осталось. Сегодня я уже и постарался сказать все, бывшее за день.

Между прочим я сказал Батюшке, что иногда как бы осуждаешь его за слова и рассказы, по-видимому, совершенно не относящиеся до монашества. Батюшка, отвечая мне, указал на батюшку о. Льва:

— Ему тоже задал его ученик такой же вопрос. «Чадю, мы часто не понимаем, что говорят простые люди, то есть с какой целью и намерением, тем более мы не можем понимать того, что говорят старцы», — так ответил о. Лев. Так и я говорю вам. Кроме того, из житий святых мы видим, что шуточки допускали и святые Отцы, например, преп. Пахомий Великий, преп. Антоний Великий и прочие. Конечно, содержание этих шуточек они брали не из Библии и творений святых Отцов, а просто что-нибудь рассказывали. Так и я рассказываю что-либо, а в это время бес, быть может, хотел на Вас уныние напустить, а мой рассказ отогнал от Вас уныние...

Был по немощи в бане, хотя я и не люблю ходить в баню. Просматривали с Батюшкой список скитской братии.

7 февраля, воскресенье

Вчера получил от Иванушки письмо, которое я сжег, ибо, что там написано, Иванушка не желает, чтобы кто-либо знал. Конечно, Батюшке я показал. Пишет, что в Оптину не вернется, едет на Афон по благословию владыки Трифона. А что Владыка ему посоветовал, я писать не буду. Почти с того начал письмо, что просит молитв и прощения, ибо, быть может, никогда не придется более увидаться со мною.

Я вчера писал письмо маме, сообщая о получении письма от Иванушки и спрашивая, куда же девать его разные вещи.

Сегодня Батюшка дал мне сам славянское «Добротолюбие»³⁶⁰ и благословил прочесть все творения преп. Марка Подвижника³⁶¹.

³⁶⁰ Составлено свт. Макарием, еп. Коринфским, и преп. Никодимом Сятогорцем. Переведено преп. Паисием Молдавским. Издано по благословию митр. Гавриила (Петрова).

³⁶¹ Марк Постник Нитрийский, ученик свт. Иоанна Златоуста. Ок. 430 г., память его 5 марта.

9 февраля, вторник

Вчера получил от Батюшки благословение переносить вещи из Иванушкиной келлии, опростав ее для о. Исидора, которому дано благословение переходить в нее. Вчера все перенес и кое-что разобрал. Получил от Батюшки благословение переслать все вещи Иванушкины в Москву к маме, а если они ему понадобятся, мама может ему переслать их.

Вечером 26 января Иванушка так напугал меня, что я не мог даже справлять пятисотницу и долго не мог мысленно и сердечно успокоиться. Поэтому я даже рад, что он уехал, хотя мне его жалко. Эту жалость к нему я почувствовал особенно два раза: во время отъезда, когда я с ним прощался, и вчера, когда я разбирал его вещи, из коих я кое-что сжег, особенно бумаги и разные записки.

10 февраля, среда

Вечерние молитвы сегодня слушал у Батюшки. После них Батюшка кое-что говорил из своего далекого детства, а я и брат Никита стояли и слушали. Потом брат Никита ушел, я остался у Батюшки один. Здесь мне Батюшка напомнил о необходимости терпения скорбей и, в особенности, смирения.

Затем между прочим Батюшка сказал следующее: «А когда я буду уже лежать в могилке, придете Вы на мою могилку и помолитесь о душе моей, и скажете: да, вот Батюшка уже действительно любил меня...» При этом Батюшка погладил мою голову, прижал к себе и поцеловал. Милый Батюшка!

11 февраля, четверг

Сейчас мне Батюшка говорил о том, как он переносил скорби, когда был послушником. Переносил Батюшка скорби, рассуждая так: «Должно быть, я достоин этих всех скорбей. Значит, все они нужны, чтобы смыть с меня гордыню и прочие страсти».

Переносил Батюшка скорби, никому не говоря об них, не жалуясь, стараясь не озлобляться на обидчиков. Мало того, чтобы только перенести оскорбления, надо позаботиться и о том, чтобы не озлобиться на нанесшего оскорбление.

Потом еще Батюшка говорил о том, как он возвращался в Скит из Манчжурии. У Бога все возможно, и все идет по Его неисповедимым судьбам.

14 февраля, воскресенье.

Получил от Иванушки письмо, пишет, что 12-го числа уехал, то есть в письме не написано, что собирается ехать 12 числа^[101].

Сейчас пришел от Батюшки. Открывал свои помыслы. Сказал сначала свои оплошности, бывшие за день, потом сказал, что иногда приходит помысел, особенно за службой на правиле, что монашеская жизнь безотрадна, день идет за днем; главное, ожидать впереди нечего, все те же службы, та же трапеза и прочее.

— Это один из самых ядовитейших помыслов, — сказал Батюшка, — монах все время должен быть как бы в муках рождения, пока не придет в меру возраста совершения Христова³⁶². А пока еще жив наш ветхий человек, он и дает себя знать всякими страстями, тоской, унынием... и что теперь для такого человека отяготительно, впоследствии будет для него великим утешением, например, хождение к службам и утрени, — тогда применимо будет к такому человеку псаломское слово: *Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем*³⁶³. Тогда уже в нем будет все исполнено света и радования о Господе. Когда жена рождает, она терпит страшные муки, а когда родит, то уже не помнит мук от радости, потому что *родился человек в мир*³⁶⁴. Этот закон рождения в муках и наблюдается в духовной жизни. И как жена не знает, как у нее в утробе зреет плод, как идет плодоношение и возрастание — так и в духовной жизни человек не замечает своего духовного роста... Это Вы хорошо сделали, что сказали мне этот помысл, он многих заклеывал — так и уходили из обители...

— Вот, Батюшка, я и хотел бы слышать из Ваших уст, что мне не надо уходить из обители сей, из Скита, а все терпеть.

— Господь тебя благословит, чадо мое, не уходить из Скита, все терпи. Да может быть, тебе и жить недолго осталось, всего ка-

³⁶² Ср.: Гал. 4, 19.

³⁶³ Пс. 121, 1.

³⁶⁴ Ин. 16, 21.

ких-нибудь 6—7 лет. С радостью благословляю: да умру, а не уйду. Иное дело, если пошлют в монастырь. Конечно, пока еще Вы только послушник, можно отказываться, говоря, что Вы только и поступили в Скит, а если уже в мантии, то нельзя, можно только проситься.

Батюшка все говорил очень хорошо, я не имею возможности все это передать на бумаге. Помню, Батюшка сказал:

— Да, это важно, что Вы сказали про этот помысл. Сегодня 1910-е лето от Рождества Христова, февраль 14 день... — Я спросил:

— А как бороться с этим помыслом? Что ему отвечать?

— Говорите: *Не у явися, что будем*³⁶⁵, «Господь поможет мне идти этим путем», и еще: «Не думаю, что достигну верхних степеней совершенства, но спасусь здесь».

Кажется, все главное записал, хотя и не помню.

19 февраля, пятница

Сегодня правили службу свт. Льву Катанскому, перенос по случаю родительской субботы. Все эти дни был очень занят, иногда и нужно было бы что-либо записать, да нет времени.

Сегодня получил письмо от епископа Трифона: благодарит за поздравление к 1 февраля (день его Ангела).

Вчера после повечерия за ужином и после него Батюшка говорил о внутреннем смысле церковнославянских цифр, и вместе с этим о таких глубинах, коих я никогда не подозревал.

Когда я остался один и потом за бдением, пришла такая мысль: «Вот Батюшка жив и исполнен мудрости духовной; иногда я получаю крупички этой мудрости. Но Батюшка должен окончить свое земное существование и унести с собою в гроб эту мудрость — так будет казаться нам, ибо, собственно, что имеет человек, с тем и предстанет Престолу Божию». И жаль мне стало, что тогда уже нельзя будет поговорить с Батюшкой и получить от него наставление. Вот и думаю я написать кое-что из Батюшкиных слов и наставлений.

— Иногда бывает, — говорю я Батюшке, — что, читая что-либо, никак не можешь понять, что читаешь: я говорю не про внут-

³⁶⁵ 1 Ин. 3, 2.

ренный смысл, а про внешний. Словно какой туман найдет: читаешь и перечитываешь — и ничего понять не можешь.

— Тогда нужно, — отвечал Батюшка, — закрыть книгу, сесть и сотворить 100 молитв Иисусовых. Можно и встать, даже и поклоны положить, а можно и пройтись по Скиту с молитвой Иисусовой. Иногда в старости на самых трезвых людей, никогда не пивших, нападает страсть винопития, так и тянет к вину...

Недавно мне пришлось в голову записать, что для нас, меня и Иванушки, приготавлил келлии, когда мы еще поступали только в Скит, о. Кукша, манатейный монах, теперь иеромонах. Почему Батюшка благословил ему, я уже не знаю.

22 февраля, понедельник

Вчера после утреннего чая до трапезы я читал «На горах Кавказа». Потом все время был у Батюшки до 3-х часов, только после трапезы забежал в келлию взять книгу, которую продолжал читать у Батюшки про себя. Когда я пришел в келлию уже в 3 часа, мой сокелейник о. Исидор позвал меня к себе. Вид его был страдальческий, он чувствовал себя очень плохо. По его просьбе я сел у него в келлии. Так прошло минут 15—20, он попросил меня сходить за Батюшкой. Батюшка пришел, исповедал его, и его отправили в больницу. Когда я его усадил в сани и он уехал с рабочим в больницу, я пошел к вечерне, зайдя на минутку к Батюшке.

После вечерни и трапезы я все время был у Батюшки. Батюшка даже оставил меня ночевать с ним. Вместе с Батюшкой ходили к утрени. После утрени опять возвратились, легли отдохнуть до 6.30. Встали, прочли часы, и день пошел своим порядком.

23 февраля, вторник

Сегодня ночевал опять у Батюшки, трапезовал на трапезе, ибо у Батюшки был о. Феодосий.

Вчера был в монастыре по батюшкиным делам, но к о. Исидору не заходил.

28 февраля, воскресенье прощёное

Все эти дни ночевал у Батюшки. 25-го числа между прочим Батюшка сказал:

— Вход в Рай, в вечное блаженство, открывается не нашими трудами и добрыми делами, а заслугами и Искупительною Жертвою Спасителя Христа Бога нашего. Прежде всего, это совершается через Таинство Крещения, коим омывается первородный грех Адама, и человек становится способным к принятию Божественной благодати Господа Иисуса Христа, которою мы и вводимся в жизнь вечную, а наши добрые дела, то есть совершение Евангельских заповедей, нужны только как доказательство нашей любви к Господу, ибо сказано в Евангелии: *любяй Мя, заповеди Мои соблюдает* ³⁶⁶. Без любви к Господу невозможно блаженство, нельзя войти в Рай, обязательно спросят: «А ты любил Господа?» — «Любил!» — «А чем ты это докажешь?» — «По силе моей, сколько мог, исполнял заповеди Божии, кои и есть доказательство любви». — «Ну, иди». А если бы вход в Рай открывался не заслугами Спасителя, то тогда могли бы войти в него язычники, магометане, иудеи и прочие. Поэтому мы должны надеяться не на свои дела, а на милосердие Божие...

Помню, однажды Батюшка сказал мне, что Страшный Суд, по согласному учению святых Отцов, будет в полночь, внезапно найдет на вся живущая на земли час тот ³⁶⁷, и надо постоянно готовиться к нему, чтобы не застал он нас неготовыми.

«Не скрою от Вас того, что было со мной сегодня ночью, — говорил мне как-то недавно Батюшка. — Проснулся я, и вдруг меня поражает мысль: сейчас будет Страшный Суд. Такого яркого и живого представления у меня никогда не было. Я встал. Все возражения относительно признаков и тому подобного — отошли в сторону: все это уже было, только мы не заметили, как действительно никто из живущих нерадиво и не заметит их. Господи, помилуй!..

Одна мысль постоянно стоит передо мной: как спасти мне свою душу? Нет во мне ничего доброго. Вам все известно: получаю благодарственные письма, да и лично получаю благодарности. Но я тут ни при чем. Это действует на них через меня благодать Божия по вере их, а я лично ни при чем. И думаю я: уж не про это ли сказано в Евангелии: *Будут говорить: Господи, Господи, не Твоим*

³⁶⁶ См.: Ин. 14, 21.

³⁶⁷ Ср.: 2 Пет. 3, 10; 1 Фес. 5, 2; Откр. 3, 3.

ли именем многие чудеса и силы сотворихом? — и отвечает им Господь: *Отыдите от Мене, не вем вас*³⁶⁸.

Только здесь, на этом месте я познал все свое падение и греховность: ну ничего, ничего нет доброго. Правда, благодарение Богу, особых больших грехов нет, но так каждый день... Прежде я думал, что что-нибудь да имею, а теперь — ничего. Это я говорю и сознаю себя именно таким. Это не одни слова. И благодарю Господа, что хоть это сознание своей греховности есть. И надеюсь, что Господь по милосердию Своему спасет меня: не уничтожит сердца смиренного и сокрушенного... Утешаюсь я еще словами батюшки о. Анатолия, великого старца: „Ничего не имеет грешный Анатолий, разве только кто вздохнет о нем к Богу“. И я искренно всех прошу помолиться обо мне, и Вас прошу: помолитесь. Я сравниваю себя с моими предшественниками: старцами о. Макарием, о. Амвросием, о. Анатолием, и вижу все свое ничтожество, а до других, поверьте, мне никакого дела нет».

Вот истинное-то смирение!

Вчера, после бдения, я, когда лег на диван под старцами, а Батюшка у себя, я спросил Батюшку:

— Всегда надо спать, имея при себе четки?

— Всегда, обязательно, — ответил Батюшка.

— А как же, Батюшка, мне теперь быть? Сейчас у меня четок нет, с какими я сплю, а с этими спать неудобно, ибо ходить в церковь и спать с одними и теми же четками неудобно.

— Так Вы спите с этими четками, а утром напомните мне, я дам Вам новые четки для церкви.

Сегодня утром я напомнил Батюшке, и Батюшка сказал мне, чтобы я сам взял себе четочки с гвоздика, что я и исполнил.

Сегодня Батюшка служил, мы все трое читали правило. После правила, собираясь в церковь, Батюшка сказал, что в этот день — Прощеное воскресенье — надо себя держать как можно осторожнее, ибо враг старается что-либо подстроить.

1 марта, понедельник 1-й седмицы Великого поста

Первый день святого Великого поста; испросил у Батюшки благословения готовиться.

³⁶⁸ См.: Мф. 7, 22—23.

Вчера опять ночевал у Батюшки, а сегодня намереваюсь лечь уже в келлии у себя. Вчера к вечерне идти не пришлось, я пошел с Батюшкой прямо к повечерию и «прощанию»³⁶⁹.

2 марта, вторник 1-й седмицы Великого поста

Немного проспал к утрени... А так особенного за этот день ничего не заметил. Несколько раз был у Батюшки. Пришел один раз, когда Батюшка только что кончил исповедь.

— Очень утомился, — сказал Батюшка. — Как будто ничего не делаешь: сидишь да разрешаешь от грехов, — так может показаться со стороны. А на самом деле не так: исповедь очень утомляет. Если Господь сподобит Вас, то убедитесь в этом из личного опыта.

3 марта, среда 1-й седмицы Великого поста

Все идет своим порядком. Вспоминаю иногда Иванушку: где он? что с ним?.. Ничего не знаю. Ни от него, ни от мамы ничего не получал.

4 марта, четверг 1-й седмицы Великого поста

Сегодня начал читать сутки в церкви. Написал письмо маме, имея в виду, главным образом, не свой интерес, а скитский. Просил ее попросить дядю выслать в Скит железо на постройку.

За утреней слушал молитвы к исповеди, как и вся братия. К вечеру за день устаю, да и нога утомляется. Самый трудный пост в Скиту — это 1-я седмица святого Великого поста. Но и она, по милости Божией, не особенно отяготительна для меня.

Кроме того, помогает сознание, что велики дни сии, что иначе и быть не может. И удивляюсь я тому, что делал я раньше, нарушая святой [пост], не понимая и не сознавая его святости и необходимости. Мне часто приходилось слышать от Батюшки:

— От невоздержания всякое зло происходит, пост возбуждает к молитве. Мы познаем силу поста и его значение хотя бы из того, что он как-то особенно ненавистен врагу. Приходят ко мне на совет и на исповедь; между прочим советую соблюдать святые посты. Со всем соглашаются, а как дело коснется поста — не хочу, не

³⁶⁹ То есть чину прощения (нар.).

могу и прочее. Враг возбуждает — не хочется ему, чтобы соблюдались святые посты.

5 марта, пятница 1-й седмицы Великого поста

Сегодня Господь сподобил меня исповедаться. Перед исповедью Батюшка сказал мне: «Не все время будет Вам так мирно и хорошо, как теперь. Придется потерпеть, и очень потерпеть. Это я Вам говорю не для того, чтобы Вы унывали, нет, — для того, чтобы Вы знали, что придет такое время, а сил набирайтесь теперь. Тогда Вы скажете: „Да, все это мне говорил Батюшка еще 20 лет назад, даже более“. А тяжелые дни приближаются. Стало трудно жить везде, а в особенности монаху... И благо живущим в монастыре. Трудно Вам придется, но все-таки Господь не оставит Вас и не лишит Небесного Царствия».

Когда я пришел к Батюшке, хотя я чувствовал некоторое волнение, как и всегда перед исповедью, но в общем, вероятно, у меня лицо было благодушное и мирное. Батюшка, глядя на меня, улыбнулся; но вместе с улыбкой на лице его было видно, что он или расстроен, или скорбит о чем, или очень утомлен, — я не могу определить, что именно это было, а что было — это несомненно. И начал говорить то, что я сейчас написал.

Батюшка — духовник и монахов, и мирян, и на исповеди и в беседах, конечно, открываются бездны и глубины сатанины, и нужно все это слушать. Поэтому Батюшка многое знает, и я верю [потому], что Батюшка говорит. После исповеди Батюшка сказал мне: «Будьте всегда деточкой, но только по злобе, а не по уму; по уму будьте муж совершенный»³⁷⁰.

6 марта, суббота 1-й седмицы Великого поста

Сегодня сподобился я, грешный, принятия Святых Христовых Таин вместе со всею братиею Скита.

После обедни Батюшка сказал краткое слово, относящееся более к мирянам, ибо все, что сказал Батюшка, для нас, иноков, все уже давно известно, как это мне сказал сам Батюшка. Батюшка приглашал нас к благодарению Господа за оказанную нам ми-

³⁷⁰ См.: 1 Кор. 14, 20.

лость — принятие Святых Таин, и за то, что сподобил нас иноческого жития. Затем Батюшка говорил, что благодарить мы должны Бога за это любовь к Нему, которая заключается в исполнении Евангельских заповедей. И наконец, в кратких словах сказал о трудностях иноческого пути и высоком назначении инок.

Сейчас читал на трапезе.

7 марта, воскресенье. Неделя Православия

Вчера за бдением я сидел у Батюшки и дожидался его, когда он отпустит народ, ибо оба келейника ушли к бдению. Наконец Батюшка отпустил всех, и мы, поужинав, отправились также ко бдению. Пришли во время кафизм. И вдруг разнесся слух, что к о. Иоанну (Васильевичу) забрался вор. Келлия о. Иоанна рядом с Батюшкиным корпусом, и очень возможно, что вор желал и к Батюшке залезть, ибо следы по снегу видны около окон хибарки, где Батюшка принимает женщин. Подробности я писать не буду, скажу только, что все обеспокоились, и Батюшке не позволили ночевать одному, а Батюшка не позволил мне идти в свою келлию, поэтому я ночевал у Батюшки. Я только подивился любви Батюшки ко мне.

Когда я уже ложился, мне Батюшка сказал: «Знаете, какая первая мысль встала у меня в уме, когда мне сообщили об этом? А как же будет ночевать брат Николай? Ведь он один теперь во всем корпусе. Вот я и позвал Вас ночевать к себе».

За обедней, то есть после нее, был молебен, но я ничего не знаю, как и что было, ибо я пошел ставить самовар для служащих у Батюшки, а оба келейника сегодня приобщались. Когда после обедни Батюшка пришел, то я помогал ему раздеться. Между прочим Батюшка дал мне на руки свою мантию, чтобы повесить ее, и сказал: «Вот хорошо, если бы я дал Вам так же вот мантию. Но долго ждать... Впрочем, не очень долго, — для Бога все возможно...»

12 марта, пятница 2-й седмицы Великого поста

Все эти дни я ночевал у Батюшки, да и почти целые дни проводил там, только часа на полтора или два приходил в келлию. Может быть, что-либо и записал [бы], да совершенно не было времени. Сегодня, быть может, буду ночевать у себя в келлии.

Вчера Батюшка говорил, что до страшных времен доживем мы, но что благодать Божия покроет нас. Это Батюшка сказал под впечатлением разговора о новейших изобретениях, которые, имея как бы и добрые стороны, всегда оказываются вредными более, нежели полезными, и даже, можно сказать, суть просто зло.

Также помню, как-то Батюшка говорил: «Гипноз, то есть его открытие, многое сделало ясным. Конечно, он был и прежде, но теперь про это все узнали. Судя по всем открытиям и по открытию гипноза, я думаю, что недалек конец...»

Вечером

Получил от Иванушки письмо с Афона и забилося мое сердце, и почувствовал я к нему жалость. Он написал из Пантелеимонова монастыря, и пишет, между прочим, что очень сильно расхворался... О духовном, то есть о душевном его состоянии, что-то пишет неопределенное. Не буду писать об этом подробно, а сохраню его письмо.

14 марта, воскресенье 2-й седмицы Великого поста

Сегодня все время до трапезы провел у Батюшки.

Вчера утром после обедни я сидел с Батюшкой, и занимались мы обычными, но весьма нужными делами.

Батюшка был чем-то расстроен, да заниматься делом очень мешали: келейники то и дело приходили с докладами о том или другом. Все это даже раздражало Батюшку.

И между прочим Батюшка, обращаясь ко мне, сказал: «Если Господь Вас когда-либо сподобит, будете на моем месте, то будете вспоминать меня, хотя, быть может, и не так горячо будете ко всему этому относиться».

Потом однажды я сказал Батюшке:

— Вы мне сказали: так как я не испытал особых искушений при поступлении, то я должен буду испытать их, живя в Скиту, что эти искушения должны выразиться подъемом борьбы со страстями.

— Да, — сказал Батюшка, — но, кроме того, и совне будут искушения... гнев.

Потом Батюшка неоднократно говорил мне:

— Пользуйтесь этим временем, пока можно Вам читать. Придет время, когда уже не будет у Вас этой возможности. Обогащайте свой ум познаниями и нисходите во глубину смирения, считая себя хуже всех.

Однажды я сказал Батюшке:

— Вот, пока Вы живы, я всегда могу спросить, что читать и как читать. Ну, а когда Вас не будет, что тогда? Что мне читать и в каком порядке читать? Ведь обратиться не к кому... Вот я и хотел Вас спросить об этом, не можете ли Вы указать мне порядка чтения?

— Здесь быть определенного ничего не может. Конечно, общее правило такое: сначала надо прочесть книги, учащие о деятельной жизни, а потом уже о созерцательной... Вас Сам Господь будет учить...

16 марта, вторник 3-й седмицы Великого поста

Вчера вечером (я ночевал у Батюшки) я имел беседу с Батюшкой. Не буду передавать ее по недосугу, а кратко скажу то, что особенно мне запомнилось.

— Середина монашеского пути очень трудна, — говорил Батюшка, — она есть даже самая трудная часть монашеского пути, ибо в начале пути, конечно, помогает и утешает Божия благодать. А середина — это самый зной...

Читайте книги теперь по праздникам, пока имеете возможность. Потом придет время, нельзя Вам будет читать книги, попомните мое слово.

А я спрашиваю:

— Почему Вы, Батюшка, говорите, что нельзя будет читать?

— Да, лет через пять или шесть... тогда Вам надо будет читать книгу жизни...³⁷¹

Непонятными и таинственными мне показались эти слова, но спрашивать далее Батюшку я не посмел.

Вечером

Сегодня думаю ночевать у себя. Вот что хотел я еще записать.

³⁷¹ Это пророческие слова о постриге в мантию (24.05.1915), о рукоположении в иеромонаха (3.11.1917) и о революции (10.1917).

Недавно Батюшка сказал мне: «Вы знаете, какая у диавола тактика? Вам это надо знать. Он, зная, что какой-либо человек имеет грех более или менее тяжкий, старается, чтобы человек в нем не покался. С этой целью он всячески умаливает степень тяжести греха, внушая такие мысли: „Это неважно, Бог тебе это простит“, и тому подобное. И даже старается, чтобы человек забыл об этом грехе. Но когда этому человеку удастся как-либо исповедать духовнику на исповеди грех, то диавол всячески увеличивает тяжесть греха, внушая, что грех этот настолько велик, что Бог даже никогда не простит. И старается привести человека в уныние и отчаяние. Видите, как хитер враг. Он отлично знает, что исповедью смываются все грехи, поэтому и не допускает человека до исповеди, а если он исповедуется, то враг всячески смущает».

Сегодня написал Иванушке письмо.

В понедельник ко мне в соседи перешел о. Иван (Васильевич) и брат Николай, а о. Исидор в больнице еще; я заходил к нему на днях, он не встал, чтобы поздороваться. Вообще, говорят, что он слаб.

21 марта, воскресенье — Крестопоклонная

Сегодня все время читал книгу «На горах Кавказа» и, наконец, сегодня окончил ее. Пришлось по послушанию ходить в монастырь к о. Ерасту, у него встретил о. Архимандрита. Заходил на могилки Старцев и в лавочку за деревянным маслом.

Недавно Батюшка рассказал о. Ивану, пономарю, в моем присутствии следующее: «Приходит ко мне однажды мирской человек и обращается ко мне с таким вопросом: „Как проходить путь Божий? Как ему научиться? Скажите мне это в немногих словах“. Я даже несколько задумался: что же ему сказать? А потом говорю: „Ты читал Псалтирь?“ — „Читал“. — „Ну так вот, там сказано: *Господь научит кроткия путем Своим* ³⁷². Значит, прежде всего надо знать, что учит путям Господним сам Господь. Но учит не всех, а только тех, кто кроток, кто смиряется. Так вот, и ты смирайся, будь кроток, и Господь тебя не оставит, и Сам научит, как проходить путь Господень, и в чем он состоит“. — „Спаси, Господи, Батюшка, Вы мне все разъяснили», — сказал он мне тогда и ушел“.

³⁷² Пс. 24, 9.

Это Батюшка рассказал 19-го марта сего года.

24 марта, среда Крестопоклонной

Сейчас за утреней мне назначили читать шестопсалмие. Это первый раз. Батюшка был за утреней, и когда я по обычаю подошел после шестопсалмия под благословение, Батюшка сказал: «Вы читали шестопсалмие: поздравляю. Накануне Благовещения...» Я поклонился и пошел на свое место.

25 марта, четверг Крестопоклонной. Благовещение Пресвятой Богородицы

Был за обедней в монастыре, как это и полагается для всех. Утомился несколько от долгой службы (с 8 часов — около 1 часа дня). После монастырской трапезы зашел к Батюшке. Немного помогал за общим чаем. Почитал предисловие к «Пути ко спасению» и немного из преп. Марка Подвижника.

Сейчас после благословения братий Батюшка немного поговорил. Мне понравилось. Между прочим Батюшка говорил, что, когда он был маленьким, лет 7—8, ему очень понравилось житие преп. Малха, память коего завтра, то есть 26 марта. Однажды Батюшке еще в детстве сказал отец его после чтения жития преп. Малха, что его Господь спасет от видимых и невидимых врагов, если он будет Бога любить. И вот в этот день, то есть 26 марта, Батюшка был пострижен в рясофор.

28 марта, воскресенье 4-й седмицы Великого поста

Сегодня читал «Путь ко спасению» епископа Феофана. Получил письмо от Иванушки. Пишет, что согласен даже опять ехать в Скит, если Батюшка устранил одно препятствие ^[102].

Вчера перед бдением Батюшка говорил мне:

— Я прочел у батюшки отца Анатолия в письмах, что советует не оставлять Иисусовой молитвы во время богослужения, что молитва Иисусова не только не мешает внимать тому, что читают или поют, а даже [помогает] уяснить смысл читаемого или поемого...

Я говорю:

— Я так и делал, то есть не оставлял; а когда Вы мне сказали, что надо делать что-либо одно, что за службой надо творить мо-

литву только тогда, когда не слышишь, что поют и читают, я перестал творить, но мне жалко было расставаться с молитвой и за службами.

— Хорошо, попробуйте творить молитву. Это значит: разные дела по разным устройствам...

Сегодня мне хотелось более переговорить об этом, но не удалось.

Как-то мне Батюшка рассказал, что он еще в миру видел сон: «Вижу я ад и адские мучения. Увидел я там маленькую девочку лет семи, даже пяти, и говорю:

— Как ты сюда попала? — и думаю: какие могут быть грехи у этой малютки, когда она еще совсем младенец. А она смотрит на меня и говорит:

— Я здесь за скверные мысли.

Я тогда же отправился к моему духовнику и спросил его:

— Возможно ли это? Он ответил:

— Да, в аду половина ребятишек; а Вы как думаете!»

В обители у нас произошла неприятность: на о. Архимандрита ложно донесли. В Скиту сегодня Батюшка со всеми иеромонахами служил панихиду по всем старцам, побуждаемый к тому всеми скорбными обстоятельствами последнего времени.

29 марта, понедельник 5-й седмицы Великого поста

Написал Иванушке письмо: если хочет, пусть приезжает в Скит.

Сейчас пришел от Батюшки. Батюшка ходил в монастырь на собор старшей братии — иеромонахов, и сейчас мне передавал о том, как и что он говорил, и чем дело решено. Что Бог даст завтра. Батюшка всячески стоит против устройства подворья^[103], говоря, что это будет разгром обители; если не разгром, то пролом в ее стенах, через который враг может влезть в обитель.

30 марта, вторник 5-й седмицы Великого поста

Почти целый день писал, но все-таки урвал времечко сходить в рухольную. Сейчас пришел от Батюшки. Под конец Батюшка мне говорил так:

— Смиряться, смиряться. Вся наука, вся мудрость жизни заключается в сих словах: *Смирися, и спасе мя Господь*³⁷³. Смиряться и терпите все. Научитесь смирению и терпению, а в душе имейте мир. Поверьте, у кого в душе мир, тому и на каторге рай...

Перед этим Батюшка прижал мою голову к своей груди и так говорил:

— Спаси, Господи, раба Твоего сего, соверши из него инока, сподоби его Царствия Небесного...

Все это так полно любви ко мне, грешному. Спаси, Господи, и помилуй Батюшку.

6 апреля, вторник 6-й седмицы Великого поста

Сегодня, когда я обычно занимался с Батюшкой, Батюшка между прочим просмотрел газету «Братский листок» и, указывая на статью о различии между иконами и идолами, и святости икон и их древности, сказал:

— Вот прочтите, — это будет полезно Вам. Лет через 10—15 придется Вам это в ход пускать.

Я прочел и говорю:

— Что же здесь особенного? Все это я давно знаю.

— И вот почему я так сказал: многие это не понимают, даже интеллигенты, и, будучи спрошены, становятся в тупик. И на этом сектанты многих сбивают...

Все эти дни мне был великий недосуг. Все время занят. Настала весна, снег стаял. Довольно тепло, а на солнце до 20—25 градусов. Сегодня день солнечный, прекрасный, и ночь была лунная, ясная. Вчера вечером у Батюшки я остался немного поговорить. Говорил Батюшка о смысле внутренних и видимых событий жизни, как они все таинственны и глубоки; что теперь Батюшке иногда открывается смысл тех или других событий его жизни, прежде совершенно не понимаемых им.

8 апреля, четверг 6-й седмицы Великого поста

Сегодня пошел в рухольную за сапогами. Получил сапоги, а затем о. Макарий^[104], старший рухольный, говорит:

³⁷³ Пс. 114, 5.

— Отец Архимандрит желает утешить вас: примерьте-ка вот, — при этом подал мне рясу и потом клобук. — Я говорю:

— Спаси, Господи, — и, налагая на себя крестное знамение, надел рясу.

Здесь случились о. Георгий Копорский и о. Димитрий Славенский (кажется, так зовут их), причем о. Димитрий поздравил меня. Из рухольной я пошел в баню.

А сейчас на благословении у Батюшки я и рассказал ему, что было.

«Да, — сказал Батюшка, — получено разрешение от Преосвященного. Надо будет посмотреть, когда состоялось утверждение, то есть какого числа. Отселе Вы рясофорный».

А перед этим мне Батюшка рассказал, каким опасностям смертным подвергался он при возвращении из Манчжурии: первое, как Батюшка чуть было не сошел с вагона³⁷⁴ на самом быстром ходу, полагая, что дверь затворена; второе, как было у Батюшки предчувствие не садиться на поезд, и он не сел, а поезд действительно по какой-то причине разлетелся вдребезги, и когда уже на другом поезде Батюшка приехал, то увидел только груды обломков и массу кровавых тел; третье, как Батюшку намеревались убить в отхожем месте, находящемся в глухом месте. И как Господь спасал дивно от всех этих опасностей, а может быть, и многих других, которых Батюшка не заметил.

Нет времени описывать все это, пишу кратко.

6-го и 7-го Батюшка со мной ходил по Скиту до 10 часов вечера. Батюшка сказал: «Заметьте, в 1921 г. будет 100 лет с основания Скита».

14 апреля, Великая Среда

Сегодня сподобился Таинства исповеди. Немного прибрал в келлии. Отец Исидор пришел из больницы опять ко мне в соседи^[105].

15 апреля, Великий Четверг

Сегодня сподобился принятия Святых Христовых Таин. Читал за трапезой.

³⁷⁴ Точнее, чуть не выпал из вагона. См. Дневник от 23 февраля 1909 г.

Погода теплая, почти летняя. За все слава Богу.

16 апреля, Великий Пяток

Сегодня аз, грешный, сподобился пострижения в рясофор. Хотелось бы описать все подробно. Сегодня не смогу, что Бог даст потом, еще жив буду. Сегодня память святых мучениц Агапии, Ирины и Хионии.

20 апреля, Светлый Вторник

Приехал Иванушка опять к нам и принят в Скит. В Страстную субботу я получил от него два письма уже из Москвы и немало подивился на них. И дал, по благословению Батюшки, телеграмму, чтобы приезжал ^[106].

11-го апреля Батюшка видел двух демонов, глядевших в окно алтаря, где Батюшка стоял в Макарьевском приделе. Вид их, как мне Батюшка рассказывал, — какая-то смесь зверя с человеком, рогов не было, но вид ужасно безобразный, черный, злобный. Они были у яблони, и Батюшке видны были только их головы.

— Почему я называю вас «Люточка?» — спросил меня однажды Батюшка.

— Не знаю, — ответил я.

— Слово «Люточка» происходит от слова «лютый». В житиях святых повествуется, что бесы называли св. Иоанна Богослова «лют зело». Вот лютыми в мнении бесов и должно нам быть. Конечно, такими «лютыми зело», как св. Иоанн Богослов, мы быть не можем; хорошо, если будем «люточками». Теперь Вы поняли значение этого слова?

Пасху встречали, то есть были за Светлой заутреней, в монастыре. К обедне я пошел в монастырь один и немного опоздал к началу. Там узнал от о. Руфа, что Батюшки нет. Я побежал обратно в Скит и узнал, что Батюшка ослабел и не может идти служить. Я поскорбел и пошел обратно в монастырь. После обедни прихожу и вижу, что Батюшка, слава Богу, ничего, отдохнул и подкрепился; и теперь, слава Богу, не болен. Потом я был за старшего на общем чаю. Зашел на немного в келлию и вскоре пошел к вечерне.

Вчера день прошел тихо, слава Богу. Весна в полном разгаре. Деревья распускаются, кусты уже зеленеют нежной зеленью, а зе-

ленный ковер уже давно разостлан по Скиту. Птички поют, бабочки порхают, и вообще вся природа ожила.

5-го или 6-го апреля, не упомню, рассказал мне Батюшка следующее.

«Когда я учился в гимназии в городе Полоцке, летом нас переселяли на каникулы в живописное казенное имение, бывшее прежде имением католического епископа. Там была прекрасная березовая аллея, из всей аллеи две березы особенно выдавались по своей высоте и красоте. Я любил уединяться в эту аллею и каждый год вырезал на березе свою букву «П». Так, однажды я стал вырезать свою букву «П», а мысль мне говорит: «Вырезай и больше, и глубже». Я послушался этой мысли и вырезал довольно глубоко. И это было последний раз, ибо на следующий год нас не пустили в это имение, а потом я кончил и уехал оттуда. Воспитанники обыкновенно вставали в 6 часов, а я вставал в 5 часов, уходил в ту аллею и, стоя меж тех берез, молился. И тогда я молился так, как никогда уже более не молился: то была чистая молитва невинного отрока. Я думаю, что там я себе и выпросил, вымолил у Бога монашество. Вообще, у меня остались светлые и чистые воспоминания о гимназии».

27 апреля, вторник Фоминой

Эти дни я все писал, и мне помогал брат Кирилл. Вчера он уехал опять в штаб.

Вчера вечером Батюшка оставил меня на минуточку поговорить, но очень ослабел и, нежно обласкав, отпустил. И я, идя от Батюшки, думал, как милостив ко мне Господь.

Все собираюсь описать пострижение в рясофор и не могу найти времени. Ну, хоть часть опишу.

Утром 16-го апреля, в Страстную Пятницу, я пришел к Батюшке и получил от него благословение идти в монастырь к часам, после коих и назначен был постриг. Я был смущен некоторым обстоятельством, но Батюшка меня успокоил, и я пошел; вместе со мной из Скита — брат Иларион. Из скитских было только двое: он и я.

«Зайдем, братия, на могилки Старцев», — сказал я. — «Зайдем».

Зашли, помолились и пошли на рухольную. Оттуда нас отослали в церковь, мы только примерили себе камилавки без наметок.

В 9 часов ударили к часам. Они правились в Казанском соборе. После часов мы пошли в храм преп. Марии Египетской; там все уже было приготовлено для пострига. Нас посадили по очереди. Я сидел и творил молитву Иисусову. Потом меня послали в Скит за Батюшкой: не желает ли он присутствовать при постриге. Я пошел и встретил о. Павла и о. Евфимия из канцелярии, — они шли из Скита и сказали, что Батюшка очень занят исповедью и придти не может. Я пошел тогда к о. Архимандриту, доложил ему об этом и передал свечи пасхальные, которые ему прислал Батюшка с о. Павлом, а о. Павел передал их мне. Отец Архимандрит поблагодарил и сказал, что сейчас придет.

Я пошел в храм преп. Марии Египетской и, сообщив об этом, сел на свое место. Вскоре пришел о. Архимандрит. Мы стали по очереди подходить под благословение. Когда все получили благословение, о. Архимандрит спросил нас: желаем ли мы получить пострижение в рясофор? На это мы отвечали, что желаем.

Тогда начался чин пострижения. Старший читал начало, потом пели, и, наконец, о. Архимандрит читал молитвы. Их я не запомнил и даже неясно слышал, но помню, что там читалось что-то про «обещание» и «ангельский образ». Затем начали подходить по старшинству к о. Архимандриту для пострижения волос. Передо мной шел брат Мирон, а за мной — брат Митрофан. Потом получили рясы и, наконец, клобуки.

Кажется, читались еще молитвы, потом подходили под благословение к о. Архимандриту, и о. Архимандрит сказал нам свое слово:

«Видя ваше послушание и добрую нравственность, мы даем вам рясофор. Даем вам для того, чтобы поощрить вас к еще большим трудам, к еще большему смирению и послушанию — это необходимо. Смиряться даже перед младшими, перед послушниками, а не тщеславьтесь своим одеянием: „Я уже монах, мне нужен покой, разве не видишь, что у меня камилавка“, — и прочее, ибо не для тщеславия даем вам рясофор, а для сугубых трудов. А говорю я это для того, что были такие печальные примеры. Пока послуш-

ник — и старателен, и смирен, а как получил рясофор — сразу изменился. Так вот смотрите, чтобы этого не было. Затем, обращайтесь к старцам за советом и наставлением, или в борьбе мысленной с плотью, или за решением каких бы то ни было недоумений... Вот теперь и идите к старцам».

Сейчас что-то более не припомню. Главное записал, на что и обращал наше особенное внимание о. Архимандрит, это — смирение и старческое руководство.

Итак, все пошли из храма в Скит к Батюшке. Подхожу и я к выходу из храма, а здесь стоит брат Игнатий, юный канонарх, монастырский послушник, и поздравляет он меня. Это было после о. Архимандрита первое поздравление мне. Я поклонился ему и сказал: «Спаси, Господи», — и пошел дальше. Нужно было зайти в рухольную за камилавкой. Ну, думаю, опоздаем — не опоздаем к Батюшке вместе со всеми (ибо монастырские не заходили в рухольную), а надо зайти к Старцам на могилки.

Итак, из рухольной быстро пошли на могилки к Старцам принять благословение и пошли догонять монастырских. Пришли в Скит. У ворот встречает нас (меня и о. Илариона) вратарь о. Алексей. Поздравил нас. Входим в Скит, я положил земной поклон и пошел к Батюшке. Здесь меня поздравляли все братия монастырские. Я был очень рад, что не опоздал, и вместе со всеми вошел к Батюшке.

28 апреля, Фомина среда

Все вошли и встали на колени.

«Встаньте», — сказал Батюшка. Мы встали. «Положите по три поклона».

Мы положили по три поясных поклона. Батюшка стал молиться. Не помню хорошо слов молитвы, я запомнил только начало. Оно было таково: «Приими, Господи, рабов Твоих сих, пришедших к Тебе, и введи их в Царство Небесное».

Далее не помню, а это, кажется, так. Затем Батюшка начал свое слово.

«Прежде я говорил вам и теперь опять повторяю: смирение — всё. Есть смирение — всё есть, нет смирения — ничего нет. Вы получили рясофор. Это не есть какое-либо повышение, как например,

в миру, когда дают повышение, назначая в офицерский чин и прочее. И там получивший считает своим долгом гордиться своим повышением, а у нас не так. На монашеском знамени написаны слова: *Кто хочет быть большим, да будет всем слуга*³⁷⁵. Смиряться и смиряться... Теперь вас более будет утешать благодать Божия, но и враг будет озлоблять.

Припомните, как вы поступали в монастырь, какие препятствия строил вам враг, чтобы не дать возможности поступить в святую обитель. Если подумаете, то, конечно, вспомните. Но Богу угодно было, чтобы вы поступили в монастырь, и враг как бы ослабил свою борьбу с вами, вас стала более утешать благодать Божия. А теперь враг опять с большей силой будет на вас нападать. Поэтому предупреждаю вас — будьте готовы к скорбям и искушениям. Надо терпеть».

Более не помню сейчас. Затем Батюшка приветствовал нас с пострижением и начал благословлять не по старшинству, а кто как стоял. Батюшка, пристально глядя на каждого, медленно благословлял каждого молча, но, дойдя до меня и благословив, сказал:

— Видите, после кого я благословляю Вас? После о. Георгия. А что значит «Георгий»? — Земледелец, возделыватель земли. Это что значит? Это значит, что Вам нужно возделывать землю своего сердца, то есть очищать свое сердце от греховных страстей. *Сердце чисто созижди во мне, Боже...*³⁷⁶ А затем св. мученик Георгий именуется Победоносцем. Это значит, что Вы должны быть победителем своих страстей. Конечно, это делается не в один день, а со временем. Бог даст, будете побеждать свои страсти... Ведь так вышло не случайно, что Вы стали за о. Георгием. Ведь так?..

— Так, — отвечал я. Мне было как-то неудобно, что все смотрят на меня, как мне это казалось, что только со мною одним Батюшка заговорил.

Затем Батюшка благословил о. Илариона^[107] и пошел далее, сделав ему краткое замечание о смирении. И когда всех благословил, пожелал нам всякого успеха и сказал, чтобы зашли к о. Иосифу на благословение, что мы и исполнили.

³⁷⁵ Ср.: Мф. 20, 26; Мк. 9, 35; 10, 43.

³⁷⁶ Пс. 50, 12.

О. Иосиф только благословлял и давал листочки. От о. Иосифа я зашел к Батюшке взять камилавку, которую там оставил, и, взяв, хотел идти в келлию, но о. Пантелеимон, стоя у трапезы, кланялся мне, и я подошел к нему. Он поздравил меня, а я обычно благодарил его и просил святых молитв. От него пошел в келлию мимо Батюшкина крылечка. Там Батюшка стоял с каким-то человеком. Когда я подошел, Батюшка, улыбаясь, смотрел на меня, я поклонился в ноги и получил опять благословение, и Батюшка, сказав несколько ласковых слов, отпустил меня. Я пошел, поклонился у церкви до земли, пошел далее; у корпуса о. Нектария я встретил его и о. Иоанна-пономаря, они оба очень ласково поздравили меня, но слов их не помню. И наконец, я пришел в свою келлию. Сотворив поклоны поясные и земные, возблагодарил Создателя за Его ко мне милости.

Был уже 2-й час, и я пошел в храм к вечерне. По входе в храм первым меня приветствовал брат Михаил Ежов. За вечерней читал Апостола к Коринфянам, зачало 125: *Слово бо крестное погибающим убо юродство есть*³⁷⁷. По окончании вечерни я зашел в келлию, снял рясу и камилавку и пошел к Батюшке.

29 апреля, Фомин четверг

По немощи своей мы сели за стол подкрепиться чаем или кипятком, хлебом, огурчиками и капустой. Вскоре я остался с Батюшкой один. Заговорили о рясофоре.

— Дивное дело, Батюшка, — говорю я, — Вы мне говорили о значении того, что я стоял за о. Георгием, а ведь я освобожден от воинской повинности в день памяти св. Георгия Победоносца (3 ноября)³⁷⁸.

— Поверьте мне, — сказал Батюшка, — что я этого не знал. А значит, так надо. Вы с освобождением от воинской повинности, так сказать, кончили службу миру, чтобы обречь себя на служение Богу. Я уже не раз говорил Вам, что придаю огромное значение тому, что Вас освободили от воинской повинности...

³⁷⁷ 1 Кор. 1, 18.

³⁷⁸ 3/16 ноября празднование обновления храма вмч. Георгия в Лиде. В этот же день, в 1917 г., о. Никон будет рукоположен во иеромонаха.

— Затем, Батюшка, обратил я внимание вот еще на что: первым после о. Архимандрита меня поздравил брат Игнатий. А в подрясник одет я в день памяти св. Игнатия Богоносца (29 января).

— Да, и это замечательно, Вы хотя только чуть-чуть, одним пальчиком дотрагиваетесь до молитвы Иисусовой, а видите, св. Игнатий Богоносец уже как бы смотрит на Вас, Вы уже у него на счету... Проникать во внутренний смысл событий мы не можем своей силой, это дар свыше, из себя здесь получить ничего нельзя. Если Вы будете идти этим путем, то есть вникать в смысл событий жизни при занятии молитвой Иисусовой, то *больша сих узрите*³⁷⁹, как сказал это Господь Нафанаилу...

— Батюшка, года полтора или два назад Вы дали мне, по моей просьбе, листков со стихотворением «Молитва Иисусова». Я говорю: «Зачем так много?» А Вы мне сказали: «Я хочу, чтобы Вы шли этим путем»³⁸⁰, — то есть молитвой Иисусовой. Потом я говорю вам: «Вы мне дали эти листки и сказали, чтобы я шел этим путем, а одет я в подрясник 29 января, в день памяти св. Игнатия Богоносца». А Вы мне и сказали: «Больша сих узриши»³⁸¹.

— Так я и сказал?

— Да.

— Право, я совсем об этом забыл. Конечно, на Вас действует теперь особая благодать... Вот и продолжайте путь молитвы Иисусовой... Я уже говорил Вам, что монашество есть внешнее и внутреннее. Миновать внешнее нельзя, но и удовлетвориться им одним тоже нельзя. Одно внешнее без внутреннего даже приносит вред. Внешнее монашество можно уподобить вспахиванию земли. Сколько ни паши — ничего не вырастишь, если не посеешь. Вот внутреннее монашество и есть сеяние, а пшено — молитва Иисусова. Молитва Иисусова освящает всю внутреннюю жизнь монаха, дает ему силу в борьбе, в особенности она необходима при перенесении скорбей и искушений...

Сейчас я более не помню. Думаю, что все главное записал, но в подробностях, по всей вероятности, многое опустил.

³⁷⁹ См.: Ин. 1, 50.

³⁸⁰ См. Дневник от 14 декабря 1908 г.

³⁸¹ См. Дневник от 23 декабря 1908 г.

Указ от Преосвященного о разрешении меня на постриг в рясофор — от 3-го апреля. Я посмотрел тогда, когда этот указ принесли Батюшке. Потом вот еще что. В Великую Страстную Субботу перед Светлой заутреней я сидел около Батюшки на стуле. Вот Батюшка мне и говорит:

— Вы, быть может, заметили, что я теперь стал к Вам строже. Мне, когда я был пострижен в рясофор, батюшка о. Анатолий в свое время сказал следующее: «Теперь для Вас начинается новая жизнь. И какое дает себе направление и настроение монах в первое время по пострижении в рясофор, то останется у него до гроба».

— Вот как, — говорю я, — а я думал, что настоящая монашеская жизнь начинается с пострижения в мантию...

— Да, время пострижения в рясофор имеет великую важность в жизни монаха. Поэтому Вам надо быть теперь особенно внимательным к себе и смехотворство совершенно оставить. Это я Вам говорю...

1 мая, Фомина Суббота

Вчера бдение правил у Батюшки. Сегодня ходил к ранней обедне в монастырь, а сейчас только что вернулся с крестного хода на Пафнутьев колодец. После крестного хода зашел попить чайку в келейную о. Архимандрита, как это бывает обыкновенно ^[108].

Погода чудная. Все ликует. На небе ни облачка. Фруктовые деревья в полном цвету, словно осыпаны. Очень хорошо. Скит — просто рай. Красота!

2 мая, воскресенье Жен-Мироносиц

День прошел тихо. Читал преп. Марка Подвижника. Вчера ко бдению пришел к шестопсалмию, задержался у Батюшки. Когда шел от Батюшки, была чудная ночь. Луна, хотя еще и молодая, светила с неба довольно ярко... Было хорошо.

Все говорят о комете, но я ее еще не видел, и не слышал, чтобы ее кто-либо видел из скитян.

Иванушка за последние дни вздумал писать стихотворения. Говорит, что Батюшка ему благословил. Сейчас дал мне одно свое стихотворение «На развалинах храма» — конечно, не вещественного, а душевного ^[109].

6 мая, четверг недели Жен-Мироносиц

3-го мая, в понедельник, вечером Батюшка оставил меня у себя.

Хотели пройти по Скиту, но этому помешал дождь. Тогда после вечерних молитв мы ушли в дальнюю моленную и побеседовали. Между прочим Батюшка сказал, что, когда он был послушником, всеми гонимым и презираемым, настроение его было более радостное и светлое, чем теперь... Говорил Батюшка, что происходит это оттого, что тогда душа его питалась чтением Евангелия, Псалтири и святоотеческих книг, а теперь нет у Батюшки этой возможности. Теперь приходится Батюшке читать иные книги — душ человеческих.

Затем говорил Батюшка мне: «Не слушайте врага, внушающего Вам, что впереди то время, когда Вы по-настоящему займетесь чтением. Не слушайте лукавого, обманывает. Для Вас теперь-то и идет самое учение».

4-го мая во вторник было малое освящение новой пристройки к батюшкиному корпусу. Я при этом участвовал, и мне понравилось, как рабочие не только не противились этому, а напротив, даже желали.

5-го мая в среду, то есть вчера, когда я читал после обеда Батюшке небольшую статейку из «Духовного Луга», рассказ аввы Иордана) о том, как св. авва Николай встретил трех сарацин-разбойников, которые вели прекрасного юношу, взятого ими в плен, и хотели принести его в жертву своим богам-идолам. Юноша, увидев святого, стал просить избавить его от этих разбойников. Святой попросил, но они не отпустили его. Тогда святой стал молиться, и вдруг сарацины пришли в бешенство, обнажили мечи и изрубили друг друга. Освобожденный юноша не захотел отлучиться от святого — отрекся от мира, прожил в монастыре семь лет и скончался³⁸².

Я, прочтя, повторил: «Семь лет прожил в монастыре, а на восьмой скончался». А Батюшка говорит:

— Вот и Вы, может быть, проживете только семь лет.

Я молча слушал это и, запомнив, теперь пишу, ибо это слова Старца.

³⁸² См.: Луг духовный блаж. Иоанна Мосха. Гл. 155. С. 186—187.

Бдение у нас было свое, то есть у Батюшки в корпусе, ибо Батюшка служит. К обедне я уже ходил, а теперь надо идти к молебну.

13 мая, четверг. Неделя о расслабленном и Преполовление

9-го мая я читал Апостола за обедней.

Когда я пил с Иванушкой чай, он смутил меня некоторыми словами епископа Трифона. Я после обеда сказал об этом Батюшке и вполне успокоился. Между прочим, Батюшка сказал мне так: «Пока я жив, будемте жить вместе, а когда я умру, я передам Вас Самому Господу для руководства».

9-го мая я кончил читать преп. Марка Подвижника.

10-го мая Батюшка спросил:

— Когда Вас постригли в рясофор?

— 16-го апреля.

— Каких святых?

— Святых мучениц Ирины, Хионии и Агапии.

— Что значат эти имена?

Я посмотрел:

— Агапия — любовь, Ирина — мир, Хиония — снежная.

— Ну вот, это значит, что Вы должны иметь, по слову Апостола, *мир и святыню со всеми*³⁸³. Кроме сих добродетелей: мира и любви, — нельзя очиститься от страстей, то есть убелиться. А Хиония значит — снежная. Вот и надо Вам очистить свою душу, чтобы она была белоснежная, как сказано в псалме: *паче снега убелюся*. А дальше что сказано? — *Слуху моему даси радость и веселие...* Это есть предвкушение блаженства по мере очищения, а потом уж и *возрадуются кости смиренныя*³⁸⁴. Здесь в псалмах тонкая последовательность...

10-го мая мне Батюшка дал прочитать 40-ю беседу преп. Макария Египетского. Но я не мог ее тогда же прочесть и прочел только вчера.

Когда я читал книгу «На горах Кавказа», я прочел там, что нужно усердно молиться Богу, Пресвятой Богородице и святым угодникам о приобретении сего великого дара — молитвы Иисусовой. Я это и сказал однажды Батюшке, а Батюшка и говорит:

³⁸³ См.: Евр. 12, 14.

³⁸⁴ Пс. 50, 9—10.

«Конечно, и вот можно какое сделать сравнение. Идут путешественники к какому-либо городу, идут степью и видят: вдали чуть-чуть виднеется город. Идут, идут, уже много прошли, кажется уж и город недалеко, как вдруг они замечают, что на дороге перед ними пропасть, через которую никак им нельзя перейти. Постояли, подумали: как быть? И пошли одни налево, другие направо, но ни те, ни другие не нашли перехода через пропасть. Стали они и стоят, не знают, что делать. И вот они замечают, что на той стороне идут какие-то люди. Тогда они стали звать их и просить им помочь в их нужде. И начали они бросать веревочки с камешками на другой берег так, что один конец веревки оставался в их руках, а другой конец с камешком перекидывался на другую сторону. Те привязывали конец веревки к колу и втыкали его в землю. И так мало-помалу, когда набросали порядочно веревок, образовался веревочный мостик, по которому потихоньку все перешли. А без помощи с той стороны они едва ли смогли что-либо сделать...»

Как-то на днях мне Батюшка сказал: «Вас Господь привел сюда. Словно Вы для Оптиной, а Оптина — для Вас...»

4-го мая вечером Иванушка пришел ко мне и прочитал мне свое стихотворение «Море» и спросил: какое стихотворение мне больше всех нравится. Я не помнил всех его стихотворений, а потому и сказал: «Да вот это ничего...» У Иванушки все стихотворения больше плачевные, чем это. Иванушка и подумал, что оно мне больше всех понравилось, и именно потому, что в нем изображается борьба и красота природы. Вот он, придя от меня в свою келлию, написал другое стихотворение, которое и посвятил мне, сделав надпись. Их мне он дал 6-го мая, а 7-го мая я их показал Батюшке. Батюшка прочел их мне. Но все-таки Батюшка запретил Иванушке пока писать стихотворения — по каким соображениям, не знаю ^[110].

Сегодня ходил в лавочку по Батюшкиным делам и заодно уж купил там для себя Апостол.

14 мая, пятница

Вчера бдение правил у Батюшки. Сегодня ходил к ранней обедне в монастырь, а Батюшка служит позднюю. Сейчас походил за сажалкой с о. Исидором.

18 мая, вторник

В пятницу, 14 мая, Иванушка написал Батюшке письмо, я письмо это передал Батюшке. Батюшка назвал это письмо страшным и решил, что Иванушке лучше жить в Москве (конечно, в монастыре). И вот в воскресенье служили напутственный молебен и панихиду по Старцам, а 17-го числа, в понедельник, то есть вчера, Иванушка уехал. Сердечно мне его жалко. Я по-братски благословил его иконой св. великомученика и целителя Пантелеимона. Перед отъездом мы посидели в моей келлии. Потом встали, помолились, простились, и он поехал. Я очень доволен, что уехал он с мирным настроением духа и с Батюшкой хорошо простился. Да поможет ему Господь.

20 мая, четверг

В пятницу 14-го мая вечером Батюшка сказал мне и келейникам следующее:

«Я замечал в своей жизни, что недоуменные вопросы и вообще разные обстоятельства сами собою у меня разъяснялись иногда вскоре, а иногда через несколько лет. Поэтому я не особенно останавливался на разных недоумениях, веруя, что впоследствии это разъяснится. Помысел говорит: „А как же? А как же это?..“ Я отвечаю: „Ладно, ладно, потом“. И действительно, в свое время Господь посылал мне разрешение недоумений...»

Потом недавно Батюшка говорил мне так:

«Число 6, изображаемое по-славянски буквой-„змеёй“ S, всегда имеет таинственное и роковое значение. Например, последите, быть может, вспомните, что было с Вами, когда Вам шел 6-й год?»

24 мая, понедельник о слепом

Вчера вечером, то есть 23-го мая, Батюшка захотел пройтись немного по Скиту и взял меня с собой. Особенно я обратил внимание на следующие батюшкины слова:

«Молю Господа, чтобы поставить мне Вас на ноги, чтобы укрепились Ваши ноги, еще детские. Ибо после меня на Вас будут нападать, но Вы не бойтесь, ибо основания Ваши будут лежать на

камни заповедей³⁸⁵. Вы находитесь в таком же положении, как и я. Ко мне был очень расположен батюшка о. Анатолий, духовно я стоял к нему ближе всех. Он называл меня подвижником, и это возбуждало негодование в некоторых из братий. Правда, так близок к батюшке о. Анатолию, как Вы ко мне, я не был, но все-таки пользовался некоторыми льготами. И вот после смерти батюшки о. Анатолия на меня были нападения...»

Не помню хорошо, записаны ли у меня где-либо Батюшкины слова, или нет, приблизительно Батюшка говорил так: «Доживу ли я до того времени, когда Вы будете в мантии? Да... а тогда я сказал бы: *Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко...*»³⁸⁶

Все это доказывает великую любовь ко мне Батюшки.

26 мая, среда. Отдание Святой Пасхи

Сегодня за утреней я читал первый раз канон. В воскресенье я читал за вечерней трипеснец.

27 мая, четверг. Вознесение

Вчера бдение правили у Батюшки. Был сейчас у нашей обедни.

Есть времечко, думаю записать то, что давно хотел записать. Было это 26 октября 1909 года, перед моим призывом на военную службу. Батюшке очень хотелось, чтобы я остался. А чего желаешь — исполнения того в одно и то же время и надеешься, и не надеешься. Так, я думаю, было и с Батюшкой, поэтому он неоднократно оставлял меня для беседы с собою и многое говорил.

Вот, 26 октября 1909 г. я остался у Батюшки, стали мы читать книгу «На горах Кавказа» о молитве Иисусовой, необходимость которой Батюшка вполне признает. В тот вечер мы прочли, что старца, который беседовал о молитве Иисусовой с составителем книги, звали в миру Димитрием, а в монастыре Дисидерием. А 26-го октября память св. великомученика Димитрия Солунского. Батюшка обратил на это внимание. Затем, прочитав довольно, мы начали беседу. Я почти ничего не говорил, я только слушал. Теперь

³⁸⁵ «На недвижимем, Христе, камни заповедей Твоих утверди мое помышление». Ирмос 3-й песни канонов Октоиха 6-го гласа.

³⁸⁶ Лк. 2, 29.

начну записывать и отдельные выдержки из беседы, и общий ее ход.

«Псаломские слова, троекратное повторение слов: *Обышедшие обыдоша мя, и именем Господним противляхся им*³⁸⁷, — вполне понимают все делатели молитвы Иисусовой, хотя бы этого им никто не растолковывал. Они понимают, что это говорится про молитву Иисусову. Это одно из самых ясных мест о молитве Иисусовой, коих очень много в Псалтири...

Можно ли потерять молитву Иисусову тому, кто достиг уже внутренней молитвы? — Да, я думаю, что можно: от нерадения при окружающей суете. А бывает, что Господь по неведомым нам судьбам Своим отнимает молитву, как, например, это было со схимонахом о. Клеопою: он два года чувствовал в себе потерю сердечной молитвы, после чего она опять возвратилась к нему. Может быть, это Господь послал ему для испытания его веры. Поэтому в таких случаях не надо отчаиваться...

Томительное, часто безотрадное состояние, предвещающее получение молитвы Иисусовой внутренней, не бывает обязательно с каждым. Ибо Царь может сразу обогатить нищего. Но общий порядок стяжания молитвы Иисусовой тот, что достигают ее трудами и скорбями, в числе которых имеет себе место томительное состояние духа...

Из Казани, когда я был еще на военной службе, теперешний митрополит С.-Петербургский Антоний прислал мне только что вышедшую из печати книгу „Откровенные рассказы странника“. Я прочитал ее и говорю себе: „Да... вот еще какой есть путь спасения, самый краткий и надежный — молитва Иисусова. Надо принять это к сведению“. Достал я себе четки и начал молитву Иисусову. Вскоре начались разные звуки, шелесты, шатания, удары в стену, окно и тому подобные явления. Их слышал не только я, но и мой денщик. Мне стало страшно одному ночевать, я стал звать к себе денщика. Но эти страхования не прекратились, и я через четыре месяца не выдержал и бросил занятия молитвой Иисусовой. Потом спрашивал о. Амвросия об этом; он мне сказал, что не должно было бросать.

³⁸⁷ Пс. 117, 11.

Вот вкратце условия моего поступления в Скит: в миру не дал мне враг заняться молитвой Иисусовой, вот я и думал: займусь ею в монастыре. А здесь [враг] поднял на меня всю братию, хоть уходи из Скита. Вот как ненавистна ему молитва. А теперь ничего не вижу. Весь разобран там (Батюшка показал рукой на женскую половину). Конечно, по времени лепечу молитву; уж не знаю, снимет меня Господь с сего поста, или уж здесь придется умереть...

Все, весь ход записан у меня в дневнике. А у меня тогда уже бывали видения. Один раз видел я: несутся облака в виде турка, сидящего по-турецки, то есть ноги под себя. Потом видел о. Адриана^[111] в церкви. Вижу, стоит у стены о. Адриан и смотрит на меня, а вид его был ужасен: весь черный, взгляд злобный. Я говорю: „Господи, Господи, помилуй!“ Потом смотрю, о. Адриан идет из алтаря или в алтарь, а тот исчез. Какая была цель у врага представиться мне в виде о. Адриана, я не знаю. Может быть, хотел, чтобы я возненавидел его... Потом я видел о. Моисея^[112], как он вошел в чулан через запертую дверь. Чтобы убедиться окончательно, я посмотрел: он у себя в келлии. Я пошел к о. Венедикту и говорю: „Имею вам нечто сказать“. — „Скажите“. Я рассказал все. Отец Венедикт сказал, что это действие молитвы Иисусовой» (кажется, так сказал Батюшка).

Вот вкратце то, что хотелось бы мне записать пространнее, но я не имею к сему возможности.

На днях Батюшка говорил, что при занятии молитвой Иисусовой иногда сжимается горло, как бы кто давит. Это последнее мне Батюшка сказал по поводу получения письма от одной девицы, которая начала молитву Иисусову и сразу почувствовала по временам сжатие горла. «Да, — прибавил Батюшка, — на некоторых молитва Иисусова сразу производит сильное действие, а некоторые долго ничего не ощущают».

30 мая, воскресенье

Послал на днях письмо в Москву справиться, как живет Иванушка^[113].

Также на днях я спросил Батюшку: «Я был в недоумении: надо ли творить молитву Иисусову за богослужением. Спросил об

этом Вас еще года два назад. Вы ответили, что нет, не надо все время, а только тогда, когда не слышно, что читают. Потом я опять спросил Вас об этом, Вы ответили то же. А недавно сами сказали, чтобы я попробовал творить молитву Иисусову за богослужением. Теперь прошло около месяца, и я не знаю: что, продолжать мне или нет? Что полезнее для меня, я сам не могу понять. Вот как же мне быть?» — «Творите молитву, Бог благословит, а там видно будет», — ответил мне Батюшка.

31 мая, понедельник

Сегодня утром Батюшка взял Библию, раскрыл третью книгу Ездры и, указывая на место, отмеченное синим карандашом, сказал мне: «Читайте». Я прочел: *Ибо век потерял свою юность, и времена приближаются к старости, так как век разделен на 12 частей, и 9 частей его и половина 10-й части уже прошли*³⁸⁸.

И Батюшка закрыл Библию. Это же самое мне Батюшка прочел 16-го января 1909 года. Давно я хотел спросить Батюшку об этом, но никак не удавалось. Затем Батюшка сел на диван и начал говорить:

«Вообще эта книга таинственная. Многие делали вычисления, и у большинства конец падает на наше время, то есть 20-е столетие. И действительно, много есть признаков; мы-то уже уйдем, ну а Вы будете участником и современником всех этих ужасов. До ужасных времен доживете Вы. А кто может ручаться? Может быть, и я буду жив...»

Затем Батюшка говорил про евреев, про Китай и про то, что все идут против России, вернее сказать, против Церкви Христовой, ибо русский народ — богоносец, в нем хранится истинная вера Христова...

Это все Батюшка говорил до обеда, а после обеда сказал так: «Становитесь на ноги, ибо после меня будет на Вас напор. А мне что-то думается, что я скоро умру. И тогда на Вас, как на меня после смерти батюшки о. Анатолия, все обрушится. Когда батюшка Анатолий был жив, я имел поддержку. Даже тогда, когда батюшка лежал больной, никого не принимал, я все еще имел надежду, что

³⁸⁸ Ср.: 3 Езд. 14, 10—11. Ср.:

встанет он, я все-таки чувствовал его присутствие; но когда он скончался, тогда словно во мне что-то оборвалось».

8 июня, вторник

Вчера вечером до 10 часов я с Батюшкой ходили сначала по лесу, а потом по Скиту.

Вчера освободился от занятий с 4-х часов, посему сначала почитал в келлии немного, а потом пошел к вечерне на правило, читал канон Божией Матери. Я не помню, когда уж и был на правиле за вечерней.

9 июня, среда

5-го июня под св. Пятидесятницу бдение правил у Батюшки. Во время правила Батюшка после чтения синаксария немного побеседовал с нами:

— К чему не прикоснись из постановлений Церкви — везде глубина. Вот, например, почему Троицкой седмице присвоен 7-й глас? Потому что число семь — число Божественное и имеет великое значение: в седьмой день почил Господь от творения мира ³⁸⁹, семь Таинств, семь даров Духа Святаго ³⁹⁰, и многое другое. Затем, после Троицкой недели идет неделя Всех Святых, и ей присвоен 8-й глас. Почему? Потому что 8 есть число, обозначающее бесконечность, то есть будущий век. А святые, отойдя уже от сего мира, ожидают будущего века — пакибытия. Они, достигнув святости на земле, уже не могут изменить Богу, не могут поколебаться в любви к Нему, а вечно будут совершенствоваться в любви...

Потом Батюшка объяснил нам, что значат слова псалма: *Молнии в дождь сотвори* ³⁹¹:

«Под молнией разумеется гнев Божий на людей за грехопадение их в лице праотца Адама. И этот гнев продолжался до Воплощения Христа Спасителя, когда была дарована людям благодать, которая в псалме названа дождем. До этого времени все люди, и святые, и грешные, находясь под властью сатаны, по смерти шли в

³⁸⁹ Быт. 2, 2.

³⁹⁰ Ис. 11, 1—3.

³⁹¹ Пс. 134, 7.

ад. Правда, святые, может быть, не имели мук, но не имели и блаженства. Избавление и благодать дарованы Господом Иисусом Христом³⁹².

Вот вкратце Батюшкина беседа.

11 июня, день Святаго Духа

До обеда Батюшка побеседовал со мной о молитве Иисусовой. Началось с того, что Батюшка задал мне вопрос:

— Какой признак Промысла Божия о человеке? — Я не умел ответить. Тогда Батюшка начал говорить:

— Непрестанные скорби, посылаемые Богом человеку, суть признаки особого Божия промысления о человеке. Смысл скорбей многообразен: они посылаются для пресечения зла, или для врачумления, или для большей славы. Например, заболел человек и скорбит об этом, а между тем этою болезнью он избавляется от большего зла, которое он намеревался сделать, и тому подобное.

А отсюда перешли уже к молитве.

— «Ее начало — тесный путь...» Но приобретение внутренней молитвы необходимо. Без нее нельзя войти в Царство Небесное. Внешняя умная молитва недостаточна³⁹³, ибо она бывает [и] у человека, в котором присутствуют страсти. Одна умная недостаточна, а внутреннюю получают весьма немногие. Вот некоторые и говорят: «Какой же смысл творить молитву? Какая польза?» Великая! Ибо Господь, *давая молитву молящемуся*³⁹⁴, дает человеку молитву или перед самой смертью, или даже после смерти. Только не надо ее оставлять.

Был у нас в Скиту иеросхимонах о. Михаил. Он творил молитву, это я знаю, хотя я не входил с ним ни в какие отношения. Когда он скончался и все ушли из его келлии, я обратился к нему и говорю: «Батюшка, батюшка! Помолись ты за меня!» И вдруг я вижу: он улыбнулся! Сначала я испугался, а потом ничего. И это была такая улыбка, которую я никогда не забуду... Он читал Псал-

³⁹² Ср.: Ин. 1, 17.

³⁹³ Наставления преп. Варсонофия о степенях молитвы Иисусовой см. также в записи настоящего Дневника от 12 августа 1910 г.

³⁹⁴ См.: 1 Цар. 2, 9.

тирь. Я подошел к аналою, взял Псалтирь и развернул, где у него была закладка, то есть где он кончил. Последний псалом в жизни он читал 117-й. Там говорится: *Отверзите мне врата правды, вшед в ня, исповеся Господеви* ³⁹⁵. Так может говорить душа, обретшая внутреннюю молитву...

Мы раскрыли Псалтирь и стали читать этот псалом. Он мне всегда нравился, а здесь еще более понравился. Батюшка говорил, что св. пророку Давиду была открыта тайна Троичности Лиц Бога, что св. пророк Давид знал и про молитву Иисусову.

Затем Батюшка дал мне книгу Паисия Величковского, указав, что прочитывать в ней.

8-го июня до обеда Батюшка позвал меня пройтись по лесу, ходили около 1,5 часа, пришли к самому обеду.

На днях получил письмо от Иванушки и написал ему открытое письмо.

13 июня, воскресенье

10-го июня Батюшка делал мне напоминание, что со сном надо бороться: «Надо иметь желание и решение встать, тогда Вы встанете вовремя. А если нет желания и решения встать во что бы то ни стало, то если бы над тобой колокольня была, и то проспишь. Кроме того, молитесь своему Ангелу-хранителю и преп. Варсонофию, епископу Тверскому и Казанскому, которому дана благодать помогать от многоспания...»

Также и 11-го июня говорил мне Батюшка о том же:

«Я Вам и раньше говорил, что нужно к службам ходить до звона, чтобы звон заставлял Вас уже в храме. Почему так? Потому что в это время Матерь Божия входит в храм. Это я читал где-то прежде. А потом читал про Киевского о. Паисия. Это был подвижник-монах юродствовавший. Однажды он пришел к вечерне; отзвонили. В храме нет никого. Пономарь, оправив все, вышел из храма. Остался он один. Вдруг он услышал шелест, как будто кто-то идет. Он посмотрел и видит высокого роста величественную Жену в сопровождении св. апостола Петра и еще кого-то. Она оглянула храм и произнесла такие слова: „К вечерне отзвонили, а монахов

³⁹⁵ Пс. 117, 19.

нет“. Затем обратилась к о. Паисию, благословила его, широко осенив крестным знамением, и вышла из храма, поднимаясь в то же время от земли. Отец Паисий вышел вслед за Ней из храма посмотреть Ее: Она поднималась все выше и выше, пока не исчезла совсем из глаз о. Паисия...

Когда и о. Анатолий, великий старец, обращался к о. Макарию, то тот ему тоже сказал, что необходимо приходить к службам до звона, что это очень важно. „Почему?“ — спросил о. Анатолий. „Потом скажу“, — отвечал тот, и через несколько лет сказал: „Потому, что в это время Божия Матерь входит в храм...“»

Также 11-го июня Батюшка дал мне записочку с напоминанием, что надо читать письма о. Макария. Батюшка служит в монастыре.

Богу нашему слава.

Скит Оптиной Пустыни
1910 г., 13 июня.
Послушник Николай Беляев

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.
Господи, благослови!

1910 год (продолжение)

18 июня, пятница. Петровский пост

Мы все готовимся. Сегодня Господь сподобил меня исповедаться. А утром ходил к обедне в монастырь для принятия святой Божоявленной воды. В рясофоре я исповедуюсь в первый раз.

После обеда Батюшка дал мне свой дневник, и мы прочли вместе числа 18, 19 и 20 июня 1897 года.

Сподобившись бани духовной, я, по немощи, пошел после обеда в баню вещественную.

19 июня, суббота

Сегодня Господь сподобил меня принятия Святых Христовых Таин. До трапезы я читал Батюшке из книги «На горах Кавказа» о третьей степени молитвы Иисусовой. Взял у Батюшки его дневник.

Чувствую усталость в теле, особенно в ногах, но на душе спокойно. Слава Богу. Батюшка сегодня сказал мне, что Господь послал мне болезнь ног по любви Своей ко мне.

20 июня, воскресенье

Встал я к обедне довольно легко, хотя минут на 15 позднее обычного, то есть в четверть шестого. Вчера перед повечерием не-

много почитал дневник Батюшки. Я думаю внимательно его прочитать, ибо он есть отображение жизни и поступков Батюшки, которые для меня весьма важны.

С тех пор, как Батюшка благословил меня творить молитву Иисусову за службами, службы не отягчают меня и могут сделаться для меня учителями молитвы Иисусовой, по слову преп. Серафима Саровского или епископа Игнатия, хорошо не помню.

После обедни пил чай у Батюшки, затем написал одно экстренное письмо и поел икры. Спаси, Господи, Батюшку!

Потом с половины третьего до четырех я ходил по лесу — конечно, с благословения Батюшки³⁹⁶. Ходил один, творя молитву Иисусову. Ничего особенного не случилось по дороге, как мне показалось, разве только то, что я встретил какую-то небольшую змею и, несколько испугавшись, обошел ее. Какая это змея, я не знаю, но только не уж, — ужей я несколько встретил.

Сейчас немного походил с Батюшкой по Скиту. Погода чудная. На душе покойно. Слава Богу. Необходимое дело — откровение помыслов и дел. Необходимость эту я ясно вижу на самом деле.

22 июня

Сегодня Батюшка мне сказал:

— Дал бы Господь пожить еще хотя до вашей мантии, чтобы Вы укрепились в духе. Есть мантия вещественная и есть мантия духовная. Надо, конечно, укрепляться в духе.

— А в чем же состоит это укрепление в духе? — спросил я.

— В самоотвержении. В самоотвержении ради Господа Иисуса Христа. В отвержении всего, чего бы то ни было. Во вменении всего яко *уметы*³⁹⁷ ради Господа. Это очень сложная психика духовной жизни...

Сегодня Батюшка был за утреней [и] на правиле. За молитвы Батюшки встаю легче к утрени и вообще от сна.

³⁹⁶ Насельникам Скита разрешалось выходить за его ограду только с благословения скитоначальника или старца.

³⁹⁷ См.: Флп. 3, 8.

23 июня, среда

Вчера пришел ко бдению вместе с Батюшкой ко второй половине его. Когда шли обратно в Скит, то Батюшка сказал мне, что слышал о двух случаях смерти от холеры в Прысках. Я раньше слышал, что холера в Киеве. Да помилует нас Господь!

Ходил к обедне. Стоять было мне трудно по болезни ног, так что я не вытерпел и пошел с середины храма к стене и прислонился.

Дожидаюсь у Батюшки, я, сидя в моленной, почитал немного епископа Игнатия. Истинное сокровище его сочинения, и люблю я их читать.

27 июня, воскресенье

24-го на престольный праздник³⁹⁸ служил у нас о. Архимандрит. Уже несколько недель я замечал на ступне левой ноги какую-то сыпь. Я ее немного расчесал и, обеспокоившись этим, благословился у Батюшки сходить в больницу. Оказалось, что это экзема. Отец Пантелеимон забинтовал мне ногу, приложив мази к больному месту. Кроме того, он нашел, что у меня сильное расширение вен, и посоветовал бинтовать ногу.

В то же время пришел в больницу монастырский послушник, которому о. Пантелеимон отдавал приказания о дезинфекции отхожих мест ввиду появления кое-где холеры, ибо уже есть распоряжение от губернатора.

Был на общем чаю под кедрами. Вчера опять был в больнице на перевязке. Ко бдению пришел вместе с Батюшкой ко второй его половине, а именно во время чтения кафизм.

Как-то недавно я заметил, что пятисотница умиротворяюще действует на душу. Однажды я встал на совершение пятисотницы недовольный чем-то, с некоторым ропотом, осуждением и неразлучным с ним самооправданием. Когда же я кончил ее, то почувствовал в теле некоторую усталость от поклонов, а в душе умиротворение.

Не помню, где я читал, что для преуспевания в жизни духовной, а в частности, и в молитве Иисусовой, необходимо терпеть разного рода скорби, оскорбления, унижения и в особенности «напраслины».

³⁹⁸ Рождество св. Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

Прочитать это я прочитал, запомнил, но исполнять это делом весьма трудно. Я привык к самооправданию даже тогда, когда виноват, а когда чувствуешь и видишь себя правым, то весьма трудно подавить в себе гордость и самооправдание.

А вот еще какое искушение устроил мне враг: чувствую в себе раздражение на Батюшку, на его поступки, иногда раздражение совершенно бессмысленное и без всяких причин. Я не раз уже говорил об этом Батюшке; он мне ответил, что это зависть врага, желающего поселить между нами раздор, но что ему Господь не попустит сделать это. Бороться против этого надо молитвой. Когда почувствую раздражение, то надо сразу обращаться к Богу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного, и помоги мне молитв ради старца моего батюшки Варсонофия». Я так и делаю и чувствую от этого пользу. Батюшка мне говорил, что враг будет всячески стараться разъединить нас, и я, помня слова Батюшки и наставления, все открываю ему.

29 июня, вторник

Был за бдением у Батюшки, обедня была в Скиту и после нее молебен. А после молебна общий чай, по случаю именин мирских Батюшки — св. апостола Павла.

После чая я пошел к Батюшке. Батюшка сказал:

— Когда я учился, нас посылали в кузницу делать подковы. Так я видел, как мастер, сделав для ружья какую-то часть, начал ее закаливать, чтобы она не испортилась, когда ее будут пускать в дело. Так вот и я хотел бы закалить Вас ввиду ожидающих Вас впереди скорбей и искушений от демонов-бесов, от человеков и от соблазнов мира, которые Вы должны будете перенести, пока не выйдете на широту христианской любви и свободы.

Я, помолчав немного, сказал:

— Батюшка, я прежде думал, что иноку бывают искушения только в начале или в половине его подвига, а недавно я прочел у епископа Игнатия, что монаху от начала его иноческой жизни и до гроба нужно быть готовым к перенесению скорбей и искушений, что скорбь может возникнуть в любое время его подвига: в начале или в конце, совершенно неожиданно, что инок даже не знает, откуда и в каком характере она возникнет.

Не помню, что на это ответил Батюшка, и вскоре затем я начал читать книгу «На горах Кавказа» о молитве Иисусовой. Между прочим я прочел и следующее: иноку, решившемуся проходить молитвенный подвиг, предстоят немалые труды, постоянные и многолетние, а также и разнообразные скорби, но придет время, когда молитвенник увидит «утро Воскресения Христова» и получит отраду. Как только я это прочел, Батюшка и говорит:

— Вот Вы сейчас говорили, что всегда будут скорби. Да, но внутреннее состояние человека будет уже другое...

Я понял это так, что, хотя скорби и будут, но достигший внутренней молитвы будет их переносить легко, ибо с ним будет Христос, Который будет наполнять неизреченной радостью сердце подвижника, и эту радость о Господе не пересилит никакая скорбь³⁹⁹.

В трапезу ходил в монастырь разговляться, ибо конец Петрова поста.

4 июля, воскресенье

Последнее время я был очень занят послушанием, мне даже временно дали помощника из монастыря брата Игнатия. Ходил два раза к о. Архимандриту и в монастырь по разным делам.

Ко бдению вчера я пришел с Батюшкой уже после кафизм, когда пели «Благословен еси Господи». К обедне немного сегодня опоздал, проспал, проснулся, когда уже ударили.

На днях Батюшке прислали четыре книги «На горах Кавказа»: второе издание, пересмотренное и много дополненное; хорошо бы почитать.

18 июля, воскресенье

Давно не писал, и многое нужно записать. Начну все по порядку.

6-го июля я спросил Батюшку о значении и смысле заключения 5-го тома сочинений епископа Игнатия⁴⁰⁰. Не берусь описать этот разговор, скажу только следующее.

³⁹⁹ Ср.: Ин. 16, 22.

⁴⁰⁰ Творения ... свт. Игнатия. Т. V. Приношение современному монашеству. С. 382—385. Репр.: М.: Сретенский м-рь, 1998.

«Пятый том сочинений епископа Игнатия, — говорил Батюшка, — заключает в себе учение святых Отцов применительно к современному монашеству и научает, как должно читать писания святых Отцов. Очень глубоко смотрел епископ Игнатий и даже, пожалуй, глубже в этом отношении епископа Феофана. Слово его властно действует на душу, ибо исходит из опыта...

Вот мне приходит в голову мысль: бросить все и уйти, — говорил мне после этого Батюшка, — но вот что мне сейчас подумалось: других я учу, что надо подражать деятельности того святого, имя которого носишь. В миру я был Павел — Апостол, теперь Варсонофий — епископ Тверской. Апостол Павел был служителем слова и проповедником, епископ Варсонофий также много потрудился в служении слова и проповеди между татарами и другими племенами, населявшими Казанский край. Значит, и мне нужно пребывать на этом месте. И еще вспоминается мне, как один блаженный, повстречавшись со мною, указывая на меня, закричал: „Апостол, апостол!“^[114] Должно быть, такова уж воля Божия...»

— А мне, — говорю я, — нужно, значит, подражать святителю Николаю Чудотворцу?

— Конечно.

— А в чем же заключалась его деятельность и что было его отличительной чертой?

— А вот Вы и подумайте об этом. Святитель Николай отличался великою ревностью по вере Православной и любовью ко Господу и к человекам. Помните, как на соборе Святитель ударил Ария, будучи движим великою ревностью, а святые Отцы Собора не видели душевных его движений и осудили его, и сняли с него омофор. А Божия Матерь оправдала его и возвратила Святителю его омофор.

10-го июля пошел с Батюшкой ко бдению, но Батюшка постоял очень немного и, позвав меня, пошел из храма домой и сразу лег в постель. Сначала я почитал ему немного из книги «На горах Кавказа», потом кое о чем поговорили.

— Хорошо мне сейчас с Вами, истинно говорю Вам, ибо души у нас звучат в один тон... Ничего я не ищу, только Господа Иисуса. А что мне в том, что все мне кланяются...

Говорил Батюшка и о том, какие искушения могут быть в обращении с женским полом.

Потом Батюшка перестал говорить: ему становилось все хуже и хуже, был сильный жар и лихорадило. С кафизм пришел брат Никита, и мы вместе сидели около Батюшки. Уже поздно вечером я лег на диван около окна; утром проснулись в 5 часов.

11 июля, воскресенье

К обеду не пошли. Батюшка лежал. Послали за фельдшером о. Пантелеимоном. Я почти все время сидел около Батюшки — он сам подняться не мог, приходилось его поднимать. Отец Арсений, иеродиакон, пришел после обедни пить чай. Его Батюшка позвал на минутку. Пришел о. Пантелеимон и нашел, что это простуда. Приходили о. Феодосий⁴⁰¹ и о. Архимандрит. Вечером часов в 7—8 пришел опять о. Феодосий.

Батюшка позвал меня, велел найти чины пострижения в рясофор, мантию и схиму, а затем позвать о. Нектария и о. Кукшу, что я и исполнил. Начали готовить все для пострига Батюшки в схиму.

Когда я был один с Батюшкой в его кабинете и доставал разные вещи, Батюшка сказал: «Должно быть, придется нам расстаться; что я не докончил, пусть совершит благодать Божия...»

Слезы подступили у меня к горлу. В чем будет заключаться разлука, я не воображал себе ясно; и я, не допускавший возможности, что Батюшка может скончаться, подумал: да неужели Батюшка окончит дни жизни земной?..

Наконец, все было готово, и начался постриг. Я пел, но очень слабо, вместе с другими, потом держал книгу Батюшке, чтобы давать ответы на вопросы. Потом держал книгу о. Феодосию.

⁴⁰¹ Схиигумен Феодосий (Поморцев). Назначен скитона начальником после перевода преп. Варсонофия настоятелем в Голутвин монастырь в 1912 г. Отец Феодосий являлся одновременно духовным сыном и духовником Старца. Во время тяжелой болезни Старца 11 июля 1910 г. о. Феодосий постриг о. Варсонофия в схиму (восприемным его отцом стал тогда преп. Нектарий). Почитался современниками как богомудрый старец, наравне с преподобными Нектарием и Анатолием (Потаповым).

Наконец, надели на Батюшку схиму, я взглянул, и слезы опять начали подступать к горлу, но я удержался. Постриг кончился, мы все подходили поздравить и принять благословение.

Вот, подумал я, при мне надели схиму на Батюшку⁴⁰². Затем Батюшка дал по баночке варенья [всем] участвовавшим при постриге, кроме нас.

Когда все вышли, Батюшка сказал мне: «Теперь должна начаться другая жизнь».

Часам к 10⁴⁰³ все окончили, прочли вечерние молитвы и легли спать.

12 июля, понедельник

Батюшка приобщался Святых Христовых Таин, ему стало лучше. Батюшка встал прочесть кафизму, и оказалось, как мне Батюшка рассказал, что пришлось читать 4-ю кафизму, ту самую, которую Батюшка читал первую после пострижения в тайную мантию. Эта кафизма была названа Батюшкой тогда, при пострижении в мантию, «великой», вероятно потому, что число 4 означает крест, по числу концов. Отношение значения этого к настоящему событию то, что если мантия налагает на человека крест по слову Евангелия: *Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой*⁴⁰⁴, — то схима налагает сугубый крест.

— Ну, неужели это все случайно, о. Николай? — сказал Батюшка.

Затем поздно вечером, когда хотели начать читать вечерние молитвы, о. Никита сказал, что уже читал молитвы, и подошел под благословение. Батюшка, благословив его, сказал:

— Отец Никита, запомни и запиши, в какой день меня постригали в схиму. Этот день и в твоей жизни будет замечателен, ибо и ты присутствовал при постриге. Это относится и до тебя, брат Никита, а про Вас я уже и не говорю, — сказал Батюшка, обращаясь ко мне.

⁴⁰² «При Вас принесли схиму, но вопрос еще, при Вас ли наденут ее на меня...» — слова преп. Варсонофия. См. Дневник от 21 апреля 1909 г.

⁴⁰³ В другом варианте: «к 1 часу».

⁴⁰⁴ Мф. 16, 24.

13 июля, вторник

Навещал Батюшку о. Иосиф.

В тот же день Батюшка говорил мне: «Схима — это край: или смерть, или выздоровление. Я чувствую, схима меня подняла. Мне надлежало умереть, но дана отсрочка. Отец Нектарий теперь мой восприимчивый отец. Приходит он сегодня и говорит между прочим следующее: „А вот что на трапезе сегодня читали: один монах умер и ожил, и рассказал братии, что ему было сказано, что дается отсрочка на 15 лет. И ровно через 15 лет в этот день он скончался действительно...“ Отец Нектарий мог этого не заметить, однако заметил и рассказал, а он теперь имеет ко мне отношение как восприимчивый отец.

Затем о. Феодосий говорил, что замечал у меня уже недели три опухоль на лице, и поэтому сразу предложил мне схиму, указывая на опухоль, как на признак смерти. Я сказал: „Да будет воля Божия“, — ибо страшно отказываться от схимы, схима дает прощение всех грехов. Кроме того, у меня было чувство смерти, а о. Феодосий говорит: „Кто может ручаться, что Вы останетесь живы в эту ночь?“ Я согласился, и о. Архимандрит охотно согласился, и вот я пострижен».

Затем Батюшка сказал:

— Да воздаст Вам Господь, что ходили за мной.

Потом я усмехнулся что-то, а Батюшка и говорит:

— Отвыкайте от смеха и смехотворства, а то это, не дай Господи, может войти в привычку. Вспоминайте смерть, адские муки и Евангельские слова: *Горе вам, смеющимся ныне, яко возрыдаете*⁴⁰⁵, — и смех будет засыхать на устах Ваших.

14 июля между прочим Батюшка сказал: «Я чувствую, что началась во мне новая жизнь; в чем она — я и сам хорошо не знаю. Чувствую усиление бурь; я не думал, что получу успокоение, но не думал также, что они так усилятся. Начались сильные страхи за будущее». А в другой раз сказал, что чувствует в себе прилив новых сил.

Все эти дни я также ночевал у Батюшки; не знаю, как буду ночевать сегодня. Вчера ходил в больницу, нога опять что-то забо-

⁴⁰⁵ Лк. 6, 25.

дела. Ко бдению не ходили, а правили очень сокращенное бдение у Батюшки. Он хотя и оправился, но не совсем. Слава Богу за все, что будет дальше.

«Когда беспокоят помыслы, или смущают, или тревожат, то не надо входить в разговор с ними, а просто говорить: да будет воля Божия. Это очень успокаивает», — так говорил мне на днях Батюшка, и справедливость этого я испытал уже сам на себе.

Вчера Батюшка сказал при мне о. пономарю по поводу отказа одного из братьев читать Псалтирь: «Здесь вот что страшно: если монах уклоняется от послушания, не имея на то уважительных причин, то Господь посылает ему болезнь, и он уже поневоле не может исполнить то, о чем его просят. Да, здесь действует такой закон!»

20 июля, вторник

Сегодня ночь, то есть с 19-го на 20-е, я опять ночевал у себя в келлии. Особенного за эти дни я ничего не заметил. Сегодня встал обычно в 5 часов, пошел к обедне, потом на общий чай, после чая к Батюшке, почитал «На горах Кавказа».

22 июля, четверг

Бдение правили у Батюшки. Ночевал у себя в келлии. Ходил к обедне в монастырь. Пил чай обычно у Батюшки. Потом сели заниматься. За трапезой о. Никита сказал Батюшке, что о. Игнатий^[115], иеродиакон, скончался. А вчера о. Пантелеимон-фельдшер говорил Батюшке, что у о. Игнатия признаки холеры. Спаси, Господи, и помилуй!

25 июля, воскресенье

22-го числа вечером Батюшка дал мне голубой шелковый пояс с белыми украшениями и словами: *Боже, во имя Твое спаси мя*⁴⁰⁶, — и благословил надевать его по праздникам и когда приобщаться.

23-го числа, в пятницу, к Батюшке приезжал из Шамордина убогий и блаженный Гаврюша. Он манатейный монах. Батюшка го-

⁴⁰⁶ Пс. 53, 3.

ворил, что его постригал о. Амвросий. На меня он произвел хорошее впечатление. Приезжал он именно к Батюшке, поздравить с принятием схимы.

Очень мне понравилось, как он обрадовался и даже засмеялся чисто по-детски, когда Батюшка дал ему конфет и пряников.

В тот же день Батюшка говорил, как глубоко таинственны события нашей жизни:

«Я сейчас вдруг вспомнил: когда я ездил из Скита в Воронеж к свт. Митрофану Воронежскому, меня позвал к себе пить чай иеромонах, стоявший у мощей Святителя. Я пошел. Он очень радушно принял меня и между прочим взял и надел на меня схимническую шапочку свт. Митрофана, которая у него хранилась как святыня. Вот, значит, когда я был уже предназначен к схиме. Затем я спрашиваю: „Как Ваше святое имя?“ А он отвечает: „Грешный Варсофоний“. Конечно, я тогда из этого ничего не понял. Вот видите, какая глубина, к чему ни коснись. Также помните, мы разбирали обстоятельства Вашего поступления в Скит относительно иконы Божией Матери «Нечаянная Радость». Какая нам тогда открылась глубина... И будет Вам эта радость и при кончине. Та радость будет уже началом Вечной радости... Вся суть в том, чтобы выдержать курс лечения (при этом Батюшка слегка ударил рукой по сердцу). Если бросить лечение, то еще хуже может быть. То же самое и в монашеской жизни. Если выдержать до конца, то можно иметь надежду...»

Вчера особенного ничего не заметил.

Сегодня трудно встал уже тогда, когда ударили к обедне. Служил Батюшка. Я читал Апостола: воскресный, праведной Анне и Божией Матери. По окончании обедни пил чай у Батюшки. До трапезы читал. Погода похолодела, похожа на осеннюю. Иванушка что-то ничего не пишет; думаю написать ему. Часто вспоминается он мне. Спаси его, Господи.

26 июля, понедельник

Утреню трудно было стоять, к часам проспал, встал в 7 часов. Пришел к Батюшке, прочтя спешно часы. Стали мы вместе пить чай, то есть я и Батюшка. И вдруг Батюшка говорит: «Как бы Вам не помереть...»

Это было так неожиданно, совершенно без связи с предшествовавшим. Я удивился и даже несколько испугался, и подумал: надо мне вести жизнь монашескую, да не постигнет меня кончина неготового... Потом за трапезой я спросил у Батюшки, почему он так сказал. Но Батюшка дал мне на это настолько неопределенный ответ, что я ничего не понял.

Вчера я сказал Батюшке, что, читая его дневник, я прочел, между прочим, что Батюшка, когда был еще послушником, за утрений проходил три тысячи, а иногда и четыре⁴⁰⁷.

— Это же непостижимо, — говорю я, — как возможно в час произнести тысячу молитв Иисусовых?

— Сейчас непостижимо, потом будет постижимо, — ответил Батюшка.

30 июля, пятница

Бдение было у Батюшки. К ранней обедне ходил в монастырь; встал трудно, но обедню стоял, по милости Божией, довольно легко. Батюшка служил в монастыре. После трапезы я пришел к Батюшке. Батюшка благословил нас поесть пряничков. Потом вдруг опять сказал мне:

— Не вздумайте Вы помирать. Когда я умру, тогда и Вы, хоть на другой же день...

— Батюшка, разве Вы что-либо во мне замечаете? — спрашиваю я.

— Я замечаю, замечаю... после скажу... — ответил мне Батюшка.

Что это значит? Я думаю, что под смертью разумеется здесь именно смерть телесная. Я не имею памятования смерти, которое есть дар Божий, и живу нерадиво. Надо жить внимательно. Господи, помоги!

1 августа, воскресенье

Был за обедней, стоял довольно легко, хотя экзема на ногах не прошла еще, а расширение вен дает о себе знать. Полагается крестный ход. Монастырские ходили на свой колодезь, а мы, скитяне, — на свой, Амвросиев. Был водосвятный молебен, я читал

⁴⁰⁷ Молитв Иисусовых.

Апостола. После молебна пошли сразу на трапезу. Трапеза была очень вкусная: первое, вместо винегрета были жареные грибы с картофелем. После трапезы почитал. Окончил 5-й том епископа Игнатия. Да, у него был ангельский ум. Осталось окончить выписки из 5-го тома.

Время летит быстро. Погода осенняя — дождь идет целый день. После трапезы Батюшка благословил меня и братий готовиться эту седмицу к пятнице, 6 августа, — Спасу Преображения.

5 августа, четверг

Сегодня ходили принимать святую воду в монастырь. Затем я сподобился сегодня исповеди. Епископ Игнатий пишет, что покаяние, кроме того, что очищает сделанные согрешения, открывает глаза, так что человек начинает видеть другие свои согрешения, которых прежде не замечал или забыл. Это я теперь испытываю на опыте в своей личной жизни. Я начинаю вспоминать прежде соделанные грехи, которые или забыл, или не считал прежде грехами, не только в прошедшей моей жизни, то есть в миру, но и в святой обители. Слава милосердию Божию!

6 августа, Преображение Господне

Скитская братия приобщалась Святых Христовых Таин, а я не сподобился. Батюшка благословил готовиться на завтра. Вчера за бдением устал порядочно.

Иногда я чувствую, что молитва Иисусова легко творится, а иногда трудно, чувствуется сухость, и себя приходится принуждать к молитве. Я сказал об этом Батюшке. Он ответил, что это ничего, что это принуждение себя и понуждение на молитву очень нужно в молитвенном подвиге.

Часа в 3 дня была гроза, был сильный гром и молния. Я вообще, как принято говорить, не боюсь грозы, но сегодня я несколько испугался. Мне пришла мысль: а что, если меня убьет молния? Что тогда? Что будет со мной, столь неготовым к Вечной жизни? Приобщиться я не сподобился, как прочие. Если бы я сегодня приобщился, то не так страшно было бы умереть... Я перестал читать книгу Паисия Величковского, поставил стул против икон и сидя начал творить молитву Иисусову. Вскоре гроза стала утихать, и я

продолжил чтение. Книга мне понравилась; я читал не всю, а по указанию Батюшки, о молитве Иисусовой. Слава Богу за все!

7 августа, суббота

Сегодня сподобился принятия Святых Христовых Таин. Ходил в монастырь поклониться святой иконе Божией Матери Калужской. Бдение у нас свое. Мы очень задержались с Батюшкой, и он благословил меня ко бдению не ходить совсем, а отдыхать, предварительно занявшись молитвой Иисусовой.

9 августа, понедельник

Около 3-х часов меня разбудил будильщик идти за иконой Божией Матери. Я пошел сначала в храм, а из храма в монастырь, там я ходил за пономарем, чтобы он отпер нам храм. Войдя в храм, я приложился к святой иконе. Затем ее взяли и понесли. Все было обычно. После молебна в церкви в новом храме пошли в старый храм, затем к Батюшке, к о. Иосифу и далее. Я ходил и пел с иконой по Скиту. Провожать икону я не ходил, потому что с иконой приходили с водоосвящением на Амвросиев колодезь, после чего большинство скитян возвратились в Скит, а некоторые пошли провожать. Это произошло от неточного распоряжения Батюшки. Затем день прошел незаметно, ибо трапеза была в 1 час дня, после трапезы я немного отдохнул, а там вскоре к вечерне.

Сейчас я вспомнил, что, когда я пришел к о. Симеону Ляпидевскому перед самым поступлением в Скит, он мне сказал между прочим: «Да, там ты увидишь и испытаешь на самом деле, собственным опытом, о чем написано в книгах, про существование и козни врага-дьявола». Приблизительно так он сказал. Это я сейчас вспомнил, а ведь он все-таки был моим духовником, вследствие чего его слова по отношению ко мне могут иметь силу и значение.

Сегодня была у меня с Батюшкой беседа, хотя и краткая, напишу про нее, еще Бог даст, после.

11 августа, среда

Сегодня ходил с о. Никитой в Козельск лечить зубы. Я несколько стеснялся, ибо доктор не мужчина, а девушка, дочь священника, но за молитвы Батюшки Господь покрыл меня, даже по-

мыслов не было никаких. А чувствуется все же некоторое развлечение в мыслях.

Завтра постриг некоторых монастырских братий. Пойдем туда к обедне и на трапезу.

12 августа, четверг

Батюшка и вся братия пошли в монастырь на постриг, а мне Батюшка благословил остаться и заняться одним весьма нужным делом с о. Иоанном (Васильевичем). Но вышло некоторое искушение: совершенно не желая и не думая, я раздражил о. Иоанна, и он меня выпроводил от себя. Да простит мне Господь сие невольное согрешение. Идти на постриг я уже опоздал, думаю воспользоваться временем для записи беседы 9-го августа в понедельник.

Итак, по открытии Батюшке своих немощей за день я что-то спросил о молитве, и Батюшка начал говорить:

«Первый от Господа дар в молитве — внимание, то есть когда ум может держаться в словах молитвы, не отвлекаясь помыслами. Но при такой внимательной неразвлеканой молитве сердце еще молчит. В этом-то и дело, что у нас чувства и мысли разъединены, нет в них согласия. Таким образом, первая молитва, первый дар есть *молитва неразвлеканая*. Вторая молитва, второй дар — это *внутренняя молитва*, когда уже ум и сердце соединены, то есть когда мысли и чувства в согласии направлены к Богу.

До сих пор всякая схватка со страстью оканчивалась победой страсти над человеком, а с этих пор, когда молятся ум и сердце вместе, то есть чувства и мысли в Боге, страсти уже побеждены. Побеждены, но не уничтожены, они могут ожить при нерадении. Здесь страсти подобны покойникам, лежащим в гробах, и молитвенник, чуть только страсть зашевелится, бьет ее и побеждает.

Третий дар есть молитва духовная. Про эту молитву я ничего не могу сказать; здесь в человеке нет уже ничего земного. Правда, человек еще живет на земле, по земле ходит, сидит, пьет, ест, а умом и мыслями он весь в Боге, на Небесах. Некоторым даже открывались служения Ангельских чинов. Эта молитва — молитва *видения*. Достигшие этой молитвы видят духовные предметы, напри-

мер состояние души человека, так, как мы видим чувственные предметы, — как будто на картине. Они смотрят уже очами духа, у них смотрит уже дух. Постоянно ли они находятся в видении или по временам, — не знаю. Они не говорят о том, что видят, редко открывают другим свои видения.

Часто мы читаем, что такой-то святой видел видение, и ему было запрещено открывать то, что он видел. Епископ Игнатий (Брянчанинов) пытался нечто написать об этой молитве. Не знаю, имел ли он ее, но внутреннюю-то несомненно имел... Великий ангельский образ — схиму — преп. Ефрем Сирин называет серафимским, да он таким и был действительно, оправдывал на себе это название. О, как высоко назначение человека!..

Молиться о даровании молитвы внимательной можно, но молиться о даровании высоких молитвенных состояний, я полагаю, погрешительно. Это надо всецело предоставить Богу. Некоторые выпрашивали себе молитву высокой степени, Господь давал им по безграничному Своему милосердию, но им самим она не была впрок...»

Здесь нас прервали келейники, было уже поздно. Отец Никита сразу заговорил о покупке огурцов. Батюшка, улыбнувшись и глядя на меня, сказал: «Вот видите, сейчас о молитве говорили, о серафимском служении, а теперь об огурцах. А что поделаешь, это необходимо в моем положении».

Потом, когда я на минутку остался с Батюшкой один по уходе о. Никиты, Батюшка сказал: «Да, уже давно мы так не беседовали... Стойте твердо, не сворачивайте, Вы — на прямом пути. Помози, Господи!»

И я ушел в келлию.

Как-то, помню, Батюшка говорил, что схимник называется «молитвенник за весь мир»⁴⁰⁸.

Сейчас о. Иоанн вошел и попросил у меня прощения, на что я ему поклонился в землю и также попросил прощения. Слава Богу!

⁴⁰⁸ «Схимничество есть — посвятить себя на молитву за весь мир». См.: Жизнеописание преп. старца Парфения Киево-Печерского. М.: «Русский хронограф», 1993. С. 20.

15 августа, воскресенье

В пятницу ходил в Козельск и, по милости Божией, окончил лечение зубов. Была очень плохая погода: дождь и ветер, очень грязно.

Вчера ко бдению ходил в монастырь; в келлию я пришел в четверть первого. Сегодня ходил к ранней обедне, и если бы не разбудил меня брат Николай, то я проспал бы. Очень вчера устал, главным образом мои болящие ноги. Батюшка служит позднюю обедню, он мне встретился в скитских воротах: я в Скит иду от обедни, а Батюшка — из Скита в монастырь. Так рано Батюшка шел, чтобы успеть исповедать новопостриженных иноков, которых я вчера перед бдением поздравлял. Помози им, Господи!

Чай пил у себя. Только зашел в келейную и попросил у о. Никиты пряничков, кои и получил.

Когда Батюшка пришел от обедни и трапезы в Скит и снял с себя подрясник, под которым на рубахе была надета схима (как это полагается тайному иеросхимонаху, когда он служит обедню), Батюшка взял, прижал меня к своему плечу и груди и сказал:

— Вот я прижимаю Вас к схиме, да сподобит и Вас Господь принять схиму...

Вскоре Батюшка лег отдохнуть; когда встал, он мне опять неожиданно сказал:

— Как бы мне Вас не пережить, что я буду делать? — Я говорю:

— Батюшка, это Вы мне уже третий раз говорите; какая сему причина? — На это Батюшка мне ничего не ответил.

Чувствую, что зуб один болит: неужели придется идти в Козельск опять? Не хотелось бы!

18 августа, среда

16-го августа Батюшка оставил было меня побеседовать, но ослабел и отпустил меня.

17-го августа особенного ничего не припомню. Заходил ко мне в келлию благочинный о. Феодот^[116], по делам. Приехал в Скит о. Венедикт, назначенный для расследования заявлений нескольких монахов, которые подали прошение на о. Архимандрита. Сегодня Батюшка уходил на заседание в монастырь. Я трапезовал один.

День прошел обычно. Утешен откровением помыслов и дел Батюшке и ласковым обращением Батюшки со мной.

22 августа, воскресенье

Все эти дни было много дела, и особенного ничего не припоминаю.

Ночью сегодня был утрашен некоторым помыслом и начал творить молитву Иисусову. Успокоившись, заснул и проспал почти до 6 часов; хотя успел прийти в храм до начала, но молитвы читал уже после обедни. Нападают тщеславные помыслы. Утром пил чай у Батюшки, а в 2 часа в келлии.

5 сентября, воскресенье

Уже две недели ничего не писал. Дней пять ночевал у Батюшки, так как у меня покрасили косяки у двери, а Батюшка говорит, что запах масляной краски вреден для глаз. Устроили у меня в келлии вентиляцию.

24-го августа во вторник я сказал Батюшке, что мне последнее время мало приходится открывать помыслы. Батюшка сказал, чтобы я напоминал ему об откровении помыслов каждый день и открывал бы их ежедневно, и чтобы сейчас же открыл. Я встал на колени и начал открывать помыслы, что возможно было мне вспомнить.

Затем я стал открывать помыслы каждый день. Следовательно, 24-го августа было начало, 25-го августа не пришлось, ибо было бдение, а 26-го в четверг я опять открывал.

30-го августа в воскресенье я по обычаю открыл помыслы, потом сказал, что получил от Иванушки второе письмо (первое письмо получил числа 25—26 августа и ответил на него 30-го августа, послав ему то, что он просил). Батюшка сказал, что ему жаль Иванушку. Поговорили о нем немного, и Батюшка сказал мне:

— Нет, Вы уж нас не оставляйте... — Это он говорил, стоя в комнатке, где умывальник, и, указывая руками по направлению зальчика, где исповедуемся, и Скита, добавил:

— Зде покой, zde вселюся...

А перед этим после откровения помыслов Батюшка сказал:

— Святые Отцы учат: со всякою страстью борись, но от блуда спасайся бегством... Да, а нам приходится почти от всякой страсти спастись бегством. Под бегством здесь разумеется не буквально бегство: ощутил в себе блудную страсть — так и уходи из обители. Нет, под бегством разумеется имя Господа Иисуса, молитва Иисусова, ибо сказано: *камень прибежище зайцем...*⁴⁰⁹ Под зайцами разумеются все те робкие, слабые и смиренные, которые не могут бороться со страстями своими силами...

Погода стала холодать. Брат Никита, келейник, уехал на родину для свидания с родными перед призывом, а вместо него к Батюшке перешел брат Григорий⁴¹⁰.

7 сентября, вторник

Сегодня день кончины старца о. Макария: 50-летний юбилей со дня блаженной его кончины.

После трапезы Батюшка сказал нам краткое слово:

«На каждом из нас лежит обязанность подражать тем святым, имена которых мы носим. Батюшка о. Макарий носил имя преп. Макария Египетского⁴¹¹, житие коего сейчас читалось. Вы слышали, когда читали, как сказал Преподобному диавол: „Ты мало спишь, а я вовсе не сплю; ты много постишься, а я вовсе ничего не ем. Одним ты меня побеждаешь...“ — „Чем?“ — спрашивает святой. — „Смирением“, — отвечает диавол.

Вот эту-то добродетель смирения, подражая житию своего святого, и положил в основание своего подвига наш приснопамятный старец о. Макарий. Ибо, если смирение необходимо для всех христиан вообще, то для иноков в особенности. Есть смирение — все есть, нет смирения — ничего нет. Смиранный высок перед Богом, хотя бы он был и совершенно неграмотный и всеми небрегомый. У о. Макария в письмах постоянно напминается о сми-

⁴⁰⁹ Пс. 103, 18.

⁴¹⁰ Впоследствии иеромонах Геронтий (Ермаков). В Оптину поступил в 1910 г., был одним из келейников преп. Варсонофия. После закрытия Оптиной пел на клиросе и иногда служил в Успенском соборе г. Козельска. Расстрелян 9 января 1938 г. в Сиблаге.

⁴¹¹ Преп. Макарий Великий, Египетский, пресвитер († 19 янв. / 1 февр. 390—391 г.).

рении. Будем почаще заглядывать в них и учиться смирению хотя из книги, а потом, по милости Божией, понемногу будем вводить его и в свою жизнь. Да поможет нам Господь молитвами приснопамятного старца о. Макария и да утвердит в этой высокой добродетели смирения...» — Кажется, Батюшка этим и закончил.

Вчера получил письмо от Иванушки. К повечерию вчера не ходил и бдение стоял легко. Когда я вышел после бдения, то была чудная лунная ясная ночь. Тишина, ни звука, ни стука в воздухе. Если бы не было холодно, то я походил бы по Скиту, но я был в легком подряснике и рясе. Поэтому, пройдя по дорожке тихим шагом, я пошел в келлию. А, право, не хотелось и уходить, — так было хорошо!

8 сентября, среда

Праздник Рождеству Пресвятой Богородицы. Сначала Батюшка хотел устроить свое бдение в келлии, но потом вдруг раздумал, и все мы пошли ко бдению в монастырь. Мне Батюшка благословил стоять только до иконы⁴¹², то есть чтобы я, приложившись к святой иконе после прочтения Евангелия, шел к себе в келлию. Я этого не просил, сам Батюшка мне сказал так, вероятно, снисходя к моей немощи — болезни ног. А, может быть, что и другое, — я не стал спрашивать.

Когда я вышел из храма, была опять чудная ночь. Чудная картина: облитые лунным светом памятники и могилки. Тишина, лишь слышится из храма пение Божественных словес. Я пошел поклониться могилкам великих Старцев. Около могилки о. Льва стоял неподвижно монах, опершись на решетку соседней могилки, лица его я не разглядел. Быть может, этот монах — молитвенник с поэтической душой, погруженный в молитвенный восторг.

Поклонившись Старцам и испросив их святых молитв, я пошел в Скит, но немного помешал мне о. Виктор, шедший тоже в Скит, ибо мне хотелось быть одному. Лес имел чудный вид. Наконец я пришел в Скит и, немного пройдясь по Скиту, пошел в келлию, творя молитву Иисусову.

⁴¹² То есть до полиелея.

Скит был тоже необычайно красив. Прочитав молитвы, я лег спать. Сегодня пошел к ранней обедне, но по немощи пришел уже к самому концу часов. После обедни зашел к Батюшке получить благословение.

Батюшка дал мне банку варенья для чая. Спаси его, Господи. Чай пил у себя в келлии.

11 сентября, суббота

9-го сентября, когда Батюшка перебирал свои разные священные предметы, например, образочки, четки, разные вещицы от мощей и прочее, я напомнил Батюшке, что он хотел дать мне четки. Батюшка достал и подарил мне четки. Спаси его, Господи.

Сегодня весь день провел в келлии, к повечерию не ходил, к Батюшке зашел только после трапезы. Батюшка очень часто говорит об адских муках, ибо видит их почти каждую или же каждую ночь во сне. Так и сегодня мне Батюшка говорил, что видел ужасный сон.

Откровение помыслов идет, открываю каждый день, за исключением бденных дней, как например, сегодня. Но записывать нет никакой возможности.

Кончил читать то, что указал мне Батюшка прочесть из книги Паисия Величковского. Теперь на очереди у меня продолжать чтение — «Путь ко спасению» епископа Феофана.

12 сентября, воскресенье

Вчера за бдением Батюшка читал выписки из святых Отцов, главным образом о молитве; несколько поясняя слова святых Отцов своим рассуждением. Мне очень понравилось. Записать трудно по недостатку времени.

Сегодня читал за обедней Апостола. У Батюшки принял благословение в церкви, а потому после обедни пошел прямо в келлию, поставил самовар, прочел утренние молитвы, ибо проспал по нерадению и лености, хотя к обедне и не опоздал. Все время читаю сегодня «Путь ко спасению»⁴¹³: хорошая книга. Она была первой, которую я читал в жизни, когда возбудила меня благодать Божия

⁴¹³ Свт. Феофана, Затворника Вышенского.

от спокойного лежания во грехе. Поэтому Батюшка сказал мне однажды, что эта книга должна быть моей настольной книгой.

19 сентября, воскресенье

Редко приходится писать. Жизнь вообще, в особенности внешняя, идет обычно, ровно. Сегодня читал сутки. Теперь я от чтения не отказываюсь, как прежде, и не напрашиваюсь, считаю и то и другое неудобным. Но прежде я любил читать, а теперь мне больше нравится не читать по той причине, что я более могу за службой творить молитву Иисусову.

Недавно Батюшка сказал мне:

«В Евангелии сказано: *Молитесь за врагов ваших*⁴¹⁴. И действительно, враги наши, желая нам досадить и сделать что-либо злое, делают это исключительно по своему нерасположению к нам, но по большей части своим злом пресекают еще большее зло, которое грозило нам. Поэтому они истинные наши благодетели, за которых нам надо молиться. Например, один человек, узнав про другого, что он хочет жениться на хорошей девушке, по нерасположению к нему написал ложное письмо этой девушке, в котором всячески очернил его, и этим расстроил партию. Проходит несколько лет, и этот человек, который хотел жениться, ушел в монастырь Богу служить. А если бы он женился, то, будучи связанным, не мог бы этого сделать. Вот и спрашивается: что он своей клеветой принес ему, вред или пользу? Конечно, пользу — он оказался этому человеку благодетелем».

Сегодня, выходя со мной из церкви после обедни, Батюшка мне сказал: «Сегодня в 2 часа я совсем было приготовился к смерти, не хотел даже к обедне идти...»

Спаси, Господи, Батюшку!

Настает осень, становится холодно, деревья пожелтели и осыпаются.

20 сентября, понедельник

Вчера вечер прошел обычно. Открывал Батюшке помыслы. К утрени сегодня встал, по милости Божией, до будильщика, но пос-

⁴¹⁴ См.: Мф. 5, 44; Лк. 6, 28.

ле утрени проспал до четверти восьмого и часов не читал. Если одно справил — в другом согрешил. Господи, помилуй!

Я прочел у епископа Феофана в «Пути ко спасению», что надо отыскать в себе главную страсть. Я подумал и не мог остановиться ни на какой страсти. Сказал об этом Батюшке, и он мне ответил, что надо молиться, чтобы Господь открыл эту главную страсть, сам ее не найдешь. А найти ее очень важно для того, чтобы знать, куда направлять свои силы, то есть знать, с какою страстию преимущественно бороться.

Сейчас Батюшка ушел в монастырь по делам обители. Пора ко бдению.

26 сентября, воскресенье

Сегодня день моего рождения: мне исполнилось 22 года.

Батюшка служил. В конце обедни, когда Батюшка вышел с Крестом Животворящим, сделав отпуст, он сказал:

«Честные отцы и братия! Вот я с Животворящим Крестом в руках прошу и умоляю вас прекратить между собой неудовольствия. Неудовольствия, если не сказать вражда, увеличиваются. Если это так в миру, то да не будет сего между нами в обители.

Первая заповедь — любовь. Ап. Павел сказал: *если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — ничто; если я имею дар пророчества, а любви не имею, то я кимвал звенящий*⁴¹⁵. Любовь выше всего. Я вам решил это напомнить в день памяти св. Иоанна Богослова, Апостола любви. Не останавливайтесь на одной внешней исправности, хотя и она нужна, но главное — это искоренение из сердца страстей, в особенности злобы...»

Вот общий тон и содержание сказанного Батюшкой.

За трапезой сегодня читал. Получил два письма: от мамы и от Иванушки. Поздравляют, а Иванушка еще сообщает, что составляет акафист и пополнил службу преп. Парфению, епископу Лампсакийскому^[117], и теперь хочет послать в Синод для цензуры и издания.

Дня три-четыре чувствую, что простудился: насморк, небольшая хрипота и нога больше обыкновенного болит. Вчера за бдением очень устали ноги.

⁴¹⁵ См.: 1 Кор. 13, 1–2.

Читаю пока все еще «Путь ко спасению» епископа Феофана.

1 октября, пятница

26-го сентября вечером на откровении помыслов Батюшка сказал по поводу читанного на трапезе о талантах:

— В Евангельской притче о талантах ⁴¹⁶ сказано, что один раб закопал свой талант, данный ему от Бога, в землю. Некоторые понимают слова *закопал в землю* буквально, как есть. Собственно же *закопал в землю* значит — потратил на земное. Весь свой талант, данный Богом, человек употребил исключительно на приобретение земного, суетного, тленного — ничего для жизни будущей, вечной он не приобрел. Так, например, профессора, ученые (я не говорю уже о тех людях, которые прямо развращают своим учением и себя, и других), если они только и ограничивались научными знаниями, ничего не делая полезного для своей души, то, конечно, — они зарыли свой талант в землю. А Вы, оставив весь этот тлен, ушли во святую обитель, — значит, не зарыли свой талант. Это я говорю Вам для укрепления Вашего...

— А вот, Батюшка, в поучении, которое я читал, сказано, что если человек имеет возможность или дар проповедовать, учить и этого не делает, то, значит, он зарывает талант в землю. А из житий святых и современных подвижников известно, что многие, например, преп. Афанасий Великий, имели возможность учить и проповедовать, но молчали по смирению. Как это примирить со сказанным в поучении?

— Кому что дано: кому деятельность, кому безмолвие — даров Божиих много. Преп. Арсению дано было равноангельское житие — служить Богу в безмолвии. Другие, наоборот, служат Богу в кипучей деятельности. Но уподобляются зарывающим свой талант те, которые отказываются от того, куда их поставляют согласно воле Божией. Например, преп. Серафим Саровский отказался от настоятельства, а что он из-за этого перенес? Едва не впал в отчаяние, какие великие скорби и искушения! Так что потребовалось поднять на себя великий подвиг — трехлетнее стояние на камне, чтобы побороть эти искушения. Вот что значит отказываться. Так вот и я

⁴¹⁶ Мф. 25, 14–30.

стою на этом месте. Боюсь отказаться. Отец Архимандрит мне говорил: «А перенесете ли Вы то, что может быть, если Вы откажетесь?» Вот я и стою...

27-го сентября, в понедельник, Батюшка рассказывал мне, какие у него были скорби и как Господь всегда избавлял его Своею благодатию.

«Это я Вам говорю для того, чтобы поселить в Вас веру в Господа, потому что Вам придется ее впоследствии показать и испытать⁴¹⁷. Одна моя надежда на Бога, истинно говорю вам: *не надейтесь на князи, на сыны человеческия...*»⁴¹⁸

28-го сентября, во вторник, Батюшка сказал мне:

«Вы поступаете в монашество при самых благоприятных условиях, потому что впоследствии будут Вам великие скорби и искушения, но Вы их перенесете, ибо уже окрепнете, и они послужат для прославления имени Божия и для получения венцов...»

Вчера и сегодня ночевал у Батюшки, ибо о. Никита уехал за грибами. Брат Никита приехал из отпуска, но уже более не келейничает у Батюшки. Вчера за бдением читал паремии. Трапезовал сегодня с Батюшкой, он служит в монастыре, и потому опоздал к общей трапезе.

Написал и послал письмо маме и Иванушке. Он думает приехать на несколько дней. Я просил привезти кое-что для келейного обихода.

Иногда из слов и дел Батюшки я вижу, насколько это мне доступно, мудрость и рассуждение Батюшки, веру в Бога, надежду на Его милость и другие иноческие добродетели, а я истинно нищ и убог есмь. Далеко не всегда сознаю я это, но бывают минуты. Господи, даждь ми смирение!

3 октября, воскресенье

Вчера о. Никита приехал, а потому я ночевал уже у себя в келлии.

Ко бдению вчера я пришел во время литии, был задержан Батюшкой. Когда я шел от бдения, была прекрасная лунная ночь, но

⁴¹⁷ Это пророчество о будущем исповедническом пути преп. Никона.

⁴¹⁸ Пс. 145, 3.

я мало обращал внимания на ее красоту, так как ноги очень устали и было морозно; думал, как бы поскорее в келлию придти.

К обедне меня разбудил мой сосед Григорий, спаси его, Господи, а то бы проспал. Пришел в церковь минут за пять до звона. Люблю я придти в храм минут за 15—20 до звона и сесть, творя молитву Иисусову. Я замечал, что после этого всегда уже и за службой легко творится молитва Иисусова. А если придешь не заблаговременно, то иногда очень долго не наладишь себя на молитву Иисусову.

Придя от обедни, я попил чайку и сел читать «Путь ко спасению». Очень хорошо сказано про борьбу со страстями. А я, читая, применяю к себе: как действуют во мне страсти и как бороться против них. Гордости и тщеславия во мне много. Господи, помози мне!

Вечерком ходил с Батюшкой немножечко по Скиту и на ходу открывал помыслы.

4 октября, понедельник

Проспал утреню и слышу: в полчаса седьмого стучит мне в дверь брат Григорий. Спрашиваю: «Что?» Говорит, что Батюшка просит на молебен. Я встал и пошел. За молебном братии никого не было, брат Григорий сказал, что Батюшка не приказал звать, поэтому только и были служащие, я да пономари. Потом пришел о. Сергей Мозель. Молебен был по случаю дня празднования свтт. Гурию и Варсонофию, Казанским чудотворцам, хотя это и не день именин Батюшки.

5 октября, вторник

Бдение правили у Батюшки. Батюшка служит в монастыре. Я к обедне не ходил, а в 6 часов утра поехал на скитскую дачу по поручению Батюшки. Скорбь теперь всем истинно любящим обитель нашу святую... Пока Скит еще стоит в стороне. Но вот сию минуту комиссия пришла осматривать наш новый храм. Как и зачем — не знаю.

Отдал о. Никите починить будильник. Вчера получил от Иванушки письмо.

Как-то Батюшка сказал мне, что о. Макарий, великий старец, через каждые три года перечитывал Авву Дорофея и Лествицу и

находил в них все новое и новое, ибо рос духовно. Батюшка и мне сказал, что надо перечитывать их через каждые три года.

10 октября, воскресенье

О. Архимандрит возвратился на днях из Москвы. Операция прошла благополучно.

Вчера с бдения начал читать сутки. Особенного ничего не заметил. Сегодня окончил читать «Путь ко спасению» епископа Феофана. Глубока и непонятна в некоторых местах эта книга для меня.

5-го октября Батюшка благословил мне прочитать житие преп. Никодима Кожезерского чудотворца (3 июля), а 6-го октября благословил начать изучение Устава Богослужения. Потом Батюшка прибавил, что это нужно даже для всякого послушника. За разрешением недоумений благословил обращаться к о. Кукше, а в пособие взять из библиотеки книгу Булгакова ⁴¹⁹, опуская то, что относится исключительно до иерея. Праздники Батюшка благословил употреблять на чтение, так как это единственное свободное у меня время, но благословил делать и проходки по Скиту или за Скитом, сказав, что это для меня будет полезно. Это я сегодня и сделал: полчаса походил за сажалкой.

17 октября, воскресенье

15-го числа купил масла деревянного и ходил в рухольную.

Сегодня читал за обедней Апостола. Дни эти прошли без особых событий, по крайней мере, я не помню сейчас.

Сегодня читаю письма старца о. Макария. Батюшка говорил мне, чтобы в один день я не брал разных книг: то ту, то другую, — а чтобы читал что-либо одно.

19 октября, вторник

Вчера приехал в Оптину Иванушка, привез кое-что; ночевал у Батюшки ^[118].

Сегодня я был на водоосвящении в новом храме. Иванушка почти весь день был у меня, ходили с ним на Железенку. Ночует

⁴¹⁹ Булгаков С. Настольная книга священнослужителя. В 2 т.

опять у Батюшки. Не знаю, что про него и сказать. Спаси его, Господи, имиже веси судьбами!

22 октября, пятница

Все эти дни то с Иванушкой, то с Батюшкой прошли, кажется, без особых событий. Бдение стоял в монастыре, где был и Батюшка. Трудно было стоять, садился иногда, когда это и не положено. Был за ранней обедней. Погода пасмурная, вчера шел дождь и на земле застывал, образовалась гололедица.

Мне дал Батюшка брошюру «Предостережение читающим духовные книги и желающим проходить Иисусову молитву» и о смирении старца о. Макария. Ее благословил мне Батюшка прочесть 19-го октября, но Иванушка помешал, хотя и начал ее читать вместе с ним. Между прочим рассказал он мне некоторые неотрадные вещи. Благодарение Богу, что я ушел из мира, — конечно, не своею волею, а Божиею благодатию.

25 октября, понедельник

23-го числа в субботу к Батюшке приезжал некто Е. Н. Погожев; про него мне Батюшка неоднократно говорил. А ему говорил про меня как принадлежавшего прежде к интеллигентной среде, бросившего все это и пришедшего в Скит. Вот он и попросил Батюшку, чтобы он познакомил его со мной и позволил побеседовать, что Батюшка и сделал, послав меня к нему в приемную (Батюшкину). Это было перед самой трапезой, и нам не удалось побеседовать. Тогда он попросил у Батюшки дозволения придти перед бдением. Батюшка дозволил.

В начале 6-го часа я опять пришел, и мы беседовали до самого благовеста ко бдению. Он много расспрашивал меня о причинах и обстоятельствах моего поступления в Скит. Касались монашества, святоотеческих писаний и вообще духовной жизни. Особенного впечатления я не вынес из беседы, но и не отяготился ею. Е. Н. обещал прислать мне своего составления книгу «Современные подвижники». Спаси его, Господи!

23-го же Батюшка объявил сначала мне, а потом и Иванушке, что о. Архимандрит согласен опять принять его. Сегодня Иванушка уехал обделывать свои дела в Москве и выждать время — не

освободится ли келлия, так как двое будут призываться через неделю.

За бдением 23-го октября не был за великим недосугом — Батюшка никак не мог сделать нужных дел, которые мы за бдением и сделали.

В воскресенье 24-го октября я кончил читать «Предостережение читающим...». Книга безусловно хорошая, но славянский язык часто непонятен. Открываю помыслы и чувствую благотворность сего. Спаси, Господи, Батюшку.

31 октября, воскресенье

В четверг 28-го поздно вечером скончался о. Пимен^[119]. Говорят, что он скосырнул прыщик на лбу, а потом начало опухать лицо, и скончался не то от рожи, не то от воспаления, которое передалось на мозг. Дай Бог ему Царство Небесное. Батюшка его любил и мне говорил, что о. Пимен был действительно монах.

Эти дни я был занят составлением ведомостей. Сегодня читал на трапезе; Батюшка на трапезе не был. Чувствую сегодня слабость в теле, хотя вчера за бдением не устал. Читаю письма батюшки о. Макария.

5 ноября, пятница

28-го октября вечером приехал в Оптину граф Лев Толстой^[120]. 29-го уехал из Оптиной, не побывав ни у о. Архимандрита, ни у Батюшки, ни у о. Иосифа. Доехав до станции Астапово, он почувствовал себя нехорошо и далее не поехал. Подробностей не знаю, только Св. Синод благословил о. Иосифа (так как граф его знал и был у него) ехать к графу для убеждения его в истинах Святой Православной Церкви. Отец Иосиф хотел ехать, но, почувствовав сильную слабость, отказался. Тогда телеграммой было дано благословение Батюшке ехать вместо о. Иосифа.

Вчера вечером Батюшка начал собираться. Я почему-то волновался внутренне, но после чтения канонов и акафистов и вообще вечернего молитвенного правила я успокоился. Батюшка сказал мне, что думает меня взять с собой.

Около 12 часов ночи вчера мы, все уложив, разошлись по келлиям. Встал я сегодня в 4 часа утра, в 6-м часу я с пономарем и

о. Нектарием отправили молебен. Батюшка стоял в алтаре. Затем после молебна все пошли к Батюшке. Потом я пошел в келлию, окончательно собрался, и наконец пошли в монастырь к о. Архимандриту. Батюшка с о. Феодосием шли впереди (о. Феодосий пришел к Батюшке для исповеди его и вообще как духовник). Я шел сзади, брат Григорий рядом со мной нес сумку. Придя к о. Архимандриту, все пошли по своим делам, а мы с братом Григорием дожидались. Вдруг меня позвал Батюшка, объявил, что я остаюсь, и простился со мной⁴²⁰.

Я все-таки дождался отъезда Батюшки. Когда он уехал, я пошел на могилки к старцам, помолился за Батюшку и за себя и пошел в Скит. Зайдя в келейную к Батюшке, я напился чаю, отпустил закупщика и пришел в келлию. Волнения не чувствую. Я помолился о благополучии Батюшки и сел писать этот дневник. А вчера чувствовал волнение — не то грустно, не то скорбно было мне. Господи, спаси Батюшку, и буди воля Твоя!

4-е ноября — день перехода Батюшки в Скит после прибытия его из Манчжурии с войны в 1905 году.

Вчера написал Иванушке письмо, а от него получил 31-го октября^[121]. Особого ничего не было в письме. Вчера Батюшка мне дал четыре носовых платка. Принеся их в келлию, я сам себе сказал: «Платки, платки, не придется ли мне вами утирать слезы во время скорби». Я не то, чтобы подумал так серьезно, а просто так сказал.

6 ноября, суббота

Сегодня с утра занимался письменными работами. На душе покойно. За Батюшку по силе молюсь. Как и что с Батюшкой, пока еще ничего не слышно. Читал сегодня за обедней Апостола. Особого, кажется, ничего не было.

7 ноября, воскресенье

Бдение в телесном отношении было нетрудно стоять, и молитва шла довольно легко. Сегодня обедню также отстоял легко. Встал

⁴²⁰ Как известно, преп. Варсонофия не допустило до Л. Н. Толстого его окружение, не желавшее, чтобы граф «переменил убеждения». Старец весьма скорбел об этом, сказав: «Железным кольцом сковало покойного... хотя и Лев был, но ни разорвать, ни выйти из него не мог».

в полчаса шестого и потому не успел прочесть до обедни утренних молитв. Правил службу воскресную и Божией Матери Скоропослушнице. Я по силе помолился о благополучии Батюшки перед Ее святою иконою. Чувствую в теле слабость, хотя и небольшую. Думаю записать то, о чем с Батюшкой я на днях говорил.

Я спрашиваю Батюшку 1-го ноября:

— Исповедь и откровение обязательно должны быть у одного лица, или можно у одного исповедоваться, а другому открывать помыслы?

— Конечно, исповедь — одно, откровение помыслов — другое. Святые Отцы пишут: когда не к кому обратиться, то избери себе единоплеменника брата и ему открывай свои помыслы. Помыслы можно открывать даже не имеющему священного сана...

2-го ноября тоже немного побеседовали. Между прочим Батюшка рассказал, как он первый раз приехал в Оренбург, когда ему было лет 8—9. Был он и ранее, но совсем младенцем, вследствие чего ничего не помнит.

Приехал Батюшка со своим отцом и попросился походить по городу. Отец дозволил. Вот побежал отрок Павел, нынешний Оптинский старец, бежит и видит собор Спаса Преображения — чудный собор, громадная колокольня. Посмотрел, бежит далее, видит другой собор — Введенский, посмотрел и далее бежит мимо губернаторского дома к Троицкому собору, а от Троицкого собора выбежал на площадь. На площади многолюдство, базар. Пробираясь сквозь толпы народа, он вдруг увидел карлика, махающего длинной палкой. Испугавшись этого карлика, он спрятался за народ.

Вот, закон...

На этом Дневник обрывается.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

24 мая 1915 года, в день Симеона Дивногорца, Николай Беляев был пострижен в мантию с именем Никон, в честь святого мученика Никона. Спустя год монах Никон был посвящен в сан иеродиакона, а в 1917 году — в иеромонаха.

После ареста и ссылки старца Нектария, в 1923 году, в тяжелейшие для русского народа годы, по благословению последнего настоятеля обители преподобномученика Исаакия II преподобный Никон становится духовником и старцем уже официально закрытого монастыря Оптиная Пустынь. Он служит в последнем открытом храме обители и принимает всех нуждающихся в его духовной помощи. В 1924 году, после окончательного закрытия монастыря, он переходит в Козельск, где продолжает служить и петь на клиросе в Успенском соборе, говорит проповеди, ведет духовные беседы, исповедует.

В 1927 году старца Никона арестовывают. Через Калугу и Бутырскую тюрьму отправляют на Соловки, затем на Попов остров. Через два года его переводят в город Пинега. В 1931 году он умирает там от туберкулеза.

Всей своей жизнью доказал Преподобный, что и в наше время возможны великие подвиги. Он не только безропотно нес свой крест — тюрьма, концлагерь, ссылка, болезни — но и как истинный пастырь Христов брал на себя беды, страдания и лишения всех приходящих к нему, помогал, утешал, укреплял в вере.

В 1996 году иеромонах Никон причислен к лику местночтимых святых, а в 2000 году — к лику всероссийских святых как преподобноисповедник.

КОММЕНТАРИИ

(Из воспоминаний Ивана Беляева)

¹⁴¹ Наш первый приезд в Оптину 24 февраля 1907 года в моей памяти представляется в таком виде. Сопровождавший нас из Москвы о. Гавриил, новопостриженный владыкой Трифоном в приезд его в Оптину, сразу доставил нас в гостиницу, которой заведовал о. Иаков. (Если стать перед лестницей к Святым вратам лицом к ним, то эта гостиница — налево от врат.) Когда мы, будучи встречены о. Иаковом с любовью, несколько оправились с дороги, о. Гавриил провел нас по лестнице в Святые врата под колокольней к могилам Старцев, а оттуда в свою келлию в северной части территории, в ограде. Был он в то время келейником казначея Пустыни иеромонаха о. Иннокентия, одного из самых милых людей, которых я узнал в Оптиной. Любвеобильный, простейший и в то же время мудрый старец, хотя в то время он был еще не стар, а средних лет. С ним и с о. Гавриилом попили чайку и получили добрый совет идти в гостиницу и хорошенько отдохнуть, так как предстоит всенощная. Отцы думали, да и не без основания, что для нас с непривычки продолжительная служба будет не так-то легка. Мы послушались.

Придя ко всенощной в Казанский собор, мы стали в правом приделе, ибо по примеру Чудова монастыря полагали, что женская половина должна быть слева. Что мы оказались среди монахинь, мы этого не заметили. Очи наши были опущены долу, да и в храме не было большого освещения. Когда во время шестопсалмия начали гасить все свечи и остались только одни лампадки, наступившее потемнение привлекло мое внимание. Я как-то оглянулся и увидел, что кругом меня стоят схимники в остроконечных куколях. Это меня привело в еще более молитвенное и благоговейное настроение. После я узнал, что это были не схимники, а монахини,

тогда как монахи все находились в левом приделе... Такая ошибка была не во вред.

На следующий день мы были у поздней обедни. Когда днем о. Гавриил привел нас к о. Архимандриту, то, благословляя меня, он спросил неожиданно: «Ты хромой?» При этом смотрел он на меня приветливо. Мне вдруг стало как-то радостно, я заулыбался и, по-видимому, весело ответил, что вовсе не хромой. Отец Архимандрит тоже ласково улыбнулся. После этого мы с о. Гавриилом остались в передней, а брата о. Архимандрит пригласил в другую комнату. О чем у них шла беседа, длившаяся минут пятнадцать-двадцать, я не узнал, но брат вышел хмурый. После этого был приглашен и я, и ответил о. Архимандриту на его вопрос о том, что побуждало меня проситься в монастырь. Я отвечал то, что было на самом деле, и он благословил меня и отпустил. Когда мы с ним вышли в приемную, о. Архимандрит спросил, где мы поместились, и сказал, что потом нам придется перейти «на странную», и что тогда нам будет сказано, чем заняться.

Вышли — о. Гавриил к себе, мы к себе. Спрашиваю брата, что они так долго говорили с Настоятелем. Ответ удивил меня. «Если бы он еще о чем-нибудь стал говорить со мной, я бы!..» Давно, давно не видал я такого лица у брата! Мирские его привычки и выражения, от которых впоследствии не осталось и следа, в то время еще владели им. У меня же с о. архимандритом Ксенофонтом поллушутливый тон по сути дела сохранился и во все последующие годы. Я к нему был всегда сердцем расположен. По-видимому, и он ко мне. С братом же отношения о. Архимандрита в последующие годы резко изменялись, и оба они очень сильно и крепко расположились один к другому. А причина вопросов, вызвавших раздражение брата, после объяснилась просто. После 1905 года по монастырям от правительства было дано указание — крайне осторожно допускать прием молодежи.

Потом мы ходили в Скит к батюшке Варсонофию, который обоих нас принял с отеческой любовью и обоих обласкал.

Через несколько дней мы перешли «на странную», то есть в гостиницу для странников и простонародья, к гостиннику о. Кириллу (умер иеродиаконом Кириаком). Дано нам было и пробное послушание — на конном дворе помогать. Сначала нам дали

рубить хвою для подстилки скоту. Другого ничего я делать не умел.

На первой неделе мы говели. В миру я прочел как-то, что самый большой пост — это пост в питье. Поэтому еще в Москве я упражнялся в первую очередь тем, чтобы томить себя жаждой. Ну и в Оптиной я делал то же самое, а есть старался по возможности один ржаной хлеб. Так случилось, что хлеб все время был свежий и даже теплый часто. Хотя и мало я его ел, но с непривычки, да еще без питья, я нажил себе болезнь. Едва спасли меня от заворота кишок. Однажды ночью, лежа в жару на койке в номере, я вдруг был привлечен взором на необыкновенное явление. Вижу перед образами аналой, а перед ним — схимник. Смотря в большую, развернутую на аналое книгу, схимник читает, слышу явственно: «Ангелов Творче и Господи сил, отверзи ми недоуменный ум и язык...» Я быстро встал с койки, и видение исчезло...

Брат продолжал работать на конном дворе, а я на следующий день после видения был положен в больницу. Заведовал больницей в то время о. Павел, впоследствии казначей Оптиной о. Пантелеимон (умер игуменом). Вторым фельдшером был о. Димитрий (Чучурюкин), впоследствии иеромонах о. Досифей, и третьим был брат Никита, впоследствии схимонах о. Нифонт. Все трое усердно и с любовью выхаживали меня, и выходили. В то время моими соседями были любвеобильнейший и мудрейший о. архимандрит Агапит и старый-старый слепец иеросхимонах о. Иустин. Скоро по приходе в больницу я был в состоянии ходить и стоять, и дано было мне сладостное послушание вычитывать этим отцам все утреннее и вечернее правило. Им я тоже доставлял немалое утешение. Много хорошего и поучительного ими было сказано мне. И хотя я не помню отдельных их слов, но они касались всего, что мне пришлось в то время видеть и переживать. Это были мои, собственно говоря, первые наставники, которых я никогда не забываю помнить со всею любовью. Тут же, из коридора, — жил я во втором этаже, — была дверь на хоры больничной церкви во имя преп. Илариона Великого. По субботам, воскресеньям и иногда по другим дням там была служба. На Страстной неделе я уже мог говеть в Скиту, вместе с братом, хотя житие свое и продолжал иметь в больнице, а не «на странной».

^[2] Эти восемь месяцев — большой и сложный период. Вернулись мы домой совсем не такими, какими уехали. Все чувствовали, что не жильцы мы среди них, и, по честному сказать, я с любовью вспоминаю, что над нами никто из родных и знакомых не насмеялся. Редко когда пускались с улыбкой шутливые словечки, но всегда без злобы и насмешки. В это время брат совсем переселился в мою комнату, и мы дружно жили вдвоем. Когда мы уезжали из Оптиной, батюшка Варсонофий благословил нас съездить в город Ростов Великий, помолиться тамошним святыням и поклониться Ростовским угодникам Божиим, которых в Ростове много больше, чем в каком-либо другом городе, кроме Киева.

Вот мы как-то и поехали. Брюки в сапоги, косоворотки, фуражки. В таком виде тогда ходили многие из интеллигентной и из рабочей молодежи. Помню: в воскресенье после обедни в соборе мы стоим на площади, наслаждаемся и дивимся чудному ростовскому звону. Звон этот был знаменит на всю Россию. Все колокола, а их было множество, были подобраны строго по нотам, и мастера-звонари вызванивали любой мотив с величайшим искусством. Звук колоколов был восхитителен. Так вот, стоим и наслаждаемся. Вдруг подходит к нам сам начальник города. Поздоровались. И пошли расспросы: откуда, зачем, кто такие, надолго ли, и тому подобное. Мы все, как есть, отвечаем с большой охотой. Отошел градоначальник, но во все время, пока мы ходили по соборам и монастырям, за нами следило недремлющее око.

Во время нашего жития в Москве владыка Трифон благословил нас обращаться как к духовнику и советнику к своему наместнику по управлению Богоявленским монастырем, о. игумену Ионе. Это был прекрасной души старец, преисполненный любовью, исключительно чуткий и отзывчивый на всякую скорбь и нужду. Для меня он стал очень близок и всегда утешал меня в моем нетерпении, ибо я всегда немоществовал этой болезнью. Часто мы оба ходили в его небольшую и темноватую келлийку, и всегда он принимал нас с радостью и угощал чаем с конфетами.

^[3] В Дневнике сказано, что мы были в Оптиной с 5 по 9 декабря, выехав из Москвы 4-го и вернувшись 10-го. Это меня удив-

ляет. В моей памяти слово в слово сохранился наш разговор в Москве с владыкой Трифоном перед отъездом. Мы просили благословения выехать с 5-го на 6-е. Владыка никак не благословил, сказав, что всенощную под Николин день надо пробывать в храме, а не в поезде. Поэтому он благословил ехать 6-го с тем, чтобы к поздней обедне в день памяти старца Амвросия попасть в Оптину. Этот разговор я помню со всею ясностью. А вот как появились в Дневнике записи, и не одна, о времени с 5-го по 9-е, — понять не могу. Единственно, что возможно, хотя это и выпало из моей памяти, что в последний момент мы решили ехать не 5-го и не 6-го, а 4-го. Так ли?

¹⁴ Мама наша родилась в Москве, была она на десять лет моложе папы. Мама получила хорошее образование в гимназии, читала по-немецки и по-французски. В ранней юности она увлекалась музыкой и театром. Была знакома со многими большими артистами и музыкантами того времени. Оба брата Рубинштейны особенно хорошо к ней относились, больше всего Николай Григорьевич, и у нее было много фото с дружескими надписями ей от Антона и Николая. Были и другие фото от других больших людей... Я об этом пишу только потому, чтобы отметить, что мама была не только хороша собой, но и любила и понимала искусство. Замуж она вышла, когда ей был уже 31 год, за папу-вдовца. От первого брака у него остались две падчерицы (его первая жена вышла за него вдовой), Катя и Анюта. В нашей семье они всегда были как родные. И отец, и мать их умерли от туберкулеза. От него же умерли и Катя с Анютой; причем характерно, что обе точно по достижению одного и того же возраста, кажется, 31 года.

Венчание мамы происходило в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот. Эта церковь была излюбленным храмом всех артистов и певцов, которые все, начиная с Шаляпина, Собинова, Неждановой и других, пели в ней по большим праздникам и на Страстной неделе. Не знаю, откуда это повелось, но еще и Пушкин избрал эту церковь для своего венчания с Гончаровой. Первые годы после свадьбы папа с мамой жили на Донской. Дом этот теперь не сохранился, но большой и хороший сад, который так любили и папа, и мама, сохранился и поныне.

^[5] Говорится о чаепитии, — как положено старцами пить чай в Скиту. Мы этого положения никогда не нарушали в большую сторону. Брат всегда любил пить чай. За компанию и я часто с ним пил, особенно в первое время, когда еще мы жили с братом Иваном Галановым. А после я пил чай редко. Больше я предпочитал пить холодную воду из Амвросиевского колодца, взявши при этом в рот кусок сахара. За водой ходили с кувшинами, которые выдавались каждому из братии. Кувшины были вот такого вида: глиняные, изнутри облитые, а снаружи без глянца. При колодце было ведро, которым доставалась вода и вливалась в кувшин. Обычно старались ходить за водой в такие часы, когда богомольцев, посетителей Старцев, обычно не бывало.

^[6] Интересный это был человек. Был он уже стар, вероятно, лет шестидесяти, весь седой. Фамилия его — Костинский. Когда-то он был богатым купцом в городе Покрове. Две-три неудачи — и он сильно пострадал. Для поправления дел взял большой кредит и закупил вагонами мясо в Сибири. Произошла какая-то задержка в пути и тут же — неожиданная длительная оттепель. Все мясо испортилось и было уничтожено по требованию ветеринарного надзора. Никита Иванович разорился безвозвратно и вконец. Был он очень добродушен, гостеприимен, разговорчив и любил покушать. Дети ему помогали. Привычки его никак не вязались с монашескими обычаями. То он клобук наденет набок, то — воротник расстегнут, то, придя в храм, так раскланяется, что немыслимо не засмеяться. Очень часто он, здороваясь, говорил: «Салфет вашей милости» и «Красота вашей чести». Ходил вразвалку. Когда читал, то с такими невероятными интонациями, так передавал свои чувства, что нарушал все правила монастырского чтения. Поэтому ему редко давали читать, [только] по его настойчивой просьбе. Этот исключительно добродушный и милый человек дожил до семидесяти с чем-то лет, но умер скоропостижно. Жил он в том же корпусе, где и о. Нектарий. Двери их келлий были одна против другой.

^[7] Отец Арсений, скитский манатейный монах, регент правого клироса. Впоследствии иеродиакон и иеромонах. Проявлял к нам особые чувства. Умер, кажется, в Прысках или в Стенине.

¹⁸¹ Несколько раз упоминается монастырский письмоводитель о. Ераст. Это был уже старый человек, монах. Видимо, раньше он где-нибудь был чиновником, так как по внешнему виду и по всем своим действиям являлся ярким типом старинного писца, с немного красным, тонким носом. Прекрасно вел все монастырское дело-производство.

¹⁹¹ Мама много раз рассказывала, что, когда Коля был маленьким, он однажды чем-то болел. Болезнь приняла катастрофический характер, и смертельный исход, несмотря на все меры, принимавшиеся врачами, был решен. Когда наш постоянный врач Константин Николаевич Салтыков (превосходный человек!) к ночи уехал, оставив Колю уже в безнадежном состоянии, у его постельки остались только папа с мамой. И вот страшный час смерти наступил! Сердце уже не билось. На зеркале, прикладываемом ко рту, никаких следов дыхания не обозначилось... Но для материнского сердца это никак не служило поводом к прекращению ухода за умирающим. Наоборот, только еще больше побуждало к всяческому растиранию уже холодеющего и вытянувшегося тела ребенка. Напрасно папа уговаривал маму «перестать мучить» и себя, и «покойника». Она, не переставая молиться святителю и чудотворцу Николаю и обильно орошая тело Коли горячими слезами, терла, терла его, и... о, чудо! Ребенок вздохнул. Тут уже и папа устремился на помощь. Их ли усилиями, или чудом святителя Николая, но ребенок ожил и, по прошествии какого-то времени, выздоровел. Мама всегда рассказывала об этом как о несомненном для нее чуде святителя Николая. И, конечно, не для служения страстям мира сего возвращен был к жизни этот чудный ребенок.

Так еще в младенческих годах был отмечен Божественною милостию и благословением будущий преемник великих Оптиных старцев.

Мама говорила, что, когда Коля тяжело страдал во время той болезни, он переносил страдания с удивительным терпением. Эта черта сохранилась в Коле и во всю его жизнь.

¹¹⁰¹ Вся семья [Васильевых] состояла из «старика» Николая Васильевича и Натальи Яковлевны. Люди старого покроя. Верую-

щие. Но, конечно, более внешне. Николай Васильевич — исключительный любитель пения церковного и хороших икон. Все домашние иконы, а их было множество, были в чудных ризах. Старший сын Вася так же, как и отец, — бухгалтер. Под конец жизни, вернее, уже в пожилом возрасте, занимал большие должности финансовые. Старше меня он был на 12 лет, Коли — на 10 лет. Исключительно хороший человек, глубоко верующий, сердечный. Скончался он восьмидесяти лет перед Рождеством 1958 года, по новому стилю — 4 января 1959 года. Сороковой день его пришелся на день его Ангела — Трех Святителей. Такая же хорошая была и его жена, Елисавета Васильевна, умершая за шесть лет до его смерти. Брат Сережа, инженер, умер молодым. Брат Яня, друг моего брата Сережи, тоже умер. Живы еще пять сестер. Три старшие — Саня, Лиза и покойная Наталия — очень чтили владыку Трифона, и он часто бывал у них дома запросто и архиепископом, и митрополитом. Владыка их очень любил и уважал и служил у них в комнате, когда Саня была больна и близка к смерти. Все три старшие сестры были очень красивы, имели много женихов, но отец, Николай Васильевич, запретил им выходить замуж своей отцовской властью, и они повиновались. Такая была покорность родителям! Такая крепкая семья!

^[11] Круглосуточное чтение Псалтири с поминовением о здравии и за упокой производилось в старом храме, в его первой половине. Справа от входа в храм Иоанна Предтечи был алтарь преп. Макария Великого, а слева канун и место для чтения Псалтири. Читали по очереди, по два часа. Я обычно любил читать ночью. Так меня и назначали.

^[12] О Батюшкиных келейниках. Когда мы поступали, их было два Никиты. Старший — о. Никита (Харьков), рясофорный, скончался в Гомеле игуменом Макарием. Думаю, что он был орловский, так как вместо «хватает» говорил «фатает» и т. п. Иногда выпускал острые словечки. Вообще был спокойного характера и ни в чем крайностей нельзя было у него заметить. Батюшке Варсонофию по хозяйственным делам был прекрасный помощник. Младший келейник, брат Никита Минич Баркалов — характера тоже довольно спо-

койного, но не такой выдержанный, как о. Никита. Отличался по внешности роскошными длинными — до пояса — густыми волосами светло-каштанового цвета. С нами был очень хорош. Прекрасно пел солидным басом. В 1910 году был взят на военную службу в Главный штаб. Остался там работать и по вольному найму сверхсрочно. Я встречал его в 1920-х годах в Москве с женой и дочкой. Потом потерял из вида.

^[13] Кроме общих детских игр, в которых Коля никогда не был пассивным, вспоминаю я отдельные случаи из его жизни, уже касающиеся только его. Помню, однажды на даче вздумалось нам уничтожить осиное гнездо, устроенное осами в чулане. Гнездо находилось довольно высоко, и достать его нам, детям, было очень трудно. Коля, тогда ему было лет 11—12, хватаясь за перекладки в грубо сколоченной из нетесанных досок стене, полез вверх. Стараясь зацепить гнездо, он сорвался и, падая, пытался упереться в стену, но вместо того ладонью напоролся на огромный, острый ржавый гвоздь. Вся ладонь вдоль оказалась разорванной и обе кровавые половинки широко разворотились. От неожиданности Коля вскрикнул, но ни одного стона, ни крика от боли мы, в ужасе смотревшие на все это, от него не слышали. Он только очень быстро пошел к маме, зажимая рану. Мамин ужас был неопишуем. Но, вся заливаясь слезами, она сразу взялась промывать зияющую рану и затем залила ее йодом. Мы широко открытыми глазами смотрели на эту необыкновенную операцию. Казалось, что боль испытывает мама, — так сильно отражалось страдание в ее глазах, в ее словах и в дрожащих руках. А сам пострадавший не проронил ни одной слезы, не издал ни одного стона, и только с огромной силой закусенные губы могли служить поводом к пониманию его боли и его изумительнейшего терпения.

^[14] О поминовении за проскомидией. В Скиту было огромное количество записей «на вечное поминовение» — и братии, и благодетелей, и других лиц. В алтарь, кроме пономаря, никто не допускался, и чтение всех синодиков производилось братией в храме, а не в алтаре. Этот порядок не был собственным изобретением, но, оказывается, применялся и во всех монастырях. Обычно служащий

иеромонах приходит до звона и совершает проскомидию. Когда подходит время вынимать за здравие и за упокой, братия разбирают по рукам синодики и читают их, а служащий иеромонах только вынимает частицы, произнося: «Помяни, Господи!» Старцы разъясняли, что нет никакой необходимости читать поминания у самого жертвенника, а не отступя несколько шагов. Во время проскомидии непременно Господь помянет всех, кого поминают про себя и все стоящие в храме. Если бы было обязательно поминовение только у жертвенника, то в алтарь пришлось бы иногда пускать десятки поминальщиков, чтобы прочесть все имена. С тех пор я стал, да и брат мой, так же, как и все монахи, помянуть своих покойников и живых сам, не подавая отдельных записок в алтарь. Кроме того, старцы, и батюшка Варсонофий в том числе, разъясняли, что подача просфор не обязательна для поминовения, так как при совершении проскомидии всегда в числе пяти служебных просфор есть одна просфора о здравии всех поминаемых и одна о упокоении. Все поминовение производилось до начала чтения часов.

^[15] Гроб с телом о. Пахомия стоял в скитской церкви, в приделе преп. Макария, и мне пришлось ночью, наедине с ним, читать Псалтирь. Необычно, конечно, это было для меня, но истинно — ни малейшего чувства страха я не испытывал. Для отпевания гроб с телом перенесен был в монастырь, а затем возвращен в Скит и погребен на скитском кладбище.

^[16] Отец наш, Митрофан Николаевич Беляев, родился в крепостной крестьянской семье Землянского уезда Воронежской губернии. Святитель Митрофан Воронежский еще в то время не был причислен к лику святых. По-видимому, по этой причине имя отцу моему было дано в память свт. Митрофана, патриарха Константинопольского (4 июня ст. ст.). О детстве и ранней юности его я ничего не помню из рассказов его и его матери, бабушки моей Пелагии Григорьевны, скончавшейся в 1908 году 9 мая, в нашей семье. Знаю только, что после освобождения крестьян в родительской семье отца не было средств к существованию всех членов ее, так как земли было слишком мало, а всех братьев и сестер было четырнадцать человек, из которых папа был младшим. Поэтому отец,

которому пошел уже третий десяток лет, отправился искать счастья в Москву, конечно, пешком. Вместе с ним отправились еще два его брата. По дороге один по какой-то причине умер.

Двое пришли, и отцу повезло устроиться «молодцом» (так тогда назывались рабочие при торговых предприятиях) при магазине Мюра и Мерилиза (ныне — 1-й Центральный универмаг) на углу Петровки и Театральной площади. Работал он при мануфактурном отделе и благодаря своим действительно большим способностям и работоспособности быстро продвинулся в продавцы-приказчики, затем стал заведовать мануфактурным отделом. Зарботки его были очень хорошие, включая всякие наградные и поощрительные. Надо сказать, что в те годы Мюр и Мерилиз (англичане) фактически задавали тон в торговле всем более мелким фирмам во всей Москве и за ее пределами. Митрофана Николаевича знала вся мануфактурная Москва, и связи его были огромны. Не помню кто, но, кажется, Мерилиз всегда жил в Англии. Здесь был один Мюр, который предоставлял отцу неограниченные торговые права.

Характер отца был крутой. Положение чрезвычайно возвысило его мнение о своих способностях. Подробностей не знаю, но только с Мюром у них произошла полная размолвка. Полагаясь на свои силы и связи, отец решил открыть свое дело. Знающие его другие предприниматели, недолюбливавшие чужака-англичанина, охотно предоставили отцу необходимый кредит. Дело шло прекрасно, но сколько времени, я не знаю. Меня еще на свете не было. Однако Мюр не простил отцу. Войдя в сговор с кредиторами отца, он устроил так, что все векселя отца всеми ими были опротестованы одновременно, с расчетом, что отец не сможет их оплатить. Коварный расчет оказался верным. Отец разорился совершенно. С тех пор до конца дней своих он мог работать только вроде коммивояжера, на других. Я его только в такой роли и помню, хотя первые воспоминания мои касаются времени менее пяти лет моей жизни. Очевидно (да оно и естественно в подобном образе деятельности), заработки отца бывали и отличные, бывали и из рук вон плохие.

Помню, — это, пожалуй, мое самое раннее детское воспоминание, — был какой-то праздник. Мама меня поставила на стул и,

одевая, сказала стоявшему тут папе, что мне надо бы купить сапожки (в раннем детстве я всегда любил и носил сапоги гармошкой). А папа отвечает, что не знает, что завтра есть будем, а не то, что сапожки новые купить!

В то время мы жили отдельной семьей, и только впоследствии стали жить вместе с родителями мамы. Папа был необыкновенно крепкого здоровья. Болел он, по его словам, только два раза в жизни. Первый раз он несколько месяцев лежал в больнице от ожогов, полученных на пожаре, когда он спас из огня ребенка. (Родители ребенка оказались очень высокопоставленные люди, и папа получил большую награду — орден Станислава 3-й степени.) Следует отметить, что у папы была неистощимая энергия, и он особенно ярко проявлял ее на пожарах, которых ни одного не пропускал, всегда активно помогая тушить огонь и спасать людей и имущество их. Весной, в половодье, он не отходил от Москвы-реки, спасая тонущих. Папа имел почетный знак «Общества спасения на водах», которого был одним из основателей. Второй раз он заболел раком пищевода и, промучившись года полтора, умер 60 лет от роду. Это было в ночь со 2-го на 3-е января 1903 года.

Церковь отец любил. Но любил он ее так, как большинство мирян того времени. Он не вникал в глубину христианского вероучения. Ходил во храм все праздники, наслаждался пением и диаконскими голосами. Замечательный протоиерей Успенского собора Шеховцов был его ближайшим другом и сотрапезником. Иначе как Андрюша отец его не называл. Таким же другом его был изумительный по красоте голоса и служения диакон Успенского собора Николай Павлович Росляков (умер пресвитером), который и отпевал его с епископом Григорием. Вместе с папой в церковь мы ходили всей семьей только к Светлой заутрене, причем всегда нам предоставлялся в храме Всех скорбящих Радости правый клирос в приделе преподобного Варлаама Хутынского.

За два дня до своей смерти папа велел привести к его смертному одру всех нас, восемь сынов и дочерей. Это было в ночь на Новый год. Всем нам дали по бокалу шампанского. Папа сам, конечно, не мог пить. Потом он каждого из нас благословил — перекрестил и поцеловал, прощаясь. Он хорошо сознавал, что умирает. Умер он со всеми христианскими напутствиями.

У каждого человека в памяти всегда сохраняются отдельные эпизоды, иногда они даже и не слишком значительны, но как-то так случается, что они врезаются в память и остаются в ней до гробовой доски. Помню, стояли мы рядом с Колей на коленях у гроба папы, еще до выноса его в церковь. Шла панихида. Ни Коля, ни я не глазели по сторонам. Мы были глубоко затронуты смертью отца и с наклоненными головами стояли, опустив глаза долу. И вот я вижу, как крупные слезы падают на пол из Колиных глаз. Он стоял недвижим, не пытаясь ни остановить слез, ни вытирать их... В левых руках у нас были свечи, а правыми мы крестились...

^[17] Чтение «суток». Так называлось чтение суточного круга последований богослужений. Назначенный читать «сутки» к концу чтения 9-го часа становился слева от чтеца, по окончании чтения оба делали взаимные поклоны и новый становился читать вечерню на место прежнего чтеца. Все читалось только посреди храма. На клиросе не читалось ничего. Читались последовательно: вечерня, повечерие с канонем Ангелу-хранителю (канон Спасителю и Божией Матери и акафист читались старшими братьями, а акафист и акафистный канон — служащим иеромонахом), полунощница, утренняя без канонов и кафизм (они читались другими), 1-й, 3-й, 6-й часы; за обедней при раздаче антидора — псалом «Благословлю Господа на всякое время». И кончались «сутки» чтением 9-го часа. Разовые чтецы назначались: из старших братий — читать каноны за повечерием и за утреней, и шестопсалмие. Из средних братий, в том числе рясофорных, — Апостол за обедней, Пролог за утреней. Из послушников, по преимуществу, — «сутки» (не праздничные) и кафизмы.

^[18] По праздникам в трапезе читали поучения или сказания старшие братия — манатейные монахи. В данном случае читал, очевидно, о. Патрикий. По поступлению и по постригу он был старше некоторых иеродиаконов и иеромонахов. Почему он не имел священного сана, я никогда не выпытывал у него. Он действительно был несколько замкнутым. Был старшим на правиле. Читал множество книг. Иногда в словах бывал резок. Помню, что-то грубоватое сказал он о. Нектарию, чем вывел его из равновесия. Это случалось на моей памяти два раза. Когда о. Нектарий расстраивался, он вы-

ражал свое неудовольствие особым способом, как и в этом случае. Тут же, в присутствии обидчика, он обратился к о. Афанасию (тоже уже старый) и произнес: «Отец Афанасий! Скажи о. Патрикию, что он невежа!» И быстро удалился. Впоследствии, когда о. Нектарий стал старцем, о. Патрикий пошел к нему с каким-то вопросом именно как к старцу. Вопрос какой-то был сложный, и о. Патрикий, как признавался, не думал, что о. Нектарий может его разрешить. Вернувшись от старца, он с изумлением сказал: «Как велика сила старчества! Отец Нектарий разрешил такой вопрос, который впору разрешить было бы только великому старцу!» Читать о. Патрикий мог очень хорошо, так как всегда вникал в суть читаемого и проникался чувством. Вот это-то и поразило так брата.

^[19] Отец Кукша. Из всех, кого я знал в Оптиной, самое лучшее и самое теплое воспоминание оставил во мне этот старый младенец. Когда мы поступали, он был манатейным монахом, четвертым по старшинству (Иоиль, Иов, Патрикий, Кукша), а потом — иеродиакон и иеромонахом. Превосходный уставщик. Начало полагал в Глинской пустыни, еще мальчиком. Кротость, детская простота, строгость к себе, нежность к другим, усердие к службам — исключительные его черты. Самый вид его был пленителен. Он со всеми был мирен, и его все любили. Особенно любил его батюшка Варсонофий. Вечная тебе память, блаженный старче!

^[20] Это единственный случай — как гость, а не как начальник.

^[21] Здесь — утрировка. Безразличия, конечно, не было; но, правда, брат относился к монашеству гораздо спокойнее, чем я. И я его тормозил, если так можно выразиться. Вот и вышло — «Брат от брата помогаем, яко град тверд!» Горе мое в том, что я середины никогда ни в чем не знал. Вот, при таком сопоставлении со мной, брату и пришла мысль сказать «безразличие».

^[22] Речь идет о келейнике и личном письмоводителе владыки Трифона, Михаиле Никифоровиче. В то время он только для формы носил рясу, без клобука, но впоследствии он скончался отцом Митрофаном, в сане игумена.

^[23] Тетя Лара и Коля. Мамина сестра, Лариса Лаврентьевна Цветкова, и Коля (Николай Николаевич) — ее сын. Была и дочь Катя. Тетя Лара рано овдовела, ей трудно было. Николушка, сам себя в раннем детстве почему-то называвший «Шкапчик», был не совсем нормален, но был добрым и хорошим парнем. Умер скоропостижно, в метро.

^[24] В верхнюю часть нового храма.

^[25] Пономарь о. Иван, —я с ним не один год работал на пономарском послушании. Жил он в келлии внутри старого храма, налево от входа во храм. Хороший он был монах (рясофорный), и мы с ним ни разу не ссорились. В 1930-х годах он в сане игумена Иоанникия заезжал в Пушкино к о. Михаилу Ежову. Жив ли он, — не знаю.

^[26] Пономарское послушание было для брата недолгим. Основное его послушание — письмоводитель Батюшки. Отец Герасим — прекрасный инок, скончался иеромонахом Гамалиилом.

^[27] Воля Господня в привлечении Николая Беляева к иноческой жизни бесспорна. К нему вполне приложимы слова Христовы: Не вы Мене избрали, но Аз избрах вы. В самом деле, еще до поездки в Оптину, за несколько месяцев, Коля и мыслить не собирался о монастыре. Мысли его были совсем о другом...

^[28] Братья мои, Коля и Сережа, вместе со всем классом за резкую демонстрацию были исключены из гимназии и с рядом товарищей готовились у нас на квартире к сдаче экзаменов на аттестат зрелости экстернами. Группа была небольшая, разнокалиберная. Много было и горячих разговоров, но много и пустой болтовни. Это все близко принимал к сердцу Коля, тогда как Сережа был более хладнокровным и занимался химией, которую чрезвычайно любил. А Колю все это стало заставлять более глубоко вдумываться в жизнь... Так наступил и прошел 1905 год.

^[29] Коля стал ходить в церковь Воскресения в Кадашах. Как-то я его спросил, почему он любит ходить туда. Я там до этого не

был ни разу. Он мне признался, что ходит туда из-за одной барышни, к которой равнодушен, и предложил мне пойти посмотреть на нее. Пошли. Барышня оказалась действительно прекрасная и внешне и, по-видимому, внутренне, по своему духовному устройению. Но на меня вдруг напал ужас, — иначе назвать это состояние я не могу. Я ушел от всенощной и взял слово с Коли, что и он туда больше не пойдет. Он туда больше не ходил.

^[30] О том, как брат пришел к монашеству. Он допускает некоторые неточности. Почему он, как и я, перестал ходить в свою приходскую церковь? По записи выходит, потому что был на всех озлоблен. Безусловно, это не так. Самого озлобления-то не было, а было отпадение сердечного внимания, влечения ко всему мирскому. Что сомнения во многом, касающемся даже вопросов веры, были, — конечно, верно. Об увлечении некоторой особой, «с которой даже не был знаком», я уже писал. Порвано это было сразу. Путь наш к монастырю был совершенно ясен. В данной записи все излагается, как будто все с ним происходило в каком-то одиночестве. А это не так! Да и другие записи иначе освещают этот вопрос. Бесспорно, колебания у брата были до самого поступления, каких, как это ни странно, у меня совершенно не было, и я не колебался ни минуты.

^[31] Володя, Сережа, Митра.

^[32] Все, кто мог, ежегодно ходили на покос в луга, между Оптиной и Козельском. Я это тоже очень любил. Сначала я работал только с граблями, а потом с косой. Научился неплохо косить и никому не мешал, идя в косяке косцов. Некоторые были в балахонах, некоторые в длинных рубахах, а кое-кто и в подряснике. Во время покоса все трапезовали не в Скиту, а в монастыре. Там пища была грубее, так как готовилась в большом количестве, а не на пятьдесят человек, как в Скиту. Она и по вкусу была очень отлична от скитской. Это разнообразило наш стол и имело своеобразную прелесть. Работали с раннего утра до позднего вечера. Хорошая это была пора!

^[33] Иеромонах о. Анатолий при нашем поступлении жил в Скиту. Его постоянно вызывали к посетителям, во множестве желавшим побеседовать с ним. Потому, как только скончался духовник о. Савва, иеросхимонах (единственный схимник, носивший схиму открыто), и его келлия в старой больнице при храме Владимирской Божией Матери освободилась, о. Анатолий был немедленно перемещен туда, где и старчествовал до конца дней своих, любимый всеми, в том числе и теми, которые между собою имели те или иные недоразумения. Истинно, дивный был это старец! Вечная ему память!

^[34] О товарищах брата: «Двое застрелились...» Помню, что застрелился один, фамилию его забыл. А другой после 1905 года был повешен — Морозов. Перерезан поездом был Саша Суворинский. Поехал летом на велосипеде к знакомым на дачу и при переезде через линию железной дороги попал под поезд. Его мать, Александра Федоровна, была просфорней в нашем храме. Жили они после смерти отца Саши, священника, довольно скудно. Родной дядя Саши, Сергей Федорович Богословский, у нас в храме в то время был диаконом. Впоследствии он был и священником у нас же в храме, до смерти. Отпевали Сашу очень хорошо. Не думаю, чтобы он был неверующим. Так просто, по веянию времени, говорил лишнее. Вместе с братом они готовились к экзаменам на аттестат зрелости. Мне он нравился.

^[35] Епископ Никон (Рождественский, 1851—1918). Весьма выдающийся архиерей. Он не имел академического образования. Многие годы был иеромонахом в Троице-Сергиевой Лавре, где и получил сан архимандрита. Энергии и ревности по вере был необыкновенной. Писал много, подписываясь «Троицкий инок». Был основателем издательства «Троицкий Листок» (листки, брошюры, литографированные образочки на бумаге и т. п.). Митрополит Владимир испросил в Синоде разрешение хиротонисать его в викарии себе, епископом Серпуховским. Вскоре он был переведен в Вологду, затем ушел формально на покой, а фактически — для руководства издательской деятельностью Лавры. Уже на покое (в 1912 г.) получил сан архиепископа и назначен членом Святейшего Синода. Он созы-

вал монашеский съезд, на котором были о. архимандрит Ксенофонт и батюшка Варсонофий, и председательствовал на съезде.

^[36] О том, что монах — это битые черепки, которые склеиваются только за гробом, Батюшка много раз говорил, — всегда, когда находила скорбь о своей неисправности.

^[37] У брата была единственная крестница. Когда-то ее мать, Софья Егоровна Козлова, служила у нас няней, и они были с сестрой Любой неразрывными подругами. Когда она вышла замуж и родилась у нее дочь, то крестили ее Коля и Люба. После, овдовев, она еще раз вышла замуж, и жила неплохо. Конца ее не знаю...

^[38] Когда дедушка умер, Коле было не 11—12 лет, а шел четырнадцатый год, а мне двенадцатый... «Окамененного нечувствия» у Коли и после не было, а была большая сдержанность.

^[39] Посещение келлий Божией Материю через чудотворный образ Ея Калужский происходило так. С пением тропаря и других священных песнопений молебных святую икону несли кто-либо двое из братий, в предшествии диаконской свечи или фонаря, если было ветрено, и в сопровождении иеродиаконов с кадилом и иеромонаха (иногда только иеромонаха), от одной келлии к другой. Тут же было и большинство скитских братий, в том числе и поющих. Войдя в келлию, отслуживали ектению о здравии посещаемого, который прикладывался к святой иконе и окроплялся святой водой, также и все в келлии.

^[40] Юродивый Митенька был непонятной для меня личностью. Меня уверяли, что это — сын бывшего старшего келейника старца Амвросия, иеромонаха Михаила, который расстригся и женился. Так ли это, — уверенно не могу сказать. Для истинно Христа ради юродивого он был слишком в почете, и для окружающих был источником обогащения. Такова была внешность этого, по медицинскому определению, ненормального человека, а внутреннего духа я не знаю и высказать о нем какого-либо верного мнения не могу и не имею никакого права.

^[41] Яша (Яня) Васильев был очень болезненным. У него было две дочери. Одна из них на его глазах, еще маленькой, утонула, и он спасти ее не мог. Другая дочь его, Таня, и сейчас жива, живет с матерью, Соней, бывшей Комановой, теперь слепой. Я спрашивал у его сестер, правда ли, что Яня был безбожником? Они этого не подтвердили. Сказали, что он умер верующим.

^[42] При поступлении в Скит нам был предоставлен отдельный корпус, «Золотухинский», из четырех комнат: брата, моя, Ивана Галанова, общая, и с терраской. Корпус и сейчас цел. Находится он в юго-восточном углу Скита. Перешли мы в корпус, расположенный прямо на юг от алтаря Предтеченской церкви, сзади, несколько юго-восточнее, корпуса, в котором жил о. Нектарий. У меня было два окна, одно на запад и одно на север. У брата было одно окно на запад. Печка общая.

^[43] Интересна судьба маминого отца, а моего дедушки Лаврентия Ивановича Швецова (умер 14 января 1902 г.). Его круглым сиротою на улице подобрал некий гражданин и пристроил работать мальчиком в своей железной лавке на Балчуге. Был он одинок и, видя исключительную добросовестность и религиозность приемыша своего, завещал ему по наследству свою торговлю. Дела у дедушки шли очень хорошо, стало у него три лавки. Был он многие годы церковным старостой в храме святых Константина и Елены в Кремле (внизу на спуске, налево от Спасской башни). Сначала там долго был настоятелем о. Валентин Николаевич Амфитеатров, который очень, очень часто бывал у нас дома, даже и после того, как был переведен настоятелем Архангельского собора. Много раз он служил у нас дома всенощную, так как бабушка, Мария Степановна, сколько я помню, по болезни не имела возможности никогда ходить в церковь. После о. Валентина в храме у дедушки священником был о. Иоанн Васильевич Рождественский, который был так же близок к нашей семье, как и о. Валентин. В церкви святых Константина и Елены была дивная чудотворная икона Нечаянной Радости (кажется, она сейчас находится в храме в Телеграфном переулке), и потому эта икона в нашей семье всегда была особенно чтима. Между прочим, в Кремле, тоже внизу, была церковь

Благовещения Божией Матери на Житном дворе, у которой колокольней служила одна из башен Кремлевской стены. В этой церкви тоже была чудотворная икона «Нечаянная Радость», которая сейчас в храме Илии Обыденского. Дедушка был очень благочестив и богомолен. После его смерти в конторке, за которой он сидел в лавке в маленькой комнатке, нашли несколько Псалтирей, зачитанных до полной негодности.

Много раз к нам привозили из Успенского собора святыни — Гвоздь Господень и Ризу Господню. Когда святили воду, то святой Гвоздь опускали в нее. Однажды, когда все духовенство после молебна сидело за столом, я в другой комнате, где перед тем служили, подошел к столу со святынями, внимательно и подробно рассмотрел под стеклом ризу Господню, а ковчег, в котором находился святой Гвоздь, открыл. Гвоздь вынул, внимательно изучил, поцеловал и снова положил на место. Было это, когда еще дедушка был жив, так что мне было не более 10—11 лет. Все это я проделал не с дерзостью, а с истинным благоговением.

К нам дедушка был всегда добр, хотя и строг. Запомнились мне его некоторые слова. Так, например, он говорил, что чужая копейка, внесенная в дом, как пожар, сожжет его. Говорил о том, как неправильно иногда говорят: не обманешь — не продашь. «Я вот, — говорил он, — за всю мою жизнь никогда никого не обманул ни разу, а дело мое шло всегда лучше, чем у других»... Дедушка проболел перед смертью примерно полгода и тихо скончался так же, как и папа, от рака, только в желудке. Кончина его была истинно христианской.

Бабушка, Мария Степановна, скончалась через полгода после дедушки. Она была очень больна много лет. Живот ее был необычайно огромен. Когда она сидела, то он лежал у нее на коленях, как шар. После смерти мама надела на нее подвенечное платье, и в гробу она лежала тоненькая, как девочка. Была она очень нервная и с некоторыми причудами. Были у нее выделяемые ею из всех любимцы: старшая сестра Любочка, Коля и я. Помню, что она хотела, чтобы я, сидя около нее, гладил ей руку. А мне хотелось бегать, играть (умерла она летом на даче, 31 июля). Однако я терпеливо сидел у нее, даже еще накануне смерти. Умерла она тоже тихо, по-христиански.

^[44] Накануне дня моего рождения, 3 ноября, совершается память святых мучеников Акепсима епископа, Иосифа пресвитера и Аифала диакона. Во время описываемого сегодня пострига всем троим постригаемым о. архимандрит Ксенофонт дал имена этих трех святых. Помню, что все они были певчими на правом клиросе, причем о. Иосиф был регентом. Впоследствии все они были иеромонахами. Очень запомнилось мне, что о. Архимандрит при пострижении одного из них назвал Аифалá, особенно налегая на последнюю букву «а», которую добавил от себя к имени Аифал.

^[45] В те времена много толковали о спиритизме, о вызывании душ умерших людей и т. п. Пришла и нам мысль заняться этим делом. Как мало мы тогда еще в подобных вещах разбирались! Взяли большой лист бумаги, в разбросанном виде изобразили на ней все буквы и цифры, очертили один угол. Потом взяли, опрокинули блюдце, начертили на нем полоску, положили на отчерченный угол бумаги. Сели друг против друга под углом и пальцами рук прикоснулись к блюдцу. Так держали мы, пока блюдце не стало двигаться. Чем дальше, тем быстрее. То просто оно ходило и бежало по бумаге, то останавливалось черточкой у какой-либо буквы. Я знаю, что я Колю не обманывал, и, что он меня не обманывает, я также был убежден. Сначала не получалось ничего серьезного, ничего не значащие слова. Потом было набрано что-то такое, что нас взволновало (все это мы всячески старались после забыть). Мы встали на колени и усердно помолились и снова сели к блюдцу. Долго блюдце стояло, потом начало носиться быстро, и — раз, за угол. Мы — снова, и опять такая же история. Тогда мы, как к живому, обратились к блюдцу с требованием объяснить, в чем дело. Ответ: «Не могу». — «Почему?» — «Потому, что вы верующие». Перед тем еще называлось какое-то мужское имя и фамилия, и блюдце говорило, что «я здесь жил, а теперь мучаюсь» и т. п. Вообще мы испугались общения с сатаной. Сожгли бумагу, блюдце вымыли, а может быть, и разбили, — точно не помню, и стали на молитву. Больше опыта не повторяли.

^[46] Николушка-Шкапчик не один раз приезжал погостить в Оптину. И опять уезжал. Первое время его привозил и увозил кто-

нибудь. На этот раз тетя Лара приезжала с дочкой Катей, сестрой его.

^[47] О скуке по праздникам. Верно, что все люди в христианские праздники чувствуют скуку и какую-то пустоту. Только занятия молитвой, духовным чтением, а главное — посещения церковного Богослужения прогоняют скуку и не оставляют никакой пустоты. Характерно, что даже и неверующие люди ощущают эту скуку и пустоту. Ищут заполнить ее театрами, попойками, хождением по гостям, и все же пустоту не заполняют, и скуку не отгоняют. Поэтому по праздникам и бывает большинство ссор и всяких неурядиц в семьях. И это не оттого, что люди пьют, как обычно объясняется это явление. Ссоры бывают и тогда, когда и вовсе не пили, и даже среди тех, кто и вовсе не пьет. Душа голодает и томится, а понять этого никто не хочет. А если и знают об истинной причине, то всячески стараются уверить и других, и самих себя, что это не так. Но факт остается фактом. А спорить с фактами дело никак не умное!

^[48] Кирилл Зленко — вот имя, которое мне до сего времени так же дорого и близко, как имена брата, о. Кукши, о. Геронтия. Се человек! Се воистину Израильтянин, в нем же лести несть! Он был личным письмоводителем у Батюшки. Сменил его брат Николай, а того сменил я по переселении Вавилонском, сиречь Голутвинском. Его нельзя было не любить и не уважать, и не преклоняться перед его кристально-чистой душой. Долго длилась его военная служба среди соработников, чуждых духовной жизни и нравственности. Но к нему, как к ртути, никакая грязь не пристала, и ничто не вознесло его мыслей о себе. Всегда он искренно считал себя ниже других, как та же самая ртуть. Вернулся он с военной службы только в Голутвин. Там нужно было заниматься и монастырским письмоводством, и старческой перепиской. Теперь мне это странно, но по приезде Кирюши я просил Батюшку освободить меня от его писем и передать их Кирюше, а за мною оставить казенную переписку. Батюшка никак не согласился и на официальную монастырскую переписку поставил Кирюшу. Моими писаниями Батюшка был доволен. Истинно, когда надо и Богу угодно, то и ослица может из-

рекать волю Его. Помню, как-то одно письмо особенно угодило Батюшке. Он привлек к себе мою голову, благословил и поцеловал ее, сказав при этом: «Благодатная головка!..» И был Кирюша при Батюшке во изгнании со мною и о. Григорием Ермаковым (впоследствии иеромонахом о. Геронтием) до самой его кончины, когда только мы трое стояли у смертного ложа его. Потом все трое вместе с гробом Батюшки вернулись в Оптину.

^[49] Со времени письмоводительства брата он не только стал пить чай с Батюшкой, но и вообще почти всегда находился у него. Я его по целым дням только мельком видел. Для меня это оказалось бесполезным, так как я остался совсем один в смысле того, чтобы поделиться теми или иными своими переживаниями. Это, по-видимому, и послужило причиной моего сближения с только что поступившим в Скит послушником Михаилом Ежовым, на восемь лет старшим меня. Для брата моего новый порядок его послушания и всей жизни оказался, да и не могло быть иначе, благотворительным. В древние времена у старца не бывало множества учеников, а единицы. Причем жили они вместе, так что все помыслы имели возможность немедленно открывать старцу и во всем своем поведении исполнять волю не свою, а старцеву. Так и возникали новые старцы. Когда Димитрий Брянчанинов был келейником старца Льва, он был неотступен от него, не имел своей воли, но волю старца, как в древности. Когда же о. Лев переселился в Скит Оптинский, Димитрий только мельком видел его, и то не каждый день, он покинул своего старца и до конца жизни взывал горько: «Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный!» И воистину великое горе, что нет старцев в действительно необходимом количестве. Они оскудели... Отсюда и овцы, не имея пастыря близ себя, блудят по стремнинам и непроходимым местам. Но истинно, блажен тот, кто обретет своего старца, — пойдет от силы в силу. Еже и сбытиса с братом моим.

^[50] Преподавателем Закона Божия у нас был священник, настоятель церкви Иоанна Предтечи на Пятницкой, о. Петр Петрович Сахаров (умер митрофорным протоиереем, настоятелем собора Василия Блаженного). Ко мне он благоволил. Поэтому я однажды

и обратился к нему за разъяснением мучившего меня вопроса о происхождении зла. Он предложил мне как-нибудь зайти еще к нему на дом, и мы с Колей пошли к нему. Два основных вопроса предложили мы ему. Первый — о происхождении зла, и вразумительного ответа не получили. Второй вопрос: посоветует ли он нам пойти в монастырь. Эта мысль меня уже давно занимала, для Коли она была нова. И если посоветует, то куда. Надо сказать, что о. Петр не имел никаких наклонностей к монашеской жизни, — так мы все считали по его внешним поступкам. Но мы просто не знали, к кому бы обратиться. Отец Петр вздохнул и сказал нам, что он в этом вопросе мало сведущ, но что у него есть товарищ по Духовной Академии, епископ Трифон, с которым он и предложил нас познакомить. Мы охотно и с радостью согласились.

Вот до каких вопросов мы с Колей уже дошли! Правда, о монашеской жизни мы не имели ни малейшего представления. Вернее, имели совершенно дикое представление. Нам казалось, что нам придется чуть ли не голодать, и очень-очень много молиться в церкви. О чем-либо другом мы не помышляли, а эти два вида монашеской жизни мы готовы были принять с полным самоотвержением.

Интересна одна деталь. Среди всевозможных книг, дедушкиных и папиных, я нашел справочник под названием «Вся Россия». Между разного рода справочными материалами там было перечисление всех монастырей Российской Империи. Еще до того, как мы обратились к о. Петру, я порезал на отдельные кусочки весь перечень монастырей, и мы с Колей из общей массы решили вытянуть тот монастырь, куда нам уйти. Помолились и потянули жребий. Вытянулось — «Козельская Введенская Оптиная Пустынь Калужской губернии», а на другой стороне что-то другое, тот монастырь я позабыл. Когда мы ходили к о. Петру, то все же спросили его, не знает ли он что-нибудь об этих монастырях? Возможно, что упоминание нами об Оптиной Пустыни и привело его к мысли познакомить нас с владыкой Трифоном, так как он хорошо знал, что Владыка — Оптинский постриженец. Случай этот поистине замечателен! В нем явно видна рука Промысла Божия.

^[54] О причте нашего приходского храма «Всех скорбящих Радосте», или, как общепринято говорить, «у Скорбящей», следует

сказать несколько слов. Уже с первой половины XIX столетия настоятельствовали в храме Ляпидевские. Сначала был протоиерей Павел Степанович, затем его сын, Сергей Павлович, который умер почти сразу после дедушки, в начале 1902 года. Служил этот уже древний старец прекрасно. Это был наш первый духовник. И я, бывает так, навсегда сохранил в своей памяти: кончается всенощная, в храме почти темно, в открытых Царских вратах о. Сергей, благословляющий народ, весь белый, величественный. При нем как редакторе-издателе выходил духовный журнал «Кормчий», который я очень любил. Выходил он и при сыне его. Особенно хороши были приложения — листки и крохотные книжечки.

Когда умер дедушка, о. Сергей лежал уже на смертном одре, и из Ставропольской епархии был вызван к нему его сын, молодой еще священник, о. Семен Сергеевич. Он и напутствовал дедушку. Потом он остался служить на месте отца своего. К нашему дому был очень близок, мама крестила его младшего сына. Многие бранили о. Семена Сергеевича за то, что он несколько театрально служит, в том числе и Коля. Я же этого как-то не замечал, хотя всегда бывал в алтаре. Видел я, как благоговейно он служил Литургию, особенно в момент пресуществления Святых Даров. Коля входил в алтарь только когда надо было помочь, а большую часть службы стоял на клиросе. А я — почти все время в алтаре во время обедни.

Вторым священником был о. Иоанн Егорович Розанов. Имелось изданных значительное количество листков и брошюр за подписью «Диакон Иоанн Розанов». Был он высококультурный (в лучшем смысле) человек. Великолепно знал и духовную, и светскую литературу. Собеседник был преинтереснейший. К нам он приходил вечерами, раза два в месяц, и я всегда истинно наслаждался его беседой, хотя сам почти всегда молчал, а только слушал. У него была какая-то непутная жена, которая ушла от него, оставив ему сына. Поэтому, несмотря на свои достоинства, до пятидесяти лет он оставался только диаконом.

Диаконом был у нас и о. Сергей Феодорович Богословский, которого я помню еще псаломщиком. Очень хороший, не мудрствующий лукаво человек. После смерти о. Иоанна Егоровича он стал

у нас священником. Старшим псаломщиком и главным учителем нашим по пению на клиросе и чтению был Иван Иванович Светинский, о котором у меня навсегда осталось теплое воспоминание. Был он еще холост, и только после нашего ухода в Оптину сделался священником в церкви апостола Филиппа на Арбате, в Афанасьевском переулке. После этого я видел его мельком два раза, один раз за обедней, которую он служил. Скончался он в начале 50-х годов митрофорным протоиереем. Младшим псаломщиком был Николай Алексеевич Никитский, тоже кончивший семинарию. Сбивал его с пути его братец — атеист, изуродовал ему всю жизнь. Впрочем, как мне говорили Васильевы, скончался он по-христиански, мирянином.

Был у нас трапезник, старичок Михаил Степанович. Я о нем забыл было совсем, вылетел из памяти. Только на Михайлов день 8 ноября 1958 года возник у меня в памяти совершенно неожиданно, как живой, после пятидесяти одного года забвения. Теперь я его всегда поминаю.

Служба у нас в храме была не затяжная. Не знаю почему, но из всей Москвы только у нас в храме поздняя обедня начиналась в 11 часов. Говорили, что это ввел еще митрополит Сергей (Ляпидевский), кажется, брат о. Сергия Павловича. Служили не торопясь, но и не затягивая. После обедни всегда был молебен Скорбящей Божией Матери, почти всегда с акафистом (несколько сокращенно), и непременно с пением нами на клиросе канона «Скорбных наведения обуревают смиренную мою душу».

^[52] Отец Семен Сергеевич впервые ввел беседы каждое воскресенье, после вечерни. Мы с Колей и Любой всегда ходили, и любили это. Хотя, — таинственное это дело, — очи ума нашего до какого-то времени держастесь, да не познаете всей глубины веры и христианской жизни, как и у большинства мирян. Но, конечно, все это капало и капало, и пробивало камень, дондеже не пробило! И всегда с любовью поминаю я наставников наших того времени, иже глаголаша нам слово Божие.

^[53] Брат пишет, что монастырская служба ему не по душе и, в частности, нотное пение. Про себя я не скажу этого. Служба в мо-

настыре мне очень нравилась. Конечно, несколько развлекало и нарушало повседневный строй жизни многолюдство монастырское. Нотного пения я никогда не любил и сейчас не люблю, но тут я должен оговориться. В Оптиной «нотность» как-то не замечалась, а просто было изумительно стройное, торжественное пение монашеское — без женских голосов. Помню, один раз в Казанском соборе в Оптиной, за всенощной, я ушел на хоры. Запели догматик, не помню уже какого гласа. По мне точно электрический ток прошел. Я весь превратился в слух, — такое было дивное пение! После службы узнаю: на клиросе появился Создательев. Я никогда не видел этого человека. Говорят, что он учился в семинарии, но по духовной линии не пошел, так как пил горькую. Обладал изумительным талантом. Ноты он «подправлял», и простому пению придавал чудную красоту. А когда он сам становился на клирос как регент, то все пение поднималось на необыкновенную высоту. Когда он бывал трезв, он от храма не отходил. Непостижимы судьбы Божии, — Создательев умер от запоя. Имени его я не помню, а жаль. Ту всенощную я никогда не забуду.

^[54] Закупщик ездил ежедневно из монастыря в Козельск и выполнял все поручения, которые ему давали отдельные братия. Трудная должность и внешне, и внутренне, духовно. При нашем поступлении закупщиком был о. Пафнутий, а потом о. Георгий (Гурий).

^[55] В 1907 году нам с братом неоднократно приходилось беседовать с ним. Говорить он очень любил и умел. Очень интересны были его рассказы об о. Амвросии и о тигре, бежавшем из зоопарка, — как он бежал от осенения его образом Казанской Божией Матери. Самого тигра он при этом изображал неподражаемо. Был он уже очень стар.

^[56] Меня отправили в больницу — у меня оказался большой упадок сил от переутомления. К тому же я, помнится, поел несколько черного хлеба с лампадным маслом. Вот и скис. Никитушке Баркалову я никогда ни в чем не открывался. По-видимому, он заметил мое кислое состояние, спросил меня, и я ответил, что плохо себя чувствую. В унынии я ему не открывался. Да что-то и не

помню, чтоб оно было. Я говорю, конечно, о действительном унынии. Тогда я не испытывал ни уныния, ни скуки.

^[57] Наше обращение за советом к о. Петру было следствием длившейся уже несколько месяцев большой внутренней деятельности и борьбы. Сердца наши еще с конца 1906 года, даже с половины 1906 года, оторвались от всего, что нас окружало. Появилась ненасытная жажда молиться. Канарейки мои мне стали мешать, и я их всех раздарил. Посещение церковных служб стало для нас необходимостью.

Раньше к обедне я очень любил ходить в храм Христа Спасителя, теперь я туда не ходил. Там было слишком многолюдно, торжественно. Сосредоточиться в себе было трудно. Храм Василия Блаженного, Казанский собор, иногда Благовещенский собор, церковь Варвары Великомученицы на Варварке — вот были наши обычные места для молитвы. А в последние месяцы Чудов монастырь стал нашим любимым местом, где мы изливали свои души. Несмотря на нашу все усиливавшуюся близость, когда все мысли, желания, чувствования у нас были буквально едины и мы делились всеми ими друг с другом, как-то само собою, без каких-либо мыслей о том, что это нужно, несмотря на все это, в церковь мы большей частью ходили не вместе, а если и вместе ходили, то не всегда стояли рядом. Почему это так, я не знаю.

Читали мы в это время больше всего св. Евангелие и Апостольские послания. Псалтирь не читали, почему, — не помню. Все — на русском языке. *Ныне к вам спасение ближе, нежели когда вы уверовали. Ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших. Темже да изыдем к Нему вне стана, поношение Его носяще. Бог поругаем не бывает. Страшно впасть в руки Бога живаго. Остави мертвых погребсти своих мертвецов. Возьми крест свой и по Мне гряди.* Такие словеса как гром поражали нас и не умолкали в сердцах наших. Рвать, скорее все рвать с миром и бежать от злоб мирских. *Изыдите от среды их и отлучитесь, и нечистоте их не прикасайтесь, и Аз прииму вас,* — глаголет Господь.

^[58] Коля был несколько спокойнее, но я места себе не находил. Оба мы ощутили жгучую необходимость исповедаться и причас-

титься. Это было у нас первое сознательное желание очиститься и соединиться с Господом. Для исполнения своего делания мы избрали Чудов монастырь, где вся служба всегда совершалась очень чинно, по-монашески, во главе с настоятелем архимандритом о. Арсением (потом епископом). Мы никого там не знали и попали на исповедь к иеромонаху, о. Серафиму (умер он архимандритом — это для поминовения). Он очень сердечно и хорошо отнесся к нам. Исповедь была истинная, действенная. И навсегда у нас осталось об о. Серафиме теплое воспоминание.

Знаменательно, что готовились мы ко Причащению Святых Таин 1-го февраля 1907 года, в день памяти св. мученика и чудотворца Трифона. Истинно, не без его помощи привел нас Господь познакомиться с владыкой Трифоном, нашим молитвенником навсегда. Приобщались мы в день Сретения Господня. Дивные сретенские напевы и песнопения глубоко запали в сердце. И сейчас это мой самый любимый праздник. В те времена наша исповедь и приобщение в мясоед были необычным явлением. Тем более это было необычно для двух молодых людей, так как молодежь старалась бравировать неверием.

После принятия Святых Таин связь с миром фактически порвалась. Я даже перестал ходить в гимназию. Написал товарищам письмо, в котором, думается, написал много и лишнего. В частности, неуважительно отозвался о самом учении, тогда как едино есть на потребу. Но тогда мне все, решительно все, казалось ненужным сором.

^[59] Это не так. Тяжелое состояние духа у меня было следствием пребывания в миру, который лишал меня того тихого радостного состояния, которое я испытывал в Оптиной. Мне невыносим был мир, и батюшка о. Иона, старец большого, любвеобильного, чуткого сердца очень хорошо это видел. Поэтому он и советовал нам скорее все порвать с миром. Брат в то время был очень спокоен и не очень понимал мое состояние. Вот и спутал он причину со следствием. Отец Иона для меня всегда оставался во дни моих скитаний и мук едва ли не единственным человеком в мире, который так тепло, так сердечно скорбел со мною и за меня и оказывал мне величайшую поддержку в трудные минуты. Вечная, благодарная память тебе, святой отче!

^[60] Храм св. великомученицы Варвары на Варварке был и до Оптиной одним из любимых моих храмов. Помню, еще мальчиком я ехал на извозчике с о. Семеном Сергеевичем Ляпидевским к нему на дачу в Тарасовку. Проезжая мимо этого храма, он много говорил мне о святой великомученице, что она помогает в учебе и избавляет от напрасной смерти. Советовал ходить в этот храм и прикладываться к ее св. мощам. В Китай-городе великое множество церквей. Поэтому за всенощной храм этот был всегда полупуст и всегда в полумраке. Этого-то мне и надо было. Ходил я и любил поклоняться и лобызать св. мощи. В ковчеге был один только палец св. великомученицы и на нем перстень. После возвращения из Оптиной в первый раз я привлек к этому храму и брата.

^[61] События излагаются правильно, но думается мне, что не так называет брат свое тогдашнее состояние, как было на самом деле. Возвратясь первый раз из Оптиной, брат, правда, стал много спокойнее, чем до поездки. Но никак невозможно сказать, что он стал безразличным. Я-то знаю до мелочей его тогдашнее состояние, ибо между нами все было открыто и не было никаких тайн! Мысль о необходимости уйти в монастырь у него была нерушимой. О том, чтобы можно было остаться в миру, ему и в голову не приходило, так же, как и мне. Просто по своему характеру он меньше, чем я, томился мирской суетой, и для него не был ясен вопрос, нужно ли немедленно уходить или подождать. Почему он так думал, — он не давал себе отчета. Зов Божий был для нас обоих очевиден. Видимо, в какой-то степени его наводили на такие мысли возникавшие препятствия, в частности, нежелание о. архимандрита Ксенофонта на принятие именно его. Об этом он часто говорил, но не возражал, когда я замечал ему, что отказ-то ведь не окончательный, а просто вызван желанием испытать нас. Вот он и выжидал, сам не сознавая чего. Несомненно, тут сказывалась его природная осторожность и спокойствие, чего я совершенно был лишен.

^[62] Манатейный монах о. Иоиль (Иван Иванович Токарев) был одним из самых примечательных людей не только в Скиту, но и в монастыре, и в Шамордине, и во многих иных обителях. Родом он был из Тамбовской губернии. Владел огромным мельничным пред-

приятием, вокруг которого выросло большое село. (В настоящее время Токаревка — районный центр Тамбовской области, крупный железнодорожный узел. Здесь находятся предприятия, принадлежавшие некогда И. И. Токареву, составляющие ныне огромный механизированный мельничный завод-комбинат.) Был Токарев женат, но, овдовев, как-то приехал к старцу Амвросию и просил благословения жениться второй раз. Старец этого никак не благословлял и советовал ему поступить в монастырь. Молодой Токарев не принял его совета. Старец предупредил его, что монахом он должен быть, и если сейчас поступит, то будет не простым монахом, а высоко продвинется по иерархической лестнице; если же женится второй раз, то опять овдовеет; тогда, придя в монастырь, он на всю жизнь останется простым монахом. Токарев женился, овдовел, пришел в Скит и, по пророчеству старца, навсегда остался только простым монахом. При постройке Шамордина был главным доверенным лицом о. Амвросия и руководителем строительства. Был очень почитаем всеми и при старце Иосифе, в бытность его скитона начальником был его правой рукой и фактически руководил всем хозяйством и Скита, и Шамордина. К батюшке Варсонофию особого благоволения не имел. Очень любил гостей. Будучи мирскими, мы были им несколько раз приглашаемы на чай с медом со скитской пасеки, где он жил и которой заведовал. Жил он в том самом корпусе, где когда-то жил основатель Оптинского старчества о. Леонид, в схиме Лев.

^{163]} Отец Исаия — иеромонах, духовник Шамординский и монастырский. Мне с ним не приходилось ни одного раза беседовать, а только принимать при встрече благословение, которое он преподавал всегда с приветливой улыбкой. Брат Михаил Ежов беседовал многожды с о. Исаией в своем обычном непринужденном тоне. Однажды они встретились в скитских Святых вратах. Отец Исаия был у старцев и возвращался к себе, в монастырь. Брат Михаил, приняв благословение, в виде приветствия пропел: «Яко виде Исаия на престоле превознесенна Бога...» Что-то еще друг другу сказали и разошлись. Через 20—30 минут из монастыря раздались удары колокола, извещающие о смерти какого-то иеромонаха. Оказалось, что, придя в свою келлию, о. Исаия сел на стул и скончался. Упокой, Господи, душу его!

^[64] Записана одна из сравнительно редких наших общих бесед с Батюшкой и братом. Я точно не помню, почему я стал многих усопших помянуть, в том числе и непрославленных подвижников. Ко времени этой беседы я уже многих поминал. Батюшка на этом вопросе особенно остановился. Мой обычай он очень одобрил. Благословил и брату также помянуть покойных. Он считал, что это непременно привлечет на нас молитвы тех, за кого мы молимся, и они примут нас в вечные кровы свои. Говорил Батюшка и о необходимости призывать в своих молитвах тех святых, память которых связана с важными событиями в жизни нашей. И поныне эти наставления Батюшки я тшусь по вся дни с любовью исполнять, и поистине верую, что если еще я не на дне адовом, то исключительно по святым молитвам молящихся о мне угодников Божиих и людей, поминаемых мною, и живых, и умерших.

^[65] Елка у нас всегда ставилась очень высокая и убиралась она с раздвижной лестницы. Задолго до нее мы помогали маме готовить украшения. Клеили рожки и коробочки из золоченой бумаги и нитки к ним. Даже золотили грецкие орехи сусальным золотом и т. п. На елку обычно, кроме родных и знакомых, но отдельно от них, приглашались дети небогатых соседей и домработниц. Причем нам внушалось, что между нами нет никакой разницы, — они такие же дети, как и мы. Да мы и действительно никогда и в мыслях не имели, что люди благодаря своему общественному положению могут быть чем-либо достойнее других, или наоборот. Очень любили мы в эти времена петь песенку: «Вечер был. Сверкали звезды, на дворе мороз трещал. Шел по улице малютка, посинел и весь дрожал...» Поэтому мысли Коли о бедных детях очень понятны и свойственны едва ли не всем нам. Помню еще одну песню, которую мы все любили, но особенно часто пела ее Люба:

Был у Христа-младенца сад,
И много роз взрастил Он в нем.
Он трижды в день их поливал,
Чтоб сплесть венки Себе потом.
Когда же розы расцвели,
Детей еврейских созвал Он.

Они сорвали по цветку,
И сад был весь опустошен.
— Как Ты сплетишь Себе венок?
В Твоем саду нет больше роз!
— Вы позабыли, что шипы
Остались Мне, — сказал Христос.
И из шипов они сплели
Венец терновый для Него,
И капли крови, вместо роз,
Чело украсили Его.

Очень любили мы слушать, как Соня читала нам «Хижину дяди Тома». Истинно скажу, что мы никогда даже не понимали, что может быть какая-то разница между людьми по расе, национальности, имущественному положению и т. п. В нашей семье такие взгляды были никому не знакомы, непонятны и чужды.

^[66] Родители наши были русские православные люди, веровавшие без всяких лукавых мудрований. Старшими из детей были Люба и Надя. До меня включительно мы все были погодками, последние два брата после меня рождались через два года каждый. Братья старшие были: Володя, Коля, Сережа и затем я. Моложе меня — Митроша и Алеша. Всех нас, кроме Алеши, крестили в церкви Ризы положения (Положение в Москве ризы Господней) на Донской. Эта церковь в неприкосновенности сохранилась и сейчас.

В моей памяти не сохранилось ничего из времени жизни на Донской, откуда мы затем переехали на Якиманку. Я очень хорошо помню комнату с колоннами посредине (кажется, две колонны), в которой мы всегда играли. Чтобы мы не валялись по непокрытому полу, нам обшивали ситцем широкий войлок и набитые ватой такие же подушки. Для игры это давало нам широкое поле деятельности. Один раз мы выдумали игру в избивание младенцев. Осложнение произошло в том, что никто не хотел быть Иродом. Наконец, договорились, что бросим жребий, и на кого он падет, — «чур, не отказываться». Жребий пал на Колю. Он подчинился и начал прилежно «избивать» нас, «младенцев», причем это избивание происходило совсем безболезненно.

В свое время папа много помогал дедушке Лаврентию Ивановичу в его коммерции. Впоследствии дедушка, видя трудное положение нашей семьи и идя навстречу желанию бабушки Марии Степановны иметь постоянно при себе свою любимую дочь Верочку (маму), уговорил папу переехать к ним для совместного проживания, для чего была очень пригодна большая, прекрасная квартира на Большой Ордынке, в приходе церкви Божией Матери «Всех скорбящих Радости». С этой квартирой и с этим храмом и связаны наши главнейшие воспоминания.

Квартира, как я сказал, была очень обширная. В частности, был большой зал, куда нам часто разрешалось ходить для игры. Большей частью играли в комнате старших мальчиков и Митры. Рядом с этой комнатой была комната мамы, папы, меня и Алеши. Девочки тоже имели отдельную комнату.

Впоследствии, когда дедушка и бабушка Мария Степановна умерли, папа с мамой и Алешей перешли в их комнату. Другие мои братья — Володя, Коля, Сережа и Митра — переселились в дедушкин кабинет и смежную с ним комнату, а я остался один в прежней комнате. В бывшую детскую, мальчиковую, переселилась бабушка Пелагея Григорьевна.

Мне была предоставлена отдельная комната, потому что я обзавелся канарейками, которых у меня развелось более тридцати штук. На двери и на окне были сделаны решетки, и все мои желтенькие птички свободно летали по всей комнате. Бывало, когда я вхожу к себе, они стаяй слетались ко мне и садились и на плечи, и на протянутые руки и даже на голову. Пение при этом было совершенно неистовое! Я блаженствовал!

¹⁶⁷¹ Что верно, то верно, — в гости хотелось кое-кому к нам придти, но это желание скоро у всех отпало, так как с нашей стороны сочувствия не встретило, и это все поняли.

Относительно того, что братия смотрели на нас несколько иначе, чем на всех. Мне кажется, что дело здесь не столько в каком-то воображаемом нашем высоком положении в миру, а в том, что мы несколько ближе были к «начальству». Особенно это относилось к брату. Со мной братия были проще, а скоро и ничем меня от себя не выделяли, ибо я нес все послушания наравне с ними

и ничем не особился от них. Помнится мне, что надо было что-то сделать в саду, и главный наш садовник, старейший монах о. Иов (его особенно любил владыка Трифон), поручил что-то сделать послушнику — привратнику, старцу Алексею Егоровичу (впоследствии монах о. Гермоген). Тот перехватил нас с братом, а когда брат сказал, что ему некогда, то услышал в ответ: «Все равно ведь ничего не делаешь, только пинешь!..»

^[68] Иеромонах о. Илиодор — благочинный в монастыре, старейший из братии. Я его много раз встречал и беседовал с ним. Исключительно благообразный старец, очень веселого нрава, быстрый. Я никогда не видел его иначе как с улыбкой и бодрыми быстрыми словами приветствия и шуток. Вот, думал я, человек, который никогда уныния не знает и из кого угодно его выгонит! И что же? — Он хорошо скончался. Служил обедню на Рождество Христово, после — зашел поздравить обоих старцев в Скиту и предал Господу душу свою. Царство ему Небесное!

^[69] У брата двадцатый год — в Скиту, сороковой — в скорбях*. Мой двадцатый год наступил, когда заканчивались мои муки и блуждания между Скитом, Афоном и Москвой. Я в это время уже получил благословение о. Архимандрита, батюшки о. Ионы и владыки Трифона на окончательное возвращение в Скит и готовился к выезду из Москвы. Сороковой мой год я встретил на работе в дорожных органах, в удалении от Церкви и в увлечении работой.

* В северной ссылке, в «Кемьперпункте».

^[70] Иеродиакон о. Варсис* († 1919) вскоре стал иеромонахом. Один из самых симпатичных мне людей. Был превосходным иеродиаконом, всегда старшим по голосу и выправке, и не менее хорошим иеромонахом. У меня в памяти осталось много картин из его службы, которая на всех производила большое впечатление.

* Иеромонах Варсис (Виноградов) расстрелян 4 ноября 1937 года.

^[71] Об откровении помыслов. Думается мне, что ни в монастыре, ни тем более в Скиту не было ни одного противника откровения помыслов. Однако, поскольку почти никто не имел возмож-

ности постоянно, изо дня в день, подробно открывать все помыслы свои старцу, то открывали только самые наиважнейшие, и не часто. Конечно, это было уже не то, что нужно для высокой внутренней работы над собой, поэтому и сердце несколько черствело. Истинно говорю, что врагов старческого окормления и откровения помыслов я ни в ком никогда в Оптиной не встречал.

^[72] Отец Валентин Амфитеатров (1836—1908) был великий муж. Похоронен он был на Ваганьковском кладбище, но там ли сейчас его тело, — неизвестно. Много народу ходило на его могилу. И, как ни странно, сын его, в свое время известный писатель Александр Валентинович, был безбожником. Непонятно это, но случай этот не единственный, — у многих прекрасных родителей были негодные дети. Из церкви святых Константина и Елены о. Валентин был назначен в Архангельский собор. В Благовещенском он никогда не был, да и не мог быть настоятелем, так как настоятелем там числился протопресвитер придворного духовенства и духовник Царской семьи, постоянно живший в Питере. В то время протопресвитером был Янышев.

^[73] В житиях нескольких святых есть сказания о том, что они просили у Господа открыть им, прощены ли им грехи. И были им откровения, что прощены, кроме грехов чужих, за которые и они в ответе как духовные отцы или архиереи. Батюшка не раз это говорил. Я раньше как-то мало это сознавал, а теперь, когда я приближаюсь к смерти, только теперь во всем значении представляются мне слова: «От чуждых пощади раба Твоего! Аще не обладают мною, тогда непорочен буду и очищуся от греха велика...» Батюшка это очень чувствовал. Истинно: «Грехопадения кто разумеет?..»

^[74] Помню, как два раза к нам в дом при дедушке приезжал о. Иоанн Кронштадтский, служил молебен и пил чай, а потом беседовал и всех благословлял, в том числе и всех нас, братьев. Из его слов мне ничего особенного не запомнилось, кому и что он говорил, но его самого, его глаза и его цветастую шелковую рясу помню прекрасно. Между прочим, у меня сохранилась его карточка с собственноручной надписью маме в год рождения брата Ко-

ли — 1888. Сейчас я эту карточку дал о. Михаилу Ежову, поэтому даты не помню.

^[75] Один из знаменательнейших дней в нашей жизни. «О, Христе, всех Царю! Подаждь ми слезы теплы, да плачу мою душу, юже зле погубих!» Замечательная и чудная служба Сретенская! Я в церкви тогда был, а брат охранял Скит. Когда скитские братия по праздникам ходили на бдение в монастырь, в Скиту оставляли двух человек как сторожей. В этот день сторожем был брат. Помню, что Сретенской службы я не пропускал, а вот Успенскую все-нощную стоял в монастыре всего один раз. Так случилось, что или я сторожил, или болел, или уезжал. Меня это всегда очень огорчало, — и всегда какое-либо препятствие возникало. Непонятно это, но факт!..

^[76] Ни вражды, ни ненависти врагу не удалось никогда между нами посеять, но охлаждение наступило, и полного единодушия, полного единомыслия и полной откровенности уже не было. У нас появились какие-то разные интересы во внешнем образе жизни. Даже и простых бесед, а не то что сердечных, между нами не бывало по нескольку дней. А иногда мы почти что и не встречались. Это было началом моих скорбей, через несколько месяцев обрушившихся на меня... Господи, помилуй!

^[77] Когда брат кое-где записывал, что после первого возвращения из Оптиной до конца 1907 года он «был безразличен» к тому, поступать ли в Скит или нет, как я это уже замечал, — он выражался неточно. Поступление в монастырь для него было вопросом окончательно решенным, а не «безразличным». Было только спокойствие в выжидании времени поступления.

^[78] Правая нога у меня с детства еще была неисправна в суставах и в разбитом большом пальце, при утомлении, несколько опухала.

^[79] Отец Сергей (Сергей Адольфович Мозель, † 1918), поручик. Бывший лютеранин. Замечательный по своей скромности и

кротости. Имел окладистую черную бороду и ясные глаза. Скончался монахом Сильвестром. Упокой его, Господи!

¹⁸⁰¹ Упоминается часовня Спасителя. Эта часовня была на Москворецкой улице, у моста. Там был огромный чудотворный образ Спаса Нерукотворного. Я туда часто ходил. А однажды, возвратясь из Оптиной, я ходил туда подряд сорок дней по обещанию, к молебнам с акафистом Иисусу Сладчайшему.

¹⁸⁴¹ Характеры наши были совсем различны. В детских играх я не был полноценным участником, так как меня связывало в действиях то, что я многого не видел физически, что видели другие. Только в 12 лет я узнал, что очень близорук, и стал носить очки. До этого я не понимал своей слепоты и стыдился. Да и вообще я был всегда как-то тише, чем Коля, который из всех братьев выделялся своею бойкостью и энергией. Всегда он весь дышал весельем, за словом в карман не лазил. Понятно, что имея к тому же привлекательную внешность, он был любимцем барышень и постоянным их кавалером. Володя, а также Люба и Надя играли на рояле, и не проходило дня, чтобы Коля под их аккомпанемент не пел чего-нибудь. Репертуар был не богат, но исполнение, если и не отличалось виртуозностью, то всегда подкупало всех своею задушевностью и искренностью, которыми так и дышало все в певце.

С каждым годом, а вернее, и с каждым месяцем, характеры наши расходились. Я все больше и больше замыкался в себе, а Коля все больше и больше отдавался окружающему веселью со всею юношескою жизнерадостностью...

В 1905 году в гимназии у нас было много сходов и демонстраций. Был избран свой революционный комитет и были посланы по избранию три члена в революционный комитет средних учебных заведений г. Москвы. В числе этих трех был избран и я. В нашем классе выпускался журнал «Пробуждение». Сначала я в нем участвовал, но однажды написал статью, в которой провел мысль, что, воюя за исправление недостатков в обществе, надо исправлять и свои личные недостатки. Статья вызвала негодование, и моя деятельность в журнале, по сути дела, прекратилась. Я как-то не пом-

ню, когда началось у меня более сильное влечение к духовной жизни, но факт написания такой статьи показывает, что в то время это влечение уже началось.

Сыграли в это время большую роль еще события 1905 года, потрясшие меня. Один товарищ, из класса братьев Коли и Сережи, был повешен, еще двое, кажется, погибли. Видел я и смерть, и кровь. Странно, меня это нисколько не пугало, но волновало необыкновенно. По этой ли причине или по какой другой, но я стал заикаться. Интересно, что в это время на клиросе я пел и читал нисколько не заикаясь. Кроме того, у меня на лбу появились прыщи, многим свойственные в переходный возраст. И это, в соединении с заиканием, окончательно сделало меня «отшельником». От всех сверстников я старался уединиться.

Здесь я подошел к тому времени, когда мы с Колей стали сближаться. В это время мы уже не двое только с Любой ходили постоянно в церковь. Ходил уже и Коля, которого наш настоятель, священник о. Семен Сергеевич Ляпидевский, постоянно бывавший у нас дома (мама крестила его младшего сына Сережу — ныне врача), уговорил ходить в церковь и помогать петь на клиросе. Любитель пения, Коля охотно согласился. На клиросе мы оба пели, а читал шестопсалмие и часы, помнится, только я один. Кроме чтения и пения, мы прислуживали в алтаре — читали поминания, подавали кадило, вынимали из просфор большие частицы (предназначение которых — заменять антидор при прикладывании ко Кресту после обедни). Словом, несмотря на разность в характере, у нас появилась какая-то общность в жизни. Коля иногда стал заходить в мою канареечную келлию, и беседы наши становились все больше душевными и глубокими.

Верно, что первое время своего возрождения духовного Коля никому из домашних ничего не говорил о своих переживаниях. Но от меня у него не было ничего сокрытого, так же, как и у меня от него.

Вспомнил я еще один случай. У меня в комнате стоял большой, полный икон иконостас-угольник. Как-то, когда Коля стал у меня уже постоянным посетителем, открыл я дверцу киота и дал ему прочесть надпись на дереве, которая гласила: «Обязуюсь в течение десяти лет уничтожить язычество во всем мире. Н. Беляев».

Я спрашиваю: «Помнишь?» А дело было давным-давно, мы еще были мальчиками, когда Коля похвалился мне, что выполнит это обязательство. Ну, мы поулыбались.

В результате наших бесед мы стали сознавать, что жизнь наша, как и всех вокруг, идет не так, как надо. В частности, мы стали понимать, что мало ходить в церковь, и даже петь и читать, а надо по-серьезному молиться. Хожение на клирос нас стало не только не привлекать, а наоборот, оно нас стало тяготить. Мы стали ходить в другие церкви. Ко всенощной я больше всего ходил в храм священномученика Климента, папы Римского, и Петра Александрийского в Климентовском переулке. Коля стал ходить в церковь Воскресения в Кадашах.

К этому времени Коля с Сережей, сдав экзамены экстернами, учились уже в университете. Коля — на физико-математическом, а Сережа пошел по своей любимой химии. Я еще был в гимназии. Трудно мне было с моим заиканием, но учился я совсем неплохо. Лучше всего шел у меня русский язык. Ни одного раза не было, чтобы я за сочинение, и домашнее, и классное, получил меньше «5». Однажды только за какую-то нелепую ошибку я получил «5» с минусом, но бывали и «5» с плюсом. Все мои сочинения всегда прочитывались самим преподавателем, Николаем Ивановичем Шестерниковым (Царствие ему Небесное!), вслух [для] всего класса. А одно из последних, по поводу оды Ломоносова о Боге, как образец было прочитано и в других классах. О чем бы я ни писал, всегда как-то так получалось, что без «божественного» не обходилось. Раньше этого не бывало.

[82] Помнится, когда мы первый раз выходили из Скита в первый приезд, нас остановил привратник, брат Алексей Егорович, очень интересный, неграмотный старец. Разговорились. В частности, я спросил: «Соловьи тут есть?» Ответ: «Не слыхал... А вот волков много». И, видя наши озадаченные его неожиданным ответом лица, пояснил: «Поют, как по нотам!» Дальше. Видя в его руках кривую палку, кто-то из нас сказал, что нужно бы сделать хороший посошок. Ответ последовал такой же необычный, как и первый: «Дал бы Бог хромоты, а палок в лесу до пропасти!» Оба ответа нас очень порадовали.

^[83] Брат Иван Галанов вскорости действительно умер от туберкулеза (в рясофоре). [По документам архива Оптиной Пустыни брат Иван Галанов не идентифицирован. В числе братии наиболее подходящей кандидатурой является Иван Ефимович Талантов, впоследствии рясофорный мон. Иоанн. Выбыл из Скита в 1911 году (ОР РГБ. Ф.214. Опт-367. Л.147). Сведения о его смерти в архиве Оптиной Пустыни отсутствуют.]

^[84] «Иванушка принес» — это потому, что я в то время был пономарем, помощником о. Ивана. Пономарское послушание было самым длительным и любимым моим послушанием, хотя и с перерывами из-за отъезда моего.

^[85] Здесь один из пробелов в моей памяти. Из поездки в Москву я помню только, как мы ехали на извозчике по Москворецкому мосту, через уже замерзшую и белую Москву-реку. Смутно помню, как приветливо нас встречали родные и знакомые. Слабо помню поездку к Троице... Да вот почти что и ничего больше... Помню, что хотелось скорее в Скит. И все... И, тем не менее, в Скит я вернулся неокрепшим, и даже не на той же степени крепости духовной, а несколько ослабевшим, хотя ничто в Москве меня не отвлекало или, вернее, не привлекало к себе. «Дух пройде в нем, и не будет, и не познает к тому места своего...» К предстоящим бурям я вышел навстречу не во всеоружии...

^[86] Поездка в Москву и пятидневное хождение в Козельск «оставили свой некоторый след» и на брате. Ему пришлось, как он пишет, «настраивать себя на монашескую жизнь». Да! Мир неизбежно выбивает из колеи всякого глубоко чувствующего монаха или послушника. Какой-то след остался и на мне. А тут явилась необходимость вновь ехать в Москву с зубами, не дававшими мне покоя. Эту поездку я помню плохо. Только помню, как лечил мне зубы врач Даугэ. Врач он был очень серьезный. Впоследствии оказалось, что он был уже и в то время большевиком, и очень значительным. Больше из своей поездки, длившейся 2—3 дня, я ничего не помню. Впрочем, помню только, что я ездил к Троице, где и видел о. Филиппа Ставинского.

^[87] Меня начало ломать... Все было то же, что и раньше, но душевные переживания становились очень мучительными. Смущать братний покой я никак не хотел. Просто хотелось побыть с ним в сердечной беседе некоторое время.

^[88] Опять просидел у брата целый час... 1907, 1908 и большую часть 1909 года я жил в Скиту, как в раю Господнем! И это не для красного словца, это истинная правда! И считал я себя счастливейшим из смертных... Но «тлят обычаи благи беседы злы», и вода камень точит... Горе, когда в сердце заведется червь! Будь ты сам хоть всячески чист, но если зазираешь чужие грехи, то истинно — сам понесешь братнее осуждение. Про себя-то я все говорил Батюшке, но нечто, томившее меня, никому не говорил и полагал, что не имею права говорить. Мне нужно было на какое-то время, до перемены положения, бежать из Скита. Я в этом видел единственное спасение. И всего не мог сказать брату, он же этого не видел, не понимал сам... Такого, дикого до безумия, вражеского нападения выносить не хватило моих сил. Впоследствии, через пятьдесят лет, о. Рафаил назвал это «единоборством с Веельзевулом». И страшно, и больно!..

^[89] Батюшка меня спросил, знаю ли я и слышал ли я о Самарине? Я ответил вопросом на вопрос: «Актере?» Батюшка только рукой махнул: «Нет!» Оказывается, речь шла о московском предводителе дворянства. Я, конечно, не знал. Но впоследствии, в 1916 году, довелось мне быть у него и беседовать с ним как с председателем Российского общества Красного Креста о переводе одной сестры милосердия с фронта в Москву, что он очень приветствовал, говоря, что на фронте сестер излишек и они держат себя нехорошо, а здесь большая нехватка. Очень похвалил намерение, и просьбу немедленно удовлетворил. В 1917 году состоялись выборы митрополита Московского из-за болезни митрополита Макария. Среди кандидатов был один мирянин, Самарин. Выбран был по жребию Виленский архиепископ Тихон, впоследствии Патриарх. О дочери этого Самарина и записано в Дневнике как о исцелившейся после поездки в Тихонову Пустынь.

^[90] О том, что Батюшка советовал брату в ожидании, когда придет время поступить в Скит, поступить служить на какое-либо место, я узнал только из Дневника. Брат мне этого никогда не говорил. Да и не заметно было, что он собирался искать какое-либо место.

^[91] Относительно моего стремления уйти на Афон. Я действительно основывался на словах Лествицы: «Если ты дал обещание жить в какой-нибудь обители, или вместе с некоторыми братьями, и видишь, что в этой жизни не получаешь душевной пользы, то не отрекайся разлучиться. (Слово 4, гл. 97)». Много и других мест в Лествице есть о том же. Скит был для меня дороже всего на свете, но были препятствия к тому, чтобы оставаться в нем. Впоследствии батюшка Варсонофий сам, а не по моей просьбе, признал, что мне лучше пока пожить в Москве. Положение мое, как правильно записал брат, конечно, было очень трудное и опасное...

^[92] Батюшка думал, что брат закроет ему глаза. Но Господу угодно было, чтобы не кто иной, как именно я, в присутствии о. Геронтия и о. Кирилла, закрыл Батюшкины глаза и слушал его последние слова о Рае... Оба мы, и брат, и я, были в то время рясофорными послушниками.

^[93] Эти слова, сказанные в 1909 году брату, Батюшка почти точно так же сказал однажды и мне в Голутвине, в 1912 году. И действительно, его положение в Голутвине было бы очень, очень тяжелое без его «оптинцев».

^[94] Бывало послабление... Вспомнилось мне сейчас стихотворение Алексея Константиновича Толстого о себе самом:

Господь, меня готовя к бою,
Любовь * и гнев ** вложил мне в грудь.
И мне десницею святою
Он указал правдивый путь.
Одушевил могучим словом,

Вложил мне в сердце много сил,
Но непреклонным и суровым
Меня Господь не сотворил.
И гнев я свой истратил даром;
Любовь не выдержал свою.
Удар напрасно за ударом
Я, отбивая, устаю.
Навстречу их враждебной вьюге
Я вышел в поле без кольчуги
И гибну, раненый в бою.

* К Богу. ** К диаволу.

[95] Редко бывали у нас недоразумения, да и быть им было не из чего. Правда, бывали иногда случаи, но только позже несколько, когда брат меня побранивал, пожалуй, больше, чем жалел. Но бывало, что так и надо было.

[96] Везде, где брат говорит, что он получил что-либо из Москвы, надо понимать, что послано было нам обоим, но в его адрес. Таких записей много.

[97] Это верно. Никто в Скиту, а тем более в монастыре, не имел такого положения. Я не имел такого счастья даже в самые критические и тягчайшие минуты моей жизни. В Москве о. Иона мог дать мне больше облегчения и утешения. Я мог пойти к нему когда угодно, кроме ночи и часов Богослужения. И не было случая, чтобы я ушел от него без помощи. Иногда я засиживался у него до ночи, когда и Святые врата Богоявленского монастыря уже запирались, и он сам отпирал их и выпускал меня. В отношениях брата с Батюшкой был истинный образец древнего старчества и ученичества. Так и в древности вырастали духовные гиганты из истинных учеников и притом в сравнительно очень короткое время, недоступное для подвижников без старцев.

[98] Брат написал маме о моем намерении уйти, не сказав мне об этом. Это меня расстроило. Зачем ее прежде времени расстраи-

вать? Батюшка обо мне действительно начал очень беспокоиться, но я решил уехать на Афон бесповоротно...

^[99] Впервые упоминается брат Михаил Ежов [впоследствии протоиерей, † 1967]. Он понимал меня больше, чем кто-либо другой в Скиту, хотя и не во всем. Только у него я с открытым сердцем плакал. Любовь его ко мне была искренна, бескорыстна и безгрешна... Интересно и замечательно, что Михаил знал и понимал меня больше, чем брат, который многого за мною не замечал такого, что Михаилу было видно.

^[100] Напрасно брат об этом волновался! К Владыке я, прибыв в Москву, явился немедленно и встретил с его стороны сердечное сочувствие. Меня очень тогда поразило, что он с полуслова понимал мое настроение, точно и сам пережил все то же самое! Владыка не возражал против моего желания поехать на Афон и дал мне свое благословение. Также и о. Иона.

^[101] Действительно, я поездом выехал в Одессу. Паспорт заграничный и билет — все я получил в Русском Палестинском Обществе, у которого была отдельная большая часовня и при ней канцелярия у Варварских ворот, — пристройка к башне, на которой поверх ворот висела чудотворная икона Боголюбской Божией Матери. Надо сказать, что я ехал, как во сне; почти ни на что не обращал по дороге внимания... В Одессе нас, паломников, поместили в подворье Пантелеимоновского Афонского монастыря. Поехали Черным морем на пароходе, с остановками в Констанце, Варне и Бургасе. Поместился я на палубе между канатами, так как спускаться в трюм не решился, — набит он был битком; люди страдали морской болезнью, смрад там был нестерпимый. Никто меня не гнал. Матросы даже относились как-то благодушно. При выходе из Бургаса в Константинополь заговорили о приближающемся шторме. Вышедший перед нами пароход даже вернулся в порт. Наш же капитан не побоялся бури. Когда мы плыли морем, я заметил на горизонте какие-то огромные горы. По географии я знал, что здесь никаких гор быть не может. Спросил, и мне ответили, что это не горы, а морские волны. На меня напал великий страх, так как волны с каждой минутой

становились все ближе и ближе. Матросы затянули брезентами всю палубу, но в отверстие я все мог видеть. И вот, первая же волна обрушилась на нас грозной лавиной, покрыв весь пароход, который начал становиться то носом вниз, а кормою вверх, то наоборот. Волны, не переставая, обрушивались на нас. Были они много выше мачт. При приближении бури охвативший меня страх исторг из души моей умиленные молитвы ко Господу о помиловании. Истинно, пребывая в преисподних морских, «душа моя к Богу приидти молящаяся и бурю утолити!» Но, когда буря свирепствовала уже со всею силой, исчез страх у меня, и я с огромным интересом следил за падением на нас каждой новой волны.

В Константинополь мы прибыли благополучно. В город я не ходил, боялся потерять пароход, так как бухта была битком набита всякими кораблями, большими и малыми. Смотрел только, что можно было, с парохода. Проехали Дарданеллы, поплыли дальше. Далеко, как огромное белоснежное облако, неподвижно стояла гора Олимп. Показался и трехпальцевый Халкидонский полуостров. И, наконец, остановились мы у Святой Афонской горы. Местопребывание я нашел в Пантелеимоновском монастыре и сравнительно немного путешествовал вне его, так как, действительно, сильно заболел. Ослаб я страшно и потерял половину волос на голове, которые вылетали у меня из кожи целыми пучками. Что, собственно, со мною было, — я не знаю, потому что к врачам не обращался, да и не знал, есть ли здесь врачи. Чувствовал я себя очень плохо: я с трудом ходил и стоял, и дышать мне было нечем. И опять я чувствовал совсем не то, что надеялся здесь найти. Ни внешний вид монахов, ни служба, ни пение, ни пища, ни обычаи, — ничто мне не нравилось. Настроение было глубоко угнетенное.

Между прочим встретил я одного келлиота, иеросхимонаха Парфения, у которого мне очень понравился образ святителя Парфения, и Старец благословил меня им. Фотоснимок и самый негатив с этого образа у меня до сих пор сохранился, вернее, негатив сохранился у брата Митры. Брату я послал одно письмо с описанием своего тяжелого физического и угнетенного душевного состояния. Было мне совершенно ясно, что оставаться здесь для меня равносильно смерти. Я не мог переносить этого климата и, не дождавись Пасхи (приехал я на Афон к началу Великого поста),

уехал обратно. Хотелось съездить в Иерусалим, но сил моих не было. Так кончилось мое бегство на Афон. Прибыв в Москву, я все рассказал, что было, владыке Трифону, и он мне посоветовал возвратиться в Скит. Так или иначе, но сие и бысть, хотя и не надолго (этот раз).

^[102] Написал я, конечно, неумно, потому что устранить это «одно препятствие» от Батюшки не зависело. Оно было устранено фактически только в ноябре. Ответ я получил простой: «Если хочешь, приезжай».

^[103] На Соборе монастырской братии стоял вопрос об открытии подворья в Петербурге. Этого очень хотел о. архимандрит Ксенофонт, а Батюшка был очень против. Отец Архимандрит наметил и строителя в лице брата Михаила Ежова, которого за его хозяйственные наклонности да, видимо, и за характер, очень любил и иначе не называл, как Миша. На его предложение ехать в Питер на будущее подворье Миша, конечно, охотно дал свое согласие. Но дело это так и не состоялось.

^[104] Старший рухольный манатейный монах о. Макарий (Чельцов, † 1939), впоследствии иеромонах. Скончался и погребен в Белеве. Был очень духовно настроенный инок. Помяни его, Господи, во Царствии Твоем!

^[105] Отец Исидор вернулся из больницы в мою бывшую келлию. Рядом жил брат. Напротив него — брат Николай Потапов, а рядом с ним теперь поместился о. Иван Васильевич Полевой.

^[106] Во вторник на Пасхе я вернулся в Скит и помещен в келлию на правиле (Ключаревский корпус), рядом с о. Патрикием. Чему в моем письме подивился брат, теперь уже о. Николай, я не помню.

^[107] Скитский хлебник, о. Иларион, из московских рабочих. Особо благоволил ко мне. Скончался монахом Иринеем. Обуревался страстями. Помяни его, Господи, во Царствии Твоем!

^[108] «Обыкновенным» для братии это, конечно, не бывало. Да и не могли все братия поместиться там, хотя бы и по группам. Это просто было благоволение старшего келейника, иеромонаха о. Мелетия (Бармина, † 1959). Скончался в Козельске 93 лет, иеросхимонах.

^[109] Стихотворений я, правда, в 1910 году написал несколько: о море — «Буря в Черном море»; «На развалинах храма» (духовного); «Мне хочется плакать» — Божией Матери и «На реках Вавилонских» — об узах греховных. И одно, самое крупное, «Плач мой». Я их все перезабыл. Напомнил мне о них в 1957 году о. Рафаил.

^[110] Батюшка запретил пока писать стихотворения после того как прочел стихотворение «На реках Вавилонских». В этом стихотворении много скорби, в том числе и о том, что мои рыдания чужды и батюшке Варсонофию, и о. Николаю. А мне было очень плохо, и уже 14 мая Батюшка сам пришел к мысли, что мне лучше жить в Москве, а не в Скиту. 17 мая я и уехал снова в Москву, уже не по своему настоянию, а за послушание. «Дондеже одно условие будет устранено...» Верно, что я уехал в мирном настроении, но в великой скорби...

^[111] Отец Адриан — один из старейших (первый после о. Нектария) скитских иеромонахов. Пожилой, болезненный. Страдал одышкой. Хотя был очень худ, но сильно задыхался и при этом издавал какой-то звук вроде шипения, или глубокого вдоха «а-а». В движениях был быстр, в служении и чтении — также. Очень чтимый старец. К нам он всегда относился приветливо.

^[112] Отец Моисей — главный письмоводитель о. Иосифа. При нашем поступлении был скитским иеродиаконом, хотя многие его в продвижении дальше перегнали. Наконец он ушел из Скита в монастырь и сразу же стал иеромонахом. Мы с ним ни разу не произнесли ни одного слова.

^[113] В Москве я не отходил от Богоявленского монастыря. То был у о. Ионы, а то и у владыки Трифона. Хотелось ему направить

меня на миссионерские курсы, выпускавшие миссионеров-священников в Сибирь и на Алтай. Заведовал ими протоиерей о. Иван Иванович Восторгов. Замечательнейший человек, глубоко верующий. Неповторимый оратор-проповедник. Помню, когда я первый раз слушал его в Епархиальном Доме, в Лиховом переулке, то мне казалось, что у всех слушающих дух захватывало, как и у меня, от потрясающей силы его слов. Известно, что он был в одном из монархических союзов (партий). Меня первый раз в жизни поразила партийная дисциплина, бывшая у них. Когда я с письмом Владыки пришел к нему и был им принят, в то же время явился какой-то штатский гражданин и потребовал, чтобы его также приняли. Восторгов отказал ему в приеме. Тот был страшно возмущен и велел передать отцу протоиерею, что ему за это будет объявлен выговор. Однако и после этого принят он не был. Протоиерей Восторгов сердечно побеседовал со мной, но сказал, что учиться мне придется пять лет. Потом надо будет жениться и принять священный сан. Все это никак не вязалось с моими мыслями. Вернувшись к Владыке, я сказал, что думаю скоро опять вернуться в Скит. Больше Владыка мне этого уже не предлагал. Отец Иона в это время был моим ангелом-утешителем и истинным любвеобильным старцем.

^[144] Мне этот случай Батюшка после как-то сам рассказал в ответ на мой рассказ, — как в Москве некий гражданин, никак не блаженный, так же, указывая на меня, возгласил: «Апостол, апостол!..» На это я обиделся, приняв за насмешку. А Батюшка ответил, что обижаться на это не надо было, так как слова не плохие, а хорошие. И рассказал, что было с ним.

^[145] Это был исключительной простоты инок. Мы с ним познакомились еще будучи мирскими. Однажды, когда мы уезжали из Оптиной летом, он просил при следующем приезде привезти ему «панасе». Мы не поняли. Оказалось — пенсне. Привезли. И вот о. Игнатий торжественно выходит за обедней читать Евангелие и водружает на нос «панасе». Нужно заметить, что он не умел говорить и служить ровным тоном, а всегда с интонациями, вроде взываний, почему и носил в монастыре прозвище «Голосена». Говоря, он непременно морщился. Само собою, что при первом же его мор-

щеньи во время чтения Евангелия пенсне с него свалилось. Снова надел, — и снова то же самое. Смеялись братия над ним за это много, и он не обижался. Отец Архимандрит после этого случая запретил ему пользоваться пенсне, и надевал он его только читая у себя в келлии. Был очень незлобив и воистину смирен сердцем. Царство ему Небесное!

^[116] Монастырский благочинный о. Феодот († 1932). Прекрасный инок. Служил, пел и читал превосходно. Впоследствии, в изгнании, видел его о. Михаил Ежов. А как он скончался, — не знаю. Надо спросить в письме у священника о. Антония Трищепова, бывшего монастырского послушника. Он знает и очень чтит о. Феодота.

^[117] Писал я брату, что составил полную службу святителю Парфению, епископу Лампсакийскому в соединении со Сретенскими песнопениями. Составлял по благословению отца Ионы перед образом Святителя, который привез с Афона. Написав, я отдал его владыке Трифону. А он от себя, без моих заявлений, послал в Синод. Это я брату и писал. Когда Владыка сказал мне, что уже послал в Синод, он добавил: «Многие сейчас пишут акафисты. Ни один из них я не одобрил... Ваш — другое дело!» Этим он меня очень утешил. Св. Синод поручил рассмотреть рукопись архиепископу Антонию (Храповицкому). После его доклада Св. Синоду последним он был направлен для оформления в Московский Духовно-цензурный комитет. Отпечатан он был в Синодальной Типографии в начале 1912 года.

^[118] 18 октября, в день памяти св. евангелиста Луки, я приехал в Скит и прожил в Батюшкиной келлии неделю. Уехал 25 октября. За этот период был решен вопрос о моем возвращении в Скит. Помню, Батюшка сказал мне, чтобы я пошел и поговорил с о. архимандритом Ксенофонтом. Он встретил меня, как и всегда ранее, приветливо и с некоторой усмешкой — улыбкой. Прошу его благословения возвратиться в Скит.

— А ты видел, у входа ко мне лежит камень?

Я сказал, что видел этот огромный камень, — много больше, чем в обхват человеку.

— Вот, возьми этот камень и отнеси его в сторону.

Я сказал, что сделать этого я не в силах.

— Ну вот... А просишься в Скит!

После такого заключения о. Архимандрит, приняв серьезный вид, благословил мне вновь поступить в Скит. Спаси его, Господи! Так же сердечно впоследствии он благословил меня на поездку с о. Гавриилом на фронт в 1914 году... Когда он скончался, в журнале «Кормчий» была помещена мною статья — некролог с фотографией батюшки Ксенофонта.

^[119] Отец Пимен, бывший о. Петр. Пострижен он был при нас. Нес послушание продавца в магазине на лестничной площадке, при подъеме от Святых врат к колокольне. Множество раз нам с 1907 года приходилось беседовать с ним. Беседовал с ним я и в свой октябрьский приезд. Он мне даже жаловался, улыбаясь, на появление прыщика у него на лбу, между бровями... Царство ему Небесное!

^[120] Через три дня после моего отъезда в Оптину приехал Лев Толстой. Он, видимо, собирался пожить несколько, но ему сообщили, что в погоню за ним выехала целая бригада в составе жены, дочери Александры и Черткова. Узнав, он немедленно уехал и по дороге умер. С Батюшкой сначала думали послать брата, но потом перерешили. Поехал иеродиакон о. Пантелеимон, — по-видимому, и как очень энергичный человек, и как фельдшер (и очень неплохой). Отец Иоанн Кронштадтский пророчески сказал, что родные Толстого скроют от мира, как он умер. И сбылось это. Он их никого к себе не допускал, а они к нему никого не пускали, в том числе и Батюшку, хотя Софья Андреевна очень сердилась, что ни ее, ни Батюшку не пускают. Так, по крайней мере, она говорила Батюшке. И осталась смерть богохульного графа по сей день тайною для всех.

^[121] Вскоро после этого я совсем приехал в Скит и поселился снова в той же самой келлии «на правиле», рядом с о. Патрикием. Даже и послушание у меня осталось прежнее, пономарское, к которому только добавлено было послушание будильщика — будить братию к утрени. Жил я сравнительно мирно в это время. Буря утихла.

Хочется мне рассказать один случай, происшедший со мною уже в 1911 году. Как-то летом я испросил у Батюшки благословения после трапезы, в воскресенье, пройтись по лесу с о. Иларионом. Батюшка охотно благословил. Жара была сильная. Вопреки правилам, пошел я не в подряснике, а в балахоне. Запер келлию, ключ — в карман, и пошел. В лесу снял и балахон, оставшись в одной длинной, по обычаю, рубахе. А балахон — на руку. Ходили мы почти до вечерни. Каков же был мой ужас, когда я обнаружил, что потерял ключ от келлии. Простоял вечерню «на правиле» в балахоне, в нем же поужинал в трапезе. Отстоял вечернее правило и пришел на благословение. Никогда я в таком виде не являлся, и Батюшка спросил, почему это так. Я по-честному все объяснил. На следующий день во время трапезы я стоял на поклонах — пока все братия сидят за столом, я должен был рядом с кафедрой чтеца непрерывно класть земные поклоны. Как тяжело было мне становиться на это наказание! Я просто не знал, куда деваться от стыда. Но, по мере того, как я клал поклоны, в душе моей все больше и больше водворялся великий мир. Такого душевного покоя и радости я никогда, ни раньше, ни позже, не переживал. Смирися, и спасе мя Господь, и водворил во мне этот чудный мир. Вечером я сказал Батюшке, что искренно хотел бы еще и еще стоять на поклонах... Слава Тебе, Господи!

Содержание

От издателей	5
Предисловие	6
Тетрадь первая	7
1907 год	7
1908 год. Оптиная Пустынь	13
Тетрадь вторая	91
1908 год (продолжение)	91
1909 год	203
1910 год	327
Тетрадь третья	378
1910 год (продолжение)	378
Послесловие	409
Комментарии (Из воспоминаний Ивана Беляева)	410

Дневник послушника Николая Беяева
(преподобного оптинского старца Никона)

Подписано в печать 09.11.2010.
Формат 70х100/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 29 печ. л. Тираж 5000 экз. Заказ № 4012

Издательство Введенского ставропигиального
мужского монастыря Оптиной Пустыни
249723, Калужская обл., г. Козельск,
Введенский ставропигиальный мужской
монастырь Оптина Пустынь.
Тел.: (48442) 50-117

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93